

АКАДЕМИЯ НАУК СОЮЗА ССР

СОВЕТСКАЯ
ЭТНОГРАФИЯ

1 9 24 9

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР

Москва. Ленинград

Редакционная коллегия:

Редактор профессор С. П. Толстов,
заместитель редактора доцент М. Г. Левин
член-корреспондент АН СССР А. Д. Удальцов,
Н. А. Кисляков, М. О. Косвен, П. И. Кушнер, Л. П. Потапов,
Н. Н. Степанов

Журнал выходит четыре раза в год

Адрес редакции: Москва, Волхонка 14, к. 326

Подписано к печати 18. IV. 1949 г. Печ. листов 15 $\frac{1}{2}$ +1 вклейка Заказ 1817
A04065 Уч.-изд. листов 27,3 Тираж 2200 экз.

2-я типография Издательства Академии Наук СССР. Москва, Шубинский пер., д. 10.

В. И. ЛЕНИН

С. П. ТОЛСТОВ

В. И. ЛЕНИН И АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЭТНОГРАФИИ

(К 25-летию со дня смерти)

I

25 лет прошло с тех пор, как не стало основателя Советского государства, величайшего политического деятеля, мыслителя и ученого нашего века — Владимира Ильича Ленина. 25 лет советский народ, выполняя священную клятву, данную товарищем Сталиным над гробом своего учителя, победоносно идет, ведомый партией Ленина — Сталина, преодолевая все преграды, создаваемые врагами прогресса человечества, по пути к коммунизму, по ленинскому пути. В эти дни уместно оглянуться и проверить себя, посмотреть, что сделано каждым из нас на своем участке строительства коммунизма, что сделали мы для исполнения Сталинской клятвы. Мы знаем, что нет такой отрасли строительства хозяйства и культуры, нет такой отрасли советской науки, которая не была бы обязана своими успехами титаническому гению Ленина, великому учению ленинизма. И советская этнография не составляет, конечно, исключения. Только творческому освоению советскими этнографами метода марксизма-ленинизма обязана наша наука тем, чего она достигла сейчас. И, с другой стороны, вдумываясь в те наши неудачи и ошибки, на которые мы не вправе закрывать глаза, — мы не можем не видеть, что они порождены тем, что не все советские этнографы достаточно овладели методом марксизма-ленинизма, не все достаточно прониклись страстной и непреклонной большевистской партийностью в науке, не все достаточно осознали ленинско-сталинское учение о единстве теории и практики. Когда говоришь о значении Ленина для развития той или иной конкретной науки, самое трудное — это ограничить себя определенной частью ленинского научного наследства, ибо все учение ленинизма в его единстве оказалось и оказывает мощное влияние на развитие каждой отрасли советской науки. Многогранный гений Ленина охватил и тот круг проблем, который составляет предмет этнографии, и глубокое, всестороннее изучение наследства Ленина помогает нам дальше и дальше двигать нашу науку вперед.

II

Центральной задачей этнографии является изучение культуры народов мира, на какой бы стадии исторического развития они ни стояли, в ее национальной и этнической специфике, в ее историческом становлении и развитии. Выявить это специфически присущее данной нации или народности, вскрыть ее вклад в сокровищницу мировой культуры — в этом цель и смысл этнографии как науки. Поэтому особое место в этнографии занимает учение о нации и предшествовавших ей

формах этнических объединений. Полной разработкой этого учения мы обязаны великому ученику, соратнику и продолжателю Ленина — И. В. Сталину. Но уже в ранних работах Ленина мы находим блестящие высказывания по ряду конкретных и общих вопросов, связанных с этой проблемой, впоследствии в ее целом гениально разрешенной Сталиным.

Я напомню замечательное место из работы Ленина «Что такое «друзья народа»...?», где он блестяще разбивает примитивные представления Михайловского, заимствованные «из той детской побасенки, которой учат гимназистов», выводящей государство из племени и семьи и рассматривающей «национальные связи» как «продолжение и обобщение связей родовых». «Если г. Михайловский с важным видом повторяет этот ребяческий вздор, так это показывает только,— помимо всего другого,— что он не имеет ни малейшего представления о ходе хотя бы даже русской истории. Если можно было говорить о родовом быте в древней Руси, то несомненно, что уже в средние века, в эпоху московского царства, этих родовых связей уже не существовало, т. е. государство основывалось на союзах совсем не родовых, а местных: помещики и монастыри принимали к себе крестьян из различных мест, и общины, составлявшиеся таким образом, были чисто территориальными союзами. Однако, о национальных связях в собственном смысле слова едва ли можно было говорить в то время: государство распадалось на отдельные земли, частью даже княжества, сохранившие живые следы прежней автономии... Только новый период русской истории (примерно с 17 века) характеризуется действительно фактическим слиянием всех таких областей, земель и княжеств в одно целое. Слияние это вызвано было не родовыми связями, почтеннейший г. Михайловский, и даже не их продолжением и обобщением: оно вызывалось усиливающимся обменом между областями, постепенно растущим товарным обращением, концентрированием небольших местных рынков в один всероссийский рынок. Так как руководителями и хозяевами этого процесса были капиталисты-купцы, то создание этих национальных связей было ничем иным, как созданием связей буржуазных»¹.

Так разоблачается антинаучность не только «детских побасенок» Михайловского, но и новейших «теоретических» измышлений идеологов англо-американского агрессивного космополитизма, провозглашающих нацию и национальный суверенитет «пережитками эпохи дикости и варварства» и с серьезным видом ищущих в современных международных отношениях «продолжение и обобщение»... межплеменных отношений папуасов (Г. Батесон и другие).

Так наносится беспощадный удар по буржуазным концепциям, пытающимся идеологически увековечить капитализм, возводя буржуазное государство и весь капиталистический строй к племени, роду и семье. Мы знаем, что эти «детские побасенки», давно сданные в архив в советской исторической науке и, в частности, в советской этнографии,— отнюдь не являются прошедшим днем в буржуазной социологии и «антропологии». Наоборот, эти «побасенки, которым учат гимназистов», с достойной лучшего применения энергией вновь извлекаются из мусора и в качестве последнего слова науки преподносятся на страницах произведений идеологов американской реакции. И бичующий сарказм Ленина звучит столь же актуально и современно по адресу хотя бы идеологов «нового направления» в американской «антропологии» Чэппла и Куна, утверждающих, что все политические, религиозные и экономи-

¹ В. И. Ленин, Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов? Соч., т. I, стр. 73.

ческие институты выросли из семей «путем распространения их (семей) личного состава за пределы семьи»², — как и по адресу давно ушедшего в прошлое Михайловского.

Цитированные слова Ленина — жестокий удар по буржуазно-националистическим концепциям, и поныне пытающимся сводить национальную общность целиком к древним корням племенной и расовой общности, не видящим принципиально иной исторической базы, на которой формируются современные нации, чем та, на которой возникли и развивались древние племенные связи. Слова Ленина — удар против тех, кто и посейчас пытается в племенной и, далее, расовой общности видеть основу современной политической жизни, — выступают ли эти тенденции в «пангерманском», «англосаксонском», «пантуркистском», «панфиннистском» или «паниранском» одеянии.

Огромное значение для правильного понимания нами сущности национальной культуры в капиталистическом обществе имеет замечательное высказывание Ленина о двух культурах в каждой национальной культуре: «Есть две нации в каждой современной нации — скажем мы всем национал-социалам. Есть две национальные культуры в каждой национальной культуре. Есть великорусская культура Пуришкевичей, Гучковых и Струве, — но есть также великорусская культура, характеризуемая именами Чернышевского и Плеханова. Есть такие же две культуры в украинстве, как и в Германии, Франции, Англии, у евреев и т. д.»³.

«В каждой национальной культуре есть, хотя бы не развитые, элементы демократической и социалистической культуры, ибо в каждой нации есть трудящаяся и эксплуатируемая масса, условия жизни которой неизбежно порождают идеологию демократическую и социалистическую. Но в каждой нации есть также культура буржуазная (а в большинстве еще черносотенная и клерикальная) — притом не в виде только «элементов», а в виде господствующей культуры. Поэтому «национальная культура» вообще есть культура помещиков, попов, буржуазии»⁴. В этих словах Ленина, как и в других многочисленных его высказываниях по национальному вопросу, — ценнейшее руководство к действию для исследователя истории национальной культуры любого народа, для борьбы как против буржуазного национализма, так и против буржуазного космополитизма.

Мы находим у Ленина замечательные указания на то, как надо понимать пролетарский интернационализм — проявление братской солидарности трудящихся, — ничего общего не имеющий с реакционным буржуазным космополитизмом, вырастающим на почве космополитических связей монополистического капитала. «Да, интернациональная культура не безнациональна, любезный бундист, — пишет Ленин, полемизируя с бундовцем Либманом. — Никто этого не говорил. Никто «чистой» культуры ни польской, ни еврейской, ни русской и т. д. не провозглашал... Ставя лозунг «интернациональной культуры демократизма и всемирного рабочего движения», мы из каждой национальной культуры берем только ее демократические и ее социалистические элементы, берем их только и безусловно в противовес буржуазной культуре, буржуазному национализму каждой нации»⁵.

Эти высказывания Ленина нельзя не вспомнить в связи с распро-

² E. D. Chappie and C. S. Coop, *Principles of Anthropology*, N. Y., 1942; см. также рецензию Н. А. Бутикова на эту книгу в журн. «Советская этнография», 1948, № 2, стр. 248—251.

³ В. И. Ленин, Критические заметки по национальному вопросу, Соч., т. XVII, стр. 143.

⁴ Там же, стр. 137.

⁵ Там же.

странением за последние годы среди некоторой части наших историков и историков культуры пресловутой «теории единого потока», исследователи которой пытаются видеть источник национальной гордости советских людей не в том, в чем видел его Ленин, а в том, что Ленин ненавидел со всей присущей ему революционной страстью,— в приукрашивании своего прошлого рабства, в возвеличении той истории «насилий и грабежа, крови и грязи»⁶, каковой является история феодально-крепостнического и капиталистического строя, в рассмотрении прошлой истории культуры своего народа — до того, как Великая Октябрьская революция покончила с классовым строением общества,— как истории единой национальной культуры.

Задачей советской этнографической науки является борьба за строго партийный, строго дифференцированный подход к культурному наследству каждого народа, умение различать в нем передовые, прогрессивные явления, которые «только и безусловно» должны войти в золотой фонд национальной социалистической культуры каждого народа, и те явления, которые являются отражением старого, отсталого, застойного уклада жизни, взорванного Великим Октябрем, и подлежащие скорейшему изживанию. А ведь у нас немало среди этнографов людей, которые подходят с одинаковой бесстрастностью или, наоборот, с одинаковым приетрастием и любованием и к истерическому шаманскому заклинанию, и к героическому эпическому сказанию, и к замечательному узорочью русского народного орнамента, и к давно ставшей достоянием музеев курной избе. Что это, как не своеобразное преломление той же порочной «теории единого потока»?

Нередко среди наших этнографов и фольклористов можно встретить отношение ко всему бытующему или бытовавшему в народе, как к неизбежно уже по самому своему существу демократическому и заслуживающему востребования и любования. Не мешало бы в этой связи вспомнить одно место из известного письма Ленина к Горькому: «Народное» понятие о боженьке и божецком есть «народная» тупость, забитость, темнота, совершенно такая же, как «народное представление» о царе, о лешем, о таскании жен за волосы. Как можете вы «народное представление» о боге называть «демократическим», я абсолютно не понимаю»⁷.

Мы знаем, как упорно, страстно и решительно борлся Ленин как с «ультралевыми», — на деле отражающими тенденции великодержавного шовинизма и буржуазного космополитизма, — отрицателями права наций на самоопределение, равноправия национальных языков, сторонниками насилиственной ассимиляции, так и с проводниками идеологии буржуазного национализма в рабочем движении, всеми этими бундистами и «национал-социалами» разных мастей. И мы знаем, какую грандиозную победу одержала ленинско-сталинская национальная политика, завершившаяся созданием великого Советского Союза — многонационального государства нового типа, нерушимо противостоящего всем попыткам расколоть его железное единство, основанное на действительном интернационализме, на подлинном равноправии больших и малых наций, строящих свою богатую и яркую в разнообразии ее национальных форм социалистическую культуру. Рядом с СССР в лагере прогресса и подлинной демократии встали народно-демократические республики. Ленинско-сталинская национальная политика воодушевляет сейчас своим примером бесчисленные угнетенные народы Востока и Запада, поднявшиеся на борьбу за национальное освобождение и независимость.

И недаром имя Ленина, как и имя его великого продолжателя — Сталина, одинаково дорого и народам Советского Союза и угнетенным

⁶ В. И. Ленин, Соч., т. XVIII, стр. 82.

⁷ Там же, т. XVII, стр. 85.

народам капиталистического мира, недаром оно звучит призывом к борьбе и сияет факелом надежды на грядущее освобождение и в Греции, и в Испании, и в Индии, и в Индонезии, и во Вьетнаме и Китае, недаром знают и чтят его народы самых отдаленных уголков мира.

Советский патриотизм, так ярко проявивший себя в дни Великой Отечественной войны, патриотизм, неотделимый от пролетарского интернационализма, ведет свою родословную от тех идей, которые были выкованы Лениным и Сталиным еще в суровые годы борьбы руководимого партией большевиков рабочего класса России за свержение помещичье-капиталистического гнета и которые звучат в замечательной статье Ленина 1914 г. «О национальной гордости великороссов»⁸: «Чуждо ли нам, великорусским сознательным пролетариям, чувство национальной гордости? Конечно, нет! Мы любим свой язык и свою родину, мы больше всего работаем над тем, чтобы *ее* трудящиеся массы (т. е. ^{9/10} *ее* населения) поднять до сознательной жизни демократов и социалистов. Нам большее всего видеть и чувствовать, каким насилиям, гнету и издевательствам подвергают нашу прекрасную родину царские палачи, дворяне и капиталисты. Мы гордимся тем, что эти насилия вызывали отпор из нашей среды, из среды великоруссов, что эта среда выдвинула Радищева, декабристов, революционеров-разночинцев 70-х годов, что великорусский рабочий класс создал в 1905 году могучую революционную партию масс, что великорусский мужик начал в то же время становиться демократом, начал свергать попа и помещика»⁹. «И мы, великорусские рабочие, полные чувства национальной гордости, хотим во что бы то ни стало свободной и независимой, самостоятельной, демократической, республиканской, гордой Великороссии, строящей свои отношения к соседям на человеческом принципе равенства, а не на унижающем великую нацию крепостническом принципе привилегий»¹⁰.

Эти слова Ленина нельзя не вспомнить в связи с тем разгулом пропаганды идей буржуазного космополитизма, рассадником которых стала империалистическая Америка, заправили Уолл-стрита и их продажные «ученые» оруженосцы и «социалистические» подпевалы, все эти бевины, блюмы и им подобные. Как в грозные дни борьбы всего прогрессивного человечества против фашистской чумы, так и в наши дни с предельной отчетливостью выясняется тот непреложный факт, что только рабочий класс, только трудящиеся массы, «простые люди» всех народов мира, высоко держат знамя подлинной национальной гордости каждого народа, что именно ученики Ленина и Сталина, коммунисты всех наций, в дни войны возглавившие движение сопротивления против фашизма, сейчас возглавляют борьбу за мир, за суверенитет и равноправие всех больших и малых наций против захватнической политики «космополитических» расистов Уолл-стрита, против предательской политики своих отечественных «космополитов».

Еще раз оправдываются слова Ленина о том, что «когда дело доходит до основ экономической власти, власти эксплоататоров, до их собственности, дающей в их распоряжение десятки миллионов труда рабочих и крестьян, дающей возможность наживать в их помещичьих интересах; — когда, повторяю, дело доходит до частной собственности капиталистов и помещиков, они забывают все свои фразы о любви к отечеству и независимости... Когда дело касается до классовых прибылей, буржуазия продает родину и вступает в торгашеские сделки против своего народа с какими-угодно чужеземцами»¹¹.

С тем большей непримиримостью и остротой должны мы бороться против всех и всяческих проявлений буржуазного космополитизма, на

⁸ В. И. Ленин. Соч., т. XVIII, стр. 80—83.

⁹ Там же, стр. 81.

¹⁰ Там же, стр. 82.

¹¹ Там же, т. XXIII, стр. 158.

деле являющегося едва прикрытой формой англо-американского расизма, расизма новых претендентов на мировое господство,— исходят ли эти космополитические тенденции из их американского первоисточника, или речь идет об их отголосках в нашей этнографической литературе.

Мы не можем мириться с попытками рассматривать историю материальной культуры русского народа и других народов СССР на всем протяжении их истории как сплошную смену идущих с Запада «международных мод», как нас пытаются уверить в этом профессор Зеленин¹², под прикрытием разглашествований об этих «международных модах» полностью выхолащающий всякую самобытность в народной культуре русских, мордвы, мари и других народов Европейской части СССР и упорно отказывающийся видеть тесное историческое взаимодействие культуры этих народов, в течение многих столетий тесно связанных друг с другом,— в частности, вопреки фактам, решительно отказываясь признать древнее и плодотворное влияние культуры русского народа на культуру хантов, манси, мордвы, пермяков и др.¹³ Мы не можем мириться с попытками проф. Жирмунского видеть в узбекском народном эпосе, с одной стороны, проявление какой-то «общетюркской», «степной» эпической стихии, а с другой — влияние лубочной персидской литературы, не говоря уже о приплетаемых по всякому поводу и без всякого повода всевозможных «мировых сюжетах»¹⁴. Мы не можем равнодушно относиться к тому, что проф. Равдоникас в своем учебнике «История первобытного общества» приводит без всякой нужды многие десятки десятистепенных имен буржуазных авторов — всяких американских туристов и скандинавских краеведов, всевозможных Гансенов, Альмгренов, Ольсонов, Бреггеров, Фрединых, Постов, Пэльси, Линдквистов и тому подобных, ничем особенным, кроме того, что они иностранцы, себя не зарекомендовавших личностей, о которых советским студентам знать более чем не обязательно,— и не находит нужным упомянуть ни одного ныне здравствующего советского этнографа (кроме проф. Косвена — в ругательном контексте), из советских археологов делая исключение только для... проф. Равдоникаса¹⁵. К чему приводит проф. Равдоникаса это пренебрежение к советской науке, нам придется увидеть ниже.

Все эти попытки принижения русской национальной культуры и культуры народов СССР, подмены ее «международными модами» или «странствующими сюжетами» и умышленного замалчивания достижений русской, особенно — советской науки, выдвижение на первый план всевозможных иностранцев, безразлично — заслуживают они этого или нет,— что это, как не отражение влияний чуждого и враждебного советскому народу буржуазного космополитизма, против которого мы обязаны развернуть жестокую, беспощадную борьбу!

III

Поистине огромным для истории нашей науки является значение для нее уже первых исследований Ленина — блестящей серии его работ, посвященных разгрому народнических «теорий».

Одно из центральных мест в этих работах занимает решение вопроса о судьбе русской сельской общины в конкретных условиях развития капитализма в России, являющегося частным вопросом для более широ-

¹² Проф. Д. К. Зеленин, Общие элементы в древних финских и русских костюмах, «Ученые записки Ленинградского гос. ун-та, Серия востоковедческих наук», 2, стр. 82, 86, 90.

¹³ Там же, стр. 89.

¹⁴ В. М. Жирмунский и Х. Т. Зарифов, Узбекский народный героический эпос, М., 1947, стр. 447, 449, 451, 452, 494, а также стр. 86—87, 182, 220, 373, 377, 434, и мн. др.

¹⁵ В. И. Равдоникас, История первобытного общества, II, Л., 1947.

кой проблемы о судьбе докапиталистических, в частности, первобытно-общинных пережитков в условиях капиталистического строя — проблемы, имеющей огромное методологическое значение для этнографии как науки. Исследования Ленина являются блестящим примером конкретно-исторического разрешения этой проблемы.

Огромную руководящую роль для развития советской этнографии сыграло учение Ленина об укладах, полностью развернутое им в его работах «О «левом» ребячестве и о мелкобуржуазности» и «О продовольственном налоге»¹⁶; основы этого учения закладываются уже в ранних работах Ленина, в связи с анализом соотношения и взаимосвязи патриархальных, феодальных и капиталистических элементов в экономике царской России. Мы помним, как Ленин резко вражжал против упрощенчества и схематизации в вопросах развития земельных отношений. Обращаясь к буржуазным статистикам и экономистам, Ленин писал: «Господа! вы сами больше всего виноваты в поддержке и распространении упрощенных и угрубленных взглядов на эволюцию землевладения! Вспомните «Капитал» Маркса. Вы найдете там указание на чрезвычайное разнообразие форм землевладения — феодальное, клановое, общинное (добавим: примитивно-захватное), государственное и проч., — которые застает капитал при своем появлении на историческую сцену. Капитал подчиняет себе и преобразует по-своему все эти различные формы землевладения, но именно для того, чтобы понять, оценить, статистически выразить этот процесс, необходимо уметь видоизменять постановку вопроса и приемы исследования применительно к различиям формы процесса»¹⁷.

Именно понимание пережиточных общественных форм, восходящих к первобытно-общинному строю, но исторически развивающихся в условиях взаимосвязи с более прогрессивными общественными укладами, подчиняющими себе и трансформирующими более архаические уклады, дало возможность понять сущность таких явлений, как например, патриархальный род у многих народов Советского Востока.

И если советская этнография добилась крупных достижений в деле исследования общинно-родовых пережитков у народов СССР в первые полтора десятилетия после Великой Октябрьской революции, то этим она целиком обязана тому, что следовала по пути, намеченному Лениным, по пути конкретно-исторического анализа исследуемых явлений в их генезисе, движении и развитии, руководилась четко сформулированным Лениным принципом, гласящим, что «безусловным требованием марксистской теории при разборе какого бы то ни было социального вопроса является постановка его в определенные исторические рамки, а затем, если речь идет об одной стране, ...учет конкретных особенностей, отличающих эту страну от других в пределах одной и той же исторической эпохи»¹⁸. Благодаря этому советская этнография сумела избавиться от буржуазных позитивистско-еволюционистских традиций в изучении докапиталистических пережитков, традиций, связанных с взглядом на такие явления, как род в его различных формах, как семейная и сельская община, — как на явления внеисторические, неизменно везде и всюду сохраняющие свои раз навсегда данные свойства и особенности. Характерно, что как Ленин пришел к разработке этих проблем, исходя из конкретных, практических потребностей революционного движения, и разрабатывал их в жестокой и победоносной борьбе с реакционным народничеством, — так и советские этнографы, следуя по указанному Лениным пути, исходили из практических потребностей социалистического строительства и связанной с ними классовой борьбы.

¹⁶ В. И. Ленин, Соч., т. XXII, стр. 513; т. XXVI, стр. 338.

¹⁷ Там же, т. XVII, стр. 609.

¹⁸ Там же, стр. 431—432.

рабочего класса и трудового крестьянства СССР против остатков эксплоататорских классов и разрабатывали теоретические вопросы, связанные с докапиталистическими пережитками у народов СССР, в жестокой борьбе с авторами народническо-националистических теорий, пытавшихся изобразить род, на деле являвшийся орудием воздействия на массу трудящихся «сородичей» со стороны эксплоататорской верхушки, как готовую ячейку социализма. Именно благодаря этому следованию ленинскому методу, связи теории с практикой, рассмотрению исследуемых общественных явлений в их историческом контексте, в их живой жизни, советская этнографическая наука смогла добиться исключительных достижений в понимании не только настоящего, но и близкого и далекого прошлого, преодолев абстрактно-схематический подход к исследуемому материалу. В этом огромное значение ленинско-сталинского этапа в развитии нашей этнографической науки.

«Ленинизм,— учит нас товарищ Сталин,— есть марксизм эпохи империализма и пролетарской революции»¹⁹, когда «центр революционного движения должен был переместиться в Россию»²⁰, в царскую Россию — «тюрьму народов», с ее сложным национальным составом, поставившим на очередь дня проблему марксистского разрешения национального вопроса во всем ее объеме, когда со всей силой выступило отмечаемое товарищем Сталиным третье противоречие империализма — «противоречие между горстью господствующих «цивилизованных» наций и сотнями миллионов колониальных и зависимых народов мира»²¹, превратившихся в могучую движущую силу революции, в мощный резерв пролетариата, когда, наконец, победа Великого Октября со всей конкретностью выдвинула блестящее разрешенную теперь задачу некапиталистического развития отсталых народов России, под руководством партии Ленина — Сталина, при помощи русского рабочего класса, к социализму, минуя промежуточные стадии развития.

Если во времена Маркса и Энгельса, когда все эти проблемы еще не стояли перед марксистским движением, основной задачей марксистской этнографии в области изучения явлений первобытно-общинного строя была задача восстановления о б щ е г о х о д а мирового исторического процесса в его прогрессивном, поступательном движении от первобытной общины к классовому обществу; если основной заслугой передовой этнографии того времени являлось доказательство положения об исторической ограниченности устоев капиталистического общества, частной собственности, буржуазного государства,— то теперь, во времена Ленина и Сталина, эти задачи стали неизмеримо шире и ответственнее. Народы с первобытно-общинным строем и его пережитками в условиях империализма и пролетарской революции стали активной политической силой, активными участниками революционных и национально-освободительных движений, а в условиях Советской страны — активными участниками строительства социализма и коммунизма. Соответственно перед этнографами-марксистами встало задача изучения истории, общественного строя и культуры каждого конкретного народа, в том числе и народов, которых империализм застал на стадии первобытно-общинного строя, во всей сложности и противоречивости их современного общественного бытия.

Нельзя, однако, не отметить, что, если в применении к истории народов Советского Союза советская этнография добилась на этом пути уже очень много²², то в разработке аналогичных вопросов в применении к зарубежным народам, в первую очередь — к сохранившим те

¹⁹ И. В. Сталин, Соч., т. 6, стр. 71.

²⁰ Там же, стр. 79.

²¹ Там же, стр. 73.

²² Обзор работ см. в нашей статье «Советская школа в этнографии», «Советская этнография», 1947, № 4, стр. 14, прим. 3.

или иные формы и традиции первобытно-общинных отношений народам колониальных и зависимых стран, сделано еще чрезвычайно мало. Наши этнографы предпочитают еще по-старинке смотреть на культуру этих народов лишь как на неисчерпаемый источник материала для общесоциологических построений, оперировать отдельными, вырванными из исторического контекста, фактами и примерами для подкрепления или иллюстрации абстрактных социологических схем²³. Проблемы конкретно-исторического исследования общественного строя колониальных народов в тесной связи с их современными историческими судьбами, в тесной увязке с теми задачами, которые стоят сейчас перед национально-освободительным движением этих народов,— еще не стали в центре внимания наших этнографов-зарубежников. Правда, уже появляются отдельные попытки в этом направлении²⁴, однако они явно недостаточны.

А между тем, лишь встав на эти позиции, можно не только решить большие вопросы, связанные с современностью и с новейшей историей колониальных народов, но и до конца понять те явления их общественной жизни, которые помогают восстановить древнейшие этапы истории современного человечества,— задача, которую поставили перед

²³ Вредность неизжитых еще некоторыми советскими этнографами традиций эволюционно-компаративистского подхода к исследованию социальных явлений можно видеть на примере работы Д. А. Ольдерогге «Кольцевая связь родов или трехродовой союз (Gens triplex)» (Краткие сообщения Института этнографии, I, 1946, стр. 23, сл.), представляющей реферат его неопубликованной еще большой монографии под тем же названием. Здесь, оперируя вырванными из исторического и этнического контекста примерами, автор пытается исследуемую им систему одностороннего кузенского брака, существующую, как правило, только у народов с развитым патриархально-родовым строем, поставить в один ряд, в качестве «наиболее древней» формы, с брачными нормами, вытекающими из дуально-экзогамной системы, зарегистрированной у народов с наиболее архайическим строем хозяйства и общества и, несомненно, восходящей к «средней ступени дикости» — эпохе становления родового строя в его матриархальной форме. В работах М. О. Коссена «Авункулат» (Советская этнография, 1948, № 1) и «Семейная община» (там же, 1948, № 3), где автор ставит перед собой важные и актуальные вопросы исторической периодизации ряда явлений первобытной общественной организации и в основном верно нащупывает их решение, наличие того же недостатка, что и отмеченный выше,— рассмотрение многих фактов вне должного учета исторической среды, в которой они бытуют,— лишает выводы автора должной убедительности, а в отношении второй статьи явно приводит автора к схематизации.

Нашим этнографам, не усвоившим еще сущности марксистско-ленинского историзма в анализе общественных явлений, не изжившим еще компаративистских традиций, не мешало бы вспомнить полные сарказма слова Ленина, адресованные Струве: «Сотни страниц труда г-на Струве, посвященные «этюдам и материалам по исторической феноменологии цены», представляют из себя на редкость замечательный образчик того, как бегают от науки современные буржуазные ученые. Чего-чего только тут нет! Заметки об указной и вольной цене — несколько наблюдений над полинезийцами — цитаты из устава о рыночной торговле, изданного (ученость, ученость!) объединителем Мадагаскара царем Андрианампунимерина в 178?—1810 годах — несколько статей из закона вавилонского царя Хаммураби (эпоха приблизительно за 2100 лет до р. х.) о вознаграждении врача за операцию — несколько цитат, преимущественно латинских, в высшей степени ученых, о тарификации покупной цены женщины в германских народных правдах — перевод семи статей, относящихся к торговому праву, из сочинений священных законников Индии, Ману и Яйnavалькия — охрана покупателя в римском праве и так далее и так далее вплоть до эллинистических образцов полицейского регулирования цен в Риме и до христианизации римского полицейского права в законодательстве каролингов» (Соч., т. XVII, стр. 277). Что говорить — не в бровь, а в глаз некоторым нашим «компаративистам», например, профессору Равдоникасу, во II томе учебника которого для иллюстрации общественного строя времен «возникновения металлургии бронзы и железа» в одну кучу оказываются смешанными и готтентоты и кафры, монголы Чингис-хана и казахи, калмыки и черкесы, кумыки и лезгины — и даже южные и восточные славяне!

²⁴ Ср., например, кандидатские диссертации: А. И. Блинова, Маорийские войны (отчет о защите см. «Советская этнография», 1947, № 2, стр. 212); С. Р. Смирнова, Восстание махдистов в Судане (автореферат см. в «Кратких сообщениях» Института этнографии, IV, 1948, стр. 101—103); А. И. Першица, Родоплеменная организация и племенной состав кочевников Северной Аравии в XIX—XX вв. (отчет см. «Советская этнография», 1948, № 4, стр. 191—192).

нами еще Маркс и Энгельс и значение которой подчеркнул Ленин в своей классической «Лекции о государстве», говоря: «Самое надежное в вопросе общественной науки ... это — не забывать основной исторической связи, смотреть на каждый вопрос с точки зрения того, как известное явление в истории возникло, какие главные этапы в своем развитии это явление проходило и с точки зрения этого его развития смотреть, чем данная вещь стала теперь»²⁵.

IV

Особенно значительный вклад Ленина в разработку проблем того крупного раздела этнографии, которым является история первобытного общества, — это его высказывание о периодизации первобытной истории, блестяще намеченной им в его известном письме к Горькому. Это — лишь одна фраза, но за ней скрыто огромное содержание, грандиозное обобщение, разносторонне освещдающее самые различные проблемы первобытной истории. К этим словам Ленина особенно применима замечательная характеристика ленинского литературного стиля, данная И. В. Сталиным: «Только Ленин умел писать о самых запутанных вещах так просто и ясно, сжато и смело, — когда каждая фраза не говорит, а стреляет»²⁶.

Вдумываясь в эти слова, мы видим, насколько значителен тот шаг вперед, который делает здесь марксистско-ленинская наука от периодизации Моргана — Энгельса. Ленин пишет, полемизируя с Горьким по вопросу о роли религии в «обуздании зоологического индивидуализма людей»: «В действительности «зоологический индивидуализм» обуздала не идея бога, обуздало его и первобытное стадо и первобытная коммуна»²⁷.

С этими словами нельзя не сопоставить одно место в классическом труде Ленина «Государство и революция»: «Не будь этого раскола²⁸, «самодействующая вооруженная организация населения» отличалась бы своей сложностью, высотой своей техники и пр. от примитивной организации стада обезьян, берущих палки, или первобытных людей, или людей, объединенных в клановые общества, но такая организация была бы возможна»²⁹.

И в том и в другом случае мы видим резкое, терминологически подчеркнутое подразделение первобытного, доклассового, догосударственного общества на два этапа.

1. **Первобытное стадо = организация первобытных людей** (непосредственно стоящая рядом со «стадом обезьян, берущих палки»).

2. **Первобытная коммуна = клановое общество.**

Анализ этих высказываний не оставляет сомнения в том, что разумеет Ленин под первым этапом своей классификации. Подчеркивание полуживотного характера самой организации в термине «первобытное стадо» (ср. во втором тексте — «стадо обезьян»), а во второй формулировке первобытности самих людей (NB: не «первобытная организация людей», а «организация первобытных людей») явно говорит о том, что Ленин имеет здесь в виду переходную форму от обезьяны к человеку и свойственный ей полуживотный еще («стадный») тип социального объединения.

²⁵ В. И. Ленин, Соч., т. XXIV, стр. 364.

²⁶ И. В. Сталин, О Ленине, Соч., т. 6, стр. 53.

²⁷ Письмо М. Горькому, декабрь 1913 г., Соч., т. XVII, стр. 85. Разрядка наша.— С. Т.

²⁸ Речь идет о расколе общества на антагонистические классы.— С. Т.

²⁹ В. И. Ленин, Государство и революция, Соч., т. XXI, стр. 375. Разрядка наша.— С. Т.

Собственно говоря, уже в изложении периодизации Моргана у Энгельса мы находим намек на выделение особой переходной стадии между животным и человеком в виде особого периода первобытной истории, именуемого Энгельсом вслед за Морганом, называемую *дикостью*. Заключая краткую характеристику этого периода, излагающую определение Моргана, Энгельс пишет: «И хотя это состояние длилось, вероятно, много тысячелетий, однако доказать его на основании прямых свидетельств мы не можем; но, признав происхождение человека из царства животных, мы должны допустить такое переходное состояние»³⁰.

Характерно, что у Моргана ничего подобного подчеркнутым словам нет³¹.

Нельзя не выразить сожаления, что наши специалисты по первобытной истории не предприняли изыскания по вопросу о тех литературных источниках, на которые опирался Ленин в своих высказываниях по вопросам истории первобытного общества. Между тем нет никакого сомнения в том, что круг этих источников был достаточно широк. Об этом косвенно свидетельствует нам сам Ленин, говоря в своей классической «Лекции о государстве»: «...если вы возьмете какое угодно сочинение по первобытной культуре, то всегда натолкнетесь на более или менее определенные описания, указания и воспоминания о том, что было время, более или менее похожее на первобытный коммунизм, когда деления общества на рабовладельцев и рабов не было»³². Зная стиль Ленина, мы можем быть уверены, что он никогда не сослался бы на «какое угодно сочинение по первобытной культуре», если бы не был широко знаком с этими сочинениями.

Выделение Лениным этапа «первобытного стада» не случайно. Следует подчеркнуть, что, хотя первые находки предшествующих современному виду человека форм первобытных людей (неандертальцев) относятся еще к середине XIX в. (Гибралтар — 1848, Неандерталь — 1856), однако они много десятилетий оставались совершенно непонятыми специалистами. Достаточно сказать, что такой крупный представитель буржуазной науки XIX в., как немецкий анатом и антрополог Рудольф Вирхов, пытался истолковать неандертальский череп как патологический и деформированный от времени череп современного вида человека. Лишь в конце XIX в., в особенности в связи с открытием в 1890 г. черепа питекантропа, учение о питекантропе и неандертальце как о переходных формах от высших обезьян к современному виду человека окончательно восторжествовало в науке. Таким образом, то, что намечалось у Энгельса, с полной четкостью выступает у Ленина, двинувшего дальше развитие марксистского учения о первобытном обществе, опираясь на достижения новейшей прогрессивной науки³³.

³⁰ Ф. Энгельс, Происхождение семьи... К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XVI, ч. I, стр. 9. Разрядка наша.—С. Т.

³¹ Ср. Л. Г. Морган, Древнее общество, Л., 1934, стр. 9 и 14—15, где дается характеристика «нижней ступени дикости».

³² В. И. Ленин, Лекция о государстве, Соч., т. XXIV, стр. 365. Разрядка наша.—С. Т.

³³ Характерно, что далеко еще не все советские историки первобытной культуры осознали значение ленинской периодизации истории первобытного общества, по существу снимающей периодизацию Моргана, превращая ее в средство для выделения второстепенных периодов в рамках основных исторических этапов первобытной истории: первобытного стада и первобытной (родовой) общины. Так, уже упоминавшийся нами В. И. Равдоникас в своем учебнике первобытной истории целиком кладет в основу периодизации «этнические периоды» Моргана, довольно произвольно увязанные Равдоникасом с периодами археологической классификации. Ленинская периодизация используется им, но в качестве подчиненной. Где-то в конце характеристики «нижней ступени дикости» автор сообщает, что «общественная жизнь характеризуется еще стадным существованием (пер-

Не менее значительна роль Ленина в разработке одного из важнейших вопросов истории первобытной культуры — вопроса о происхождении религии. Как и всегда, Ленин идет и здесь от конкретных задач, стоявших перед партией и революционным рабочим движением. Его высказывания о первобытной религии входят в общую линию его борьбы против поповско-идеалистических тенденций, проявлявшихся в некоторых кругах партийной интеллигенции после поражения первой русской революции, против всяческих «богоискательств» и «богостроительств». И, как и всегда, именно эта ленинская партийность постановки самых, казалось бы, далеких и отвлеченных вопросов истории общества приводит Ленина к замечательным научным открытиям и обобщениям.

Надо сознаться, что разработка проблем происхождения религии и истории ее первобытных форм остается поныне слабым участком нашей этнографической науки. В течение многих лет в практике наших антирелигиозных организаций имели широкое хождение различные некритически усвоенные либерально-буржуазные концепции, прежде всего — анимистическая теория Тэйлора и ее хотя и значительно улучшенный, но все же весьма далекий от марксизма вариант, данный Л. Я. Штернбергом, а также концепции Фрэзера, Леви-Брюля и других, наряду с примитивно-идеалистической «теорией обмана», например, в переведенной на русский язык работе Эйльдермана. Заброшенность этого участка дала возможность появиться и в советской литературе таким сочинениям, как дикие фантазии Богораза вроде его брошюры «Эйнштейн и религия» или плоско позитивистские рассуждения Зеленина³⁴, ухитившегося вывести все содержание анимизма из психологии... беременной женщины, или, наконец, совсем недавно появившаяся полу-фрейдистская психопатологическая «теория» происхождения религии Давиденкова³⁵.

Большинство наших этнографов, занимающихся исследованием первобытных религиозных верований и их пережитков, предпочитает

вобытное человеческое стадо» (см. В. И. Равдоникас, История первобытного общества, I, Л., 1939, стр. 91—92). Характерно, что в историографическом введении к своей книге Равдоникас уделяет значению Ленина около полутора страниц (обзор буржуазной историографии занимает больше 35 страниц и, например, оголтелому реакционеру Коссина уделено немногим меньше места, чем Ленину), — явное свидетельство недооценки ленинского вклада в дело разработки важнейших вопросов первобытной истории.

Показателем полного непонимания Равдоникасом самого смысла ленинской периодизации является то, что он проводит грань между «нижней ступенью дикости» (состоевственно эпохой первобытного стада) и «средней ступенью дикости» (соответственно начальным этапом эпохи первобытной общинности) где-то по середине так наз. «ашельского периода» археологической периодизации, между двумя ископаемыми формами человека, двумя ступенями в цепи перехода от обезьяны к современному виду *Homo sapiens* — так наз. гейдельбергским и неандертальским человеком, т. е. избирет более чем второстепенную историческую грань, настолько незначительную, что лежащие по обе ее стороны памятники археологии относятся к одной и той же ашельской культуре.

Куда неизбежно приводит автора его примитивный эволюционизм, нежелание понять значение ленинской периодизации, с позиций диалектического материализма освещавшей историю становления человечества, показывает то, что на следующей, «средней ступени дикости» у него в одну кучу оказываются сваленными нижнепалеолитические неандертальцы — ископаемая, обезьяноподобная форма предков современного вида человека, и зверски истребленные в XIX в. англичанами тасманийцы и коренные жители Австралии, которых англо-австралийцы еще не успели полностью уничтожить. Понимает ли В. И. Равдоникас, что его «периодизация» ставит его в один ряд с апологетами этих неприглядных деяний англо-саксонских «цивилизаторов», ибо каждому понятно, что из утверждения о том, что культура австралийцев и тасманийцев находится на одном уровне с культурой неандертальцев, могут быть сделаны только расистские выводы.

³⁴ Д. К. Зеленин, Идеология сибирского шаманства «Известия Академии Наук СССР», 1935, № 8.

³⁵ С. Н. Давиденков, Эволюционно-генетические проблемы невропатологии, Л., 1947.

стоять в стороне от больших проблем, ограничиваясь лишенной всякого анализа публикацией отдельных фактов и наблюдений.

Между тем ленинские высказывания о происхождении и сущности первобытной религии дают ясную ориентацию и четкую направленность для исследователей этой проблемы. Но для того чтобы идти в этом вопросе по ленинскому пути, надо покончить с объективистско-идеализаторским отношением к истории первобытного общества, еще свойственным некоторым этнографам, надо со всей отчетливостью усвоить, что представление о том, будто «первобытный человек получал необходимое как свободный подарок природы, — это глупая побасенка, за которую г. Булгакова могут освистать даже начинающие студенты. Никакого золотого века позади нас не было, и первобытный человек был совершенно подавлен трудностью существования, трудностью борьбы с природой»³⁶. И далее: «Религия есть один из видов духовного гнета, лежащего везде и повсюду на народных массах, задавленных вечной работой на других, нуждой и одиночеством. Бессиление эксплоатируемых классов в борьбе с эксплоататорами так же неизбежно порождает веру в лучшую загробную жизнь, как бессиление дикаря в борьбе с природой порождает веру в богов, чертей, в чудеса и т. п.»³⁷.

Задача, соответственно, состоит в том, чтобы исследовать первобытные религиозные верования в неразрывной их связи с материальными условиями жизни народов первобытно-общинного строя, в конкретных и разнообразных условиях различных этапов первобытной истории, чтобы в этих материальных условиях искать источник этого страха дикаря перед непонятными и враждебными силами природы, который «создал богов». Это труднее, конечно, чем просто описывать шаманские камлания и записывать шаманские тексты или умозрительно строить схемы истории религии, выводя ее из религии же или из психологии, объясняя идеологию идеологией же. Но это настоятельно необходимо. Идя по этому пути, этнография сможет сыграть крупнейшую роль в укреплении и развитии материалистического мировоззрения широких народных масс. А это именно та задача, которую поставил перед нами Ленин.

V

Одной из центральных, боевых задач советской этнографической науки является систематическая беспощадная критика, последовательное разоблачение новейших реакционных концепций буржуазной этнографии («антропологии» по англо-американскому словоупотреблению) и социологии, усиленно активизирующихся сейчас в направлении общих теоретических и методологических проблем и откровенно становящихся на службу агрессивного империализма.

И здесь мы неизменно должны учиться у Ленина. Не только большевистская непримиримость и страсть ленинской критики должны явиться для нас неизменным образцом в нашей критической работе. Изучая труды Ленина, мы постоянно находим в них готовое отточенное оружие против «новейших» откровений современных реакционеров, ибо, как правило, эти «новейшие концепции» на деле оказываются перепевами весьма старых и давно и основательно разгромленных марксистско-ленинской критикой мотивов. Мы уже коснулись некоторых примеров — напомню «гимназические побасенки» г. Михайловского, заново с ученым видом преподносимые американскому чита-

³⁶ В. И. Ленин, Соч., т. IV, стр. 182.

³⁷ Там же, т. VIII, стр. 419. Разрядка наша.— С. Т.

телю Чэпплом и Куном. Напомню псевдоученые компаративистские схемы г. Струве, как две капли воды напоминающие творения новейших американских социологов, пытающихся привлечь австралийский и папуасский материал для истолкования отношений современного капиталистического общества. Исследуя методологию «новейшей функциональной школы» буржуазной этнографии, мы видим в ее основе хорошо знакомую и жестоко разбитую Лениным «теорию равновесия».

И разве жестокая критика «объективизма» и «экономического материализма» Струве, оцененных Лениным, как «отражение марксизма в буржуазной литературе», как попытку буржуазного идеолога использовать извращенные псевдомарксистские положения для апологии капитализма, не вооружает нас в разоблачении новейшего «экономического материализма» школы... патеров Шмидта и Копперса?

За последние годы на страницах нашего журнала появилось уже немало статей и рецензий, посвященных критике новейших «теоретических откровений» идеологов современных поджигателей войны. Однако этого явно недостаточно, и, главное, многие из этих рецензий носят еще поверхностный характер, не вскрывая со всей остротой и принципиальностью реакционную сущность господствующих направлений современной буржуазной этнографии. И здесь, как и всюду, мы должны постоянно учиться у Ленина, воспитывать в себе ленинскую принципиальность и беспощадность к идеологическому врагу, культивировать ленинский стиль критики.

* * *

Мы далеко не исчерпали нашей темы, да она, по существу, и не исчерпаема, ибо отнюдь не только отдельными положениями ленинизма, относящимися к отдельным проблемам этнографии, руководствуется советская этнографическая наука, а всем учением ленинизма в его целом. Нам хотелось бы подчеркнуть в заключение лишь некоторые моменты марксистско-ленинского учения, которые особенно важно не забывать ни на минуту любому исследователю, любому работнику теоретического фронта. Речь идет о неразрывной связи теории с революционной практикой. Напомним слова товарища Сталина: «Вот почему говорил Ленин, что «революционная теория не есть догма», что «она складывается окончательно лишь в тесной связи с практикой действительно массового и действительно революционного движения» («Детская блузка»), ибо теория должна служить практике, ибо «теория должна отвечать на вопросы, выдвигаемые практикой» («Друзья народа»), ибо она должна проверяться данными практики», — так характеризует товарищ Сталин это основное положение ленинизма³⁸.

И мы должны помнить, что только тогда будет процветать советская этнография, только тогда она будет занимать по праву принадлежащее ей место в системе исторической науки, когда она будет «отвечать на вопросы, выдвигаемые практикой» социалистического строительства в нашей стране, революционного и национально-освободительного движения во всем мире.

Но мы твердо должны помнить и другое положение ленинизма, сформулированное товарищем Сталиным: «Конечно, теория становится беспредметной, если она не связывается с революционной практикой, точно так же, как и практика становится слепой, если она не освещает себе дорогу революционной теорией»³⁹.

³⁸ И. В. Сталин, Вопросы ленинизма, изд. XI, 1946, стр. 11. Разрядка наша.—С. Т.

³⁹ Там же, стр. 14.

Каждый исследователь должен помнить, что это прямо относится и к практике исследовательской работы. Она также становится слепой, не освещаясь передовой теорией. Этого не следовало бы забывать некоторым нашим «эмпирикам», сводящим задачу этнографа к «объективной» фиксации фактов, к голому описанию. Не надо забывать, что слепота не способствует правильному выбору дороги и что, не руководствуясь революционной теорией, наш «эмпирик» легко может попасть (и попадает, как правило,) на тропинку, проторенную уже буржуазными теоретиками-реакционерами.

И в эти торжественно-траурные дни двадцатипятилетия со дня кончины великого Ленина, с любовью перелистывая снова не однажды читанные, покрытые пометками страницы томов «Сочинений», нельзя не исполниться глубокой благодарностью к тому, кто снабдил нас этим верным компасом, указывающим нам путь на трудном поприще общественной науки.

Обширны, трудны и сложны задачи, стоящие перед советской этнографической наукой. Но, как и вся советская наука, как и вся советская страна, мы стоим на верном пути. С нами бессмертное учение марксизма-ленинизма, с нами великий продолжатель дела Ленина — товарищ Сталин. И, отмечая траурную дату, с гордостью видя перед собой цветущую советскую страну, идущую под водительством Сталина к новым победам, мы вместе со всеми учеными нашей родины готовы отдать все свои силы и знания нашему великому народу, великому делу построения коммунизма.

ВОПРОСЫ ОБЩЕЙ ЭТНОГРАФИИ И АНТРОПОЛОГИИ

М. ЛЕВИН, Я. РОГИНСКИЙ, Н. ЧЕБОКСАРОВ
АНГЛО-АМЕРИКАНСКИЙ РАСИЗМ

I

Современные воинствующие империалисты, руководимые реакционными кругами США, в своей работе за мировое господство, в подготовке новой войны против СССР и стран народной демократии, в своем наступлении на демократические элементы внутри самих капиталистических государств мобилизуют весь идеологический арсенал всевозможных реакционных «теорий» во всех областях науки и культуры. В «философских» концепциях вроде pragmatism, персонализма или холизма небезызвестного фельдмаршала Смэтса, в различных модных в Америке социологических учениях в области биологии и психологии, этнографии и антропологии — повсюду ясно проявляется основное устремление: утвердить незыблемость капиталистического строя, пре-восходство англо-саксонских стран и их «историческую роль» организаторов надклассового и наднационального «мирового государства» под эгидой монополистов США.

За последние годы в Америке выпущено огромное количество книг и статей по различным отраслям знания, в которых под оболочкой «научной объективности» проповедуются эти реакционные идеи. Для советского читателя ясно, что этот объективизм — лишь способ обмануть широкие народные массы, что «ожидать беспристрастной науки в обществе наемного рабства такая же глупенькая наивность, как ожидать беспристрастия фабрикантов в вопросе о том, не следует ли увеличить плату рабочим, уменьшив прибыль капитала»¹.

Конечно, в разных областях науки эти реакционные идеи выступают в различных формах, но не будет преувеличением сказать, что лейтмотивом и философских, и биологических, и исторических трудов англо-американских реакционных, буржуазных ученых является человеконенавистническая расовая теория, перепеваемая на всевозможные лады.

Разоблачая реакционное содержание современного англо-саксонского расизма, товарищ Сталин указывает: «Гитлер начал дело развязывания войны с того, что провозгласил расовую теорию, объявив, что только люди, говорящие на немецком языке, представляют полноценную нацию. Г-н Черчилль начинает дело развязывания войны тоже с расовой теории, утверждая, что только нации, говорящие на английском языке, являются полноценными нациями, призванными вершить судьбы всего мира. Немецкая расовая теория привела Гитлера и его друзей к тому выводу, что немцы, как единственная полноценная нация, должны господствовать над другими нациями. Английская теория приводит г. Черчилля и его друзей к тому выводу, что нации, говорящие на английском языке, как единственное полноценные, должны господствовать над остальными нациями мира»².

¹ Ленин, Соч., т. XVI, стр. 349.

² «Правда» от 14 марта 1946 г.

II

Расизм в Америке и в других англо-саксонских странах имеет глубокие исторические корни. Широкую известность получил эпизод, относящийся к 1844 г., когда шла борьба за отмену работорговли. Не зная, что ответить на ноты европейских держав, протестовавших против торговли неграми, американский министр иностранных дел, ставленник рабовладельческого Юга, Калгоун обратился за советом к антропологу Мортону, автору труда «*Сганія Амеріканіа*». Между ними завязалась переписка, в результате которой последовала ответная нота США, отвергающая всякую попытку рассматривать права негров на освобождение, так как данные науки указывают якобы на коренное отличие их от белого человека и на принадлежность к низшему типу. Калгоун заявил: «Я безбоязненно утверждаю, что существующие отношения между двумя расами на юге... представляют собой самое прочное и наиболее желательное основание для развития свободных и устойчивых политических учреждений». Таким образом, уже более ста лет назад устами официального представителя США было декларировано бесправие негров.

В 1854 г. в Америке вышла книга учеников Мортона Нотта и Глиддона «Типы человечества»³, в которой с позиций полигенизма доказывается расовая неполноценность негров. Современные американские фальсификаторы науки о человеке могут вести свою родословную от этой книги, где для «доказательства» близости негров к обезьянам изображение негрского черепа дано в умышленно искаженном виде — запрокинутым назад, чтобы создать впечатление исключительно сильного выступления челюстей⁴. В качестве приложения в той же книге помещена работа воинствующего противника Дарвина Агассица, в которой доказывается независимое происхождение отдельных человеческих рас в восьми разных областях земного шара, что исключает всякое родство их между собой.

Не было недостатка в апологетах расовой теории и в Англии. В 1863 г. один из видных английских этнологов, основатель Лондонского антропологического общества, Джемс Гент выступил с докладом «О положении негра в природе», в котором пытался доказать, что негр неспособен к восприятию цивилизации, так как он ближе к обезьяне, чем европеец. Когда доктор Гент умер (1869), в одной нью-йоркской газете⁵ было сказано, что «доктор Гент с его ясным собственным взглядом на вещи, с его отважным энтузиазмом делал дело, более важное для людей, для блага всего человечества и для славы Господа, чем все философы, гуманисты, филантропы и, мы смеем сказать, епископы и священники Англии, вместе взятые».

Можно было бы назвать еще немало других представителей расовых теорий того периода в Англии и Америке. Как раз в это время расистские идеи тесно переплетаются с реакционнейшим «учением» социального дарванизма. Основные положения Дарвина о роли естественного отбора как фактора эволюции в органическом мире были механически и незаконно перенесены на человеческое общество для объяснения закономерностей исторического процесса. Естественный отбор был объявлен главной движущей силой истории, определяющей все биологические и социальные различия между отдельными людьми, народами и классами. В Германии в роли воинствующих социал-дарви-

³ I. C. Nott and G. R. Gliddon, *Types of Mankind*, Philadelphia, eighth edition, 1865.

⁴ См. там же, стр. 458.

⁵ «*New York Weekly Day Book*», Nov. 6th, 1869; см. «*The Anthropological Review*», No. XXVIII, January 1870, стр. 97.

нистов выступают в конце XIX и в начале XX в. знаменитый Геккель и Аммон, ренегат от социализма Вольтман, натурализовавшийся здесь англичанин Хаустон Чемберлен и многие другие. Во Франции «вождем» социал-дарвинизма был Ваше-де-Лапуж, родоначальник пресловутой антропосоциологии, основным догматом которой был социальный отбор. Эта псевдонаука, как ее называли передовые ученые того времени, «доказывала» тождество господствующих классов с «высшими» расами, а трудающихся — с «низшими» типами человечества, подменяя классовую борьбу мнимой борьбой за существование в ее биологической форме.

Из английских социал-дарвинистов следует указать на Хайкрафта, автора малтузианской книги «Дарвинизм и расовый прогресс»⁶ и, особенно, на Бенджамина Кидда, писания которого очень напоминают «откровения» Лапужа о социальном прогрессе как отборе биологически наиболее приспособленных. В Англии, главной колониальной державе XIX в., социальный дарвинизм приобрел особую направленность — стремления доказать расовое превосходство европейских наций, и в первую очередь англо-саксов, над народами колониальных и зависимых стран. Неудивительно поэтому, что лидер английских консерваторов Джозеф Чемберлен, бывший на рубеже XIX и XX вв. министром колоний, прямо заявил, что книга Кидда «Контроль над тропиками» произвела на него «неизгладимое впечатление». Тот же Чемберлен в 1899 г. в речи, произнесенной в Лейстере, призывал англо-саксов и германцев к объединению с целью осуществить господство над миром трех держав — Англии, США, и Германии. В английской художественной литературе выразителем идей социал-дарвинизма был известный писатель Р. Киплинг, в произведениях которого английские империалисты выступали в роли благодетельных цивилизаторов в отсталых колониальных странах, где им суждено нести «бремя белого человека».

Те же антропосоциологические идеи об избранных расах и нациях и социальном отборе нередки и в американской научной литературе конца прошлого и начала нашего века. Так, например, профессор Колумбийского университета Дж. Берджесс доказывал неспособность народов Азии и Африки к созданию прочной политической организации без руководства «высших» наций, к которым в первую очередь относятся «тевтонские» народы. Берджесс — последовательный социальный дарвинист, исходящий из законов естественных наук в объяснении политических явлений⁷. Следуя тем же рецептам, американский сенатор Беверидж в 1899 г. во время подавления восстания на Филиппинах взвывал: «Бог в течение долгих тысяч лет готовит говорящие на английском языке народы и тевтонов отнюдь не для напрасного и беспечного самолюбования. Нет! Он сделал нас умелыми организаторами мира, чтобы установить нашу систему там, где царит хаос... Он сделал нас знатоками в управлении, так что мы можем управлять дикарями и старчески бессильными народами»⁸.

Ко времени первой мировой войны относится появление книги Мэдисона Гранта «Конец великой расы», которая выдержала целый ряд изданий с 1916 по 1930 г.⁹. Эта, столь популярная в Америке книга представляет собой настоящий катехизис воинствующего расизма, по своей антидемократической направленности ничем не уступающий самым реакционным писаниям западноевропейских расистов от Гобино до

⁶ J. B. Hays craft, *Darwinism and race Progress*.

⁷ См. R. Hofstadter, *Social darwinism in American Thought*, Philadelphia 1945, стр. 150. Подробнее см. Д. И. Мочалин, *Расовые теории на службе американского империализма*, «Вопросы философии», 1948, № 2, стр. 263—277.

⁸ Там же, стр. 267.

⁹ Madison Grant, *The passing of the Great Race*, New York (все цитаты даны по изданию 1930 г.).

Гюнтера. Перед нами американский, мало оригинальный вариант того «нордизма», который рассматривает пресловутую «северную расу» — высокорослых длинноголовых блондинов, как высший тип человечества, специфически присущий германским народам, в особенности англо-саксам и их потомкам в Америке.

Книга открывается главой «Раса и демократия», в которой автор поет хвалебный гимн аристократическому образу правления, последовательно отождествляя господствующие классы всех эпох и стран с высшими расами — отобранными элементами общества.

«Истинный аристократический образ правления или истинная республика,— пишет Грант,— это правление самых мудрых и лучших, всегда ничтожного меньшинства населения» (стр. 7). Автор поносит французскую революцию, освободительные движения в самой Америке и вообще любое проявление демократии, ибо, по его словам: «*Vox populi*, столь далекий от *Vox dei*, всегда представляет собой бесконечный вой о правах и никогда не является песней долга» (стр. 8). По мнению Мэдисона Гранта, всякая борьба народных масс — это поход против наиболее одаренных, талантливых личностей, которые по самой своей природе призваны к господству. Победа демократии означала бы гибель высших расовых типов, упадок культуры и вырождение общества, так как «демократия фатальна для прогресса, когда две расы различной ценности живут бок о бок» (стр. 10). Грант выступает апологетом сохранения «природными американцами» их расовой чистоты, категорически протестует против иммиграции в США и сокрушается по поводу того, что «американец продал свое первородство на континенте, чтобы разрешить проблему рабочих рук». «Вместо того чтобы удержать политический контроль и сделать (американское) гражданство почетной и ценной привилегией, он вверил управление своей страной и поддержание своих идеалов расам, которые никогда не были способны управлять сами собой, а тем более другими» (стр. 12). Предвосхищая современных гуверноров и томасов, Мэдисон Грант заканчивает первую главу своего «научного труда» выпадом против социализма, который связан, как он пишет, «с переходом власти от высших рас к низшим, от интеллектуальных классов к черни» (там же).

В следующих главах своей книги Грант перепевает затасканные мотивы «нордийского» мифа. Совершенно в стиле Лапужа или Вольтмана он приписывает «северной расе» ведущую роль в мировой истории и наделяет ее, противопоставляя не только «цветным», но и другим европейским расам, «высшими» свойствами. «Нордийцы,— пишет Грант,— во всем мире являются расой солдат, мореплавателей, предпринимателей и исследователей, но прежде всего расой вождей, организаторов и аристократов в резком контрасте с альпийцами с их преимущественно крестьянским и демократическим характером. Люди северной расы властительны, индивидуалистичны, самоуверенны и ревнивы к своей личной свободе в политической и религиозной области, и поэтому они обычно протестанты. Рыцарство и его современные незначительные пережитки — это исключительно нордические черты; феодализм, классовые различия и расовая гордость среди европейцев прослеживаются большей частью на севере» (стр. 228).

С северной расой Грант связывает возникновение арийских языков и на четырех картах «прослеживает» на протяжении от бронзового века до нашего времени распространение нордийцев. Праордина нордийцев — в Северной Европе, отсюда еще во II и I тысячелетиях до н. э. они расселяются по Европе и Западной Азии, повсеместно выступая в роли носителей высоких культур. Киммерийцы, скифы, саки, массагеты, персы, древние греки, италики — все они на картах Гранта обозначены стрелками, идущими в разных направлениях с севера Европы. В более позднее время представителями северной расы оказываются тевтоны,

противопоставляемые Грантом славяном-альпийцам (стр. 266, 268, 270, 272). И Розенберг, и Гюнтер с полным правом могли бы считать американца Мэдисона Гранта в числе своих идейных предшественников. Книге предпослано предисловие известного американского палеонтолога Генри Осборна, который усиленно рекламирует «труд» Гранта, кстати сказать, биолога по специальности. «Раса,— заявляет Осборн,— играла значительно большую роль, чем язык и национальность, в определении судеб человечества; раса определяет наследственность, а наследственность — все моральные, социальные и интеллектуальные качества и свойства, которые являются движущими силами (Springs) политики и управления» (предисловие к 1-му изданию, стр. VII). «Наследственность и расовое предрасположение сильнее и устойчивее, чем среда и воспитание». Этот тезис нужен Осборну для того, чтобы провозгласить «англо-саксонскую ветвь северной расы» тем элементом, которому американская нация обязана «духом предводительства, смелостью, верностью, единством и гармонией, самопожертвованием и преданностью во имя идеала» (предисловие ко II изданию, стр. XI).

Таков американский вариант «нордийского мифа» в изложении одного из крупнейших биологов США.

III

К конечном счете и социальный дарвинизм, и антропосоциология во всех их разновидностях восходят к учению Мальтуса, который считал, что нищета, пороки, болезни в человеческом обществе являются неизбежным следствием свойственного всему органическому миру закона абсолютного перенаселения. В своем сочинении «Опыт о законе народонаселения», вышедшем в 1798 г., Мальтус писал: «Главная и непрерывная причина бедности мало или вовсе не зависит от образа правления или от неравномерного распределения имущества». Человек, пришедший в «занятый уже мир», если ему не посчастливилось родиться в состоятельной семье, «не имеет ни малейшего права требовать какого-либо пропитания». «На великом жизненном пиру нет для него места. Природа повелевает ему удалиться и не замедлит сама привести в исполнение свой приговор»¹⁰.

О Мальтусе и всех его последователях писал еще Маркс словами, полными гнева и сарказма: «Господин Ланге сделал большое открытие. Вся история должна быть подведена под один великий закон природы. Этот закон заключается в фразе *Struggle for life* «борьба за существование» (выражение Дарвина применительно к этому случаю есть простая фраза), а содержание этой фразы — закон Мальтуса о народонаселении. Таким образом, вместо того, чтобы анализировать *Struggle for life*, как она проявляется исторически в различных определенных формах общества, дело сводится к тому, чтобы подогнать всякую конкретную борьбу под фразу *Struggle for life*, а эту фразу — под малютусову фантазию о народонаселении. Нельзя не признаться, что это очень глубокий метод для надутого, прикидывающегося научным высокопарного невежества и легкости мысли»¹¹. Энгельс называл теорию Мальтуса «гнусным, низким, отвратительным издевательством над природой и человеком»¹². Как справедливы эти слова и по отношению к современным англо-американским расистам, пережевывающим обветшалые малтузианские идеики!

С социальным дарвинизмом исторически и иденно неразрывно связана евгеника, родиной которой является опять-таки Англия. Основателем

¹⁰ Цит. по русскому переводу, изд. 1868 г.

¹¹ Письмо Маркса к Кугельману от 27 июня 1870 г. «Избранные письма», 1947, стр. 239.

¹² К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. II, стр. 313.

евгеники был английский ученый Фрэнсис Гальтон, выступивший в 1904 г. в Лондонском социологическом обществе с докладом «Евгеника, ее определение, задачи и цели».

В своих работах Гальтон развивает мысль о вырождении наследственно наиболее ценных слоев населения, которые сосредоточены в высших классах, и о необходимости борьбы с этим вырождением путем искусственного подбора брачных пар, так как возможность улучшения расы зависит от возможности увеличения плодовитости лучших родов. Гальтон настойчиво пропагандирует идею превосходства наследственных качеств аристократии и буржуазии и неполноценности трудящихся. Это архиреакционное учение с самого начала обнаружило и в самой Англии, и в Америке совершенно ясно тенденцию связывать свои выводы с теорией неравенства рас. Ужаснувшая все человечество «расовая гигиена» с ее методами принудительной стерилизации «неполноценных» в фашистской Германии является лишь практическим осуществлением идеи, зачатки которой можно найти у английского евгеника Гальтона.

Наиболее яркой фигурой английской реакционной науки о человеке являлся Карл Пирсон (1857—1936), философские взгляды которого были подвергнуты уничтожающей критике В. И. Лениным в его классической работе «Материализм и эмпириокритицизм», где вскрыта идеалистическая сущность философии этого «английского махиста»¹³. В своих работах Пирсон развивает евгенические идеи Гальтона. Теория эволюции, по Пирсону, применима также к человеческим обществам; в ней надо черпать указания, как строить крепкую и владычествующую нацию путем искусственного отбора методами евгеники. «Исключительные семьи,— писал Пирсон,— могут в течение многих поколений создать исключительный человеческий тип... С другой стороны, сильно выродившиеся индивидуумы, изолированные в бедных кварталах наших городов, могут создать особую породу людей, породу, которую нельзя возвысить путем одного только изменения окружающих условий, которая может быть прочно улучшена только путем смешения с представителями более благородной крови. Но это есть исправление социального зла путем истощения социально высших типов... Гораздо более рациональным средством было бы помещение дурной породы в такие условия, которые делают ее относительно и абсолютно бесплодной». И эти слова принадлежат человеку, который пишет о «гуманистическом факторе революции! Впрочем, «гуманизм» Пирсона — это откровенный расизм. «Это ложный взгляд на общечеловеческую солидарность,— пишет Пирсон,— это расслабленное гуманичанье, а не настоящий гуманизм — сожалеть о том, что способная и сильная раса белых людей должна заместить собой темнокожие племена, совершенно неспособные ни утилизировать свою территорию на благо всего человечества, ни внести свою долю в общий капитал человеческого познания. Борьба цивилизованных людей с нецивилизованными и с природой создает известную частичную солидарность человечества, которая воспрещает каждой отдельной нации расточать общие ресурсы человечества»¹⁴.

В США эти евгенические призывы английских «теоретиков» сразу же получили практическое осуществление. Начиная с 1907 г., в ряде штатов США была узаконена принудительная стерилизация. В штате Нью-Джерси законом от 21 апреля 1911 г. легализировалась стерилизация содержащихся в богадельнях, домах для нищих и карательных заведениях. Аналогичный закон был издан в штате Нью-Йорк 16 апреля 1912 г. Стерилизация преступников и душевнобольных была узако-

¹³ Ленин, Соч., т. XIII, стр. 75.

¹⁴ К. Пирсон. Грамматика науки, пер. с англ. изд. В. Базарова и П. Юшкевича, Изд. «Шиповник», СПб., стр. 431.

нена, кроме того, в период с 1907 по 1913 г. в штатах Индиана, Вашингтон, Калифорния, Коннектикут, Невада, Айова, Северная Дакота, Канзас. К началу 1926 г. из 48 штатов 23 провели закон о стерилизации преступников.

Представление о преступности как явлении биологическом, искающее истинное положение вещей, характерно для эпохи империализма. Обострение общественных противоречий не могло не породить у господствующих классов стремления приписать социальное неравенство людей природным различиям между ними и свалить ответственность за рост нищеты и преступности на законы наследственности. Недаром Пирсон писал: «Можно считать доказанным, что и совесть как одно из основных свойств человеческой психики переходит по наследству к детям. Я не сомневаюсь поэтому и в том, что преступные наклонности наследуются потомством»¹⁵.

Тесная связь евгенических идей с расовой теорией хорошо иллюстрируется тем фактом, что параллельно с мероприятиями, направленными против «неполноценных», проводились законы, устанавливающие расовую дискриминацию. В 1890 г. в США была запрещена иммиграция китайцев. Был издан ряд актов, поощрявших въезд иммигрантов из Германии и Англии, население которых, по мнению правящих кругов Америки, наиболее соответствовало евгеническим идеалам. Многие штаты США издали законы, которые запрещают браки с неграми, мулатаами и другими неевропейскими расами, карая нарушителей заключением в тюрьме, в некоторых штатах сроком до 10 лет. Вот, где истоки «научных» выкладок современных американских евгеников типа Джона Бермана, который с самым серьезным видом рассуждает о том, какой процент негрской крови позволяет причислить американского гражданина к низшей расе. Оказывается, для этого достаточно $1/64$ части негрской крови! Практика этих «теоретических» выкладок, как мы знаем,— суды Линча, ставшие в США обычным явлением уже в конце прошлого века.

Победа социалистической революции в России не могла не вызвать тревоги у реакционных кругов во всем мире. Стремление этих кругов использовать силы науки для построения теорий, враждебных поступательному ходу истории, отразилось очень ярко на Втором интернациональном евгеническом конгрессе, который был созван в сентябре 1921 г. в Нью-Йорке. Уже упоминавшийся Генри Осборн приветствовал этот конгресс словами: «Я сомневаюсь, был ли когда-нибудь момент в истории человечества, когда бы международная конференция, посвященная особенностям рас и их улучшению, была более важной».

Очень показательно, что на этом конгрессе с центральным докладом выступил не кто иной, как Ваше-де-Лапуж. Не случайно, что после 15-летнего молчания он заговорил именно на конгрессе в Нью-Йорке. Снова прозвучали слова об угрозе цивилизации со стороны низших слоев населения. Борьба классов, заявил Лапуж, есть в действительности борьба рас. Знаменательны заключительные слова основателя антропосоциологии, в которых он вспомнил о своей лекции в Монпелье в 1887 г. Он призывал тогда к искусственному отбору, чтобы вывести высшую породу людей, и говорил, что возлагает свои надежды в этом деле на англо-саксов. «Тогда я был один на моей университетской кафедре в Монпелье. Теперь я переправился через океан, чтобы соединиться с вами, а вы — это целая толпа вокруг меня. Американцы, я утверждаю, что от вас зависит спасение цивилизации и создание породы побубогов»¹⁶.

¹⁵ К. Пирсон, Грамматика науки.

¹⁶ V. de Lapouge, La race chez les populations mêlées, Eugenics in Race and State, vol. II, Baltimore, 1923, стр. 1—6.

Американские евгенисты вполне оправдали надежды Лапужа. Некие Попеное и Джонсон писали в своем большом труде «Прикладная евгеника» о том, что одна из важнейших задач современности — усилить размножение руководящих и богатых элементов общества и по возможности уменьшить размножение низших слоев, в частности негров. В тяжелом раздумье по поводу трудностей первой задачи авторы предложили побольше писать картин, изображающих мадонн с младенцами, и демонстрировать их зажиточным людям, а также почаще исполнять в их присутствии детские песенки. Что касается негров, то авторы воздерживаются от того, чтобы рекомендовать содействие распространению среди них сифилиса и других болезней, хотя с евгенической точки зрения меры такого рода, по их мнению, имели бы некоторый смысл.

Образец человека для Попеное и Джонсона — одаренный в деле наживания денег практик. Самые дарования людей, фигурирующие в их книге как «хорошие гены», в сущности говоря, уподобляются деньгам в твердой валюте. Человеческие дарования для авторов книги лишены качественного своеобразия, т. е. могут быть только «меньше» и «больше» и измеряются тем или иным числом единиц; они не формируются в процессе деятельности, но выпущены для обращения природой в готовом виде; они имеют покупательную силу и их следует копить в качестве «евгенического генофонда». Авторы, однако, сурово отзываются о музыкальной способности, считая ее, вслед за Августом Вейсманом, свойством примитивным. Это им нужно для того, чтобы музыкальность негров не опровергала взгляда об их принадлежности к «низшей породе» людей¹⁷.

Подобные евгенические домыслы, пронизывающие самые различные области американской науки, неразрывно связаны с реакционным, идеалистическим направлением в генетике — вейсманизмом-морганизмом, с учением о непрерывности зародышевой плазмы и ее полной независимости от влияний среды.

В самые последние годы в США особенно усилилось это расистско-евгеническое направление. Очень показательна в этом отношении книга профессора Гарвардского университета Эдуарда Торндайка, главы одного из реакционных направлений американской психологии, «Человек и его деятельность», появившаяся в 1943 г. Основное содержание этой книги сводится к тому, чтобы показать наследственную обусловленность человеческой психики и независимость сознания от условий жизни и воспитания. По мнению автора, существуют особые «гены сознания», которые и определяют все поведение человека¹⁸. За этими «генами сознания» нетрудно разгадать у Торндайка «расовую душу». Недаром еще в 1924 г. он писал: «Большой прогресс одних учеников по сравнению с другими объясняется более высокой врожденной способностью или принадлежностью к белой, а не к цветной расе»¹⁹.

Ряд ярких примеров из современной англо-американской генетической и евгенической литературы был приведен на сессии ВАСХНИЛ, происходившей в августе 1948 г.²⁰. Особенно подчеркивают американские генетики якобы грозящее человечеству абсолютное перенаселение и, послушно следя за Мальтусом, разрабатывают проекты ограничения рождаемости в колониальных странах с их «цветным» населением. Так, например, главный редактор американского журнала «Journal of Negro-

¹⁷ Popenoe and Johnson, *Applied Eugenics*, New York, 1922.

¹⁸ E. L. Thorndike, *Man and his works*, 1943.

¹⁹ См. Н. Менчинская, Политическое саморазоблачение Эдуарда Торндайка, «Учительская газета» от 30 сентября 1948 г.

²⁰ «О положении в биологической науке», Стенограф. отчет сессии ВАСХНИЛ 31/VII—7/VIII 1948 г., М., 1948, Речь И. Е. Глущенко, стр. 189—190; см. его же, Против идеализма и метафизики в науке о наследственности, «Вопросы философии», 1948, № 2, стр. 133—147.

ditu» Р. Кук в 1945 г. писал: «Любая организация мира, которая будет утверждена Большой Пятеркой и пятьюдесятью малыми странами, будет представлять собой лишь фундамент с большими трудами воздвигнутого здания взаимного понимания и сотрудничества... Но за красивыми словами и большими надеждами вдали вырисовывается одна проблема, настолько жуткая и сложная, что мы предпочитаем игнорировать ее,— это вопрос о перенаселении... Несмотря на презрительные отношения некоторых мыслителей, она все же остается зловещей тенью нашего будущего»²¹. Так страх перед грядущими кризисами и неизбежным крушением всей капиталистической системы порождает у ученых апологетов империализма зловещие призраки мнимых опасностей перенаселения.

IV

Стремление «научно» обосновать умственное превосходство европейцев, и в первую очередь англо-саксов, над другими народами, восходящее в Америке ко временам Нотта и Глиддона, очень выпукло выступает в психотехнических исследованиях, ставших чрезвычайно модными в США в последние десятилетия. В бесчисленных работах американских психотехников приводятся результаты сравнительных исследований одаренности различных народов, выражаемые разнообразными тестами и так называемым «коэффициентом ума» — «Ай-Кю» (IQ), который представляет собой усредненный итог различных статистических операций над теми же тестами. Несмотря на явную методологическую несостоятельность самого приема тестов и порочность «коэффициента ума», американские авторы упорно продолжают придерживаться этой методики²².

Какие вопиющие нелепости выдавались за научные факты в этих работах, можно видеть, в частности, на примере «капитального» произведения Девенпорта и Стеггерды «Смешение рас на Ямайке», где авторы всеми средствами стремятся доказать умственное превосходство белых над неграми. Об уровне этого монументального труда свидетельствует, например, вывод авторов о более высокой способности белой расы складывать фигуры из деревянных брусков по сравнению с черной расой. Оказывается, однако, что среди белых, подвергшихся испытанию, значительно больше земледельцев — фермеров, конечно, знакомых с плотничеством; кроме того, из 50 исследованных белых моряки и корабельные строители составляют 38%. Опыты «ученых»-психотехников доказали, что люди, которые умеют плотничать, успешно справляются с плотничьей работой! Интересно далее следующее обстоятельство. Обнаружилось, что негры лучше белых выполнили арифметические задания. Авторы спешат заявить на странице 469, что даже счетная машина быстро и аккуратно считает и что способность такого рода есть свойство более просто устроенного мозга²³. Однако авторы забыли, что несколькими строками выше они же заявили о том, что сложение даже простейших чисел требует умения «существовать плановую композицию» — качества, типичные, по их мнению, для белой расы.

Мы упомянули о книге Девенпорта и Стеггерды, поскольку она принадлежит широко известным среди специалистов авторам. Не будем загружать изложение приведением других примеров из области психотех-

²¹ R. Cook, Devils Cul-de-sac, «The Journal of Heredity», vol. 36, 1946, No. 7. Цит. по указанной выше статье Глущенко, стр. 141

²² Критический разбор психотехнических работ см. Я. Я. Рогинский, О психотехническом исследовании разных племен и народов, сб. «Наука о расах и расизме», М., 1938, стр. 81—104.

²³ C. B. Davenport and M. Steggerda. Race crossing in Jamaica, Washington, 1929.

ники и коснемся из новейших работ лишь статьи Г. Гаррета, профессора психологии Колумбийского университета, появившейся в октябре 1947 г.²⁴. Эта статья, озаглавленная «Различия в умственных способностях негров и белых в США», особенно интересна потому, что автор заявляет о своей симпатии к неграм и декларирует свою полную научную объективность. Содержание его статьи, однако, плохо согласуется с этими заявлениями. Автор начинает с разбора работы Мак Гроу, проведенной в 1931 г. в целях сравнения способностей 68 белых и 70 негритянских детей в возрасте от 2 до 11 месяцев, проживавших в одной южной общине. Исследовались движения, память, подражание, элементарное «рассуждение». Принимая за общую норму для белых детей 100, Мак Гроу получил для исследованных им белых малюток среднюю цифру 105, а для негритянских — 92. 28% негритянских детей дали показатели выше ста. Автор считает, что эти данные цепны как доказательство расовой отсталости негров, потому что, по его мнению, в этом возрасте влияние социальных факторов является минимальным или вообще несуществующим. Поэтому он не придает значения тому, что образовательный уровень белых родителей был намного выше уровня черных родителей, и тому, что рост и вес негритянских детей был ниже.

Выводы автора, конечно, совершенно неубедительны. Так, если говорить о втором полугодии грудного детства, то, по утверждению крупных специалистов, воспитывающее влияние среды в этом возрасте огромно, так как психологическое общение ребенка этого возраста с окружающими людьми хотя и элементарно, но очень велико. Это — возраст интенсивного образования привычек. Не приходится говорить, какое значение имеют питание, общая обстановка, богатство предметов, составляющих среду ребенка, и пр. В специальных работах было показано, в частности, что особая гимнастика, примененная к детям грудного возраста, значительно продвигает развитие их двигательных функций. Если, по признанию самого автора, внешние условия были не вполне одинаковы и складывались более благоприятно для белых, то каким же образом можно считать, что вывод о расовой природе найденных различий доказан? Хорошо известно, что этнографы и путешественники по Африке отмечали высокую одаренность детей негров в естественной обстановке. Они наблюдали, например, как негрские дети в возрасте 3—4 лет умели управлять пирогой, ставить западни для птиц, ловить лисиц и т. д.

Такие же недопустимые ошибки делает автор и в своей дальнейшей аргументации. Никакие оговорки автора не могут заменить значение им же приводимых фактов. Оказывается, например, что негры и белые меняются местами в шкале «психотехнической успешности» при перемене социальных условий. «Показатели одаренности» у негров из северных штатов (Огайо, Иллинойс) значительно выше, чем у белых из южных штатов (Миссисипи, Кентукки, Арканзас, Георгия). Эти данные, как и очень многие другие, сводят на нет все попытки Гаррета использовать психотехнические тесты для доказательства расовых различий в уровне одаренности.

Что касается уверений Гаррета о его доброжелательном отношении к неграм, то, при всей похвальности таких чувств, в этом случае они вряд ли смогут принести неграм что-либо, кроме вреда. Сторонники расовой дискриминации получают, благодаря статье Гаррета, возможность сказать, что даже «друзья» негров вынуждены признать их низшей расой. А большего и не требуется от профессора психологии Гаррета, потому что практические выводы сумеют сделать за него другие.

²⁴ H. Garret, Negro-white difference in mental ability in the U. S. A., «Sc. Monthly», October 1947.

V

Как мы видели, для обоснования всевозможных расистских концепций особенно охотно используются специальные антропологические данные. В американской научной литературе из года в год появляется значительное количество работ, посвященных расовым различиям в строении скелета, мышечной системы, внутренних органов и, в особенности, мозга. Немало специальных исследований выходит и по этнической антропологии. Многие из них явно тенденциозны и насыщены расистскими построениями. Другие конкретные антропологические работы внешне носят объективный характер, но и в них нередко, возможно независимо от намерений авторов, оказывается тлетворное действие расистских идей. В этой связи более подробного рассмотрения заслуживает монография известного американского антрополога Карлтона Куна «Расы Европы», вышедшая еще в 1939 г.²⁵. Это солидный том в 700 с лишним страниц с многочисленными иллюстрациями, таблицами и картами.

Когда читатель впервые перелистывает эту книгу, у него может создаться впечатление о прогрессивных взглядах Куна и антирасистской направленности его труда. Так, автор заявляет, что он рассматривает расу как подвижную систему, что вопросы формирования расового состава населения отдельных стран должны изучаться в связи с культурными и историческими объединениями, которые возникали на данных территориях, что человеческие расы нельзя трактовать только с биологической точки зрения. Автор с уважением отзыается о работах советских антропологов и широко использует их в своей книге. Однако такое благоприятное впечатление от работы Куна, к сожалению, рассеивается при ближайшем знакомстве с его общей концепцией.

Формирование расового состава всего современного человечества автор рисует как результат смешения двух совершенно независимых по своему происхождению видов. Один из них — *Homo sapiens* — развился в течение плейстоцена из фетализированной третичной человекообразной обезьяны. Другой, включающий питекантропа, синантропа и неандертальца, сложился в ту же эпоху, дав тяжелые, грубые формы с развитыми челюстями, зубами и костными гребнями. В течение среднего и начала позднего плейстоцена оба вида смешивались, в результате чего возник человек верхнего палеолита Европы, Северной Африки и Северной Азии, откуда он попал и в Америку. Предки белой расы в своем большинстве развивались в течение плювиальных периодов плейстоцена в области, простиравшейся от Сахары до Северной Индии. Именно здесь они изобретали земледелие и скотоводство и в послеледниковое время проследовали в Европу, где смешались с местными охотниками и рыболовами, бывшими носителями верхнепалеолитических культур. Эти носители древнейших высоких культур земледелия и скотоводства принадлежали к различным вариантам «средиземноморского расового ствола» (basic Mediterranean stock); они различались между собой по многим признакам, в особенности по росту и пигментации, но в целом по основным свойствам образовывали единство, резко отличное от небелых (non-white) рас (стр. 1—2). Это центральное положение своей книги Кун иллюстрирует схемой (стр. 290), на которой от средиземноморского ствола ветвями расходятся некоторые расы Европы: собственно средиземноморская, северная, динарская и др., а от другого ствола «палеантропов» (palaearctic stock) — все остальные расы человечества, в том числе из европейских — «новодунайская» восточно-балтийская, альпийская и др. В числе предков средиземноморского ствола Кун помещает человека из Галлея-Хилл, из Сванскомба, из Пильтдауна, из Каньера и Канама в Восточной Африке. Предками

²⁵ Carleton St. Coon, The races of Europe, 1939.

палеантропов являются питекантроп, синантроп и гейдельбергский человек, явантроп, родезиец и неандертальец. Такова концепция Куна.

Облеченная в сугубо академические формы, она по своему существу носит расистский характер. Уже в самых своих истоках белая раса является носительницей высших культур; по своему же происхождению она не имеет ничего общего со всеми другими расами человечества, которые, по мнению Куна, происходят от примитивных форм. Здесь сконцентрированы наиболее реакционные построения в области антропогенеза и расоведения, давно отброшенные передовой наукой как в СССР, так и за рубежом. В советской антропологической литературе неоднократно была вскрыта несостоятельность концепций о раннечетвертичном возрасте *Homo sapiens* и о его независимом от неандертальцев происхождении; была показана полная необоснованность ссылок на находки из Галлей-Хилла, Пильтдауна, Сванскомба и т. д. как на доказательство древнего и независимого происхождения *Homo sapiens*. Можно считать установленным, что питекантропы и неандертальцы представляют собой последовательные стадии в развитии современного человека²⁶.

Кун совершенно голословен, когда пишет о противопоставлении средиземноморского ствола остальным расам; он полностью игнорирует конкретные исторические данные, когда только предкам белой расы приписывает изобретение земледелия и скотоводства.

Особенно показательно, что среди «избранных» рас средиземноморского ствола целиком свободными от примеси крови палеантропов оказываются только северная, средиземноморская, атлантическая и ирано-афганская (стр. 290). Так создается иерархия и среди европейских рас. Когда рассматриваешь карту распространения рас Европы, составленную Куном (стр. 294—295), ясно видишь, как автор пытается в первую очередь именно Англию насытить представителями северной расы и найти следы ее былого распространения на огромной территории от Ирландии до Кавказа и от Скандинавии до Греции (см. также карту на стр. 176—177). Невольно приходят на память очень сходные карты в «трудах» Мэдисона Гранта и фашистского «теоретика» Гюнтера, правда, с перенесением на картах Куна главной области распространения северной расы из Германии в Англию!

Еще более оправданными оказываются эти ассоциации с явными расистами, когда рассматриваешь концепцию Куна по проблеме расогенеза. Автор очень большое значение придает здесь селекции; объясняя различные миграции как в древние периоды, так и в настоящее время, он видит в переселенцах отобранные группы населения, отличающиеся от его основной массы расовыми особенностями. Это относится, например, и к носителям неолитической культуры шнуровой керамики в Центральной Европе и к недавним польским иммигрантам в США. По мнению автора, поляки-иммигранты отличаются от своих соотечественников в Польше большим ростом, более светлой пигментацией и длинноголовостью, т. е. чертами северной расы. По Куну, это — результат расовой селекции. Эмигранты, пишет он, это всегда «специальная группа, отобранная на основе их пригодности и способности к переселению» (стр. 7). Так воскрешается обветшалый «нордийский миф»! Вряд ли нужно подчеркивать, что Кун не приводит и не смог бы привести никаких фактических данных для обоснования этих положений.

Не менее ярким образцом той псевдонаучной литературы, которая, декларируя свое отрицательное отношение к расистским теориям, сама

²⁶ См., например, М. Г. Левин и Я. Я. Рогинский, Советская антропология за 30 лет, «Советская этнография», 1947, № 4, стр. 52—70; Я. Я. Рогинский, К вопросу о древности человека современного типа, «Советская этнография», 1947, № 3, стр. 33—40.

развивает не менее реакционные, по существу также расистские взгляды о биологической неравноценности отдельных народов и наций, является книга известного американского социолога Хантингтона «Движущие силы цивилизации», вышедшая уже после войны²⁷. Хантингтон — профессор Иельского университета (Коннектикут), автор многочисленных книг и статей, посвященных антропогеографическим проблемам, в которых он в течение сорока лет пропагандирует идеи об определяющей роли биологических и географических факторов в истории человеческого общества. Можно указать такие произведения Хантингтона, как «Цивилизация и климат» (1924), «Принципы человеческой географии» (1940), «Пульс прогресса» (1926) и т. д.

Последняя работа Хантингтона, которая, по словам самого автора, подводит итог всей его научной деятельности, претендует на разрешение всех основных проблем мировой истории вплоть до самых острых вопросов современности. Об этом говорит уже само оглавление книги, которое включает такие названия, как «Основы цивилизации», «Проблема расы», «Характер и наследственность», «Селективный процесс в истории», «Человеческая активность и температура», «Социальные условия, религия и климат», «Географические оптимумы цивилизации» и т. д. Уже в самом начале книги автор объявляет, что в конечном счете законы истории непознаваемы и что «мы никогда не сможем сказать, почему цивилизация движется вперед, так же как не сможем сказать, почему высшие типы животных на протяжении ряда геологических эпох развивались вплоть до появления человека» (стр. 3). Этот «философский» агностицизм, примиряющий автора, как он сам признает, с открыто идеалистической концепцией о роли «божественных законов» в истории, не мешает ему эклектически сочетать самые различные вульгарно-материалистические взгляды на развитие человека и его культуры. Но все содержание книги отражает не столько эту беспомощную философскую позицию Хантингтона, сколько ясно выраженную реакционную направленность его историко-социологических взглядов, сводящихся к отрицанию классовой борьбы и к подмене ее, с одной стороны, биологическими факторами наследственности и селекции, а с другой, — такими географическими процессами, как изменение климата, колебания температуры, и даже космическими явлениями вроде числа солнечных пятен, фаз луны и т. д. Автор старается убедить читателя в своей научной объективности стилем изложения, ошеломляя огромным числом цифровых таблиц, схем, диаграмм и карт, но рассчитывает, повидимому, не на слишком искушенного читателя, если думает, что за этим «научным» аппаратом не видно фальсификаторского характера приводимых данных и их интерпретации. Можно привести в качестве примера 4 карты на стр. 256—257, где автор сопоставляет эффективность действия климатических условий на человека с географическим распространением автомобилей, образования и, наконец, «общего прогресса» (General Progress) в целом. Все это в мировом масштабе. Как и следовало ожидать, зная установки автора, вся эта научная эквилибристика приводит к «доказательству» того, что оптимумы на всех четырех картах оказываются приуроченными исключительно к англо-саксонским странам (США, Англия, Канада, Австралия и Новая Зеландия) и частично к Западной Европе. Итак «общий прогресс» — удел избранных наций.

Что же понимает автор под «общим прогрессом»? Приведем его собственные слова: «...сила инициативы, способность к созданию новых идей и их реализации, сила самоконтроля, высокие стандарты чести и

²⁷ E. Huntington, *Mainsprings of Civilisation*, N. Y. and London, 1945. Краткий разбор этой книги см. В. Матвеев и Ю. Семенов, Теория расизма на вооружении американской реакции, «Известия» от 19 ноября 1943 г.

морали, способность руководить и контролировать другие расы...» (стр. 261). Вот они какие, англо-саксы! Чтобы не быть заподозренными в пристрастии к своим соотечественникам, автор с серьезным видом сообщает, что карту «общего прогресса» он составил на основании опроса 50 специалистов-экспертов из 15 стран (стр. 260). Трудно представить себе более злую карикатуру на научное исследование, чем эти рассуждения Хантингтона, который, видно, не понимает, что нелепость, высказанная пятьюдесятью анонимными экспертами, не становится от этого меньшей нелепостью. Тут нет даже намека на обоснование декларируемого положения о высоких умственных и моральных качествах англо-саксов какими-нибудь данными, хотя бы столь излюбленными в Америке манипуляциями с психотехническими тестами.

Читатель не удовлетворен картами — можно диаграмму! На стр. 251 даны диаграммы относительного места девяти наций по таким показателям, как здоровье и жизнедеятельность населения, производительность труда в сельском хозяйстве, производительность труда рабочего и доход на душу населения. И здесь три первых места занимают англо-саксы (Новая Зеландия, США и Великобритания). Ссылки на экспертов здесь уже нет, и автор ограничивается глухими ссылками на свои собственные «исследования». Число примеров из книги Хантингтона можно было бы увеличить во много раз, но все они оказались бы совершенно в таком же стиле: высота отдельных столбиков на диаграммах строго «коррелирует», употребляя терминологию автора, с его симпатиями к той или другой нации.

На картах и диаграммах Хантингтона не забыт и Советский Союз. Как и следовало ожидать от пятидесяти почтенных экспертов проф. Хантингтона, СССР занимает по всем показателям прогресса место далеко позади англо-саксонских стран; на упомянутых диаграммах он оказывается между Японией и Индией. Это не удивительно, если учесть, что в числе огромной библиографии в книге Хантингтона советские издания совершенно отсутствуют.

Автор не может не почувствовать противоречия между столь низкими показателями по СССР и его известными всему миру успехами в социалистическом строительстве и в Великой отечественной войне с фашистской Германией. Успехи эти автор объясняет, исходя из своей общей концепции. Оказывается, например, что войну с Германией Советский Союз выиграл главным образом потому, что в последние десятилетия средняя температура воздуха в Архангельске, Москве, Ленинграде и Свердловске несколько повысилась (стр. 410—416). Если гитлеровские обозреватели объясняли наши победы, как мы помним, холодной русской зимой, то уважаемый профессор ссылается на обратное — потепление русского климата. Повидимому, и тем и другому одинаково неприятны истинные причины силы и могущества социалистического государства.

Мы привели некоторые примеры обращения автора к географическим факторам. Рассмотрим его взгляды на вопросы роли биологических факторов в истории. Учитывая, что германская расовая теория окончательно скомпрометировала себя даже в глазах среднего американца, Хантингтон заявляет о своем отрицательном отношении к «нордическому мифу» (стр. 38). Однако, как мы увидим дальше, его собственные построения в отношении человеческих рас недалеко ушли от построений таких откровенных расистов, как Гюнтер, Шейдт, Фишер и др. Хантингтон конструирует понятие «родственной группы» (*kith*) — «группы или народа со сходной культурой, языком и общностью браков...» «Тщательное изучение как биологических, так и культурных особенностей этих родственных групп, — пишет он, — несомненно, поможет осветить почти все периоды истории и объяснить поразительное число загадочных деталей» (стр. V). В качестве примеров таких *kiths* автор

приводит кочевников Аравии, персов Индии, «поэтический народ Исландии», квакеров, немецких юнкеров, монголов и др. (там же). Перед нами старая песня на новый лад — понимание нации как расы, т. е. как биологической общности людей. Не лишне напомнить, что именно этот вариант расовой теории получил особенное признание среди германских расистов в период гитлеризма.

В основе формирования так называемых «родственных групп» лежат, по мнению Хантингтона, явления отбора, действию которого автор приписывает решающее значение в процессах выработки как расовых, так и социальных особенностей этих групп. Автор говорит о двух законах (principles) отбора: элиминирование особей, не приспособленных к данным условиям существования, с одной стороны, и исчезновение тех обычав и нравов, которые вредны для всей «родственной группы» — с другой (стр. 171—172). Этими селективными процессами Хантингтон объясняет биологические и культурные различия между оседлыми и кочевыми народами, в столкновении которых он видит одну из главных пружин истории. Отбором же автор объясняет возникновение таких качеств кочевников, будто бы специфичных только для них, как изобретательность, самоуверенность, инициативность и даже... гостеприимство и демократия (стр. 175).

В этом селективном процессе особенную роль играли переселения в новые страны и выживание в трудных условиях миграций наиболее одаренных. Одним из высших продуктов отбора является население Северной Европы, в особенности Исландии. Не трудно уловить основную нить рассуждений автора, которая ведет читателя к тому, чтобы уверовать в то, что высший элемент человечества составляют ангlosаксы США — отборная группа из числа тех же северных европейцев (стр. 122—148). Войны, преследования, голодовки, по Хантингтону, также являются благодетельными селективными факторами (стр. 160—169). Автор нигде не упоминает основателя антропосоциологии Вашеде-Лапужа, но все его рассуждения и выводы как по своей реакционной направленности, так и по характеру «аргументации» (отсутствие в сущности всяких фактических аргументов) поразительно совпадают с «законами» антропосоциологии — этого отвратительного извращения учения Дарвина и одной из наиболее живучих форм расизма.

Из наиболее откровенных по своей расистской направленности книг американских антропологов следует назвать объемистый том, написанный проф. Хутоном и вышедший в свет под странным заглавием «Почему люди ведут себя, как обезьяны, и наоборот»²⁸. Книга возникла на основе пяти лекций, прочитанных автором в Принстонском университете. В соответствии с этим она делится на пять частей, посвященных «телу и поведению»: 1) в отряде приматов, 2) в человеческом семействе в целом, 3) у человеческих рас, 4) в нациях и этнических группах, 5) у отдельных индивидов. Реакционная, лженаучная книга американского антрополога пытается доказать, что телесные особенности человеческих рас и индивидов оказывают решающее влияние на психику и поведение людей. Автор выступает как законченный расист и утверждает целесообразность насильтвенной стерилизации «неполнценных» людей. Основная идея, которой посвящена книга, заключается в том, что строение тела животных и их поведение связаны между собой. Хутон рассматривает ее применительно к разным группам приматов, затем к расам человека и, наконец, к типам сложения людей. Проблему преступности у человека автор разрешает с тех же позиций, что и вопросы о поведении лемуров и горилл.

Автор много говорит о расовых различиях в психике и не пренебрегает грубой руганью по адресу мыслителей и ученых, которые придают

²⁸ E. A. Hooton, Why men behave like apes and vice versa, 1947.

решающее значение для психики человека социальным и историческим условиям ее формирования, хотя сам вынужден прийти к заключению, что влияние расы на поведение меньше, чем социальной традиции (стр. 192). Автор не скрывает своего отвращения к человечеству: «Медицина в ее современном состоянии полузнания спасает миллионы жизней, большая часть которых недостойна спасения, потому что они слабы телом и духом... Общество, пожалуй, может допустить бремя поддержки миллионов калек и инвалидов, пострадавших на войне или вследствие острых инфекций, но общество не может выдержать истощения своих биологических и экономических ресурсов в результате размножения людей неполноценных конституционно...» (стр. XVII).

Цинизм этой книги вычеркивает имя Хутона, в прошлом автора ряда антропологических работ, из списка ученых. Многие американские газеты дали весьма лестные отзывы о книге Хутона, как о блестящем опыте популяризации антропологии. Хутон действительно не пожалел средств, чтобы «развлечь» читателя, даже переходя местами в открыто шутовской тон. Повидимому, для определенных слоев американского общества наряду с такими книгами, как «Занимательная физика», «Занимательная ботаника» и т. п., желателен новый, создаваемый Хутоном, жанр, который можно было бы назвать «Занимательное человеконенавистничество».

В 1946 г. в американском журнале «Маммалогия» появилась статья американского зоолога Раймонда Холла под названием «Зоологические подвиды человека за столом мира»²⁹. Автор заявляет о себе как о противнике расизма. «Не смогут ли факты, собранные зоологом, — спрашивает Холл, быть использованы теперь за столом мира, когда война окончилась?» Автор делит человечество на пять подвидов с нижеследующими названиями: 1) *Homo sapiens sapiens* (кавказская раса); 2) *Homo sapiens americanus* (индейцы); 3) *Homo sapiens asiaticus* (монголы); 4) *Homo sapiens afer* (негры); 5) *Homo sapiens tasmanicus* (туземцы Австралии).

Термин «*Sapiens*» мимоходом два раза приписан белой расе в отличие от всех «цветных» рас, т. е. и как видовое и как подвидовое название. «Антирасист» Холл, таким образом, начал свою речь за «столом мира» с того, что рассадил расы человечества на разные места. Расы человечества чрезвычайно сильно отличаются друг от друга, даже по запаху. Как же установить мир между ними, основываясь на зоологических данных? Оказывается, зоология нас учит, что когда подвиды сталкиваются на одном ареале, то происходит либо смешение и, тем самым, своего рода вымирание через растворение, либо, чаще, убийство и истребление одним подвидом другого и оттеснение его в условия, весьма неблагоприятные для жизни (стр. 361—362). Далее автор предлагает другой «закон» зоологии: переселенцы из большой области всегда вытесняют туземных жителей малой области. Примеры: олени, мыши, переселившиеся из Азии в Аляску. Затем автор переходит к человеку. Выдержат ли белые Америки натиск со стороны восточных азиатов, уроженцев огромного азиатского материка? — спрашивает он с тревогой. Дело не так просто, однако, по мнению автора. Ведь сами «кавказцы», белые люди, пришли с огромного материка Евразии; поэтому то, что белые сделали с индейцами, этого восточным людям не удастся сделать с белыми! Шансов примерно 50 на 50. Но необходимо ли это столкновение? Нет, заявляет автор. Нужна гармония. Каждый подвид должен сидеть на своем ареале, чтобы избежать конкуренции и кровопролития. Не следует пускать азиатов в Америку и давать им право гражданства. Пусть каждый подвид развивается сам. Так окончился

²⁹ E. Raymond Hall, Zoological Subspecies of man at the peace table, «Journ. of Mammalogy», vol. 27, No. 4, 1946, November, стр. 358—364.

праздник мира, чтобы за столом был мир, гости прочь из-за стола. Так подводится биологическая база под столь популярный в США принцип сегрегации — искусственного разделения людей, принадлежащих к различным расам. Этот расистско-евгенический принцип проповедуется теми, кто проводит законы о запрещении браков между белыми и «цветными», кто организует суды Линча под наветом «преступной» связи негра с белой женщиной, кто загоняет негров, индейцев азиатских иммигрантов в трущобы, кто устанавливает на вагонах ресторанах, гостиницах таблички с надписями: «только для белых». Очевидным ханжеством звучат нередкие в Америке голоса о «гуманности» сегрегации, которая будто бы избавляет «цветные расы» о преследования белых, поскольку контакт между ними затрудняется самой сегрегацией. Сегрегация стала в наши дни нерушимым, хотя и неписанным законом общественной жизни в США. Вот как характеризует этот закон выступающий против сегрегации американский автор «Мы отказываем Вам в праве включать в число Ваших друзей или открывать двери Вашего дома кому бы то ни было, у кого среди предков были негры. Если Вы нарушите это табу, мы Вас вышвырнем из общества»³⁰.

VI

Очень ярко расизм проявляется также в огромном количестве этнографических работ, выходящих в англо-саксонских странах, особенно в США. Англо-американская этнография, давно порвав со славными традициями Моргана и отказавшись даже от эволюционизма Тэйлора, в последние десятилетия характеризуется господством реакционных концепций. Англия является родиной того направления в этнографической науке, которое известно под названием «функционализма». В советской этнографической литературе последних лет уже была дана критика методологических основ этой реакционной школы, столь модной в работах английских авторов, посвященных вопросам этнографии колониальных стран, особенно Африки и Океании. Родоначальниками функционализма были английские этнографы Бронислав Малиновский и Радклифф-Браун, декларировавшие прямое подчинение задач этнографической науки интересам колониальных администраторов.

Сущность функционализма в его прикладном применении состоит в изучении «структур» туземных обществ, «функций» отдельных институтов этих обществ для непосредственного использования отсталых форм хозяйства, быта и культуры колониальных народов с целью их эксплуатации и утверждения господства империалистов. В теоретическом плане функционализм характеризуется тем, что рассматривает каждое туземное общество как застывшую систему, вне всякого исторического развития. Антиисторизм является одной из доктрин функциональной школы, представители которой, выступая против познаваемости исторического процесса, стоят, в сущности говоря, на позициях крайнего биологизма в трактовке общественных и культурных явлений, ибо рассматривают их как проявление физиологических и психологических особенностей отдельных индивидов, входящих в состав той или иной конкретной этнической группы. За подобными рассуждениями, часто поражающими своей бессистемностью, за биологизаторскими нелепостями прячет свое лицо реакционная «теория» — расизм³¹.

Наиболее ярко указанные установки функциональной школы проявляются в теоретических трудах и практической деятельности фельдмар-

³⁰ G. H. Dunne, The sin of segregation, сб. «Anatomy of racial intolerance», compiled by G. B. de Huzar, N. Y., 1946, стр. 107.

³¹ О функционализме см.: С. П. Толстов, Советская школа в этнографии, «Советская этнография», 1947, № 4, стр. 16—17; И. Золотаревская, Функциональная школа в этнографии (сборник), «Советская этнография», 1948, № 1, стр. 212—214.

шала Смэтса, до недавнего времени бывшего главой правительства Южно-Африканского Союза. Его философская система «холизм» в области этнографии выступает как откровенный расизм, разделяющий белых и черных людей непроходимой пропастью психических расовых различий³². В американской литературе пропаганда тех же положений функциональной школы нашла свое отражение в книге этнографа Чэппла и уже знакомого читателю антрополога Куна «Принципы антропологии», изданной в 1942 г.³³ Мы не останавливаемся подробно на разборе этой книги, так как ее критика была уже дана на страницах «Советской этнографии»³⁴. Напомним только, что лейтмотивом этого труда служит утверждение, будто все общественные явления определяются психологическими импульсами, которые в свою очередь зависят от физиологических процессов неизменной в конечном счете природы человека... Авторы сами определяют основное содержание своей книги как развитие двух положений: о том, что «человек — это организм» и что «регулирование отношений между отдельными индивидами объясняется в терминах известных физиологических явлений» (стр. 695). В числе своих непосредственных идеальных предшественников Чэппл и Кун называют и Малиновского, и Раддклиф-Брауна, всячески подчеркивая заслуги этих этнографов в том, что они поставили этнографию на службу колониальной администрации. Столь же лестно авторы отзываются о профессоре Чикагского университета Б. Л. Уорнере, применившем принципы и методы функциональной школы к изучению современного американского общества, и указывают на «достижения» этого нового направления в исследовании административной системы Западной электрической компании (стр. V). Чэппл и Кун заявляют, что их методология объединяет принципы «функциональной и исторической школ» в американской этнографии (стр. VI—VII). Однако в действительности мы имеем дело с бессистемным эклектизмом, со всеми пороками функциональной школы.

Мы не можем останавливаться на разборе взглядов Чэппла и Куна по отдельным вопросам развития хозяйства, материальной культуры, социальной организации, религии и укажем только, что во всех этих разделах проявляется и биологизация человеческих отношений, и антропогеографизм, и крайняя модернизация первобытного общества, описываемого в понятиях и терминах современного американского капитализма. Так, например, военную организацию индейцев племени омаха Чэппл и Кун сопоставляют с полицией американских городов и серьезно рассматривают вопрос о сходствах и различиях между ними (стр. 357). Искажая историческую действительность и подменяя сознательно игнорируемые закономерности общественного развития биологическими и географическими факторами, Чэппл и Кун делают поразительное открытие, что, вопреки мнению многих исследователей, классовые различия в США, существовавшие раньше, в настоящее время совершенно исчезли (стр. 435). Нетрудно в рассматриваемом произведении увидеть те же идеи псевдонаучной антропогеографии, что и в разобранной выше книге Хантингтона.

В труде Чэппла и Куна, как уже указывалось, мы находим почти полную ссылку на работы американского профессора Уорнера, который является пионером изучения методами этнографии «современных общин» (Modern communities) разных городов США³⁵. Одна из книг

³² О холизме Смэтса см. И. И. Потехин, Функциональная школа этнографии на службе британского империализма, «Советская этнография», 1948, № 3, стр. 33—49.

³³ E. D. Chapple and C. S. Coon, Principles of Anthropology, N. Y., 1942.

³⁴ См. цит. статьи Толстова и Потехина, а также рец. Н. А. Бутикова в «Советской этнографии», 1948, № 2, стр. 248—251.

³⁵ См. Б. И. Шаревская, Апология расизма в американской этнографии, Обзор. «Советская этнография», 1948, № 2, стр. 246—248.

Уорнера, написанная им совместно с Л. Сролем, посвящена изучению «социальных систем американских этнических групп»³⁶. Большое место в этой книге занимает анализ темпов «этнической и расовой ассимиляции» различных групп населения США и их превращения в «истинных американцев». Авторы различают несколько «культурных типов»: говорящих по-английски протестантов; протестантов, не говорящих по-английски; говорящих по-английски католиков и других не-протестантов; говорящих по-английски не-христан и др. Параллельно выделяются и пять расовых типов: «светлые кавказоиды» (в смысле «светлые европеоиды»); «темные кавказоиды», «монголоиды и смешанные с ними группы с обликом темных средиземноморцев», «монголоиды и смешанные кавказоиды с монголоидным обликом» и, наконец, «негры и негроидныеmetis». Эти культурные и расовые типы располагаются авторами в форме иерархических таблиц по степени их «субординации», т. е. положения в американском обществе, групповой устойчивости и скорости ассимиляции. Высшее место занимают «светлые кавказоиды», самое низшее — негры; остальные группы располагаются между ними. Расовая принадлежность играет важнейшую роль в быстроте вхождения тех или иных людей в состав американского общества. Так оказывается, что «темным кавказоидам», евреям и магометанам значительно труднее стать настоящими американцами, чем евреям и магометанам с обликом «светлых кавказоидов». Монголам и неграм дорога в американское общество фактически закрыта в силу их расовых особенностей (стр. 284—296). Остается, повидимому, все та же сегрегация как разрешение этих расовых противоречий. Хотят или не хотят того сами авторы, но очевидно, что книга их подливает масло в огонь расовой ненависти и дискриминации в Америке. Предлагаемая Уорнером и Сролем шкала «расовой и этнической ассимиляции» хорошо согласуется с существующими в США «квотами» иммиграции. Еысшие «квоты» установлены для англичан и немцев, т. е. по схеме Уорнера и Сроля, «светлых кавказоидов». И далее нормы снижаются примерно в соответствии с расовой и этнической иерархией рассматриваемой книги.

Особенной популярностью в современной американской этнографии пользуется так называемая «психологическая школа», справедливо имеемая в советской этнографической литературе «расистско-психологическим» направлением. Критический анализ этого реакционного направления дан в статье Н. А. Бутинова (с предисловием Редакции), помещенной в настоящем номере «Советской этнографии»³⁷. Хотя представители психологической школы нередко заявляют о своем отрицательном отношении к германскому расизму, но это всегда звучит фарисейством, так как все их построения, их «модели культур», их учение об «основной личности» воскрешают мрачные страницы немецкой фашистской «науки» о «расовой душе» (Rassenseele). Эти совпадения, конечно, не случайны: и англо-американский, и германский расизм в конце концов пытаются теми же корнями — ненавистью к народным массам, борющимся за свое освобождение, к революционному марксизму — единственной теории, ведущей к уничтожению всякого классового, национального и расового неравенства. Идейными предшественниками и немецких фашистских этнографов, и англо-американских «теоретиков» от этнографии с их биологизацией истории и учением о расовой специфичности отдельных культур являются одни и те же идеологии реакционной науки вроде Лео Фробениуса или Освальда Шпенглера³⁸.

³⁶ W. L. Wagner and L. Srole, The Social Systems of American Groups, Yankee City Series, vol. III, 1946, New Haven.

³⁷ Н. А. Бутинов. Современная американская «теоретическая» этнография, «Советская этнография», 1949, № 1.

³⁸ О взглядах Фробениуса и Шпенглера см. С. П. Толстов, Расизм и теория культурных кругов, сб. «Наука о расах и расизме», 1938 г., стр. 137—170.

VII

Хорошо известно, что в англо-американских странах, особенно в США, расизм не только процветает в «научной» литературе, но и имеет самое широкое применение в практике расовой дискриминации. Не только в кровавой практике судов Линча, но и в официальном законодательстве многих американских штатов закреплено бесправное положение негров. Фактически тринадцатимиллионное негрское население в США расовой дискриминацией изолировано от белого населения, а в южных штатах загнано в отдельные кварталы. Политическое бесправие негров сочетается с их тяжелым экономическим положением, так как для негров почти закрыт доступ к квалифицированным профессиям и заработка платы, как правило, меньше, чем белых рабочих.

В самой американской прогрессивной печати приводится немало фактов расовой дискриминации в США. В штате Миссисипи, например, существует даже особый закон, карающий за всякое выступление против расовой дискриминации. По этому закону виновные в защите равенства между неграми и белыми приговариваются к заключению в тюрьму или денежному штрафу по усмотрению суда³⁹. Скандалную популярность приобрел своими антинегрскими выступлениями американский сенатор Бильбо, автор погромной книги «Сделайте выбор между разделением (рас) или превращением в ублюдков»⁴⁰. Повторяя через сто лет после Гобино его нелепые измышления о гибели древних цивилизаций вследствие смешения носителей высоких культур с низшими «неарийскими» расами, Бильбо модернизирует французского аристократа Гобино и старается устрашить американцев опасностью смешения с неграми. «Социальное равенство белой и черной рас, — заявляет сенатор, — и ликвидация расового обособления никогда не соответствовали идеалам нашего народа. Всякий, кто выдвигает такой довод, повинен в ложном истолковании значения американской демократии, сознательно или бессознательно стремится уничтожить будущее нашей республики, а поэтому он предатель своей страны и своей расы»⁴¹. Всех негров Бильбо предлагает выселить в Африку. О Бильбо и ему подобных следовало бы помнить тем американским ученым, которые, рядясь в тогу объективизма, оставляют всяческие лазейки для расистских идей. Насколько глубоко пронизывает яд расистской пропаганды различные слои американского общества, можно хорошо себе представить, читая переведенный недавно на русский язык роман Синклера Льюиса «Кингслад», в котором ярко показана ужасная судьба американского офицера, участника войны против фашистской Германии, решившегося открыто заявить о наличии негров среди его предков⁴².

Мы говорили пока о расовой дискриминации негров. Но эти же расовые теории вдохновляли и тех, кто повинен в истреблении целых племен американских индейцев, ничтожные остатки которых доживают свой век в тесных резервациях, где они эксплуатируются белыми цивилизаторами. Нельзя спокойно читать страницы романа прогрессивного американского писателя Говарда Фаста «Последняя граница», где описывается трагическая участь индейцев в резервациях в конце прошлого столетия⁴³. Расовая дискриминация в США распространяется также на китайцев и других представителей «желтой расы», как, впрочем, и на белых неамериканского происхождения. Еще грубее, чем в самих США,

³⁹ Ashley Montagu, *Man's most dangerous myth: the fallacy of Race*, 1945.

⁴⁰ Th. Bilbo, *Take your choice separation or mongrelization*, 1947.

⁴¹ Цит. по указанной выше статье Д. И. Мочалина, стр. 272.

⁴² Синклер Льюис, *Кингслад, потомок королей*, пер. с англ., М., 1948.

⁴³ Говард Фаст, *Последняя граница*, пер. с англ., М., 1948.

проявляется расовая дискриминация в американских колониях: на Филиппинах, Порторико, на Гавайских островах и т. д.

Широко распространена кровавая практика расизма и в странах Британской империи. По существу вся история создания британской колониальной державы насыщена истреблением, преследованием и эксплуатацией «цветных» народов. «Черная война» в Тасмании, закончившаяся уничтожением всего коренного населения этого острова, «очищение» большей части Австралии от туземцев, многочисленные карательные военные экспедиции против негров в Африке, вся английская политика в Индии, основанная на расовой дискриминации местного населения и на разжигании национальной, кастовой и расовой вражды между его отдельными группами,— таков далеко не полный перечень практики расизма английских колонизаторов.

В последние годы особое внимание мировой общественности привлекла расовая дискриминация в Южно-Африканском Союзе, где во главе правительства в течение многих лет стоял уже упомянутый фельдмаршал Смэтс и где его политические традиции продолжают процветать и в настоящее время. Негры в Южно-Африканском Союзе, составляющие более 80% его населения, лишены самых элементарных политических прав, находятся в исключительно тяжелых экономических условиях и даже ограничены в свободе передвижения. Положение негров-рабочих мало чем отличается от положения рабов, хотя рабство в Южно-Африканском Союзе по закону и отменено. Расовая дискриминация простирается здесь не только на негров, но и на переселенцев из Азии, в особенности на индусов, ввезенных сюда на рубеже XIX и XX столетий в качестве рабочих на золотых приисках. В течение полувека они остаются париями, не получив даже права гражданства и рассматриваясь как чужеземцы. Всем памятно обсуждение вопроса о дискриминации индейцев на сессии Генеральной Ассамблеи Организации Объединенных Наций в 1946 г., когда последовательная борьба представителей Советского Союза и стран народной демократии натолкнулась на упорное сопротивление англо-американского блока. Тот же блок выступил позднее и против предложений СССР по вопросу о борьбе с геноцидом, обнаруживая и здесь свою приверженность расистским концепциям. Расизм с полным правом может быть назван идеологией современного англо-американского империализма. Конечно, и в англо-саксонских странах раздаются голоса протesta против реакционных идей расизма и кровавой практики расовой дискриминации. Ряд антропологов и этнографов также выступил против расовой теории. Здесь раньше всего надо назвать имена Франца Боаса и Алеша Хрдлички, которые на протяжении многих лет выступали с антрасистскими работами и уже во время войны опубликовали несколько книг и статей, направленных в защиту равноправия рас. Можно указать еще на некоторые работы. Упомянутая выше расистская статья зоолога Холла (см. стр. 33) вызвала в том же журнале маммалогии, где она была напечатана, целый ряд возражений⁴⁴. В вышедшем в 1946 г. сборнике «Анатомия расовой нетерпимости»⁴⁵, помещен ряд статей, в которых американские авторы, приводя многочисленные примеры расовой дискриминации и сегрегации, выступают против расовых предрассудков. Несмотря на непоследовательность и половинчатость многих из этих статей, несмотря на националистические установки некоторых из них,— все же в сборнике звучит протест против разгула расизма в Америке.

⁴⁴ См. например, H. Sichel, A protest, «Journ of Mammalogy», vol. 28, No. 1, February, 1947.

⁴⁵ См. сборник «Anatomy of racial intolerance».

Но эти голоса более прогрессивных представителей американской интеллигенции пока тонут в мрачном концерте расистских проповедей. Расовые теории нужны «практикам» расовой дискриминации и в Америке, и в английских владениях для оправдания злодействий, совершаемых по отношению к «цветным» расам, для притупления классового сознания народных масс в США и в Англии. Задача советских ученых — разоблачать истинный смысл этих лжетеорий и те цели, которые они скрывают под обманчивой формой научных исследований.

ВОПРОСЫ ЭТНОГЕНЕЗ

А. Н. КОНОНОВ

ОПЫТ АНАЛИЗА ТЕРМИНА *ТҮРК**

Термин *түрк* издавна привлекал внимание исследователей; занимались в самых разнообразных аспектах. Большая часть ученья предложивших свое толкование этого термина, исходила из поиска более или менее удачного перевода этого слова, игнорируя ее социальную сущность.

Приступая к анализу термина *түрк*, я хочу напомнить, что академик В. В. Бартольд разъяснял слово *түрк* не как этническое наименование, но как политический термин¹.

„Термин *түрк*... слово довольно позднее и выступает в связи с образованием крупного племенного объединения...; если мы попытаемся связать термин „тюрк“ с каким-нибудь племенем, то это нам не удастся сделать, так как племена выступают под какими-нибудь другими, совершенно определенными терминами, как-то: толесь тардushi, киргизы и т. д. Объединение же всех племен носят название „тюрк“². С. П. Толстов в связи с приведенным выше указанием В. В. Бартольда замечает, что „контекст орхонских надписей не оставляет сомнений, что этот термин (т. е. *түрк*. — А. К.) выступает в них именно как собирательное имя военного союза племен... Этот термин долго не получает конкретного этнического содержания“³.

Китайцы, которые, пожалуй, знали древних тюрок раньше и лучше, чем другие соседние с ними народы, транскрибировали интересующий нас термин в форме *ту-кюэ*, оригиналом которого считают слово *түркүт*⁴ или *түрккäp*⁵. Китайцы, пытаясь осмысливать значение этого слова, приводят такое объяснение, которое известно из истории династии Суй (580—618): „Гора (в Кин-сан „Золотой хребет гор“ — Алтай), имевшая форму шлема, у подножия которой

* Доклад, прочитанный в заседании Турецкого кабинета Ин-та востоковедения АН СССР 7 января 1948.

¹ В. В. Бартольд, Очерк истории туркменского народа, „Туркмения“, 1, 10.

² А. Н. Бернштам, Происхождение тюрок, „Проблемы истории докапиталистического общества“, 1935, № 5—6, стр. 46—47; его же, Социально-экономический строй орхено-енисейских тюрок VI—VIII вв. и э., Л., 1946, стр. 84—85.

³ С. П. Толстов, К истории древнетюркской, социальной терминологии, „Вестник древней истории“, 1938, 1/2, стр. 81.

⁴ См. R. Pelliot, L'origine de T'ou-kiue, nom chinois des Turcs, T'oung Pao, XVI, 1915, стр. 687—689.

⁵ См. Е. Д. Попов, Ту-кюэ китайской транскрипции — турецкое түрккäp, „Изв. АН СССР“, 1927, стр. 691—698.

находился лагерь Ту-кюэ, послужила причиной того, что эти народы стали именовать себя Ту-кюэ, так как на языке их шлем называется Ту-кюэ⁶.

Эта этимология принималась многими исследователями (см., например, указанную выше статью Гесса и ее русский перевод Букшпана). В наши дни это толкование поддерживается, с иных, правда, позиций, И. А. Батмановым, который считает возможным допустить, что тюрки „назывались по имени своих головных уборов. Некоторые из древнетюркских племен, живших на Алтае, славились как кузнецы и оружейные мастера. В 552 г. последние снабжали кочевников Монголии и царства Жуань-Жуаней вооружением и доспехами. Сами кузнецы и воины носили шлемы или железные клобуки; поэтому их и называли тюроками“⁷.

Китаист И. Бичурин и монголист Шмидт считали ту-кюэ монголами и постоянно писали это имя в форме дулга, производя его от монгольского дудулга — шлем. Клапрот и Абель Ремюза „неудачно сравнивали“ имя ту-кюэ с тәкіjä — шапка⁸. Позднее это толкование поддерживал Е. Blochet⁹. Н. А. Аристов считал, что для объяснения этого термина „есть вполне подходящее тюркское слово төрк, значащее шлем“¹⁰. В арабской литературе древнейшее упоминание термина түрк приходится на VI век¹¹.

У самих тюрок происхождение интересующего нас термина уже в XI в. н. э. было облечено в легендарную форму, в хадис, который мы теперь знаем из труда Махмуда Кашгарского: „Всевышний Бог сказал: „У меня есть войско, ему я дал имя Түрк; его¹² я на востоке поселил. Когда я разгневаюсь на какой-нибудь народ, тюркам во владение тот народ отдаю“¹³. В Словаре М. Кашгарского (I, 294—95) слово түрк зафиксировано в трех сочетаниях: түрк кујаш өді — солнце в зените; түрк үзүм өді — время созревания винограда; түрк жігіт — молодой человек, находящийся в расцвете сил¹⁴.

⁶ См. J. J. Hess, Die Bedeutung des Namens der Türken, „Der Islam“, 1919, IX, 99; цитирую по русскому переводу этой статьи, сделанному А. Букшпаном; см. А. Букшпан, К вопросу о значении имени тюрок, „Изв. Вост. факультета Азербайдж. гос. ун-та им. В. И. Ленина. Востоковедение“, II, 59—60.

⁷ И. А. Батманов, Краткое введение в изучение киргизского языка, Фрунзе, 1947, стр. 14.

⁸ См. Н. А. Аристов, Заметки об этническом составе тюркских племен и народностей и сведения об их численности, Отд. отт. из „Живой старины“, вып. III и IV, 1896, стр. 5, сн. 1.

⁹ См. А. Н. Бернштам, Происхождение тюрок, стр. 44.

¹⁰ Н. А. Аристов, Указ. раб.; ср.: В. Мункачи, Die Bedeutung des Namens der Türken, KCs-A, I, 1. 1921, 59—60.

¹¹ Т. Kowalski, Die ältesten Erwähnungen der Türken in der arabischen Literatur, KCs-A, II, 1—2, 1926, 38—41.

¹² Дословно „их“; слово түрк понималось как имя собирательное. В орхонских памятниках слово түрк неизменно сохраняет эту форму „единственного“ числа и не принимает афф.-läp.

¹³ МК, I, 294; по переводу Б. Атала, I, 351. См. еще перевод В. В. Бартольда в работе „Мусульманский мир“, Петроград, 1918, стр. 40.

¹⁴ Проф. А. П. Потцелевский во время обсуждения моего доклада в связи с этими примерами М. Кашгарского высказал очень интересную мысль: „Как видно из содержания этих примеров, слово түрк имеет в них значение, которое может быть приблизительно передано так: „достигший высшей точки подъема или развития, поднявшийся до своего зенита“. Подобная семантика слова түрк может быть сопоставлена с семантикой глагола түр-мäk, имеющего между прочим значение „поднять“ (см. Словарь В. В. Радлова). Если учесть, что слово түр үк спорадически (например, в туркменской диалектальной речи) может произноситься и как түрк-үк и что редуцированные звуки ү ~ ў (как, например, в слове куру-т > кур-т — сухой творог в форме круглых комков) легко выпадают, имеются основания рассматривать слово түр-к (< түр-үк) как отлагательное, ведущее свое начало от основы

В Европе первая попытка толкования слова *türk* относится VII в. н. э., когда была письменно зафиксирована легенда о троянской происхождении тюрок; искусственная этимология возводит слово *türk* к имени царя *Togquotus*, а позднее (X в.) — к имени царя *Troilus*¹⁵ Европейцы, по понятным причинам, интересовались тюрками во всех аспектах, и само название *türk* и его правильное написание и происхождение тоже привлекали внимание: византийские гуманисты спорили о правильном начертании имени *türk*¹⁶.

Важно отметить, что Тура, одного из героев Авесты, царствовавшего на Востоке, Е. Блоше считает „вне всякого сомнения предком тюрков“ и полагает, что это имя невозможно отделить от названия турецкой земли *Tuirya* (=Тигуя)¹⁷.

По мнению W. Geiger'a, приведенному Е. Оберхуммером, имя Тура „в Иране испокон века, от Авесты до Шах-наме, имело собирательное значение (ein Kollektivbegriff), не обозначало никакого этнографического различия и относилось к степным народам, обитавшим от Каспийского моря до Сыр-Дарьи“¹⁸.

Популярность Шах-наме закрепила искусственную этимологию, производящую название Туран от имени Ту р, которое носил сын Феридуна; с именем Ту р связывался и термин *türk*¹⁹.

Переходя к позднейшим попыткам анализа и объяснения термина *türk*, следует отметить упорное стремление H. Vámbéry придать слову *türk* значение — „творение“, „человек“²⁰.

К двадцатым годам текущего столетия наиболее популярными гипотезами оказались: гипотеза, связывающая слово *türk* со значением „шлем“²¹; гипотеза, связывающая слово *türk* со значением „творение“, „человек“ (Вамбери).

Б. Мункачи²² критикует предположение Гесса и поддерживает мнение Вамбери, подкрепляя его указанием на то, что само название многих народов имеет точный смысл „человек“.

Ю. Немет критикует предположение Гесса и дважды²³ возражает против гипотезы Вамбери. Ю. Немет в первой из указанных статей кратко, во второй подробно развивает и пытается обосновать предположение, связывающее слово *türk* со значением „мощь“, „сила“²⁴. Это предположение имеет свою историю: впервые (1912) оно кратко было сформулировано Лекоком, а позднее (1922) поддержано В. Томсеном²⁵. Критику этого предположения дал С. П. Толстов²⁶. Вторая

глагола *türk-mak*. В своем первоначальном значении (которое было приведено нами выше в гипотетическом плане) слово *türk*, субстантивируясь, вполне естественно могло стать не только коллективным наименованием привилегированного (resp. высшего) слоя общества, но и „бога“, что (но, правда, иными путями) приводит нас к заключению, сделанному еще Н. Я. Марром²⁷.

¹⁵ См. A. Eckhardt, *La légende de l'origine troyenne des Turcs*, KCs-A, II, 6, 424, 427.

¹⁶ См. J. Moravcsik, *Byzantinische Humanisten über den Volksnamen Türk*, KCs-A, II, 5, 381—384.

¹⁷ E. Blochet, *Le nom des Turks dans l'Awesta*, IRAS, April 1915, стр. 306; см. еще: E. Oberhummel, *Der Name Turan, „Túráñ“*, 1918, № 4, стр. 194 и сл.

¹⁸ E. Оберхуммер, Указ. раб., стр. 195, 196.

¹⁹ E. Оберхуммер, Указ. раб., стр. 204.

²⁰ Это предположение Вамбери последовательно развивал в трех своих работах: „*Etymologisches Wörterbuch der Turko-Tatar. Sprachen*“, Lpz., 1878, §§ 197, 200; в „*The Journal of the Manchester Geographical Society*“, 1892, vol. 8, статья „*The Turco-Tatar*“; „*Die primitive Kultur des turko-tatarischen Volkes*“, стр. 51.

²¹ См. J. J. Hess, Указ. раб.

²² B. Munkacsy, Указ. раб.

²³ J. Németh, *Zur Kenntnis der Petschenegen*, KCs-A, I, 3, 219—225; его же, *Der Volksname Türk*, KCs-A, II, 4, 275—281.

²⁴ J. Németh, *Der Volksname Türk*, стр. 278.

²⁵ Там же, стр. 275.

²⁶ С. П. Толстов, Указ. раб., стр. 81, сн. 77.

статья Ю. Немета подводит итог попыткам разъяснения и анализа термина *түрк* в Западной Европе.

Советские ученые подошли к анализу термина *түрк* с социально-исторических позиций.

Акад. В. В. Бартольд считал возможным сопоставить термин *түрк* со словом *түрү* — закон, обычай, встречающимся в орхонских памятниках; *түрк* < *түрү* могло значить: „народы, объединенные на основе закона“²⁷ (*түрү*). Это, как мне представляется, весьма сильное предположение, к сожалению, В. В. Бартольдом не было дальше развито и прошло почти не замеченным.

Другой наш выдающийся ученый акад. Н. Я. Марр тоже занимался термином *түрк*. Этот термин он производит от слова „т а р — к а н“: „... турки называются так не по случайности, как предполагается, а по сумме всех координатов, по связи этого термина, как племенного названия, не только с названием привилегированного сословия, равно „бога“, даже с корнями в матриархальных эпохах — женского божества...“²⁸. Далее Н. Я. Марр замечает, что название племени тус-к'ов, тушинов, или турков, восходит к форме тур~тор.

В этой цитате я обращаю особое внимание на слова Н. Я. Марра о том, что термин *түрк* связывается наряду с другими значениями „с названием привилегированного сословия, равно „бога“.

Новое поколение советских ученых тоже внесло свою лепту в разъяснение и анализ термина *түрк*. А. Н. Бернштам в названной выше статье приходит к выводу, что термином *түрк* выражается „не только этническое наименование и последнее не только результат трансформации племенногоtotема“, но и является продуктом определенного периода, раннего этапа „становления классового общества феодального порядка“. Термин *түрк* он связывает со словом *тöркүн* — семья „в значении племенной общности“²⁹.

С. П. Толстов в цитированной выше статье приводит новое толкование термина *түрк*, исходной формой которого он считает слово *«*tūg-kün (tag-qap)³⁰*, со значением „в возрастный класс молодых неженатых воинов“. И далее: „От значения „в возрастный класс молодежи“ к значению „войско“, „военный вождь“, дальше — „племенная аристократия“, „патрициат“, „сюзерен“, „верховный правитель“, дальше — собирательное имя тех народов, у которых в эпоху раннего средневековья господствующая аристократия несла традиции этой общественной организации, вне зависимости от их этнической и языковой принадлежности...“³¹.

Советские ученые, как мы видим из приведенных цитат, внесли совершенно новое, отличное от западноевропейских ученых толкование термина *түрк*, основанное на новом, марксистском понимании исторического процесса. Основной упор в построениях наших ученых делается на связь этого термина с тотемом и с названием привилегированного сословия („племенной аристократии“) и т. д.

Все сделанное названными советскими учеными значительно облегчает мои усилия по анализу и толкованию слова *түрк*. Я обращаю преимущественное внимание на филологическую сторону проблемы, которая при надлежащем разрешении позволит сделать и далеко идущие исторические выводы.

²⁷ W. Barthold, 12 Vorlesungen über die Geschichte der Türken Mittelasiens. Deutsche Bearbeitung von Th. Menzel, 1935, 33, по турецкому изданию стр. 26—27.

²⁸ Н. Я. Марр, Расселение языков и народов и вопрос о прародине турецких языков, Избр. работы, IV, 156.

²⁹ А. Н. Бернштам, Происхождение турок, стр. 47—48.

³⁰ Ср. с гипотезой Н. Я. Марра, приведенной выше.

³¹ С. П. Толстов, Указ. раб., стр. 80—81..

Все наши исследователи слово *түрк* считают двухэлементным образованием: *түр* + *к*. Косвенным подтверждением этого может служить также китайская транскрипция слова *түрк*, в которой „*түр*“ приходится на первый иероглиф, *к*—на второй³².

Начнем с объяснения второго элемента, т. е. с аффикса *-к*, который может быть возведен к форме *-гүн*, *-күн*. Этот аффикс встречается в составе нескольких старых слов: *арқагүн*—семья, *інжігүн*—младшее родство, *кәлиүм*—невестки, *ігәгүн*—оба. Сюда же по образованию следует отнести и слово *түркүн*³³, имеющее, по М. Кашгарскому, значение: „место, где собирается племя“ (*al-'ash'rāt*), „отчий дом“³⁴; по переводу К. Броккельмана: *Familie, Stammsgemeinschaft*. В. В. Радлов приводит это слово с пометой „кир“, т. е. „казахское“, в значении: „отец“, „родители и все родственники жены“; „дом отца жены“. В современном киргизском языке *төркүн*—родня жены³⁵. И у других народов, например у монголов, этим термином обозначаются родственники по матери или родственники жены³⁶. Говоря о словах, в которых сохранился интересующий нас аффикс, следует привлечь слово *қырқын*, которое, по мнению К. Грёнбека, является формой множественного числа от единственного *қыз*—девица³⁷. К. Грёнбек аффикс *-гүн*, *-күн* рассматривает как аффикс множественного—собирательного числа³⁸.

В этой связи следует вспомнить слово *älkүн*—народ³⁹, которое, по сообщению проф. А. П. Поцелуевского, бытует в туркменском языке в форме *іім-гүнім*—мой народ, мое племя, моя родня, где долгое (или полудолгое) произношение звука *і* в слове *гүнім* свидетельствует о его принадлежности к основе слова, а не к посессивному аффиксу. Восстановливаемое таким образом слово *гүні* существует в туркменском языке самостоятельно в значении „наложница“ (resp. „младшая жена“). Это же слово встречается (по В. В. Радлову) и в азербайджанском языке в форме *гүні*—*гүнү* со значением „соперница“ (генетически легко возводимым к значению „наложница“, „младшая жена“). Сюда же надо присоединить слово *күн*, известное в значении „молодая рабыня“⁴⁰.

Аффикс *-гүн*—*күн*, находящийся в составе приведенных выше слов, в семантике которых явно отражено „женское начало“, делает вполне возможным допустить генетическую связь между словом *гүні*—*күні* и интересующим нас аффиксом. Имея в виду происхождение аффикса *-гүн*, *-күн* из слова *гүні*—*күні*, приведенное К. Грёнбеком слово *қырқын* можно объяснить так: „*қыр* (= *қыз*) + *қын* (<*күні*)—девица + жена, т. е. все женщины, весь женский, пол (ср. узбекское: *хотин-кизлар*—женщины).

Происхождение аффикса *-гүн*—*күн* из самостоятельного слова со значением „жена“, „женщина“ убедительно в историческом плане объясняет то собирательно-множественное значение, в котором оно встречается во всех дошедших до нашего времени словах.

Все эти факты позволяют принять, что аффикс *-гүн*, *-күн* дал *-г*, *-к*, а слово *түр*—*күн* > *түр*—*к*.

³² Е. Д. Поливанов, Указ. раб., стр. 693.

³³ Так это слово транскрибирует Б. Аталаи в своем новом переводе Дивана М. Кашгарского (I, 441, 27; II, 209, 21). У В. В. Радлова (Опыт словаря..., III, 1256) и К. Броккельмана (*Mitteltürk. Wortschatz*)— *төркүн*.

³⁴ МК, I, 368, 13; II, 165, 12; Б. Аталаи, I, 441, 227; II, 209, 21.

³⁵ К. К. Юдахин, Киргизско-русский словарь, М., 1940, стр. 514.

³⁶ См. Б. Я. Владимиров, Общественный строй монголов, Л., 1934, стр. 48, 59.

³⁷ К. Грёнбек, *Der türkische Sprachbau*, I, Copenhagen, 1936, § 86.

³⁸ Там же, §§ 67, 86.

³⁹ В. В. Радлов, Опыт словаря..., I, 803.

⁴⁰ См., например, МК II, 68, 6.

Теперь обратимся к рассмотрению первого элемента термина *түрк*.

Совершенно естественно напрашивается сопоставление элемента *түр* с известным всем тюркским языкам словом *түр* || *төр*—передний угол, почетное место⁴¹. Очень точно определяется слово *төр* в ойротско-русском словаре⁴²: „место против входа в юрту; почетное место в доме, главное место у очага“. По разъяснению крупного знатока этнографии Алтая проф. Л. П. Потапова, преимущественным значением слова *төр* является „главное место у очага“.

Дальнейшее морфологическое и семантическое развитие основы *түр* || *төр* находим в слове *төрү* (*төрә*)—обычай, закон, правило⁴³.

В форме *төрә* (реже: *төрү*), в качестве дальнейшего развития семантики, это слово получило значения: „титул ханских сыновей“, „принц“, „видный, знатный человек“, „чиновник“, „судья“, „исправник“, „начальник округа“⁴⁴. Слово *төрә* (~ *төрү*), в связи с основным значением „обычай“, „закон“, получило значение: „суд“, „судебное дело“, „процесс“, „судебное решение“⁴⁵.

В связи с значениями основы *түр* || *төр* следует указать на интересную статью Абдулькадира Ибана⁴⁶. Нет никаких сомнений (на что уже указал в названной статье Абдулькадир Ибан) в том, что слово *түр* || *төр* есть фонетический вариант слова *түс* || *төс* ~ *төз*. Чередование *p:c ~ z* явление, давно и широко известное тюркологии. Кстати замечу, что слово *төс* в форме *төр* реально существует (см. ниже): „... чувашское название для онгона тюри — вполне соответствует тюркскому *төс*, как все сибирские тюрки называли свои онгоны — леканы“⁴⁷.

Обратимся к выяснению значения слова *төс* ~ *төз* || *төр*. Представим слово специалистам-этнографам.

„У самых разлýchных народов Сибири были прежде широко распространены так наз. „идолы“, „истуканы“, „кумиры“, или „болваны“, изображающие животных и людей... Монголы и буряты называли такие фигуры словом онгон... Тюркские племена Сибири называли их төс..., чуваши — йерех, тюри...“⁴⁸

„Тюс или тэс у инородцев тюркского племени то же, что онгон у монголо-бурят, ... это внешний знак какого-нибудь божества, по большей части злого шайтана, которого надо было умилостивлять жертвами, кормить для отвращения какого-нибудь зла или несчастья“⁴⁹.

„Төс... первоначальные духи, которые, по анимистическим пред-

⁴¹ В. В. Радлов, Опыт словаря..., III, 1249, 1238, 1555; к списку языков, перечисленных Радловым, следует добавить туркменский и узбекский; см. еще: его же, ATiM, N.F., 176; MK III, 87, 5; 167, 3.

⁴² Н. А. Баскаков и Т. М. Тощакова, Ойротско-русский словарь, М., 1947, стр. 156.

⁴³ В. В. Радлов, III, 1249, 1250; W. Radloff—S. Malov, *Uig. Sprachdenkmäler*, Leningrad, 1928, 298; W. Radloff, ATiM, N. F., 176; MK, I, 97, 9; II, 16, 7; 21, 10; III, 86, 9; 167, 4. В этой же форме и значении это слово известно и монгольскому языку, см.: О. Ковалевский, Монгольско-русско-французский словарь Казань, 1849, III, 1939. В современном монгольском языке *төрү* известно в значении „правление, управление“, см. К. М. Черемисов и Г. Н. Румянцев, Монгольско-русский словарь, Л., 1937, стр. 417. В современном бурят-монгольском языке, по справке К. М. Черемисова, это слово в форме *төрө* имеет значение: „держава“, „государственный строй“, „свадьба“.

⁴⁴ В. В. Радлов, Опыт словаря..., III, 1250, 1256.

⁴⁵ Там же, 1250, 1254, 1556.

⁴⁶ Abdülkadir (Inan), *Ongon ve Tös kelimeleri hakkında*, Türk Tarih Arkeologya ve Etnografya Dergisi, II, İstanbul, 1934, 277—285.

⁴⁷ Д. К. Зеленин, Культ онгонов в Сибири, М.—Л., 1936, стр. 399.

⁴⁸ Д. К. Зеленин, Указ. раб., стр. 6.

⁴⁹ Д. А. Клеменц, Заметка о тюсях, Изв. Вост.-Сиб. отд. Русского Географ. об-ва, т. XXIII, № 4—5, 1892, стр. 23.

ставлениям шаманистов, искони существовали в трех сферах вселенской: на земле, на небе и под землей⁵⁰.

В. И. Вербицкий⁵¹ определяет интересующее нас слово так: „Тöс — бес, лишившийся своего слуги — кама и ожидающий в породе этого кама пригодного для себя сосуда; души умершего кама“.

Сами алтайцы разделяют всех духов на две категории: 1) тöс (букв. начало, основание), т. е. духи первоначальные, искони существующие, и 2) яјан-нämä (букв. нечто созданное) или просто: nämä (букв. нечто), т. е. духи позднейшие. Далее, духи бывают или чистые (ару) или нечистые, черные (кара). Сообразно этому духи распадаются на: 1) ару тöс, 2) кара тöс, 3) ару nämä, 4) кара nämä...“⁵²

И далее: „Каждый сöк (род) имеет своего собственного тöс'я, которого читит, к тöс'ю же другого сöк'а относится безразлично“⁵³.

Очень важно отметить, что „каждый род (сöк) алтайцев имеет ту или другую гору, реку, скалу, озеро, которое почитает как родового своего покровителя и называет чистым тöс'ем (ару тöс). Общее количество родовых тöс'ей всех сöк'ов довольно велико, а район их распространяется за пределы Алтая в Монголию (Сүмэр-Улан), на р. Кемчик (Алаш, Сүт-кöl) и другие более северные местности р. Енисея (Каным). Обычай чествования горных тöс'ев относится к глубокой древности...“⁵⁴

Слово тöс встречается также в форме тöр. Из материалов, собранных Л. П. Потаповым (пока еще не опубликованных), которыми я пользовался с разрешения автора, узнаем, что у шорцев сеока „Калар“ Л. П. Потапов нашел почитание духа тöр или тöр кiжi. „По рассказам каларцев, тöр кiжi⁵⁵ в прошлом человек и именно старуха. Изображение тöр кiжi делали из бересты в виде человеческого лица с глазами из свинцовых бляшек, с деревянным носом, с бородой и усами из беличьего хвоста“. Из этих же материалов Л. П. Потапова узнаем, что „у кумандинцев есть злой дух тöр или тöр дä. Изображение его делают в виде двух холщевых куколок“.

В чувашском языке тур || тор, которое я считаю фонетической разновидностью основы тöр || тöр ~ тöс, — и производные от него тура, тора, туры, торы имеют значение — „бог“, „божество“⁵⁶. Чувашам известно это слово и в форме тöре, значение которого Ашмарин (стр. 220) определяет так: „первоначально — предмет посвящения, потом — название духа“.

В названном выше Словаре Вербицкого под словом тор (стр. 364) читаем: „один из бесов“; „блудящий огонь“.

Замечу, что на основании данных чувашского языка древнейшей формой этого термина является форма тор.

Из приведенных определений термина тöр ~ тöс устанавливается, что первый элемент термина тöр-к, т. е. тöр, являющийся фонетическим вариантом формы тöр, ведет нас к весьма древнему состоя-

⁵⁰ Н. А. Баскаков и Т. М. Тощакова, Ойротско-русский словарь, стр. 156; см. еще: С. А. Токарев, Пережитки родового культа у алтайцев, Труды Ин-та этнографии АН СССР, Нов. сер., т. I, 1947, стр. 153—154.

⁵¹ В. И. Вербицкий, Алтайско-аладаго-русский словарь, стр. 370.

⁵² А. В. Анохин, Материалы по шаманству у алтайцев. С предисловием С. Е. Малова. Сб. МАЭ, IV, 2, Л., 1924.

⁵³ А. В. Анохин, Указ. раб., стр. 7.

⁵⁴ Там же, стр. 16.

⁵⁵ Весьма заманчиво сблизить слова тöр кiжi с термином тöргäш!

⁵⁶ Н. И. Ашмарин, Словарь чувашского языка, вып. XIV, стр. 149.

нию племен, народов, позднее получивших название тюрокских. Элемент *tür* (resp. *töp* ~ *töc*) связывает термин *türk* с примитивными тотемистическими представлениями. Об этом красноречиво говорит семантика слова *tür* ~ *töp* ~ *töc* — от тёс'я — фетиша, затем духа и его вещественного отображения „идола“, „бога“ и связанного с этим значением — „место идола“ „передний угол“ „почетное место“, „лучшее место в юрте“ „главное место у очага“ — до значения (как естественное развитие основного значения) „обычай“, „закон“, „правило“ и далее вплоть до понятия „судья“, „господин“, „начальник“. И нет ничего удивительного, что слово *türk* по значению своего первого компонента получило значение „мощь“, „сила“.

Советские ученые, как явствует из приведенных выше высказываний, всегда держались той точки зрения, что термин *türk* „не этническое, но политическое название“ и что этот термин выступает как „собирательное имя военного союза племен“. И действительно, на основании приведенного выше анализа, термин *türk* разъясняется как собирательное имя, значение которого было понятно на большой территории и которое объединяло многие племена различного расового и этнического происхождения. Таким понятым, могущим объединить многие племена словом было *tür* || *töp* ~ *töc*⁵⁷, которое в „собирательной“ форме (resp. форме множественного числа) *türk* < *türk*-*kün*⁵⁸ стало коллективным именем многих племен, для которых *tür* || *töp* было общим и понятым нарицательным названием тотема.

⁵⁷ Может быть, и возникший на иранской почве термин турان, позднее получивший легендарное истолкование, следует понимать как „страна тур'ов“, т. е. и термин туран связывается с словом *tür* || *töp* ~ *töc*. Е. Оберхуммер (указ. раб., стр. 199) не считает возможным принять генетически общее происхождение терминов *türk* и *туран*.

⁵⁸ В этой связи важно вспомнить разобранное выше слово *türk*-*kün*, значение которого „место, где собирается племя“, „отчий дом“ разъясняется приведенным выше значением первого компонента. Это слово *türk*-*kün* в свете тотемистического значения основы *tür* разъясняет нам одно выражение орхонских надписей. *türk*-*kün* будунум, которое переводили „мои тюрки, мой народ“ и которое следует переводить: „мои сородичи, мой народ“.

А. Е. АЛИХОВА

К ВОПРОСУ О БУРТАСАХ

Имя «буртасы» относится к одному из загадочных народов Поволжья, упоминаемых в арабских источниках X в. Современные исследователи неоднократно пытались с большим или меньшим успехом разрешить вопрос, где жили буртасы и какому из современных народов их можно приписать. За последнее время в археологической литературе твердо установлено мнение, особенно в связи с последней работой В. В. Гольмстен¹, посвященной специально этому вопросу, что буртасы представляют собой не что иное, как мордву-мокшу. Однако при тщательном просмотре источников выявляется ряд несоответствий, которые обычно обходят молчанием.

Еще И. Н. Смирнов, автор большой монографии по мордве, отверг возможность отождествления буртасов с мордвой². Почти одновременно с ним А. Н. Грен прочитал доклад на тему: «Где жил народ буртасы и где находился центр хазарского каганата, Итиль?»³ Прежде чем говорить о буртасах, он ставит вопрос о местонахождении г. Итиль. Исходя из того, что в нижнем течении Волга раньше имела иное, чем теперь, направление, свидетельством чему является старое русло, которое «идет от Ахтубы, направляясь к Северному Кавказу, и оканчивается у Кумы, недалеко от Маджарских развалин», и ссылаясь на то, что калмыки, поселившиеся в этих местах сравнительно недавно (в XVII в.), называют это русло Индтеле-черкен-гэя, т. е. старое русло Итиля,— Грен считает, что изменение течения Волги произошло в исторические времена и что в эпоху хазарского каганата Итиль лежал не около Астрахани, а на р. Куме. Далее, на основании этнографических данных, приведенных в известиях восточных писателей X в., и генеалогической таблицы персидского историка Мирхонда, который говорит: «У Кумары (т. е. реки Кумы, по мнению Гrena.— А. А.) два сына — Булгар и Буртас», Грен приходит к выводу, что под рекою Буртас следует разуметь именно р. Куму. Так как на Куманской плоскости живут чеченцы, которых аварцы называют буртјау или буртизал, то под буртасами надо разуметь чеченцев.

Насколько прав в последнем положении автор, в настоящее время не беремся судить, но что буртасы жили значительно южнее мордвы, не подлежит никакому сомнению. Этот вывод основан на новейших геологических данных, в свете которых выглядят иначе, чем раньше принимали, сведения восточных писателей о буртасах. Прежде чем переходить к последним, остановимся на выдвинутом Греном вопросе о местоположении г. Итиль и в первую очередь на изменении гидрографии северо-западного Прикаспия.

В. Н. Семенкович⁴, разбирая этот вопрос в своей работе «Гелоны

¹ В. В. Гольмстен, Буртасы, «Краткие сообщения ИИМК», вып. XIII. М.—Л., 1946.

² И. Н. Смирнов, Мордва, Изв. Общества археологии, истории и этнографии при Казанском ун-те, тт. X, XI, XII, 1892—1894.

³ Чтения в Истор. обществе Нестора летописца, кн. 13, Киев, 1899.

⁴ В. Н. Семенкович, Гелоны и мордва, вып. 1. Гелоны, М., 1913.

и мордва», цитирует П. Семенова: «Весною долина Маныча наполняется водой, приносимой в нее речками. Вследствие сего во всей долине происходит водосток на две противоположные его стороны, т. е. с одной стороны на ю.-в. в направлении к озеру Геке-Узун и к Кумской низменности, а с другой стороны, к с.-з. в Дон... Утверждают, что в иные годы течение Восточного Маныча доходит до рукава Кумы Гайдука и вместе с сим последним достигает даже до Каспийского моря, так что в такие годы существует возможность проехать в лодке по непрерывному водному пути из Каспийского моря в Азовское»⁵.

Вполне естественно, что затронутый вопрос может быть разрешен в первую очередь геологическими исследованиями. За последнее время в связи с развернувшимся строительством на Волге и Маныче был собран большой геологический материал. М. М. Жуков в своей работе «К стратиграфии каспийских осадков низового Поволжья»⁶ выделяет четвертый ярус — послехвалынский, который, как он говорит, включает «в себе исторический период человека». Так как приведенный им геологический материал заслуживает внимательного к нему отношения археологов, приводим ниже дословно соответствующий раздел его работы, сделав ненужные сокращения (опущены п. п. 3, 5—7, 9 и 11, где даны фазы миграции Волги, перечисление озер и населенных пунктов и геологические данные).

М. М. Жуков при описании послехвалынского яруса указывает на «одно чрезвычайно интересное явление, связанное с перемещением низовой части волжской ложбины. На основании изучения разреза у Красноармейска, где шоколадные глины выстилают древнюю эрозионную ложбину, направляющуюся вдоль современной долины речки Сарпы, можно предполагать, что направление волжского стока хвалынского времени не совпадало с современным положением Волги на участке ниже Сталинграда. Волга от Сталинграда направлялась не к востоку, как сейчас, а текла на юг, вдоль обрыва Ергеней, и пересекала современную долину р. Восточного Маныча в районе Состенских озер. В последнем можно убедиться, изучая продольный профиль Маныча, составленный Манычстроем на основании буровых работ 1932 г. На этом профиле можно видеть линзу песка шириной в несколько километров, выполняющую древний отрицательный элемент рельефа. Эти пески соответствуют, повидимому, пескам «промежуточной» террасы Волги и пескам надпойменной террасы р. Сарпы. Таким образом, проток Волги вдоль Ергеней существует не только в хвалынском веке, но и после него.

В дальнейшем направление волжского потока отклоняется от подошвы ергенинского уступа на юго-восток».

Далее автор фиксирует свои выводы следующими положениями:

«1. После отложения хвалынских слоев и песков «промежуточной» террасы развивается эпейрогеническое поднятие юго-западной части Калмыцкой степи. 2. Одной из центральных точек этого поднятия является Бузгай. 3. Этим поднятием нижняя часть волго-ергенинского протока оттесняется к востоку... 4. Перемещение Волги развивается все более и более в восточном, а затем в северо-восточном направлении. 5. Перемещение фиксируется несколькими этапами, из которых особенно отчетливо, кроме вышеуказанного, могут быть отчленены еще два. 6. На протяжении всех трех протоков у современного берега Каспия видим максимальное развитие широтно-вытянутых ильменей⁷ и

⁵ В. Н. Семенович, Указ. раб., стр. 126—127.

⁶ Труды Комиссии по изучению четвертичного периода, IV, вып. 2, М.—Л., 1935, стр. 227—273; М. М. Жуков, Миграция дельт рр. Волги, Кумы и Урала за последниковое время, Труды советской секции Международной ассоциации по изучению четвертичного периода (Inqua), вып. IV, Л.—М., 1939.

⁷ Ильмени — протоки.

Бэровских бугров⁸. Если присмотреться к плану расположения этих интересных элементов рельефа, то можно видеть, что площадь их распространения очерчивается треугольником. Основание треугольника обращено к морю, а вершина направлена навстречу протоку Волги этого времени. Иначе — треугольник как бы намечает дельту тогдашней Волги.

Уже одно это обстоятельство — преимущественная локализация Бэровских бугров в контуре бывшей дельты Волги — указывает, как мне кажется, на способ их происхождения. Вытянутые с запада на восток, т. е. в направлении древнего потока реки, они могли образоваться как сохранившиеся от размыва участка Прикаспийской низины. Широко разлившиеся здесь воды древней Волги промывали себе протоки в виде современных «бесчисленных» рукавов устьевой части Волги. Эти протоки сейчас называют ильменями, а разделяющие последние «водораздельчики» — Бэровскими буграми.

В заключение автор говорит, «что поднятие Прикаспийской степи, отмеченное у Бузгая и имевшее место в послехвалынское время, нашло свое отражение также и в Предкавказье. Если сравнить высотное положение основания абрационного уступа Ставрополья на севере, у долины В. Маныча, и на юге у Терека, то оказывается значительная разница в высотах отмеченных пунктов: Калмыцкая степь между Манычем и р. Кумой имеет максимальные отметки 50 м. абсолютной высоты. Тот же геоморфологический элемент у долины Терека имеет отметку около 140 м. абсолютной высоты. Таким образом, за время после отложения хвалынских осадков произошло поднятие южного участка Прикаспия на высоту до 90 м.».

Очевидно, этот процесс продолжается и до настоящего времени. М. М. Жуков в другой своей работе «Миграция дельт рр. Волги, Кумы и Урала за послеледниково время» говорит, что на сессии Академии Наук в 1933 г. П. А. Православьев утверждал на основании наблюдений по северному берегу Каспия, что море отступает, так как зафиксированные на десятиверстной карте острова у северного берега в настоящий момент спаялись с континентом⁹.

Если процесс поднятия материка происходит буквально на наших глазах, то вполне законно предположить, что в более древнее время соединение Каспийского моря с Азовским было не случайным явлением, как это отмечено П. Семеновым для XIX в., а более долговременным и, возможно, даже еще в X в. н. э. постоянным. На это имеются указания в письменных источниках.

В новом списке географии, приписываемом Моисею Хоренскому (VI—VII вв.)¹⁰, читаем: «В Сарматии лежат горы Кераунские и Иппийские... Ира (читая Ра)... вытекает на севере в неизвестной стране двумя истоками, которые затем соединяются, а дойдя до Гиппийских гор, выделяют из себя рукав к Танаису, впадающему в море Меотис. Остальная часть поворачивает к востоку у гор Кераунских, после того соединяются с нею две реки, текущие из северо-восточных гор Римика и делают из нее реку с семидесятью рукавами, которую турки называют Атиль. Среди этой реки находится остров, на котором укрывается народ баслов... Рукава реки Атиль за островом снова соединяются и впадают в Каспийское море, отделяя Сарматию от Скифии».

Арабский историк X в. Масуди, специально интересовавшийся вопросом, каким образом соединяется Азовское море с Каспийским, пишет: «Некоторые люди ошиблись и думали, что море Хазарское соединено с морем Маютас; но я не видел между купцами, отправляю-

⁸ Бэровские бугры — водоразделы между протоками.

⁹ М. М. Жуков, Указ. раб., стр. 23.

¹⁰ См. Патканов, Из нового списка географии, приписываемого Моисею Хоренскому, Журнал Министерства народного просвещения, часть CCXXVI. Азиатская Сарматия (по новому списку), март 1883 г., стр. 29—30.

щимися в страну Хазар и путешествующими по морю Маиотас и Нас-тас в страну Рус и Бургар, ни одного, который бы думал, что с Хазарским морем соединяется одно из этих морей или часть из их вод, или один из их рукавов, кроме Хазарской реки»¹¹. Каким образом произошло это соединение, можно проследить по описанию тем же автором походов русов в 912—913 гг. «После этого (т. е. договоренности с хазарским гарнизоном и князем.—А. А.) они вышли (из залива Черного моря) в канал, достигли устья реки и плыли вверх по этому рукаву реки, пока не прибыли к Хазарской реке, потом вниз по Хазарской реке до города Итиля, а река эта большая, мимо этого города к устью реки, к месту ее впадения в Каспийское море. От этого места до города Итиля это могучая, обильная водой река»¹².

В греческих источниках можно также найти указания на соединение бассейнов Азовского и Каспийского морей. У Страбона в описании Каспийского моря сказано: «И об этом море присоединено многое ложного... Меотийское озеро, принимающее в себя Танаис и Каспийское море, соединяли в одно целое, называя озером и последнее и утверждая, что оба они сливаются друг с другом и одно составляет часть другого. Поликлит приводит даже доказательства того, что это море представляет собою озеро, именно, что в нем водятся змеи и вода его пресновата, а что оно не отделено от Меотиды, он доказывает тем, что в него впадает Танаис»¹³.

В описании истоков реки Танаис у древних географов встречаются большие разногласия, отмеченные еще Страбоном¹⁴. Одни из этих писателей указывали, что Танаис берет свои истоки в будинских и гелонских болотах, т. е. примерно в тех же широтах, что и современный Дон, другие же — в Рипейских (Уральских) горах и трети — в Кавказских. При этом в двух последних случаях связывали Танаис с рекой Ра — Волгой.

Семенкович, сделавший выборку этих сведений¹⁵, следующим образом объясняет расхождения в древних источниках: «те географы, которые считали, что Танаис берет начало в Кавказских горах, принимали за Танаис современный западный Маныч. Те же, кто плыл по левому рукаву (теперешний Дон), — вполне правильно заключали, что он берет начало из будинских и гелонских болот». Интересно отметить, что большинство авторов указывают истоки Танаиса с Рифейских гор или Кавказа и крайне редко — с севера, из земли будинов. При этом следует обратить внимание, что древние историки, как правило, отмечали, что Танаис является пограничной рекой между Европой и Азией. Следовательно, левобережье Танаиса имело какие-то отличительные физико-географические особенности, чего нельзя сказать про современный Дон.

Приведенные сведения хотя и не являются исчерпывающими, но для нашей цели вполне достаточны.

¹¹ А. Я. Гаркави, Сказания мусульманских писателей о славянах и русах СПб., 1870.

¹² Масуди, Цитирую по В. В. Бартольду, Арабские известия о русах, «Советское востоковедение», т. I, стр. 24.

¹³ В. В. Латышев. Известия древних писателей о Скифии и Кавказе, «Вестник древней истории», М.—Л., 1947, № 4, стр. 226—227.

¹⁴ Там же, Мнения писателей о направлениях течения реки Танаис, стр. 186.

¹⁵ Ниже перечисляем эти сведения, изложенные в указанной работе Семенковича, причем страницы даем по этой книге, а цифры, поставленные перед именем автора, означают номера в указателе, приложенном Латышевым к его работе: стр. 74, 75 — № 75 Страбон; стр. 77 — № 78 Схолии к «землеописанию Дионисия», «Вестник древней истории», 1948, 1, стр. 239; стр. 81 — № 85 Мудрейшего Никифора Влеммилда; стр. 96 — № 129 Филосторгий; стр. 107—108 — № 152 Помпоний Мела, § 115; стр. 110 — № 155 М. Анней Лукан; стр. 116 — № 168 Аммиан Марцеллин; стр. 119 — № 170 Руфий Фест Авиен; стр. 121 — № 174 Павел Оросий; стр. 122 — № 178 Юлий Гонорий.

Следующий вопрос, на котором следует остановиться, — это место-нахождение болгар, рядом с которыми жили буртасы. Как уже упоминалось выше, Грен привел слова персидского историка Мирхонда, что у Кумары два сына — Булгар и Буртас»¹⁶. Поскольку и приводимые нами ниже сведения о буртасах помещают эти два народа вместе, причем обычно подразумевают под болгарами — волжских болгар, обратимся к их истории. М. И. Артамонов в своей работе «Очерки древнейшей истории хазар», подробно разбирая этот вопрос¹⁷, приходит к выводу, что «болгарские племена занимали не только Причерноморье и Приазовье, но и все пространство степей, прилегающих с запада к Каспийскому морю»¹⁸. По Гардизи и Ибн-Русте (Х в.), болгары делились на три отдела: «один отдел зовется берсулла, другой — эсегел и третий — болгар»¹⁹. Исходя из сказанного, вполне закономерно предположить, что часть болгар, сохранивших это наименование, осталась на своих исконных местах, подтверждение чего М. И. Артамонов видит в современном имени народа балкар.

Учитя все сказанное выше, перейдем непосредственно к буртасам.

Ал-Масуди, описывая поход русов 913 г., говорит, что на обратном пути их из прибрежных каспийских стран, при входе в Итиль, на них напала гвардия кагана. Русы покинули суда, сошли на берег, где вблизи Итиля и приняли бой. Три дня длилось сражение, и русы были побеждены. Оставшиеся 5 тысяч человек отплыли к другой стороне реки поблизости страны буртасов, там покинули свои суда и вышли на суши. Некоторые из них были убиты буртасами, другие попали в страну болгар — мусульман, которые их перебили²⁰. Здесь в первую очередь следует отметить, что буртасы обитали недалеко от Итиля вверх по реке, а дальше жили болгары, причем это были, очевидно, не волжские болгары, как обычно считают, а прикавказские. Действительно, если считать, что буртасы — это мордва-мокша, то русы должны были бы проплыть примерно 1000 км вверх по реке, прежде чем достигнуть южных областей обитания буртас — мордвы, что у них заняло бы около месяца времени и примерно столько же до волжских болгар. Трудно предположить, что два столь удаленных во времени и пространстве события были отмечены в документе лишь тем, что они отплыли к другой стороне реки поблизости страны буртасов.

Еще яснее это выступает в сообщении Ибн-Хаукаля о походе Святослава 965 г. Он говорит: «И произвели нашествие на все это русы и погубили все, что принадлежало на реке Итиле всем созданием божиим из хазар, болгар и буртасов, и овладели ими. И искало убежище население Дербента и укрепились там, а некоторые живут в страхе на острове Сиякух (полуостров Мангышлак)». В той же главе сказано: «В это наше время не осталось ничего ни от болгар, ни от буртасов, ни от хазар. Дело в том, что на всех них произвели нашествие русы и отняли у них все эти области, которые перешли во власть их (русов)»²¹.

В этом документе чрезвычайно ясно сказано, что буртасы и болгары жили недалеко от Итиля. Сам Бартольд, приводя это известие, усомнился в разгроме Святославом волжских болгар. Ему каза-

¹⁶ А. Н. Грен, Указ. раб.

¹⁷ М. И. Артамонов, «Очерки древнейшей истории хазар», стр. 88—117.

¹⁸ Там же, стр. 102.

¹⁹ Д. А. Хвольсон, «Известия о хазарах, буртасах, болгарах, мадьярах, славянах и русах Абу-Али-Ахмед-бен Омар Ибн-Даста». СПб., 1869, стр. 22.

²⁰ А. Ю. Якубовский, «О русско-хазарских отношениях в IX—X вв.» в «Изв. АН СССР. Серия истории и философии», т. III, № 5, 1946, стр. 465—466; В. В. Бартольд, «Арабские известия о русах», «Советское востоковедение», т. I, стр. 35.

²¹ Цитирую по В. В. Бартольду, «Арабские известия о русах», стр. 35.

лось невозможным совместить разгром Болгар с дальнейшим его существованием и особенно ростом. К тому же русская летопись умалчивает об этом факте. Если же принять, что болгары, упомянутые Ибн-Хаукалем, жили в низовьях Волги, то и маршрут похода Святослава становится более правдоподобным.

Приведенные нами данные также вполне согласуются с указанным в ответном письме хазарского царя Иосифа перечнем народов, живущих по р. Итиль и платящих ему дань, причем этот перечень дан по течению р. Волги. Начиная с юга это: «Бур-т-с, Бул-г-р, С-вар, Арису, Ц-р-мис, Вы-н-тит, С-в-р, сл-виюн»²², иначе говоря, бургасы, болгары (но не волжские), сувар, эрзя (мурдва), черемисы и т. д. Единственным, пожалуй, возражением выдвинутой нами локализации бургасов на юге, где-то в Прикавказье могла бы служить часть сообщения Ибн-Русте (начало X в.) и Ал-Бекри, пользовавшихся, по мнению переводчика и комментатора последнего В. Розен²³, одними и теми же источниками. У Ибн-Русте читаем: «Земля бургасов лежит между Хазарской и Болгарской землями, на расстоянии пятнадцатидневного пути от первой». Однако ниже он говорит: «Бургасы имеют верблюдов, рогатый скот и много меду, главное же богатство их состоит в куных мехах»²⁴. Крайне сомнительно разведение в мордовских лесах верблюдов, да и для какой цели? К тому же это не подтверждается материалом археологических памятников. В то же время эта часть сообщения является лишним доказательством южного обитания бургасов. Что же касается куниц, то они, как пишет Брэм²⁵, «населяют все части света, за исключением Австралии, все климаты и пояса гор, встречаясь одинаково как на равнинах, так и в гористых местностях», в частности, каменная куница, или белодушка (*Mustela polea*), распространенная в умеренной полосе европейской части СССР до Урала, Крыма и Кавказа.

В. В. Гольмстен в своей работе «Бургасы» обращает внимание на то, что «Ибн-Фадлан, который, в противоположность большинству восточных авторов, был сам в Болгарах, ничего не говорит о бургасах. Как могло произойти,— пишет указанный автор,— что Ибн-Фадлан, так подробно описавший даже племена, встреченные им по дороге в Болгар, игнорировал такое крупное этническое образование, как бургасы — южные соседи булгар?»²⁶ В. В. Гольмстен объясняет это маршрутом Ибн-Фадлана не по Волге, а через Закаспийские и Заволжские степи, а возможно, и утратой части текста, где могли быть сведения о бургасах. С нашей точки зрения, вероятнее всего Ибн-Фадлан и не мог о них ничего знать, так как бургасы жили значительно южнее.

Большие затруднения для отождествляющих бургасов с мурдвой представляет отсутствие на ее территории большой реки, именуемой Буртас, по которой, как говорит Масуди, ходит множество барок хазар и булгар, выходящих из страны Болгар, добавляя, что... земля болгар находится у Меотиды²⁷. Если же к этому добавить сообщение Ал-Бекри²⁸ о том, что у бургасов имеется большое количество торговых мест, то картина складывается вполне определенная. Сообщение Востока с Западом в X в., как это видно из описания похода русов 913 г., шло по Манычу и Волге. Здесь проходил оживленный торговый путь, здесь, вероятно, и жили бургасы.

²² Н. К. Коковцев, Еврейско-хазарская переписка в X веке, Казань, 1923, стр. 98—99.

²³ А. Куник и В. Розен, Известия Ал-Бекри и других авторов о Руси и славянах, СПб., 1878.

²⁴ Д. А. Хольсон, Указ. раб., стр. 19—21.

²⁵ Брэм, Жизнь животных, т. I, II, стр. 218.

²⁶ В. В. Гольмстен, Указ. раб., стр. 18.

²⁷ А. Я. Гаркави, Указ. раб., стр. 132—133.

²⁸ А. Куник и В. Розен, Указ. раб., стр. 61—62.

В русских письменных источниках буртасы впервые упоминаются в период монгольского нашествия. В Воскресенской летописи, излагающей побоище великого князя Дмитрия Ивановича на Дону с Мамаем, сказано: «В лето 6888 приди из орды ордынский князь *Мамай* с единомысленниками своими, с всеми князьями ординскими, и с всею силою Татарскою и половецкою, а еще к тому рати понаимовал бесермен и Арmenы, Фрязы, Черкасы, Ясы, Буртасы»²⁹.

Этот документ для нас особенно важен. Во-первых, включение буртасов в перечень вместе с кавказскими народами указывает на их родину где-то в прикавказье или, может быть, даже в то время и на Кавказе; во-вторых, эти сведения указывают на время появления буртасов в междуречье Оки и Волги.

Многие исследователи при отождествлении буртасов с мордвой обосновывают свое заключение на данных топонимики. Однако при более тщательном анализе этих данных выявился большой район распространения географических наименований — «буртас», «буртасский» и за пределами обитания мордвы³⁰. В то же время наблюдения показывают, что автохтонное население, как правило, не оставляет в большом количестве своего племенного названия в тех местах, где оно живет, например, у мокши есть только одна одноименная река. В то же время, если буртасы — это мордва-мокша, то совершенно непонятно существование на одной и той же территории двух племенных наименований, причем буртасы передают свое имя месту своего обитания, а мокша не дает. Это объясняется исключительно тем, что буртасы здесь являются пришлым элементом. В поземельных документах XVII в. неоднократно упоминаются «буртасы посопные³¹ татаров»³². Например, в Грамоте 1693 г. сказано: ...«и после де писцов те буртасы посопные татаров из деревни Нагаево и из выставок сошли жить на иные места»³³. О том, что они являются чуждым элементом на мордовской земле, свидетельствует и то, что они не имеют своего леса, а «секут в мордовском черном лесу»³⁴.

Таким образом, сравнительно позднее появление сведений о буртасах в русских документах и присоединение к ним эпитета «татаров» делают вполне обоснованным предположение, что буртасы на мордовской земле являются пришлым элементом, появившимся здесь в период татарского завоевания, о чем ясно сказано в приведенной выше выдержке из Воскресенской летописи.

Поскольку в решении вопроса о буртасах одно из важных мест должно принадлежать археологическим исследованиям и поскольку исключительно на этих данных построена одна из последних работ о буртасах В. В. Гольмстен³⁵, остановимся на ней несколько подробнее.

Привлекая археологический материал, В. В. Гольмстен приходит к выводу, что буртасы — это мордва-мокша. Однако приводимые автором доказательства мало убедительны. Основываясь на указании восточных писателей, что буртасы «занимаются землепашеством», автор ссылается на находки на «мордовских» городищах и селищах серпов

²⁹ ПСРЛ, Воскресенская летопись, т. VIII, 1859, стр. 34.

³⁰ А. П. Попов, Буртасы и мордва. Ученые записки Ленинградского гос. ун-та, Серия востоковедческих наук, вып. 2, Л., 1948.

³¹ ПОСОПНЫЙ (прилагательное), по всей вероятности, происходит от слова посоп, посоп — процент, ибо хлеб, получаемый казнью от наемщика, есть действительно процент, который он платит за пользование землею (Арх.-истор. Юрид. сведен., кн. 2, 1855, ст. Калачева об Инсаре).

³² Буртасы, исторический очерк и поземельные документы, Симбирский сборник, т. II, Симбирск, 1870, стр. 71—85.

³³ Там же, стр. 79.

³⁴ Там же, стр. 78.

³⁵ В. В. Гольмстен, Указ. раб.

и ручных жерновов. Вряд ли для X в. это может быть доказательством, так как в это время земледелие в средней полосе было явлением всеобщим, а во-вторых, не отмечено, что приводимый материал происходит с южных городищ, принадлежность которых к мордве еще не доказана. Как известно, заселение той или иной территории в IX—X вв. мордвой вследствие неизученности мест поселений в настоящее время определяют исключительно по могильникам, которые находятся севернее, на значительном расстоянии от указанных городищ. О той местности же, где находятся приведенные городища, В. В. Гольмстен говорит, что «часть данной территории, при наличии поселений указанных типов отличается отсутствием могильников». Это может быть объяснено возможностью «существования здесь формы надземных погребений»³⁶. Таким образом, принадлежность южных городищ этого времени мордве еще требует доказательств.

Значительно хуже обстоит дело со скотоводством. Здесь уже имеются явные неувязки. Приводя сведения Ибн-Русте, что буртасы «имеют верблюдов и рогатый скот», и Ал-Бекри, что они «имеют большие стада рогатого скота и овец», автор говорит, что «костный материал из древних поселений позволяет определить состав стада: крупный и мелкий рогатый скот, лошадь и свинья». Во-первых, здесь следует обратить внимание на несовместимость верблюдов и свиней. Первых обычно разводят в сухих местах, в то время как свиней — преимущественно в лесных и вообще в более влажных областях.

По поводу расхождений в сведениях о составе стада В. В. Гольмстен, ссылаясь на то, что о верблюде говорится только у Ибн-Русте, а у Ал-Бекри, пользовавшегося теми же источниками, на это нет указаний, предлагает относиться с осторожностью к словам Ибн-Русте, но все же допускает, что, соседя с кочевыми племенами, «буртасы могли не только видеть верблюдов, но в единичных случаях их и получать». «Во всяком случае,— говорит автор,— верблюд Ибн-Русте — это та единственная ласточка, которая не делает весны». Говоря о развитии пушной охоты у буртасов и в связи с этим широкого обмена с Востоком, В. В. Гольмстен приводит в качестве доказательства «находки в могильниках значительного числа предметов импортного характера. Таковы серебряная и бронзовая посуда, иногда с арабскими надписями, поясные наборы с серебряными бляхами и разнообразные личные украшения восточного происхождения»³⁷.

Если не считать это сильным преувеличением, следует заметить, что те же поясные наборы можно найти по всей территории европейской части СССР и едва ли в меньшем количестве, чем у мордвы. Чувствуя эти преувеличения, автор говорит, что ткани, входившие в число импортных предметов, могли не сохраниться в земле, но в таком случае уместно спросить, на основании чего же можно утверждать, что они действительно были. Далее автор приводит следующий довод. У местного населения существовали культовые воззрения, заставлявшие избегать сопровождение умершего вещами чужеземного происхождения, и это делалось лишь в редких случаях. Об этом можно судить по следующему факту: в то время как на поселениях рядом с местной грубой лепной посудой находится большое количество остатков гончарной посуды булгарского происхождения, в могильниках погребения сопровождаются исключительно лепными сосудами своей выработки³⁸. Во-первых, если не боялись надевать на умершего бусы и

³⁶ В. В. Гольмстен, Надземные погребения в Среднем Поволжье, «Краткие сообщения ИИМК», вып. V, М.—Л., 1940, стр. 56—58.

³⁷ Там же, стр. 23.

³⁸ Там же.

пояса явно привозного характера, то чем же, собственно, отличались глиняные горшки? Во-вторых, вряд ли привозили глиняные сосуды масштабного потребления издалека. Вернее всего, это были не привозные, а местные. А главное, как уже было отмечено, еще требует доказательств принадлежность южных городищ мордве. Следовательно, в настоящее время еще нельзя объединять мордовские могильники с городищами, расположенными на значительном расстоянии друг от друга.

В вопросе о торговле буртасов В. В. Гольмстен встречает новое затруднение, которое также легко преодолевает. Она пишет: «Трудно отнести с доверием к словам Ал-Бекри, писавшего, что в стране буртасов «много торговых мест», — наоборот, ничтожное количество восточных монет может служить указанием на отсутствие непосредственных сношений этих охотников за пушным зверем с приезжавшими с Востока купцами. Большинство импортных предметов, находимых в могильниках и поселениях, — это изделия булгарских ремесленников. Булгари же были и посредниками в передаче буртасам в обмен на их пушину привозимых предметов восточного производства». Здесь, помимо того, что сам автор несколько затруднен отсутствием «торговых мест» на предполагаемой территории буртасов, она выдвигает неправильное мнение, что находимые «у буртас», т. е. мордвы, импортные вещи — это изделия булгарских ремесленников. Изучение мордовских могильников IX—X вв. опровергает это положение. У мордвы в это время прослеживаются большие связи с алано-хазарским миром, а именно с обитателями Салтова и Кавказа (Галиатский могильник), но не с волжскими болгарами, культура которых еще не имела в X в. достаточных специфических черт. Таким же странным кажется вывод, что на основании материалов могильников XIII—XIV вв. «территория, занятая мокшанскими памятниками, почти полностью совпадает с буртасской землей»³⁹. Следует сказать, что еще далеко то время, когда мы сможем точно наметить территорию мокши XIII—XIV вв., а тем более ее соответствие с буртасской. Автор заканчивает свою работу словами: «Лишь в свете археологических открытий, сделанных в советское время в Поволжье, стало возможным, оставив путь бесплодных блужданий вокруг известий восточных писателей и проверив их на конкретном археологическом материале, — разрешить буртасский вопрос»⁴⁰. Однако, несмотря на столь категорическое заявление, автор не разрешил поставленной им проблемы.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Из приведенных выше данных можно сделать следующие выводы:

1. Кажущаяся путаница в известиях древних писателей объясняется отличием от современного расположением гидрографической сети, связанным с частичным поднятием континента в Предкавказье (северных отрогов Кавказа, а именно — Терского хребта)⁴¹, продолжающимся вплоть до настоящего времени⁴².

2. Не всегда в письменных источниках X в., говорящих о болгарах, следует подразумевать волжских болгар. Очевидно, часть болгар обитала недалеко от Итиля. Именно этих болгар разгромил Святослав, и именно с этими болгарами соседили буртасы.

³⁹ В. В. Гольмстен, Надземные погребения в среднем Поволжье, стр. 24.

⁴⁰ Там же, стр. 25.

⁴¹ М. М. Жуков, Указ. раб.

⁴² М. М. Жуков, Миграция дельт рек: Волги, Кумы и Урала за послеледниковое время, Труды советской секции Международной ассоциации по изучению четвертичного периода (Ипфа), вып. IV, М.—Л., 1939, стр. 23.

3. Буртасы по ряду признаков не могут быть отождествлены с мордвой.

4. Упоминаемые в поздних русских документах буртасы были не автохтонным населением, а пришлым элементом, заброшенным сюда, вероятно, в эпоху татарского завоевания ⁴³.

Следует отметить, что к близким выводам пришел одновременно с нами и А. П. Попов на основании изучения топонимики.

⁴³ А. П. Попов, Буртасы и мордва. Ученые записки Ленинградского ун-та, Серия востоковедческих наук, вып. 2, Л., 1948.

МАТЕРИАЛЫ И ИССЛЕДОВАНИЯ ПО ЭТНОГРАФИИ И АНТРОПОЛОГИИ С С С Р

В. КРАВЧИНСКАЯ и П. ШИРЯЕВА

ЧАСТУШКИ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Частушка является одним из наиболее гибких и быстро откликающихся на текущие события жанров народного творчества. Этим свойством оперативности и объясняется ее рост в годы войны и революции. Частушка шла по следам исторических событий: она откликнулась и на русско-японскую войну, и на революцию 1905 г., и на первую мировую войну. После Великой Октябрьской социалистической революции, в годы гражданской войны и коллективизации частушка достигла небывалого расцвета и приобрела принципиально новое качество.

В годы Великой Отечественной войны чувство советского патриотизма, священной ненависти к врагу, уверенности в победе над ним, готовности отдать жизнь за честь, свободу и независимость Родины наполняли частушку высоким идеяным содержанием и определили глубину, выразительность и художественность ее образов. Публикуемые нами частушки записаны в 1942—1947 гг. в глубинных районах тыловых областей — Вологодской и Ульяновской¹ и в районах Ленинградской области, подвергавшихся немецко-фашистской оккупации. Этим определяется и частичная разница в тематике. Характерные для Ленинградской области партизанские частушки и частушки о немецкой неволе, записанные от девушек, освобожденных Советской Армией из германских концлагерей, отсутствуют в тыловых районах. В общей же массе вологодские, ульяновские и ленинградские частушки чрезвычайно близки тематически, а иногда представляют собой почти дословное совпадение тех или иных вариантов.

Короткие четырехстрочные песенки слились в лиро-эпическую поэму о беззаветной любви русской девушки к Родине и к милому, героическому ее защитнику. И если в частушках о войне 1904—1905 гг. и о первой мировой войне пелось лишь о том, что «миленка взяли и угнали со японцем воевать, через подлою Японию придется тосковать»², или о том, что «безо времяя, без поры нас на бойню повели»³, то частушки Великой Отечественной войны отразили новое свойство советского человека, о котором А. А. Жданов сказал: «Мы сегодня не те, что были вчера, и завтра будем не те, что были сегодня. Мы уже не те русские, какими были до 1917 года, и Русь у нас уже не та, и характер у нас не тот. Мы изменились и выросли вместе с теми величайшими преоб-

¹ Запись частушек Вологодской области производила П. Г. Ширяева; в Ульяновской области записывала В. А. Кравчинская, в Ленинградской области — А. И. Лозанова.

² Н. П. Андреев, Русский фольклор, № 70 и 82, стр. 69, 79.

³ Там же.

разованиями, которые в корне изменили облик нашей страны»⁴. Пламенная любовь к социалистическому отечеству, воспитанная партией и советской властью, с небывалой силой, простотой и предельным лаконизмом отразилась в группе частушек, объединенных темой «В бой за Родину». Личная любовь, отраженная в них, отступает на второй план перед любовью к отчизне. С полной непоколебимостью звучит в фольклоре уверенность в победе. Девушки поют о боях, о том, что никогда «проклятому немцу мы России не сдадим». Милому наказывает девушка: «Думай, думай о винтовочке, что выдана тебе»; обращаясь к советским воинам, она говорит:

Самолеты, самолеты,
Летчики советские!
Вы бомбите, самолеты,
Города немецкие.

Целый цикл частушек рассказывает о героических подвигах солдата на фронте, о его ранении и о девушке — боевой подруге, спешащей к нему на помощь. Воображение рисует любимого человека раненым, лежащим на поле битвы:

Сильно вражеская пуля
Ранила миленочка.
Побледнел он и упал,
Как молодая елочка.

Ранение и смерть любимого человека заполняют душу девушки горем и поднимают волну гнева и ненависти к врагу. Своей «задушевной подруге» рассказывает она о своей печали — о том, как получила бумагу с треугольной печатью, как ясно привиделась ей лежащая «фуржака в травке зеленой» и он — «убитый, дорогой», как от той вести девушка «насили от железные от койки отошла». Но советская девушка находит в себе силы преодолеть горе в сознании, что милый отдал свою жизнь за самое дорогое, за свободу отечества.

Движимые чувством патриотизма, советские девушки добровольно идут на фронт. Отсюда возникает особая группа частушек о девушках-бойцах, медицинских сестрах, санитарках:

Ягодиночка на фронте,
Он в действительном бою,
Если Родина потребует,
И я за ним пойду.

Девушка-доброволец сражается рука об руку с бойцами Советской Армии, среди которых и ее друг; она говорит:

Если он в бою погибнет,—
Я на смену, девочка!

Патриотические мотивы звучат в частушках, объединенных темой «На защиту родных городов». В эту группу входит множество частушек с местным приурочением. На первом месте стоят города-герои — Сталинград и Ленинград. Частушки рассказывают, как «шли бои ожесточенные за город Сталинград...», как немцы стремились в Ленинград, — и утверждают: «не удастся им в Ленинграде побывать...» Частушки с названием городов, за освобождение которых от немецко-фашистских захватчиков велись ожесточенные бои, являются свое-

⁴ Доклад А. А. Жданова о журналах «Звезда» и «Ленинград», ОГИЗ, 1946, стр. 36.

образным отражением исторических вех в летописях войны. О Тихвине, Воронеже, Керчи, Моздоке, Курске, других городах говорят песни и частушки, рисуя героическую борьбу Советской Армии.

Особенно богат раздел частушек о любви девушки к милому, сражающемуся с врагом, и об ее неизменной верности далекому другу. Здесь мы находим все оттенки чувства — от страха перед разлукой до решимости самой кинуться в гущу боя, только чтобы увидеть милого. Сюжетно эта группа частушек представляется единой поэтической повестью: проводы «ягодинки» на фронт, тоска в разлуке, ожидание и получение писем, клятвы в верности, отклонение ухаживаний других, радость возвращения милого с победой.

Глубокий лиризм, тончайшие оттенки чувства звучат в этих девичьих частушках:

Ягодиночка воюет,
Темны ноченьки не спит...
У меня о сероглазеньком
Сердечико болит.
Нет письма от ягодинки —
Сердце беспокоится.
Не знаю — раненой лежит
Или в плену находится...

Два письма писала дrole.
От него ответа нет.
Видно, ранен ягодиночка,
Положен в лазарет.
Задушевная товарка,
Нет письма от милого:
Видно, пуля долетела
До его ретивого.

*

Массовость бытования — характерная особенность частушек военного времени. Значительная часть их была записана нами во время полевых и зимних колхозных работ, в обеденные перерывы, а также на беседках, гулянках, комсомольских и молодежных собраниях. Так, П. Г. Ширяева посетила 26 июня 1943 г. гулянку молодежи в д. Сирино, Кичменско-Городецкого района Вологодской области. Гулянка эта была организована после окончания сенокосных работ. В специально разосланных приглашениях значилось: «В воскресенье, 26-го июня, в колхозе Сирино состоится гулянка, просим прибыть». Такие приглашения были заранее посланы в колхозы не только Слободского, но и соседних сельсоветов. К 2—3 часам дня приглашенные собирались на обширном лугу за деревней, где обычно в хорошую погоду по праздникам происходили пляски и соревнования в борьбе. Зрители расположились на канавках, на изгороди или стояли вокруг собирающихся плясать нарядно одетых девушек. Большинство из них было в атласных, шелковых или сатиновых платьях, самых разнообразных фасонов и цветов, причем преобладали светлые тона — розовый, голубой, алый, светлокоричневый. Все девушки были в платках, шелковых или батистовых, повязанных по-разному: концы в большинстве случаев были завязаны на темени узелком, а угол платка распущен по спине.

В пляске участвовали две пары. Выйдя на середину круга, они стояли сначала неподвижно, затем запевали частушки и шли навстречу друг другу. Частушки пели только пляшущие. Если желающих плясать оказывалось много, то в круг входило сразу несколько пар, причем каждая пела свою частушку. Получалась разноголосица, нимало не смущавшая пляшущих. На гулянках в Сирино пели главным образом частушки об Отечественной войне.

Зимой 1942 г. П. Г. Ширяева неоднократно наблюдала исполнение частушек о Великой Отечественной войне на беседках⁵ в деревне Кузнецихе Родюкинского сельсовета и в ряде колхозов Орловского сельсовета Никольского района Вологодской области. Во всех случаях

⁵ Девушки осенними и зимними вечерами собираются, как и в старину, с прялками. Поют песни и частушки, а с приходом молодежи танцуют кадриль или венглужского. Эти вечеринки носят местное название «беседок» в Никольском р-не Вологодской обл., «бесед», «вытрясок» — в Старо-Майнском р-не Ульяновской обл.

частушки исполнялись под гармошку, в протяжном ритме. Петь начинала девушка, за прялкой которой сидел гармонист. Все девушки подхватывали начатую песню, обе части которой повторялись дважды. Как правило, пение начинается с запева, после которого пели около 10 частушек; затем ведущая пела благодарственную частушку (считалось бестактным кончить пение без «спасибо»).

В Орловском сельсовете гармонист, выслушав «спасибо» от первой исполнительницы, пересаживался к соседней девушке и так шел по порядку, пока не споет каждая. У одних исполнительниц преобладали лирические мотивы — об отъезде милого в армию, о наказе не гулять, о тоске по дроле; другие начинали свои запевки с повествовательных частушек о войне:

Ягодиничка в Германии,
В Германии в бою.
Если Родина потребует,
И я туда пойду.

Дер. Кузнециха, Родюкинский сельсовет.

Иногда частушки исполнялись в вопросо-ответной форме: девушка просит нарядить себя «синочкой» (синичкой) или черной галочкой, чтобы слетать на войну, а в следующей частушке как бы отвечает, что она летала по фронту и не нашла своего милого ни в числе убитых, ни в пленау. В новой паре песенок девушка просит командира разрешить ей найти милого на фронте и вновь отвечает:

Не могла увидеть дролю,
Шли великие боя.

На новогоднем игрище в колхозе «Ворошиловец» Орловского сельсовета частушки о Великой Отечественной войне девушки пели до начала пляски. Девушки были без прядок, в красивых сарафанах, многие в платьях. Стояли группами в избе около гармонистов, сидевших на лавках. Песни начинались с обращения к гармонисту, а затем шли лирические частушки о милом в армии, о верности данному слову.

Обычно гармонист играл охотнее и дольше той из девушек, чьи запевки о войне были интереснее и новее. Слава о девушках-импровизаторах и знатоках фронтовых частушек распространялась далеко за пределы их сельсовета.

Усвоение новых частушек происходило преимущественно по праздникам, на гуляньях. Кроме этого, через сельские и районные клубы, избы-читальни, где вечерами собиралась молодежь, девушки различных колхозов и сельсоветов, общаясь друг с другом, обогащали репертуар своих частушек. Освоение новых, не известных в данной местности запевок шло также и в обычной производственной работе: на сенокосе и жниве, на лесозаготовках и т. д. Можно было видеть, как девушки, ежедневно привозившие молоко на сливной районный пункт, обменивались в ожидании приемки молока новостями о письмах с фронта, о «беседках», о нарядах. В этих разговорах сообщались (а иногда тут же записывались) новые частушки о Великой Отечественной войне.

Исполнение частушек на эту тему наблюдала в 1942—1945 гг. В. А. Кравчинская в повседневной жизни молодежи села Красная река, Старо-Майнского района Ульяновской области. Одной из популярных форм исполнения частушек являлась пляска, носящая местное название «Подгорной». Обычно пляска начиналась выходом (по-местному, «выходкой») одной из наиболее бойких и голосистых девушек на середину круга, образуемого зрителями. Девушка открывала пляску обращением к подруге:

Подруженька моя Валя,
Выходи на парочку,
Выходи — не подводи
Любимую товарочку.

На это приглашение в круг выходила поощряемая шутками и смехом молодежи вторая девушка с ответной частушкой.

В годы Великой Отечественной войны «Подгорная» обогатилась частушками с военной тематикой. После традиционного вступления начиналось своеобразное состязание — кто споет лучшую частушку о милом, защищающем Родину. Каждая исполнительница старалась подобрать наиболее яркую, задушевную частушку, поразить окружающих ее содержанием. Вместе с тем девушки перекликались сатирическими частушками о Гитлере, Геббельсе, о «фрицах» и «гансах», о жадности и трусости немецко-фашистских захватчиков. Частушки на эту тему особенно часто исполнялись в последний год войны и при возвращении демобилизованных, сопровождаясь одобрительными репликами и дружным смехом зрителей.

Наряду с военной тематикой в «Подгорной» иллюстрировалась и напряженная трудовая жизнь колхозов в годы войны. Исполнение этих частушек являлось своеобразной живой газетой, в которой отражались трудовые подвиги передовиков и клеймились отстающие. Процветанию такого рода импровизаций способствовало и то обстоятельство, что село Красная река разделяется на два колхоза, между которыми происходило ежегодное соревнование на лучшее выполнение сельскохозяйственных работ. Эти трудовые колхозные частушки органически связывались с военными и выражали твердую надежду на близкую победу и скорое возвращение победителей.

«Подгорная» шла под гармонь и сопровождалась пляской: по окончании каждой частушки девушки, не сходя с места, отбивали каблуками дробь; чем мельче была дробь, тем больше ценилось искусство плясуньи. Из толпы зрителей то и дело слышалось: «Дроби мельче!», «Знай наших!» и т. п. Заключительная частушка пелась обеими девушками вместе в честь гармониста. Под эту частушку девушки обходили с пляской весь круг, вызывая на танцы зрителей, и пляска становилась всеобщей.

Исполнение частушек с военной тематикой происходило и в такие новые бытовые праздники, как дни возвращения с фронта демобилизованных бойцов. Праздник начинался угощением родных и соседей в доме возвратившегося воина. Зрители толпились в сенях, облепляли окна. Одна за другой вставали из-за стола девушки — родственницы бойца (в некоторых случаях и жена его) и заводили «Подгорную» под гармонь и пение фронтовых частушек. Герой дня вместе с гостями по окончании угощения переходил в соседнюю избу, где уже был накрыт стол и хозяева радушно встречали бойца приветствием «с победой»⁶. Так с пением и пляской шли из избы в избу, и празднование заканчивалось поздно вечером.

Еще более торжественно был отпразднован в Красной реке приезд с фронта однодеревенца — Героя Советского Союза. В честь его был организован коллективный обед с застольными речами. Обход соседних домов с пением победных частушек и с пляской «Подгорной» был выполнен и при чествовании героя.

О гибкости и злободневности частушек, особенно рожденных в годы Великой Отечественной войны, свидетельствуют факты немедленного

⁶ В течение долгого времени после победоносного завершения войны с фашистской Германией это приветствие заменяло обычное слово «здравствуй».

отклика частушки на военные события. Так уже 9 мая 1945 г., в День Победы, краснореченская молодежь плясала «Подгорную» на главной улице села под частушку о победе. Девушка, вышедшая на середину круга, пропела:

Поминай девятый май,
Ворота шире растворяй,
Шире ворота растворяй,
С победой дролечку встречай.

Частушка была подхвачена и пропета хором гуляющих.

Партизанские частушки записаны в ряде районов Ленинградской области: Лужском, Ораниенбаумском, Павловском. Сам процесс возникновения, тематика, формы распространения были иными по сравнению с только что разобранными тыловыми частушками. Партизанские частушки явились живой иллюстрацией к тому всенародному патриотическому порыву, которым был встречен исторический призыв Сталина о создании партизанских отрядов. Авторами частушек были не только партизаны, но и молодежь временно оккупированных селений. Партизанская частушка, как и колхозная, отразила непоколебимую уверенность русского народа в победе над врагом. Особенно популярны были частушки о значении партизанской борьбы в общем деле освобождения русского народа от немецко-фашистских поработителей:

Уж ты птица, птица, птица,	Не жалели, партизаны,
Ты лети, как ураган,	Вы фашистской кровушки.
Плохо Гитлеру живется	Эх, люблю я партизана,
От налетов партизан.	Русскую фамилию,
Партизаны, партизаны.	Все столбы перепилил
Храбрые головушки,	И испортил линию ⁷ .

С темой о героической борьбе партизан органически перекрещивается тема о поддержке населением партизанского движения, о единстве действий советских людей против незванных пришельцев.

Ни варварский «новый порядок» немцев, введенный на оккупированной территории, ни карательные экспедиции, ни казни советских людей — ничто не могло сломить уверенности в полной победе над гитлеровской Германией:

Скоро, скоро мы прогоним	Скоро Гитлеру могила,
Шантрапу немецкую,	Скоро Гитлеру капут,
Скоро, скоро мы увидим	Скоро русские машины
Формочку советскую.	По Германии пойдут ⁸ .

Частушка, эта политически острая форма агитации, была широко использована партизанскими отрядами. Как показывают записи и публикации, многие произведения этого жанра, возникшие в молодежной среде, позднее были напечатаны в партизанской периодической печати, другие распространялись в массах через эти издания⁹.

Отметим также популярность сатирических частушек о неудачах немцев в поисках партизан и о неизбежности поражения гитлеровских захватчиков; среди частушек этого типа было много подобных следующей:

⁷ Частушка публиковалась в партизанской печати, см. указание в сб. В. П. Самухина, «По зову Сталина», Л., 1945, стр. 181.

⁸ Многочисленные варианты этой частушки были записаны нами в районах не только Ленинградской, но и Псковской областей в 1945—1947 гг.

⁹ См., например, В. П. Самухин, «По зову Сталина». Сб. стихов, песен, рассказов и очерков ленинградских партизан, Л., 1945, стр. 138, 181.

Плети, немец, лапти крепче,
А сплетешь — так береги,
Вам еще далеко драпать,
Пригодятся сапоги.

Как ни популярны были еще недавно эти частушки с военной тематикой, все же в наши дни они в большинстве отходят в историю. Они сохранились в тетрадях-альбомах колхозной и учащейся молодежи наряду с фронтовыми песнями, а на смену пришли частушки о героях мирного восстановительного труда. Своевременное собирание этих фольклорных документов нашей великой эпохи наряду с записью всех других жанров народного творчества — неотложная задача советских фольклористов.

БИБЛИОГРАФИЯ ПУБЛИКАЦИЙ ЧАСТУШЕК ЭПОХИ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

1. Отечественная война в народном творчестве. «Комсомольская правда», 19.VII — 1941. 6 частушек.
2. Колхозные частушки. Записала С. Чепелева. «Комсомольская правда», 1.VIII — 1941. 8 частушек (Литературная обработка).
3. Н. Дробборт, мл. сержант. Красноармейские частушки. «Комсомольская правда», 11.IX — 1941. 2 сатирических частушки (о Гитлере и Маннергейме).
4. М. Архипов, политрук. Красноармейские частушки. «Комсомольская правда», 11.IX — 1941. 3 частушки.
5. Красноармейские частушки. Армгиз, Ереван, 1941, 13 стр. Частушки на темы Великой Отечественной войны и на советскую тематику.
6. Н. Комовская. Били, бьем и будем бить! Частушки. «Вечерняя Москва», 2.II — 1942.
7. Кожемяка (краснсармеец). Фронтовые частушки. «Комсомольская правда», 7.II — 1942. 3 частушки.
8. С. Богомазов, Б. Южанин. Походный театр. «Литература и искусство», 21.II — 1942. 2 фронтовые частушки.
9. Ф. Барыдин. В доме колхозников Гаршиных. «Комсомольская правда», 4.III — 1942. Приведены 4 частушки в записи учительницы Т. И. Гаршиной.
10. Частушки партизанского края. «На страже Родины», 3.IV — 1942. 7 частушек.
11. С. Васильев. Под гитару и гармонь по захватчикам огонь. «Комсомольская правда», 11.II — 1942, стр. 4. 9 частушек.
12. А. Леонтьев. Творчество фронтовиков. «Правда», 5.V — 1942. Приведены частушки.
13. В. Стариков. Письма из партизанского края. «Известия», 29.V — 1942. Приводятся частушки.
14. В. Иванов. Борьба продолжается. «Правда», 26.X — 1942, стр. 2. Отмечены частушки партизан Ленинградской области.
15. В бой за Родину. Сборник частушек. Составил Е. Малыгин. Воениздат, М., 1942, 40 стр. Частушки о Сталине и Красной Армии.
16. За Родину-мать. Сборник материалов для художественной самодеятельности. Составил С. П. Васильев. Улан-Удэ, 52 стр. Имеются отдельные номера фольклорных частушек.
17. В. М. Сидельников. Великая Отечественная война в народном творчестве. «Славяне», 1943, № 1, стр. 43—45. Имеются три частушки.
18. Н. Колпакова. Под гармонь. «Ленинград», 1943, № 2, стр. 15. 7 частушек (Литературная обработка).
19. Б. Тимофеев. Ладожские частушки. «Ленинград», 1943, № 2, стр. 12. 8 частушек о прорыве блокады.
20. Н. Колпакова. Партизанские частушки. «Ленинград», 1943, № 5, стр. 16 (Стилизация).
21. И. Эвентов. Песни ленинградских партизан. «Звезда», 1943, № 3, стр. 101. Рецензия на сб. «Песни и частушки ленинградских партизан».
22. Г. Яковлев. Земля в крови. «Комсомольская правда», 25.IV — 1943, № 97. Приведены 3 частушки.
23. Н. Корнилов. О чем поет смоленщина. «Комсомольская правда», 29.IV — 1943. Приведены 3 частушки.
24. Партизанская правда. «Красная звезда», 9.VI — 1943. Обзор газеты «Партизанская правда». Приведены частушки.
25. Газета фронтовой области («Орловская правда»). «Правда», 6.VIII — 1943. Приведена партизанская частушка.

26. В. Сидельников. Народ о моряках. «Краснофлотец», 1943, № 16, стр. 38—40. Частушки.
27. С. Швецов и И. Резицкий. Песни протеста. «Литература и искусство», 9.Х—1943. Приведены частушки, записанные в освобожденной Жиздре.
28. Партизанские пословицы, поговорки, частушки. «Комсомольская правда», 27.Х—1943. Материал взят из журнала «Партизан» отряда «Пламя».
29. Поэт Драгобуж. «Комсомольская правда», 4.ХI—1943. Народное творчество в период оккупации. Частушки. Записал М. Матвеев.
30. А. Анисимова. Песни про войну 1941—1943. Издательство газ. «Сталинское знамя», Пенза, 1943, 32 стр. Приведены частушки.
31. Частушки Ленинградского фронта. Составитель Н. П. Колпакова. Гослитиздат, Л., 1943, 88 стр. 374 частушки на темы Ленинградского фронта (Литературная обработка. Авторы: Н. П. Колпакова, Б. Тимофеев, А. Флит и др.).
32. Великому маршалу Советского Союза товарищу Сталину. «Правда», 3. I—1944; то же «Красная Звезда», 4.1—1944. Новогодний рапорт трудящихся Кузбасса. В тексте приведены 2 частушки гвардейцев-сибиряков.
33. А. Кучар. «Родина наша, Белоруссия!» «Известия», 15.I—1944. В очерке приведена частушка.
34. Н. Колпакова. Немца бьют у Ленинграда. «Ленинград», 1944, № 1—2, стр. 3. 5 частушек на темы Ленинградского фронта (Стилизация).
35. Б. Тимофеев. Ленинградские фронтовые частушки. «Ленинград», 1944, № 1—2, стр. 3. 5 частушек на темы отпора врагу под Ленинградом (Литературная обработка).
36. В. Пчелин. Люди, выросшие во время войны. «Известия», 22.III—1944. Приведена партизанская частушка.
37. Партизан Л. П. Любимец отряда. «Комсомольская правда», 11.VI—1944. Отмечено бытование частушек.
38. А. Анисимова. Частушки. «Политпросветработка», 1944, № 7—8. 5 частушек.
39. А. Анисимова. Частушки. Боевые подруги. Репертуарный листок для художественной самодеятельности. М., «Искусство», 1944, 4 стр. 9 частушек на темы защиты Родины.
40. Все для победы. Репертуар для эстрады. Частушки. М., 1944, стр. 2 (Всесоюзный дом народного творчества им. Крупской).
41. Песни Ленинградских партизан. Сост. П. Вагич. Л., 1944, 64 стр., 2-е, дополненное издание. Приведены частушки.
42. Фронтовой фольклор (сборник). Запись, вступительная статья и комментарии В. Ю. Крупянской. Под ред. и с предисловием М. К. Азадовского. М., Гослитмузей, 1944, 132 стр. В содержание сборника входят частушки.
43. Л. Дьяконов. Библиографический указатель областных изданий, в которых напечатаны частушки 1941—1944. «Кировская новь», 1945, № 1, стр. 103—104. Перечень народных и литературно обработанных частушек, опубликованных в местных изданиях.
44. И. С. Кац-Понорский. Непокоренное слово народа. «Смоленский альманах», № 1, Смоленское обл. издательство. Приведено 100 частушек.
45. Е. Симакова. Стихи и песни партизан (Карело-Фин. ССР, обзор). «На руках», Петрозаводск, 1945, кн. I, стр. 128—134. Приведены частушки.
46. Частушки о Великой Отечественной войне, записанные в Кировской области. «Кировская новь», 1945, № 1, стр. 95—103.
47. А. Ушаков и В. Потянина. Фольклор Донбасса. «Ворошиловградская правда», 18.II—1945.
48. А. Соколов. Песни непокоренных. «Советская Белоруссия», г. Минск, 23.II—1945. Приведены частушки села Логуницы.
49. Золотые россыпи. «Рабочий путь», Смоленск, 11.III—1945. 17 частушек о Великой Отечественной войне.
50. И. Гутров. Фольклор Великой Отечественной войны. «Советская Белоруссия», г. Минск, 5.V—1945. Частушки.
51. М. Шереметева. Частушки Калужской деревни. «Знамя», Калуга. 18.V—1945. 24 частушки.
52. В. Киселев. Колхозные частушки. «Колхозник», Кингисепп, 22.VI—1945. 7 частушек.
53. Письмо рабочих, крестьян и интеллигентии Львовской области генералиссимусу Советского Союза товарищу Сталину. «Правда», 2.VII—1945. Приведены украинские частушки.
54. Е. Ю. Н. Народная песня боев и побед. «Красноярский рабочий», 16.IX—1945 г. Приведено 19 сибирских частушек о Великой Отечественной войне.
55. Колхозные частушки о победе. «Кировская правда», г. Киров, 23.IX—1945. Записи П. Пономарева в колхозах Опаринского района.
56. Б. Лашилин и В. Головачев. Великая Отечественная война в казачьем фольклоре. «Сталинградская правда», 21.X—1945. Приведены частушки.
57. А. Яшин. Частушки. «Красноармеец», 1945, № 10, стр. 20. 6 частушек. (Литературная обработка).

58. М. К. Азадовский. Письма молодых фольклористов. «Новая Сибирь», кн. 15, 1945, стр. 73—93. Приведен ряд частушек.
59. А. М. Смирнов. О фольклоре Калининской области. Ученые записки, т. X, вып. I, Калинин, 1945, стр. 39—48. О частушках Великой Отечественной войны.
60. И. Алексеев. Песни непокоренных. Фольклор периода немецкой оккупации Донбасса. В сб. «Донецкие огни». Ворошиловград, 1945, стр. 116—118. Приведены частушки.
61. В. Базанов. За колючей проволокой. Гос. издательство Карело-Финского ССР, Петрозаводск, 1945, стр. 3—71. Приведены частушки.
62. На Карельском фронте. Сборник рассказов и стихов бойцов и офицеров Карельского фронта. Петрозаводск, 1945, стр. 91. Среди материалов — частушки.
63. Народное творчество в дни Великой Отечественной войны. Сборник. Составил В. А. Тонков. Воронежское областное издательство, 1945, 104 стр. Приводятся частушки.
64. По зову Сталина. Сборник стихов, песен, рассказов и очерков ленинградских партизан. Сост. В. П. Самухин. Лениздат, 1945, 191 стр. Среди материалов — частушки.
65. Фронтовые частушки. Сб. «Солдатские думы». Киров, ОГИЗ, 1945, стр. 65—69. Частушки из частей Красной Армии прислали красноармейцы и офицеры.
66. В. Тонков. Воронежский фольклор в годы Отечественной войны. «Литературный Воронеж», 1946, № 1, стр. 231—263. Приводятся частушки.
67. Фольклор периода Отечественной войны. Записали: Н. Д. Гарасенко, М. Кузьменко, Е. Жигайлова. «Литературный Донбасс», 1946, кн. I, стр. 140—145. Приводятся частушки.
68. Г. Шкляр. Великая Отечественная война и фольклор Костромской области. Записи 1944—1945 гг. «Костромской альманах», I, 1946, стр. 10—20. Частушки.
69. А. Торопцев. Народное творчество в дни Великой Отечественной войны. «Новгородская правда», Новгород, 2.П.—1946. Частушки.
70. Е. Шаров. Частушки Калининской области. «Пролетарская Правда», г. Калинин, 14.IV—1946. Частушки.
71. И. Гуторов. Партизанское творчество. «Литературная газета», 9.V—1946. Приводятся частушки.
72. М. Беркович. Фольклор Донбасса. «Соц. Донбасс», г. Стально, 16.VI—1946. Частушки.
73. Д. Золотницкий. Из партизанского фольклора. «Ленинград», 1946, № 5, стр. 22. Частушки Ленинградской области.
74. И. Гуторов. Партизанские песни. «Знамя», 1946, № 5—6, стр. 185. Приводятся частушки.
75. А. П. Анисимова. Припевки (сборник). Под ред. А. К. Мореевой, М. Стеклого. НКПС, 1946, 55 стр. (Всесоюзный дом народного творчества им. Н. К. Крупской). Частушки на темы Великой Отечественной войны.
76. Частушки колхозной деревни. О Великой Отечественной войне, о Советской Армии, о буднях труда. «Рабочий край», г. Иванов, 20.IV—1947.
77. П. Ширяева. Песни народа. Фольклор Ленинградской области. «Вечерний Ленинград», 30.X—1947. О частушках, созданных за время Великой Отечественной войны.
78. Советский фольклор Чкаловской области. Сост. А. В. Бардин. Чкалов, ОГИЗ, 1947, 168 стр. Приведены частушки Великой Отечественной войны.
79. Фольклор Советской Карелии. Подготовка текста к печати и примечания А. Беловановой и А. Разумовой. Вступительная статья В. Базанова. Петрозаводск, 1947, стр. 137. Приведены частушки о Великой Отечественной войне.
80. А. М. Новикова. Народное творчество Тульской области в дни Великой Отечественной войны. Ученые записки Тульского Гос. педагогического института, вып. I, 1948, стр. 122—141. Приведены частушки.
81. А. П. Анисимова. Под редакцией и с предисловием В. М. Сидельникова. Фольклор Пензенской области, вып. I, Пенза, Обл. Издательство, 1948, 229 стр.
82. И. Г. Парилов. Русский фольклор Нарыма. Сборник. Новосибирск, 1948, 231 стр. Приводятся частушки.

Б. А. РЫБАКОВ

РУССКИЕ СИСТЕМЫ МЕР ДЛИНЫ XI—XV ВЕКОВ

(Из истории народных знаний)

Изучение народных мер длины и истории их развития позволяет нам заглянуть в интересный мир пространственных понятий, ознакомиться с познаниями в геометрии и постигнуть глубину народной мудрости, зачастую скрытой от нас позднейшими наслоениями официальной метрологии.

Возникнув в глубокой древности для измерения расстояний, протяжения рыболовных снастей, пряжи, тканей, для определения размеров жилищ и т. п., меры длины постепенно усложнялись с развитием обмена и частной собственности, с появлением земельных разделов и межевания угодий. В дальнейшем зодчие-профессионалы создают дополнительные меры длины, предназначенные для скорейшего отыскания сложных пропорций в архитектуре. Государственная власть стремится к унификации мер, нередко руководствуясь интересами внешней торговли и уничтожая при этом как областные, так и функциональные системы мер длины.

Меры длины разных народов и разных эпох часто обнаруживают значительное сходство, а иногда и тождество, что обычно объясняют заимствованиями¹. А между тем внимательное рассмотрение и сравнение мер длины убеждает нас в том, что в прошлом одновременно существовало множество сходных, близких, но не тождественных мер, не слившихся друг с другом, несмотря на ничтожность различия и на оживленность торговли². Здесь мы сталкиваемся с причиной общего сходства всех мер — в основе их лежат элементарно-простые движения рук человека или части тела. Едва уловимые различия в одноименных мерах отражают или детали способов измерения или же антропологические различия народов.

В международной метрологии поиски сходных мер очень легки, они обнаруживают близкие друг другу единицы в разных частях мира, но почти всегда название этих единиц объясняет нам их сходство: локоть, пядь, палец, стопа, размах рук («сажень», сажень). В основу меры положены части человеческого тела.

Не поиски путей заимствования, а изучение самостоятельного конвергентного развития, изучение народной метрологии должно лечь в основу истории мер длины.

¹ Так, например, Н. Г. Беляев, говоря о тождестве русской сажени и греческой филетерийской оргии в 216 см, считает, что уже в III в. до нашей эры во времена Лизимаха филетерийская система проникла к предкам восточных славян (Н. Г. Беляев, О древних и нынешних русских мерах протяжения и веса, «Seminarium Kondakovianum», т. I. Прага, 1927, стр. 261). На самом же деле это единство объясняется единством способов измерения: сажень в 216 см — это расстояние от ног до вытянутой вверх руки, насколько человек может «досягнуть».

² Ф. Петрушевский, Общая метрология, СПб., 1849.

Древнейшие основные меры очень просты и общи всему человечеству, как жесты кинетической речи.

История русских мер длины разработана в трудах П. Г. Буткова Д. И. Прозоровского, С. К. Кузнецова, Н. Г. Беляева, Н. В. Устюгова Л. В. Черепнина³.

Итоги изучения можно свести к следующему:

IX—XIII вв. $\left\{ \begin{array}{l} \text{Пядь} = 23 \text{ см} \\ \text{Локоть} = 46 \text{ см} = 2 \text{ пядям} \\ \text{Сажень} = 142 \text{ см} = 3 \text{ локтям (?)} \end{array} \right.$

XVI—XVII вв. $\left\{ \begin{array}{l} \text{Аршин} = 71,12 \text{ см} = 4 \text{ четвертям} \\ \text{Сажень печатная, казенная} = 213,35 \text{ см (?) (вариант} 215,4 \text{ см}) = 3 \text{ арш.} = 48 \text{ вершкам} \\ \text{Сажень трубная} = 186—195 \text{ см} \\ \text{Сажень маховая} = 177 \text{ см (упразднена в 1649 г.)} \\ \text{Сажень косая} = 182—186 \text{ см (?)} \end{array} \right.$

В работах указанных исследователей остался невыясненным целый ряд вопросов. Во-первых, вызывает сомнение предполагаемый ими разрыв мер Киевской и Московской Руси; во-вторых, сомнительна исконность трехчленного деления (сажень равна трем аршинам, а ранее — трем локтям); в-третьих, оставлено без объяснения обилие и одновременное существование различных мер в XVI—XVII вв. Кроме того, многими слишком переоценивается для этой эпохи унификация мер длины государственной властью.

Данная статья ставит своей задачей выявление основных русских мер длины XI—XV вв. и попытку объяснить их упорно державшееся многообразие. Материалы XVI—XVIII вв. включены сюда лишь как вспомогательные, но далеко не исчерпаны до глубины. В дополнение к письменным источникам считаю крайне необходимым привлечение этнографических материалов (ширина холста, размеры построек, способы измерения), измерение древних предметов (иконы, книги, кирпичи) и анализ зодчества.

Три основные древнерусские меры носят названия частей тела или движения рук: пядь (пядень, пядь, пяда, пядьница); локоть (локть, локъть); сажень (сяжень, сяжение)⁴.

Антропометрический принцип определения мер длины присущ всем народам. Особое обоснование он получил в античном мире, где «за основание мер, явно необходимых при всяких работах, взяли члены тела, как палец, пядь, ступню, локоть»⁵. Иногда названия мер отрывались от их первоначальной сущности. Уже в Египте появились два вида локтя — один, совпадающий с длиной локтевого сустава человека в

³ П. Г. Бутков, Объяснение русских старинных мер — линейной и путевой. Журнал Министерства внутренних дел, часть VIII, 1844; Д. И. Прозоровский, О старинных русских мерах протяжения. Изв. Русск. Археологич. общ., т. VIII, вып. 3, СПб., 1872; С. К. Кузнецов, Древнерусская метрология, Малмыж, 1913; Н. Г. Беляев, Указ. раб.; Н. В. Устюгов, Учебное пособие по вспомогательным историческим дисциплинам. 2. Метрология, М., 1939; см. также «Ист. записки», № 19, М., 1946; Л. В. Черепнин, Русская метрология, М., 1944.

⁴ Слово «пядь» обозначает кисть руки «пятерни» и, вероятно, обособилось в древности от общего корня со словом «пять». В отличие от многих народов, у которых наименьшей мерой была пясть (ладонь) или палец, в русской народной метрологии пядь была наименьшей мерой, как сажень — наибольшей. «Ты от дела на пяденьку, а оно от тебя на саженьку». Загадка: «Поутру с сажень, в полдень с пядень, а к вечеру через поле хватает» (тень). Впрочем, иногда в качестве мельчайшей меры упоминается «ноготь» («жили с локоть, а осталось с ноготь»). Слово локоть в древности чаще писалось «лакъть». От него образовывали на севере глагол «локчить» — считать, мерять. Слово сажень — сяжень по своему смыслу связано с движением — досягать. С ним связано и другое движение — шаг «сяжок».

⁵ Витрувий, Об архитектуре, кн. III, гл. 1, М., 1936, стр. 66.

46 см, а другой — «царский» локоть, представляющий собой результат сложных вычислений, необходимых для получения круга, равновеликого квадрату. В средние века в одной и той же стране сосуществовали большой и малый локоть, разные локти для разных видов ткани («шелковый локоть», «полотняный локоть» и т. п.). И в русской метрологии мы также встречаемся как с естественными мерами, прямо отвечающими своему названию, так и со вторичными образованиями, для которых приходилось подбирать сложные приемы, чтобы воспроизвести эти меры при помощи частей человеческого тела.

Различные по своему протяжению меры, но группирующиеся вокруг одного и того же названия (например, локоть), отличаются способом измерения (например, локоть со сжатыми или с вытянутыми пальцами), но в большинстве случаев все же имеют реальный «эталон», легко воспроизводимый каждым человеком обычного роста. Этнография знает много различных способов отмеривания основных единиц и их фракций, которые и показаны на табл. 1; обоснование их будет дано ниже. При составлении таблицы принимались во внимание средние размеры человека 170—172 см роста.

Одним из существенных отличий русской народной метрологии от древнегреческой, римской или византийской и западноевропейской метрологии является принцип постепенного деления на 2, когда меньшие меры получаются путем деления большей на 2, на 4 и на 8. В официальной метрологии с XVI в., со времени введения у нас восточной меры — аршина, на Руси установилось деление сажени на три части, на три аршина, подогнанных к традиционной сажени. Но народные меры, долгое еще бытовавшие в разных приказах Московского государства, чуждались этого троичного деления. «Полусажень», «локоть», представляющий четверть сажени, «четверть» или «четь», под которыми мы должны понимать четвертую часть полусажени («пядь»), — вот доли основной меры — сажени. Даже новая мера — аршин стала подразделяться на четверти, совпавшие по величине с малой пядью. Деление на четыре было излюбленным⁶. Напрасно некоторые исследователи пытались определить троичный принцип как основной и даже предполагали существование гипотетической сажени в 3 локтя в Киевской Руси⁷. Никаких данных о троичном принципе до XVI в. у нас нет, да и в XVI в. он был искусственным, насильтвенным. Нет у нас также данных о шестиричном принципе деления мер, который мог бы указывать на греко-византийскую систему, восходящую в этом к вавилонской. Неизвестно было и десятиричное деление, свойственное Риму и романскому Западу.

Русская четвертичная система была практически весьма удобной: если измерение производилось веревкой, то последовательное складывание ее пополам и вчетверо давало точные доли сажени. Деление же на 3 или на 5 всегда сопряжено с неудобством. Грекам также был известен четвертичный принцип деления, но он не был основным и последовательно проведенным.

Обзор древнерусских мер начнем с наименьших.

Пядь. Неясности в вопросе о величине древней пяди и сомнения

⁶ «А город толщиною сажень без восьмые доли». «Башня... пол 3 сажени (2½), а поперек сажень с четвертью». Сметная роспись Иосифова монастыря Ивана Неверова 1645 года (С. Торопов и К. Щепетов, Иосифов-Волоколамский монастырь, М., 1946, стр. 23 и 30). «Стена по 13 сажен с полусаженью» (А. И. Яковлев, Засечная черта Московского государства, М., 1916, стр. 147. Данные 1638 г.). «Сруб дву сажен без локтя». «Башня трех сажен с локтем» (там же, стр. 148). Примеры последовательного деления на 2 можно значительно умножить. Магницкий, говоря о сажени, прежде всего упоминает, что «сажень имать 2 полусажени» (Леонтий Магницкий, Арифметика, сиречь наука числительная, ч. I, М., 1703).

⁷ С. К. Кузнецов, Указ. раб., стр. 86.

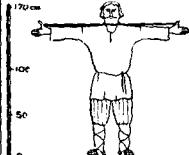
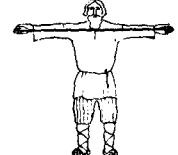
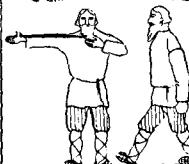
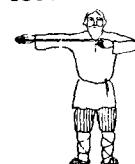
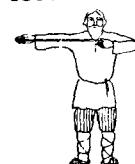
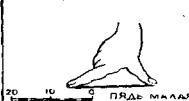
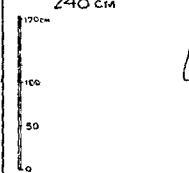
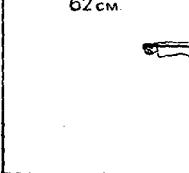
РУССКИЕ НАРОДНЫЕ МЕРЫ. ИХ ДОЛИ И СПОСОБЫ ИЗМЕРЕНИЯ				
ОСНОВНЫЕ ПЕРВИЧНЫЕ МЕРЫ				
САЖЕНИ	152 см. САЖЕНЬ ПРОСТАЯ 	176 см. САЖЕНЬ МЕРНАЯ (МАХОВАЯ) 		216 см. САЖЕНЬ КОСАЯ (КАЗЕННАЯ)
ПОЛУСАЖЕНИ	76 см. 	76 см. 	88 см. 	108 см.
ПЯДИ	38 см. 	44 см. 	46 см. 	54 см.
ПЯДИ	19 см. 	22-23 см. 	27 см. 	1/8
ДОПОЛНИТЕЛЬНЫЕ МЕРЫ				
САЖЕНИ	248 см. 	КОСАР (ВЕЛИКАЯ) САЖЕНЬ А САЖЕНЬ КОСАС С НОГИ НА РУКУ, ОТ ЗЕМЛИ ДО ЗЕМЛИ 	197 см. 	САЖЕНЬ БЕЗ ЧЕТИ
ПЯДИ	62 см. 			

Рис. 1. Русские народные меры, их доли и способы измерения

в точности измерений в XII в.⁸ происходят оттого, что исследователи забывают о двух видах измерений. Есть малая пядь, равная 19 см (от большого до указательного пальца), и большая пядь (от большого

⁸ М. А. Веневитинов, Житье и хождение Даниила Руськяя земли игумена, СПб., 1885. Раздел: Пути и расстояния Даниила. Приложение IV. Древнерусские иконы «пядницы» дают нам оба размера: и 19 см и 23 см. Образцом первых может служить икона князя Можайского сер. XV в. в собрании Г. Т. Г., а образцом вторых — образ Кирилла Белозерского, работы Дионисия Глушицкого 1424 г., названная в описи 1601 г. «Пядницей».

до мизинца), равная 22—23 см. Противоречие между измерениями «граба господня» игуменом Даниилом в XII в. и Трифоном Коробейниковым XVI в. только кажущееся⁹. Никакого противоречия здесь нет, так как Даниил мерял большими пядями, а Трифон малыми:

Истинные размеры — 1 арш. 5 вершков (в 1840 г.) — 93,3 см:	
Даниил — 4 пяди по 23 см	— около 92 см;
Трифон — 5 пядей по 19 см	— около 95 см.

Этнография знает еще широко распространенный способ измерения — «пядь с кувырком», когда к малой пяди в 19 см добавляется еще два или три сустава указательного пальца. В первом случае мы получаем 27 см, а во втором — 31 см. Сложность способа измерения указывает на то, что обе эти меры не являются первичными, основными, а привнесены в народную метрологию и для них подобраны такие сложные эталоны, как «пядь с кувырком»¹⁰. Следует отметить, что оба размера, получаемые таким странным способом, были очень широко распространены в быту. Мера в 27 см — это излюбленный формат кирпичей XII в., книг, икон и архитектурных деталей¹¹. Древнее название мер в 27 см и в 31 см нам неизвестно.

Локоть. Наиболее употребительным способом определения локтя было расстояние от локтевого сочленения до концов вытянутых пальцев, что обычно равняется 46 см.

Источники XVII в., приведенные еще Бутковым, определяют локоть очень точно, но не одинаково, а со значительными колебаниями:

10 2/7 вершка	45,72 см
10 1/2 "	46,67 см
10 2/3 "	47,01 см.

Такой локоть соответствует двум большим пядям по 23 см.

Существовал ли локоть, составленный из двух малых пядей по 19 см, который должен был бы равняться 38 см?

Антropометрически величина в 38 см очень легко определяется: это локоть со сжатыми пальцами. Этнография знает этот размер как широкораспространенную ширину холста. Г. С. Маслова по моей просьбе произвела измерения ширины холста XIX в. по музейным коллекциям, и оказалось, что в 14 губерниях основной мерой являлась ширина холста в 38 см (отклонения в пределах 36—39,5 немногочисленны)¹². Мера холста настолько устойчива и повсеместна, что мы вправе счесть ее за определенную единицу измерения, которую за неимением древнего термина я условно назову «малым локтем»¹³. Привлечение этнографического материала значительно расширяет наши представления о народных стандартах, которые мы должны считать единицами мер. Помимо локтя в 38 см, равного двум пядям по 19 см, мы узнаем еще о следующих стандартах холста на Украине: 54 см, 60—62 см (Черниговщина и Киевщина) и 77 см (Волынская губ., единичный промер)¹⁴. Размер

⁹ См. Л. В. Черепини, Указ. раб., стр. 22.

¹⁰ «Пядь с кувырком» существует не только у русских, но и у поляков. См. Moszyński Kultura ludowa słowian, Kraków, 1934, стр. 120. Мера в 31 см близка к греческому футу в 30,8 см.

¹¹ В частности, иконы «пядницы», имеющие в ширину 19 см или 23 см, в высоту дают 27—28 см. В форматах кирпичей конца XII в. очень част размер 19 × 27 см.

¹² Губернии: Нижегородская, Рязанская, Тамбовская, Тульская, Калужская, Псковская, Вологодская, Саратовская, Владимирская, Тверская, Ярославская, Архангельская, Минская, Харьковская. Пользуясь случаем принести благодарность Г. С. Масловой и Д. В. Найдич за произведенные измерения.

¹³ На Украине, затем в Минской губ. и во Псковской губ. ширина холста часто бывала равна обычному локтю в 46 см.

¹⁴ Промеры Д. В. Найдич.

в 54 см близок к общераспространенному варианту локтя, измеряемому от плеча до большого пальца руки. Размер в 62 см — это так называемый «литовский» локоть, равнявшийся в XIX в. 62,83 см¹⁵. Локоть в 62 см бытовал в русских областях, входивших некогда в состав Литовско-русского государства.

В летописях при описании построения Ноева ковчега есть загадочная гlossen: «египтяне бо локтем сажень зовут»¹⁶. Здесь, очевидно, подразумевается настолько большой локоть, что его можно спутать с саженью. И действительно, в памятниках XI—XII вв. мы такую путаницу и встречаем: описывая незначительность и скромность монашеских «пещерок», летописец иногда говорит о двух саженях, а иногда о двух локтях. Выяснить этот локоть-сажень ни по письменным, ни по этнографическим материалам мы не можем, и только обращение к русской архитектуре XI в. поможет нам в дальнейшем определить его.

Сажень. Единицы измерения, обнимаемые обозначением «сажень», столь же различны, как и «локти», из которых складывается сажень. Каждой из основных разновидностей сажени соответствует свой локоть, равный $\frac{1}{4}$ сажени. Вплоть до XVII в. параллельно существовало несколько официальных саженей, эталоны которых хранились в приказах. К сожалению, мы не всегда можем связать то или иное название с определенным цифровым выражением.

Существовали сажени:

Косая	Упомянуты в одном документе
Прямая	
Простая	
Городовая (эталон в Пушкинском приказе)	
Сажень трех аршин без четверти (железный эталон)	
Трубная сажень (в $2\frac{1}{2}$ арш. и 2 вершка)	
Большая	
Городовая и мостовая московской меры	Упомянуты в од- ном документе
Дворовая и лавочная	
Маховая сажень	
Казенная, печатная, орленая трехаршинная	
Писцовая, чем землю мерят	
Мерная ¹⁷ сажень	

Многие из этих названий считались настолько известными и общеупотребительными, что авторы документов не считали нужным давать никаких пояснений. Некоторые названия саженей в приведенном списке могут обозначать одну и ту же величину, но все же остается вне сомнения, что одновременно в государстве употреблялось несколько разных метрологических систем, имеющих различное функциональное применение.

Противопоставление в одном и том же документе саженей косых и простых, или городовых и дворовых, или городовых и писцовых свидетельствует о множественности систем, терпимых государством рядом с официальной мерой. Иногда особые виды сажени поясняются переводом на аршины и вершки, иногда расстояние указывается одновременно в двух неизвестных нам мерах (например 25 сажен косых равны 40 са-

¹⁵ «Россия», изд. Брокгауз, 1900 г. Раздел «Русская метрология».

¹⁶ ПСРЛ, 15, стр. 5.

¹⁷ «Две сажени железные: одна городовая и мостовая московской меры, а другая дворовая лавочная московской меры» (Доп. к Актам Истор., т. III, № 53). «Вышина валу с приступных сторон осми и девяти и десяти больших сажен» (Акты Ист., т. III, № 382). Острог, башня, рвы и валы «почеты делать в городовую у сажен, какова в Пушкинском Приказе». «Да сделана башня о шти стенах, а стена и с углы по 3 сажени, стена прямых сажен, а не косых» (А. И. Яковлев, Засечная черта, М., 1916, стр. 145). Городок на Кынинской засеке 110 сажен «в писцову сажень, что землю мерят» (там же, стр. 254, см. также стр. 258, 259).

жениям простым). Кроме функционального различия, существовало и областное (московская мера противопоставлялась иным).

Большинство саженей делилось на 2, 4 и 8 частей. Это особенно относится к измерению построек.

Казенная (печатная, орленая) трехаршинная сажень, служившая государственной мерой и рекомендованная Уложением 1649 г., в качестве основной является, пожалуй, единственным посредником между мерами прошлого и современностью, так как многие меры XVI—XVII вв. выражались в долях этой казенной меры. Происхождение ее не было выяснено и даже абсолютные размеры указывались неверно¹⁸.

Одним из путей определения первоначальной, допетровской сажени является определение аршина, восточной меры, насилино втиснутой в XVI в. в русскую сажень, как прокрустово ложе (аршин был укорочен при этом). Кильбургер в 1674 г. графически изобразил $\frac{1}{4}$ русского аршина; чертеж дает нам 17,95 см. Следовательно, сажень — $17,95 \times 12 = 215,4$ см¹⁹.

Вторым путем может быть изучение форматов больших икон. Если малые иконы «локотницы» и «пядницы» позволяют нам установить локти и пяди, то большие деисусные иконы из соборов дают нам разные типы саженей. Среди хорошо сохранившихся знаменитых русских икон XIV—XV вв., доски для которых готовились в определенных точных мерах, следует обратить внимание на икону Андрея Рублева — деисус 1405 г. из Успенского собора во Владимире: ее ширина точно 216 см (Гос. Третьяковская галерея); звенигородский чин Андрея Рублева дает половинный размер — 108 см.

Когда же появилась сажень в 216 см?

Л. В. Черепнин справедливо предполагает, что такая сажень могла уже существовать в эпоху Киевской Руси²⁰, но в дальнейшем при сопоставлении русской сажени с греческой оргией он был введен в заблуждение ошибочными расчетами С. К. Кузнецова, полагавшего, что оргия равнялась 231,9 см, а римский пасс равнялся 186 см²¹. Сопоставление сажени с оргией закономерно не только потому, что при переводах с греческого слово «сажень» заменяло слово «оргия», но и потому, что важнейшая греческая система мер (филетерийская) основана на оргии, равной 216 см²².

В дальнейшем я укажу на ряд данных, свидетельствующих о знакомстве Киевской Руси с саженью, равной 216 см, но следует заметить, что у нас нет никаких оснований говорить о заимствовании этой единицы от византийцев; наоборот, — искусственно семиричное деление филетерийской оргии (7 футов по 30,8 см) было совершенно чуждо русской метрологии. Близость же абсолютных размеров казенной сажени и оргии объясняется элементарной простотой воспроизведения этой величины: это — расстояние от земли до концов пальцев вытянутой вверх руки (при росте 170—172 см). Достаточно мужчине обычного роста под-

¹⁸ Н. В. Устюгов и Л. В. Черепнин считают казенную сажень равной 213, 36 см, упуская из виду то, что сажень XVI—XVII вв. была искусственно укорочена Петром I для того, чтобы она точно соответствовала 7 английским футам. Лишь после этой реформы казенная трехаршинная сажень стала равняться 213, 36 см и в этом виде дожила до 1924 г., до введения метрической системы. Ощущая громоздкость сажени, Д. И. Менделеев предлагал ввести полусажень, близкую к метру (106, 68 см).

¹⁹ Б. Г. Курц, Сочинение Кильбургера о русской торговле XVII в., Киев, 1915, стр. 156.

²⁰ Л. В. Черепнин, Указ. раб., стр. 24.

²¹ С. К. Кузнецов, Указ. раб., стр. 76. Кузнецов вычислял оргию, исходя из размеров русской версты, и совершил ряд недопустимых промахов.

²² O. Viedenbandt, Forschungen zur Metrologie des Alterthums, Lpz., 1917. Филетерийская система заменила собой более древние системы, в которых одной из наиболее определенных величин была шестифутовая оргия = 185 см. Римский «passus» равен 148 см.

нять вверх свою руку, чтобы «досягнуть» до высоты, равной «сажени» в 216 см. Именно так и воспроизводилась эта мера в народной метрологии, если не было под рукой эталона. Простота и естественность этой меры обусловила ее живучесть, устойчивость и повсеместность.

Мерная или маховая сажень.

Исследователи русских мер длины часто упоминают «маховую» сажень, дожившую в крестьянском быту до XIX в. Это — длина размаха рук, равная обычно 176—177 см. Данный термин в древних источниках мне неизвестен, но самую единицу измерения мы можем найти, если обратиться к архитектуре: в описании Софийского собора в Новгороде, составленном в XVI в., сказано: «А от спасова образа ото лбу до моста (пола) церковного 15 сажен мерных»²³. По точным чертежам собора, изготовленным в 1947 г. и любезно предоставленным мне проф. Н. И. Бруновым, расстояние от купола до пола равно 26,4 м. Отсюда «мерная» сажень равнялась 176 см, что позволяет сблизить ее с этнографически известной маховой саженью.

К этой же группе мер, базирующихся на полном размахе рук, мы должны отнести и другие виды сажени, близкие по абсолютным размерам к мерной. Предварительно укажу, что величина размаха рук, по данным антропологов, обычно равна 103% роста человека²⁴.

Для мужчин ростом в 170 см маховая сажень	176 см
» » » 176 » »	182 »
« » » 180 » »	186 »

Если мы предпримем розыски мер в 176—186 см, то легко обнаружим их у разных народов, в том числе и у русских. Выбор того или иного стандарта в каждой местности зависел, очевидно, от средней величины роста мужского населения.

Еще П. Г. Бутков обратил внимание на двукратное измерение колокольни Ивана Великого (впервые при Борисе Годунове, а вторично — в конце XVII в.), выраженное в разных саженях. Получилось уравнение:

$$45 \text{ саж. начала XVII в.} = 38\frac{1}{2} \text{ казенных саж.}$$

Отсюда мы узнаем, что сажень, примененная при первом измерении, равна 182,8 см. Такая мера в качестве морской сажени дожила до XX в. К этому же разряду относится и так называемая трубная сажень, упоминаемая в «Росписи, как зачат новая труба на новом месте ставить». Эта сажень выражена в известных нам долях казенной сажени: «погретья аршина с двемя вершками», т. е. 186,68 см. Следует отметить, что $\frac{1}{4}$ часть этих саженей будет соответствовать локтю:

$$\frac{177}{4} = 44,2 \quad \frac{282,8}{4} = 45,7 \quad \frac{186,68}{4} = 46,67.$$

Здесь мы наблюдаем незначительные колебания в размере локтя, но именно эти колебания и были отмечены источниками XVII в., определявшими локоть разными величинами, но всегда с точными долями: например, 10 $\frac{2}{7}$ вершка (45,7 см), 10 $\frac{1}{2}$ вершков (46,67 см). Очевидно, мы имеем здесь дело не с приближенным или округленным определением одного локтя, а с очень точным (до 0,1 мм) вычислением разных локтей, являвшихся четвертыми долями разных маховых саженей.

²³ Летопись новгородских церквей см. А. И. Успенский, Очерки по истории русского искусства, т. I, М., 1910, стр. XIV.

²⁴ В. В. Бунак, Опыты типологии пропорций тела и стандартизации главных антропометрических размеров. «Ученые записки МГУ», т. X, М. 1937.

«Сажень без чети». При описании засечной черты в 1638 г. указан этalon меры, не вытекающей из перечисленных выше способов измерения: «железная сажень трех аршин без четверти»²⁵. Если мы примем четь за $\frac{1}{4}$ аршина, то сажень будет равна $216 - 18 = 198$ см. Если же под четью подразумевать малую пядь, то сажень будет равна $216 - 19 = 197$ см. Антропометрический способ определения этой меры мне не известен; сажень в 197 см образуется путем отсчета пяди от сажени в 216 см, т. е. очень искусственно.

Косая сажень. Наиболее сложным является определение косой сажени, той меры, которая в качестве гиперболы упоминается в былинах. Одни исследователи считают косою саженью казенную в 216 см²⁶. Другие определяют ее размер в 40—42 вершка, отождествляя с трубной саженью, указывая способ измерения ее от ноги до вытянутой руки²⁷. Здесь явное недоразумение, так как 42 вершка это — 186 см, размах рук, но никак не расстояние от ноги до вытянутой руки. Можно допустить, что иногда эпитетом «косая» сопровождалась обычная казенная сажень в 216 см, но связано ли это со способом измерения — сказать трудно²⁸. Возможно, что гиперболическая былинная «косая сажень» тождественна с «большой» саженью. Обе они одинаково применялись при измерении земляных валов и рвов. Ключом к разгадке косой сажени является интереснейшее место в грамоте князя Федора Борисовича Волоцкого 1502 г.: «А сажень с ноги на руку косая, от земли до земли»²⁹. Попытки осмыслить этот способ измерения как расстояние от ноги до вытянутой вверх руки несостоятельны, так как тогда остается непонятным определение «от земли до земли».

Я предлагаю такую расшифровку этой фразы, где, несмотря на лаконизм, древнерусский писец точно определил способ измерения: для этой меры требовалась веревка, один конец которой шел от ступни, касаясь земли, а другой перекидывался через согнутую в локте руку и опускался снова к земле. Для человека ростом в 172 см подобная косая сажень будет равна 248 см. Для мировой метрологии это не безызвестная величина; мы встречаем ее в Риме и в средневековой Италии в качестве архитектурной меры, носившей название «*canna architectonica*»³⁰. О заимствовании этой меры с Запада не может быть речи, так как в Италии она делилась на 10 «пальми», а русская косая сажень подчинялась обычному принципу последовательного деления на два. Указание на Рим и Италию важно нам лишь для того, чтобы показать, что такая мера вообще существовала.

Для всех перечисленных ранее видов сажени нам удавалось установить, что $\frac{1}{4}$ сажени равна локтю. Что же представляет собой $\frac{1}{4}$ косой сажени $\frac{248}{4} = 62$ см. Это — так называемый «литовский локоть», бытовавший в русских областях великого княжества Литовского и зафиксированный сохранившейся на Украине до XX в. шириной холста в 62 см.

²⁵ Отписка И. Б. Черкасского 1638 г., ЦГАДА. Моск. стол., столбец 140, лист 169.

За указание этого источника приношу благодарность А. В. Никитину.

²⁶ Н. Т. Беляев, Указ. раб.

²⁷ Н. В. Устюгов, Указ. раб., стр. 322; Л. В. Черепин, Указ. раб., стр. 60.

²⁸ У неславянских народов Восточной Европы, давних соседей Руси, термином «косая сажень» обозначается русская трехаршинная сажень, см. Wichtmann, *Les vieilles mesures de longueur des peuples finno-ougriens*, Journal de la Société Finno-Ougrienne, t. 42, 1928, стр. 13—24. У мари и чувашей косая сажень носит интересное название «ботшак», т. е. «диагональная». К этому термину мы еще вернемся в дальнейшем.

²⁹ С. К. Кузнецов, Ук. соч., стр. 80.

³⁰ Л. Б. Альберти, Десять книг о зодчестве. М., 1936, стр. 757. Канна = 248, 1 см.

От XVII в. сохранилось интересное уравнение с двумя неизвестными: «А валил вал в ширину двадцати пяти сажен косых, а простых сорок сажен»³¹. Впредь до определения «простой» сажени мы не можем решить это уравнение, но ясно одно, что подразумеваемая здесь косая сажень — больше всех остальных известных нам единиц, именно та «косая сажень», которой измеряли ширину плеч былинного богатыря. Предположительным итогом разбора данных о косой сажени может быть следующее: косой саженью иногда называли сажень в 216 см («диагональная» сажень моряков и чужающей, равная 3 аршинам), иногда же особую наикрупнейшую из русских мер сажень в 248 см из четырех локтей по 62 см. Удобного антропометрического способа определения этой меры в 248 см не было, для ее воспроизведения был подобран сложный и громоздкий способ перекидывания веревки.

Простая, прямая («тмутараканская») сажень. Последней загадкой древнерусской метрологии является малая сажень, существование которой давно уже предполагалось исследователями и определение ее протяжения производилось при помощи гипотезы о сажени в 3 локтя, т. е. 137 см — 142 см (Бутков). Л. В. Черепнин совершенно справедливо сомневается в правильности этой гипотезы³². Эта укороченная сажень неизбежно появляется каждый раз как исследователи касаются «тмутараканской» сажени 1068 г.

Короткая сажень в 3 локтя считалась основной мерой Киевской Руси. Исследователи полагали, что в дальнейшем произошел коренной перелом в метрологии и сажень стала состоять уже не из 3 локтей (по 46 см), а из 3 аршин (по 71 см). В этой гипотезе сомнительно определение принципа членения сажени на 3 части. Кроме того, вызывает сомнение и абсолютный размер «тмутараканской» сажени в 137—142 см. Как известно, надпись на тмутараканском камне гласит: «В лѣто 6576.... Глѣб князь мѣоил море по леду от Тъмутороканя до Кърчева 10000 и 4000 саженъ»³³. В неизвестных нам по своей абсолютной величине русских мерах XI в. ширина Керченского пролива определена топографами Глеба Святославича в 14 000 саженей. При допущении гипотетической трехлокотной сажени в 137—142 см ширина пролива выразится в 19 180—19 880 м. А. А. Спицын, специально занимавшийся достоверностью тмутараканского камня и его надписи, допустил существование сажени в 164 см. Он определил ее как «маховую сажень» по грузинскому этнографическому способу (захват земли, приседая на корточки). По этим данным ширина пролива определяется в 23,024 м. Мера, предложенная Спицыным, ни в каких источниках не встречается и ничем не подтверждается, что, впрочем, следует сказать и о трехлокотной сажени.

В нашем распоряжении имеется еще одно древнее измерение Керченского пролива, сделанное столетием раньше князя Глеба и записанное в 952 г. Константином Багрянородным. «Устье Меотиды, изливающееся в Понт (также), называется Бурлик. Здесь есть город Боспор, а напротив Боспора лежит город, называющийся Таматарха. Это устье простирается на 18 миль». Еще Бутков в 1844 г. вычислил, что 18 миль равны 21 199,45 м, но его соображениями впоследствии почему-то пренебрегли³⁴. По этому счету «тмутараканская» сажень

³¹ А. И. Яковлев, Указ. раб., стр. 227. Отписка А. Рязанцева 1638 г.

³² Л. В. Черепнин, Указ. раб., стр. 24.

³³ А. Спицын, Тмутараканский камень, Зап. Отд. русск. и слав. археологии, т. XI, вып. II, 1915.

³⁴ П. Г. Бутков, Указ. раб., стр. 214. Проверка данных императора Константина по измерениям XVIII — XIX вв. едва ли целесообразна, так как песчанистые отмели берегов пролива за тысячу лет могли существенно изменить ширину «устья Меотиды», а кроме того, нам неизвестна отправная точка измерений 1068 г. (город Тмутаракань — Таматарха). Сопоставление же данных X в. (Константин), с данными XI в.

равнялась $\frac{21199}{14000} = 151,42$ см. Действительно ли эта мера так необычна для древней Руси, что исследователи (Спицын, Кузнецов) считали ошибочными вычисления императора Константина? Или, быть может, эта древняя мера была начисто забыта последующими поколениями и не встречается в XVI—XVII вв.?

Сопоставляя данные старых источников с сохранившимися зданиями, мы можем убедиться в реальности древнерусской меры = 151 см. Автор знаменитого «Хождения Пимена в Царьград» — Игнатий Смолянин 31 июля 1389 г. совершил осмотр всех закоулков цареградского Софийского собора «ходиходом верху церкви святая Софии и видехом 40 окон шейных иже наверху церкви и мерию окно едино со столпом по 2 сажени. И сих 40 окон в ширину имеаху со столпом по 2 сажени в шее церковней и сему много чудиходомся, яко предивно и изрядно удобрено»³⁵.

По новейшим чертежам Софийского собора в Константинополе ширина окна с простенком равна 300 см. Следовательно, и в этом случае под словом «сажень» нужно подразумевать величину, близкую к 150 см.

Приведу уже цитированное выше описание Софийского собора в Новгороде: «А внутри главы кругом где окна — 12 сажен, а от спасова образа ото лбу до мосту церковного 15 сажен мерных». Здесь одновременно употреблены две системы мер — одна для измерений в горизонтальной плоскости и другая для вертикальных промеров. Простые сажени (горизонтальные) противопоставлены «мерным» (вертикальным) саженям по 176 см. Благодаря точным чертежам и разрезам собора, составленным Академией архитектуры СССР, у нас есть возможность определить величину саженей горизонтальных промеров.

Диаметр главы равен 605 см, отсюда 1 сажень = $\frac{605, \pi}{12} \approx 158$ см.

Мне уже приходилось выше обращать внимание на размеры древнерусских икон, которые зачастую оказываются точным соответствием той или иной мере (пядь, локоть, стопа, сажень). Это в особенности относится к большим иконам известных мастеров, бережно сохранившимся в кафедральных соборах (см. таблицу на стр. 78).

Приведу несколько примеров, частично уже использованных, когда речь шла о саженях в 216, 198 и 182 см.

В этих примерах особенно интересно то, что высота и ширина одной и той же иконы часто выражена в мерах разных систем, доказывая их одновременное существование. Это же мы видим и на иконах небольшого формата (19 × 27; 23 × 28; 31 × 38; 38 × 54; 54 × 76 и др.).

Для нас особый интерес представляет точно датированная икона Дионисия (очень хорошей сохранности), давшая величину (152,3), очень близкую к саженям тмутараканского камня (151,4). Учитывая «метрологичность» крупных икон, мы можем допустить существование сажени в 151—152 см не только в Киевской Руси, но в Руси Московской в XV в., а судя по Строгановской иконе, и в XVII в.

Если теперь, после того как предположительно наметился размер «простой» сажени в 151—158 см., мы вспомним уравнение «25 косых саженей = 40 простым», то, подставляя предполагаемый размер косой сажени, получим:

$$25 \cdot 248 = 40 x, \text{ отсюда } x = \frac{25 \cdot 248}{40} = 155 \text{ см} = \text{прямой сажени.}$$

За основу для дальнейших расчетов я беру наиболее надежные данные

(Глеб) вполне допустимо, так как геологические изменения были за этот срок невелики, а, кроме того, направление измерений в обоих случаях одинаково: Таматарха (Тмутаракань) — Боспор (Корчев).

³⁵ Никоновская летопись, 1389, стр. 100.

№	Город и церковь	Мастер и дата	Название иконы	Формат			
				высота		ширина	
				в см	русскою мерою	в см	русскою мерою
1	Владимир. Успенский собор	Андрей Рублев, 1405	Деисус			216	Казенная сажень
2		Дионисий 1481—1482	Митроп. Алексей с житием	197	«Сажень без чети»	152,3	«Тмутара-канская» сажень
3	Сольвычегодск	Строгоновских писем	«Обедния»	198	То же	152,8	
4		Феофан Грек, конца XIV в.	«Преображение»	182	Сажень «морская»	134	Три локтя по 45 см
5	Ярославль	нач. XIV в.	Архангел Михаил	154	«Тмутара-канская»	91	Два локтя по 5,5 см

Приимечание. Таблица составлена мной по измерению подлинных икон в Государственной Третьяковской галлереи.

формата икон — 152—152,8 см, тем более, что это расстояние точно соответствует расстоянию между большими пальцами вытянутых рук человека обычного роста. Прием измерения очень прост и потому широко распространен. Кроме того, расстояние в 152 см равняется двойному шагу, что позволяло использовать эту меру не только для горизонтальных архитектурных измерений, но и для промеров больших расстояний, что потребовалось, например, для измерения пролива от Тмутаракани до Корчева.

При последовательном делении «тмутараканской» сажени на 2, на 4 и на 8 мы получим такие данные: $\frac{1}{2}$ саж. = 76 см; $\frac{1}{4}$ = 38 см; $\frac{1}{8}$ = 19 см. Четверть сажени точно соответствует «малому локтю» в 38 см, а одна восьмая равна «малой пяди» в 19 см³⁶.

Мы рассмотрели часть тех материалов, которые нужны нам для рассмотрения древнерусских мер.

На основании изложенного выше можно составить такую предварительную таблицу мер:

1. Сажень великая («косая») = 248 см = 4 локтям по 62 см
2. » казенная («косая»?) = 216 см. Древнее деление неизвестно; позднее делилась на 3 аршина
3. » «без чети» = 196—198 см. Доли неизвестны
4. Разновидности { «трубная» = 186—189 см
5. маховой { «морская» = 183 см } = 4 локтям по 44—46 см = 8 пядям
6. сажени { «мерная» = 176—177 см } большим по 23 см
7. Сажень простая, прямая («тмутараканская») = 152 см (варианты 150—158) = 4 локтям по 38 см = 8 пядям малым по 19 см

³⁶ Степень жизненности и естественности каждой меры можно проверять, справляясь с мировой метрологией. Если та или иная мера есть и у других народов, то мы вправе считать ее естественной. Чем проще способ определения меры, тем шире она распространена, а незначительные отличия могут быть объяснены различными гомометрическими признаками народов.

В Англии в XVI в. существовала мера «землемерный шаг», равная 5 футам, т. е. 152,5 см. — См. «Английские путешественники в Московском государстве XVI в.» пер. Ю. В. Готье, М., 1937, стр. 278. Близок к этой мере и римский пасс в 148 см.

Антропометрические способы воспроизведения каждой меры и ее доляй представлены на рис. 1³⁷.

Меры распадаются на две группы: в одну входят простейшие меры (размах рук — 177 см, расстояние между большими пальцами рук в размахе — 152 см, высота «досягания» — 216 см), в другую — меры, не имеющие естественного простого определения и требующие дополнительных приемов («сажень без чети», «сажень косая с ноги на руку от земли до земли»).

Вторую категорию мы вправе счесть вторичной по происхождению, не народной, к которой народ лишь приспособился. Откуда же, из какой сферы древнерусской жизни пришли эти вторичные меры? Где они родились и кто был их создателем? Почему так долго многообразные меры не поддавались унификации? На все эти вопросы и на ряд других нам может дать ответ метрологический анализ сохранившихся памятников древнерусского зодчества.

* * *

Любознательные путешественники, мерившие «свою пядью» гроб господень или окна в куполе цареградской Софии, аккуратные дозорщики засечной черты, указывавшие разные виды саженей и придирчиво отмечавшие уклонение от эталона с точностью до «получетверти вершка», строители и реставраторы, обмерявшие соборы от «спасова лба до моста», — все они, люди, имевшие дело с зодчеством, помогли нам установить ту или иную древнерусскую меру.

Но архитектурные памятники могут дать больше, чем простое со-поставление с древними обмерами. В них самих, в гармоничных и прекрасных созданиях русских зодчих, заложены элементы соразмерности, законы пропорций, основанные на подборе разных мер длины. Народная мудрость, установившая простейшие меры и их доли, сочеталась здесь с «хитростью храмоздательской» и породила новые, более сложные системы мер.

Попытку проникновения в метрологические секреты древнеегипетских зодчих сделал Ньютон, исходивший из положения, что наибольший делитель есть мера, в которой строилось здание. Ему не только удалось определить меры, но и установить, что для внешних и внутренних частей пирамиды применялись разные системы мер: первая основана на обычном локте, а вторая на священной мере, вычисленной жрецами специально для построений, — царском локте³⁸. Русская архитектура с метрологической стороны никем еще не изучалась. Искусствоведы, публикующие обычно планы без масштаба, зачастую равнодушные и к материалу и к точным размерам здания, не заинтересовались вопросом о том, какие меры употреблялись древними зодчими, а если изредка и вставал этот вопрос, то решался он просто — в основе всех зданий будто бы лежал греческий фут. А между тем сохранившиеся памятники древнерусского зодчества очень важны для изучения истории русских мер. Наибольший интерес представляет сказание Киево-Печерского патерика о постройке в 1073 г. знаменитой Великой лаврской Успенской церкви. Церковь строилась цареградскими греками, но место и даже основная мера были указаны князем Святославом Ярославичем, выбравшим в качестве меры золотой пояс, украшенный, согласно легенде, варягом Шимоном с одного распятия. Размеры будущей церкви были

³⁷ Антропометрический принцип подтвержден многочисленными указаниями старых источников: «сажень доброго мужа», «сажень человечья», «...двою сажень моих» (Игумен Даниил, Указ. изд., стр. 71).

³⁸ См. «Encyclopaedia Britannica», т. XXII, раздел Weights and Measures, стр. 484.

определенны так: «Размерив поясом тем златым 20 лактей в ширину, и 30 в дълину, а 30 в высоту»³⁹. По точным чертежам Великой Успенской церкви 1073 г., полученным мной в Академии архитектуры УССР

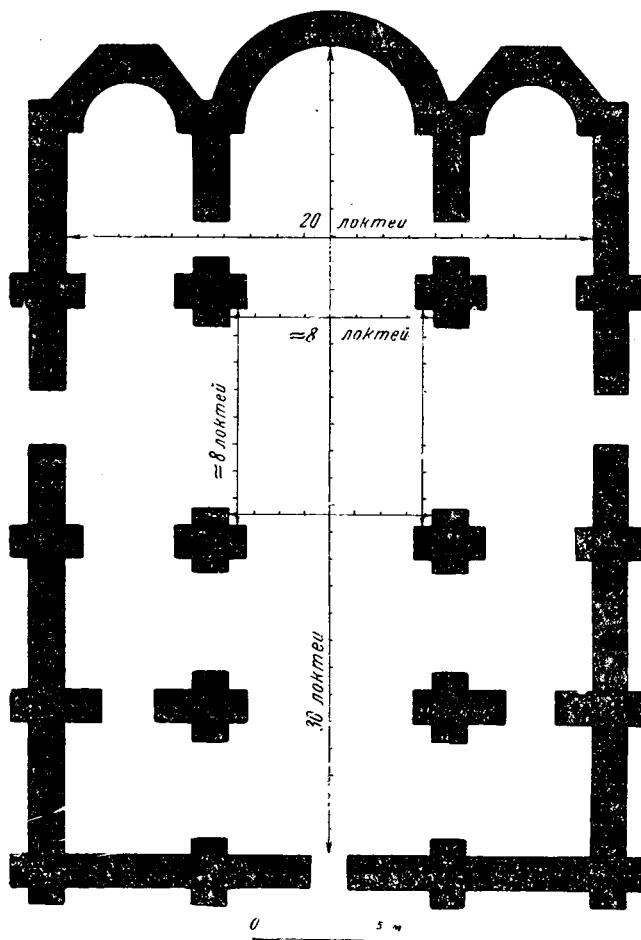

Рис. 2. План Великой Успенской церкви в Печерском монастыре в Киеве, 1073 г.

при любезном содействии Г. И. Говденко (масштаб $1/50$), мы можем определить величину локтя.

$$\begin{aligned} \text{Ширина} &= 20 \text{ локтям} = 21 \text{ м} \\ \text{Длина} &= 30 \text{ локтям} = 33 \text{ м} \\ 50 \text{ локтей} &= 54 \text{ м} \end{aligned}$$

³⁹ Дмитро Абрамович, Києво-Печерський Патерик, Київ, 1931, стр. 3. Касьяновская редакция 1462 г. Не нужно думать, что непосредственное топографическое измерение строительной площадки производилось золотым поясом. О легендарном поясе (происхождение которого остается неясным) было сказано — «се мера и основание», а в последующем рассказе, где говорится о божественной помощи, сказано о поясной мере: «аще бо и древо бяше существом видимо, но божиєю силою одеано есть». Значит, для непосредственных измерений употреблялся деревянный жезл или развилок-циркуль в меру золотого пояса. Далее упоминается ров под фундамент («на водружение корение»). Там же, стр. 9.

Отсюда 1 локоть = 108 см, т. е. = полусажени в 216 см⁴⁰. Это, очевидно, и есть та древняя мера, которую источники попеременно называют то локтем, то саженью⁴¹. Именно об этой мере, промежуточной по способу измерения между саженью и локтем, и говорили русские книжники, заметив путаницу, «ибо локтем сажень зовут», (Лаврентьевская летопись)⁴². Историки архитектуры давно уже установили, что модульным размером, определяющим другие части здания, в древнерусских храмах является сторона подкупольного квадрата.

В Печерской церкви 1073 г. сторона подкупольного квадрата в среднем содержит 8 «локтей» по 108 см (102 см, 109, 103 см, 110 см), 8 тех единиц, в которых выражены общие размеры храма.

В ряде других зданий XI—XII вв. мы встречаем такое же восьмиричное деление или (в меньших храмах) деление на 4 «локтя». Если мы продолжим изучение абсолютных размеров подкупольных квадратов русских зданий XI—XII вв., то увидим, что $1/8$ стороны квадрата дает нам такие величины для XI—XV вв.:

108 см — («печерский локоть» — «сажень» игумена Даниила)
96 » — ?
76 » — половина прямой сажени в 152 см
62 » — смоленский локоть ($1/4$ косой сажени)
54 » — локоть, $1/4$ сажени в 216 см
46 » — локоть, $1/4$ сажени в 183 см

За исключением меры в 96 см и являющейся $1/2$ сажени в 192 см, зафиксированной в зданиях, построенных византийцами (Спасский собор 1036 г. в Чернигове, киевской Софийский собор), в остальных случаях мы встречаемся с теми самыми саженями, которые нам уже известны по более поздним письменным материалам: 248 см, 216 см, 183 см, 152 см. Во всех шести вариантах подтверждилось установленное на примере церкви 1073 г. положение, что $1/8$ стороны подкупольного квадрата представляет собой определенную меру — полусажень или локоть. Это можно выразить и иначе: радиус купола обычно равнялся той или иной сажени (если $1/8 = 8$ локтям) или же двум саженям (если $1/8 = 8$ полусаженям). Данные о размерах древнерусских зданий и их отдельных частей свидетельствуют о том, что зодчие продумывали всю систему своей постройки, что строили они, руководствуясь точными размерами и определенным соотношением частей. Все, начиная от общих габаритов здания до мельчайших деталей (пилястры, окна, выступы столбов, ширина портала, толщина стен и простенков), проникнуто определенным метрологическим единством. Если крупные элементы плана церкви выражались в целых саженях или полусаженях, то мелкие архитектурные детали выражались в целых локтях, больших или малых пядях.

Возьму в качестве примера Успенскую церковь Елецкого монастыря в Чернигове, построенную во второй половине XII в. Обмеры сделаны

⁴⁰ Антропометрически это широко распространенная мера: от левого плеча до конца пальцев вытянутой в сторону правой руки. Кроме того, оказалось, что мера в 108 см действительно является средним размером мужского пояса (например, кожаные пояса военного образца).

⁴¹ «...ископа ту печерку малу дву сажень». Патерик, Указ. изд., стр. 17. В других случаях такие печерки определяются в два локтя. «Хождение» игумена Даниила, подразумевавшего под локтем величину в 46 см, дает нам при сопоставлении с иерусалимской архитектурой несколько цифровых значений для «сажени»: 101 см, 109,6 см, 113 см, 122 см. При всей приблизительности его расчетов мы получаем среднюю цифру его «сажени» в 111,04 см, отличающуюся от печерского «локтя» на 3 см. Поскольку игум. Даниил прямо говорит о том, что он измерял расстояния не каким-либо эталоном, а «свою саженью», своими руками, мы вправе принять это отклонение за индивидуальное (оно естественно при росте выше 175 см).

К этой же категории мер, близких к 108 см, относится и «мерная стрела».

⁴² В дальнейшем, во избежание путаницы, я буду условно называть эту меру в 108 см «печерским поясом».

в 1947 г. С. Д. Николаевым, топографом археологической экспедиции под моим наблюдением.

Внутренняя длина здания 2640 см равняется 25 «печерским поясам». Внутренняя ширина церкви 1620 см, т. е. равна 15 «печерским поясам». Сторона подкупольного квадрата — 620 см. Если по примеру Печерской церкви, где «пояс» уложился ровно 8 раз, мы разделим сторону квадрата (модуль здания) на восемь частей, то получим $\frac{620}{8} = 77,5$ см, что очень близко к половине прямой «тмутараканской сажени». Ширина опорных столбов (без выступов) равна 152 см, т. е. опять той же самой «тмутараканской» сажени. Все выступы равны «малому локтю» в 38 см или, говоря иначе, — $\frac{1}{4}$ «тмутараканской» сажени.

Приведу сводную таблицу основных размеров плана церкви.

Размеры частей Успенской церкви Елецкого монастыря XII в.

Наименование частей здания	Размер в см	Русская мера	Кратность по отношению к саженям		
			216	152	183
Общая длина (внутр.)	2 640	25 «печерских поясов» по 108	12 $\frac{1}{2}$ саж.		
» ширина »	1 620	15 «поясов»	7 $\frac{1}{2}$ саж.		
Подкупольный квадрат (вост. сторона)	620	Ок. 4 саж. «тмутараканских»			
Опорные столбы (без выступов)	152	Сажень «тмутараканская»	4,05 саж.		
Выступы опорных столбов	38	Малый локоть	1 саж.		
Пилястры (ширина)	92	Два локтя	$\frac{1}{4}$ саж.		
» толщина от стены (внутр.)	27				$\frac{1}{2}$ саж.
» толщина (внешн.)	23	Пядь великая	$\frac{1}{8}$ саж.		$\frac{1}{8}$ саж.
» малые на апсидах (ширина)	23	»	»		$\frac{1}{8}$ саж.
Угловые восточные пилястры	54		$\frac{1}{4}$ саж.		

Из этой таблицы мы видим, что все важнейшие архитектурные размеры являются в то же время определенными употребительными мерами.

Очень большой интерес представляет неожиданно обнаружившееся одновременное применение сразу трех метрологических систем, трех основных видов древнерусской сажени: 216, 152, 183 см.

Если мы продолжим наши измерения, то обнаружим, что даже кирпичи, изготовленные для постройки Елецкой церкви, были подчинены определенным мерам.

К. Н. Афанасьевым⁴³ была создана теория геометрического построения древнерусских зданий XI—XIII вв., но она нуждается в серьезных метрологических коррективах, так как зодчие при разметке частей здания руководствовались, очевидно, не только геометрическим построением, но и ходовыми мерами, вроде пяди, локтя и сажени⁴⁴.

⁴³ Тезисы К. Н. Афанасьева опубликованы; см. «Сообщения Кабинета теории и истории архитектуры», вып. 3, М., 1943, стр. 36—37. К сожалению, полностью интереснейшая работа К. Н. Афанасьева не опубликована.

⁴⁴ Не в пользу теории Афанасьева говорит вытянутость подкупольного пространства: восточная сторона равна 8 полусаженям, а южная — 9 полусаженям. Метрологически, а не геометрически построены опорные столбы: при геометрическом построении выступы должны были иметь по 32 см, они же везде по 38, т. е. равны $\frac{1}{4}$ сажени. Сторона столба равна сажени, а выступы сделаны по $\frac{1}{4}$ сажени. Данного единичного примера не достаточно для утверждения или опровержения чего-либо, но, как покажет дальнейшее изложение, этот пример типичен.

Пример Елецкой церкви показывает нам, что анализ древнерусских зданий представляет большой интерес для истории метрологии⁴⁵.

Архитектурные памятники Руси XI—XII вв. обнаруживают значительную метрологическую пестроту. Кроме отмеченных выше ранних зданий византийской стройки, выпадающих из русских метрологических систем, мы видим русскую «тмутараканскую сажень» в Софийском соборе в Новгороде (1045 г.) и в каневской церкви Георгия 1144 г., косую сажень в 248 см видим в Софийском соборе в Полоцке XI в. и в большинстве смоленских построек XII в. К этой же системе относится Спасский собор Переяславля-Залесского (1152) ⁴⁶.

Новгородские здания XII—XIV вв. обычно опираются на систему в 176—183 см. Подкупольный квадрат там обычно составлен из 8 локтей по 45—46 см. Возможно, что именно этот локоть, прочно связанный с Новгородом и Псковом, и носил наименование «Иваньского» локтя, эталон которого хранился в церкви Ивана на Опоках ⁴⁷.

Систему, опирающуюся на прямую сажень в 152 см и косую в 216 см, мы встречаем впервые в Новгороде в 1045 г., а затем в Киеве, во Владимире, в Чернигове, позднее в Москве. Уже в середине XI столетия русские зодчие совершенно обособились от греческих мер.

Стремление к пропорциональной гармонии здания осуществлялось путем применения зодчим не одной системы мер, а двух или трех, находившихся между собой в разных соотношениях.

То, что при разметке плана зодчий руководствовался не одной системой, явствует, во-первых, из того, что ряд измерений осуществлялся по принципу последовательного деления на 2, на 4 и на 8 (подкупольный квадрат, неф строится по восьмиричной системе счета). А общие размеры (ширина и длина) определялись часто по пятиричной системе:

Отношение ширины к длине в зданиях XI—XII вв. в одинаковых мерах:

10 : 15	Антоньев монастырь в Новгороде
15 : 20	Георгиевская церковь во Владимире
15 : 25	Елецкая церковь в Чернигове
20 : 25	Спасский собор в Переяславле-Залесском
20 : 30	Великая Лаврская церковь
20 : 35	Успенский собор во Владимире

Однако в ряде зданий этот пятиричный способ счета измерительных единиц неожиданно применяется к двум различным системам мер,

⁴⁵ После обнаружения метрологических данных, содержащихся в русских зданиях XI—XII вв., мной было предпринято изучение всех доступных планов русских церквей, башен и крепостных стен.

Пользуюсь случаем поблагодарить за любезное содействие Г. В. Алферову, проф. Н. И. Брунова, проф. Н. Н. Воронина, К. Н. Афанасьева, П. Г. Юрченко, А. Г. Читникова и ряд других товарищих, представивших мне результаты новых точных обмеров и крупномасштабные планы.

Для сравнения зданий брались следующие важнейшие размеры: длина в интерьере, ширина, стороны подкупольного квадрата, ширина боковых нефов, ширина столбов без лопаток и с лопатками. Перевод с метрической системы на древнерусские осуществлялся при помощи сводного масштаба с 9-ю шкалами. Округления при переводе допускались только до 0,02 расстояния (наименее точно у древних зодчих определялась общая длина здания). Всего мной изучены таким образом 48 зданий XI—XV вв., находящиеся в Киеве, Чернигове, Смоленске, Новгороде, Владимире, Москве и др. Размеры и задачи данной статьи не позволяют мне привести полную таблицу всех промеров, выраженных в древних мерах, но все мои положения могут быть проверены как по натуре, так и по чертежам.

⁴⁶ Меры Переяславского собора отличны от обычных для Владимирской земли. Это может объясняться тем, что Юрий Долгорукий одновременно строил несколько зданий.

⁴⁷ Особенно интересны исключения из общих правил. Так например, для московского зодчества была характерна мера в 216 см или в 152 см, но Благовещенский собор в Москве 1492 г. построен в новгородско-псковской мере с опорой на локоть в 46 см. Строили его, как известно, псковичи. Борисоглебский собор в Новгороде, построенный московскими купцами, поставлен в московской системе.

основанных на разных саженях. Так например, ширина вычисляется в саженях по 216 см, а длина в саженях по 152 см или наоборот. Но в том и другом случае количество единиц измерения определялось попрежнему по пятиричной системе. Приведу примеры:

Здание	Ширина		Длина	
	какой системы		какой системы	
	152	216	152	216
1. Петр и Павел на Синичьей Горе 1185 г.		10 полусаж.	20 полусаж.	
2. Никола на Липне 1299 г.	10 полусаж.			10 полусаж.
3. Успенский собор в Звенигороде конца XIV в.		10 »	20 »	
4. Собор Чудова монастыря		10 »	20 »	
5. Церковь в Старом Симонове 1509 г.	10 полусаж.			10 полусаж.

Примечание. За единицы считаются те, в которых происходит измерение подкупольного квадрата, т. е. полусажени или локти, а не сажени.

Если мы возьмем абсолютные размеры, то увидим, что во всех этих случаях отношение ширины к длине является иррациональным.

Обозначим единицу, основанную на сажени в 152 см, через a :

Здание	Ширина	Длина
1	$10 a \sqrt{2}$	$20 a$
2	$10 a$	$10 a \sqrt{2}$
3	$10 a \sqrt{2}$	$20 a$
4	$10 a \sqrt{2}$	$20 a$
5	$10 a$	$10 a \sqrt{2}$

На этом примере мы видим, что самые меры — прямая сажень в 152 и косая сажень в 216 см находятся в иррациональном отношении — $152 : 216 = a : a \sqrt{2}$.

В выбранных примерах были взяты только два вида саженей, а всего их нам известно восемь видов: 248 см, 216 см, 197 см, 186 см, 183 см, 176 см, 152 см и 108 см.

Если мы произведем соответствующие вычисления, то обнаружим, что восемь видов саженей могут быть выражены при посредстве прямой сажени в 152 см (обозначим ее через A) и мерной сажени в 176 см (обозначим через B):

$$\begin{aligned}
 216 &= a \sqrt{2} & 248 &= b \sqrt{2} \\
 183 &= \frac{a + a \sqrt{2}}{2} & 197 &= \frac{b \sqrt{5}}{2} \\
 108 &= \frac{a \sqrt{2}}{2} & 186 &= \frac{b \sqrt{3} \sqrt{2}}{4}
 \end{aligned}$$

Мы знаем, как последовательно и четко делилась каждая сажень на половины, четверти (локти) и восьмые доли. Кому и зачем понадобились такие сложные иррациональные отношения? Ни в быту, ни в сфере торговли никому не пришло бы в голову увязывать между собой системы мер таким странным способом. Но мы знаем также, что древние зодчие нередко приоравливали меры к своим сложным расчетам. Еги-

петские жрецы очень хитро «решили» задачу квадратуры круга, вычислив арифметически диаметр круга при заданной стороне квадрата⁴⁸.

Если мы попробуем графически выразить соотношения между русскими саженями, то получим элементарно простые геометрические построения (см. рис. 3, а, б, на стр. 85, 86).

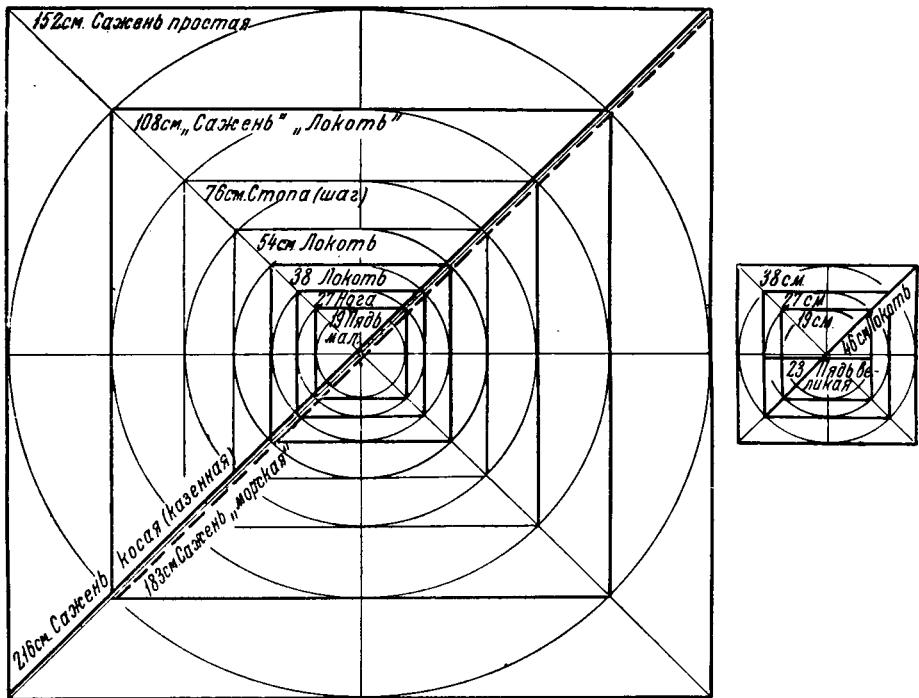

Рис. 3а. Геометрическая система русских мер, основанная на прямой сажени в 152 см

Представим себе квадрат, сторона которого — прямая сажень в 152 см. Диагональ его будет равна 216 см, т. е. косой сажени. Не потому ли она и косая, что идет наискось из угла в угол? Напомню, что у соседей Руси эта сажень называется «диагональной». Если мы впишем в наш квадрат круг, а в него еще квадрат, то сторона его будет равна 108 см, а все последующие вписанные квадраты дадут нам все известные доли прямой и косой сажени: 76 см, 54 см, 38 см, 27 см, 19 см. Отрезок диагонали от угла до пересечения с внутренними квадратами — это «морская» сажень в 183 см.

Представим себе квадрат со стороной в 176 см (мерная, маховая сажень). Диагональ его — 248 см, т. е. великая, косая сажень, для которой был подыскан такой громоздкий способ измерения — «с ноги на руку от земли до земли». Косой она названа почти несомненно потому, что пересекает наискось квадрат, так как со способом измерения название не связано. Вписанные квадраты дадут нам и «смоленский» ло-

⁴⁸ Египетский обычный локоть в 46 см — это сторона квадрата, а царский локоть в 52 см — диаметр.

$$\frac{46}{52} = \frac{1}{2} \sqrt{\pi} = 0,886.$$

Периметр пирамиды Хеопса построен в локтях по 46 см, а гробница внутри пирамиды — в царских локтях по 52 см. — См. Н. Г. Беляев, Указ. раб., стр. 258.

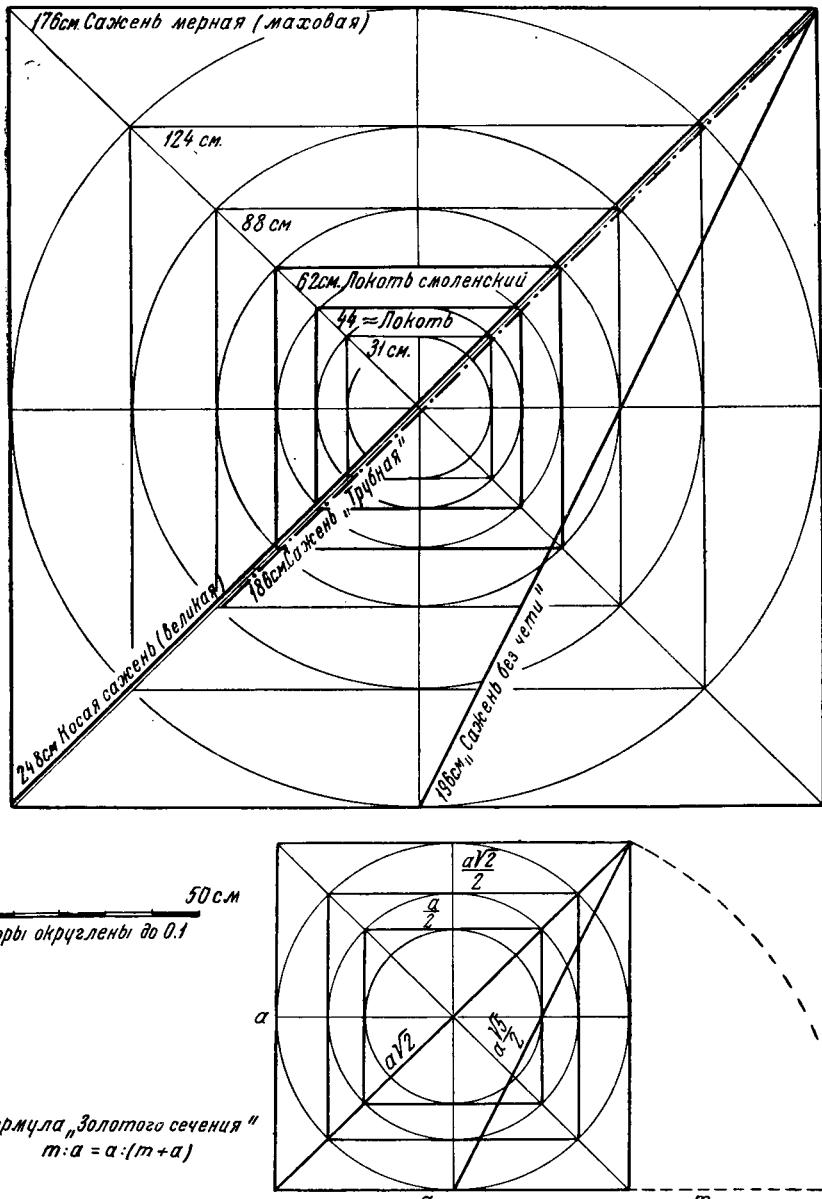

Рис. 36. Геометрическая система русских мер, основанная на маховой сажени в 176 см. Внизу — схема соотношения мер, применявшихся в зодчестве

коть в 62 см и локоть в 44 см. Сажень в 186 см — это так же, как и в первом случае, отрезок диагонали⁴⁹.

Несколько сложнее в этой системе определение «сажени без чети» в 197 см. Оказывается, что эта, не имеющая антропометрического соответствия величина является чисто геометрическим вспомогательным построением. Это — диагональ полуквадрата, необходимейшая в зодчестве линия, позволяющая установить пропорции «золотого сечения».

Итак, перед нами две геометрические системы, основой которых яв-

⁴⁹ Выше я предполагал, что сажени 176, 183, 186 являются разновидностями маховой сажени. Теперь, в свете этих геометрических построений, становится понятным, почему из всех промежуточных величин между 176 и 186 удержалась только одна — 183, столь излюбленная в Новгороде.

ляются простейшие первоначальные народные меры — размах рук (в одном случае от среднего пальца до среднего — 176 см, а в другом — от большого до большого — 152 см). Обе «косые» сажени оказываются диагоналями квадратов, но все фракции и прямых и косых саженей, вплоть до малой пяди, могут быть получены путем последовательного вписывания квадратов внутрь основного. Такие геометрические системы были нужны только зодчим. К. Н. Афанасьев, подвергший пропорциональному анализу 27 русских зданий, пишет: «Часто употреблявшиеся формы диагонального построения брались из специальных графиков, состоявших из последовательно вписанных друг в друга квадратов»⁵⁰.

Я позволю себе только внести корректив в тезисы К. Н. Афанасьева: не геометрическое построение в общем применялось русскими зодчими, а построение, основанное на точных, устойчивых и долговечных мерах длины, мерах, продуманных, вычисленных и сведенных в стройные геометрические системы, простые по воспроизведению и мудрые по замыслу. Одновременное употребление нескольких связанных воедино мер обусловило их долговечность. Недаром все они дожили до XVII в.

Каждое древнерусское здание строилось, очевидно, не «на глазок», а при посредстве целой системы геометрически сопряженных мер, позволявших зодчему отыскать наиболее верные пропорции. Наличие нескольких мер упрощало расчеты и вычисления, сводя все к простейшим начертаниям. Такие начертания в виде нескольких вписанных квадратов, особенно для наименьших мер от 19 до 54 см, могли служить «мерилом праведным», эталоном мер, своего рода логарифмической линейкой древнерусского архитектора, строителя таких зданий, как Елецкая церковь или церковь Петра и Павла на Синичьей Горе в Новгороде, где одновременно применялись три системы мер. Квадрат со стороной в 38 см (малый локоть, мера холста в 14 губерниях России) и два вписанных в него квадрата могли дать следующие меры:

54 см — четверть косой сажени	27 » — «нога» или «пядь с кувырком»
46 » — локоть обычный	23 » — пядь великая
38 » — малый локоть	19 » — пядь малая

Вспомогательные линии увеличивали метрологические возможности такой серии квадратов. Наименьшая мера здесь — вершок в 4 см. Такие эталоны могли применяться для определения толщины лопаток, ширины окон, размеров деталей и при производстве кирпичей.

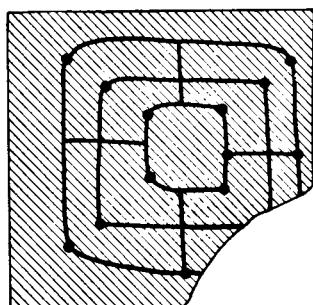
* * *

Говоря о «мерных квадратах», являвшихся овеществленной геометрической системой трех мер, нельзя пройти мимо интереснейших геометрических фигур, изображенных на многих кирпичах Белой Вежи — Саркела.

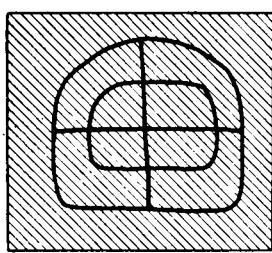
Обычно это три вписанных один в другой квадрата с четырьмя линиями, которые, расходясь крестообразно от всех четырех сторон меньшего внутреннего квадрата (от середины каждой его стороны), соединяют середины каждой стороны всех трех квадратов. Иногда точкой обозначен центр квадратов⁵¹. Тщательность выполнения всех деталей, примерное соблюдение пропорций — все это говорит о том, что беловежским мастерам-кирпичникам была очень хорошо знакома эта сложная на первый взгляд фигура. Мы встретим эту фигуру и в каменном

⁵⁰ См. «Сообщения кабинета теории и истории архитектуры», вып. 3, 1943, стр. 87.

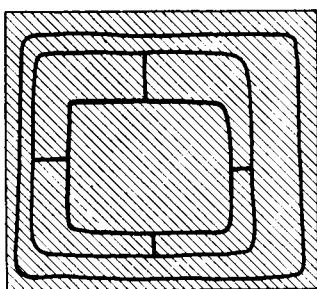
⁵¹ М. И. Артамонов, Средневековые поселения на Нижнем Дону, Л., 1935, рис. 39.

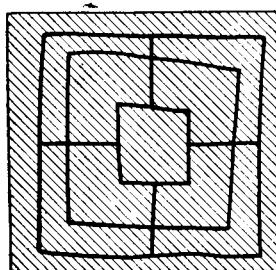
5

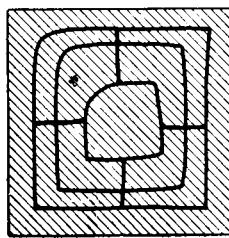
4

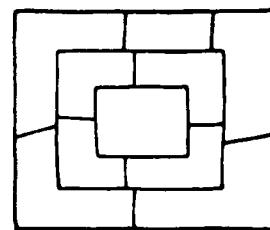
3

2

1

6

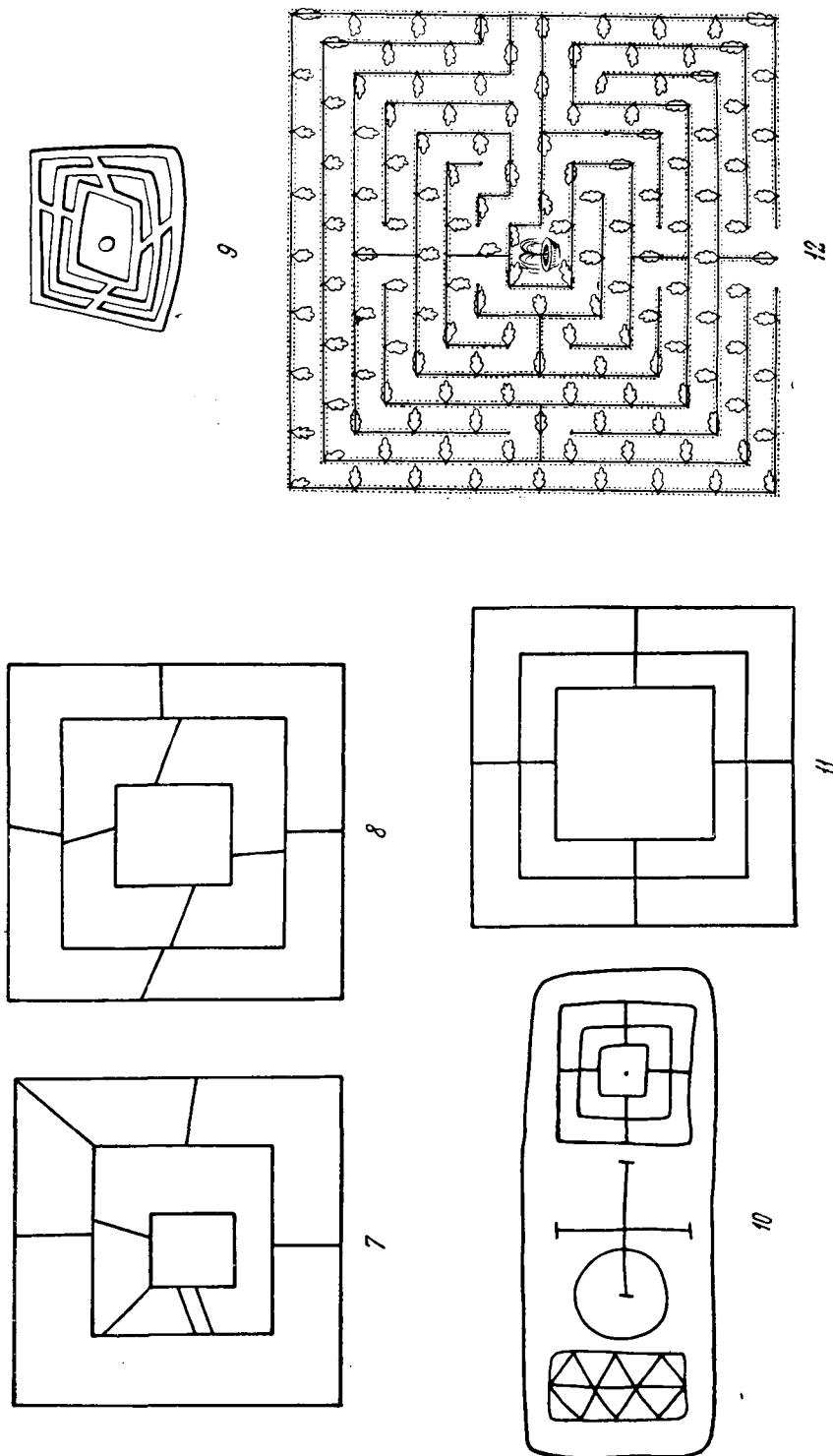

Рис. 4. «Пабиринты» — «свавилоны» IX—XVII вв.: 1 — бирюзовые кирпичи из Сарикеля, IX в.; 2 — камень из с. Кузнецова близ Беженки, XII в.; 3 — «Камень Тру-пора», близ Изборска; 4 — камень из с. Тугтая (верхняя Волга); 5 — гончарное керамико XII в. (Волгоград); 6 — знаки на камнях построек в Да-гестане, XIV—XV вв. (зарисовка Е. М. Шварцмана); 7 — доска для игры в Хорар, Адриатика; 8 — «Сад землиной по дорогам слородина и всяких садов» (план части сада при почетных палатах царя Алексея Михайловича) и 9—12 (серебряные ключи, из чеканок вода бежит» (план частей сада при почетных палатах царя Алексея Михайловича)

здечестве Дагестана, высеченной на квадратах камня, мы обнаружим ее и среди русских древностей (например, клейма городских гончаров). Допустим, что загадочная фигура, которую часто неправильно называют лабиринтом, являлась на самом деле графическим мерилом, приспособленным для нужд зодчества и изготовления кирпичей. Если подобное мерило действительно существовало в архитектурной практике древней Руси, то изображения «лабиринтов» мы вправе счесть за символ строительной мудрости «хитрости храмоздательской».

Интересна судьба этих изображений. Часть из них несомненно связана с древними керамистами (кирпичниками и гончарами) и строителями, но в дальнейшем замысловатая фигура получает, как и всякий

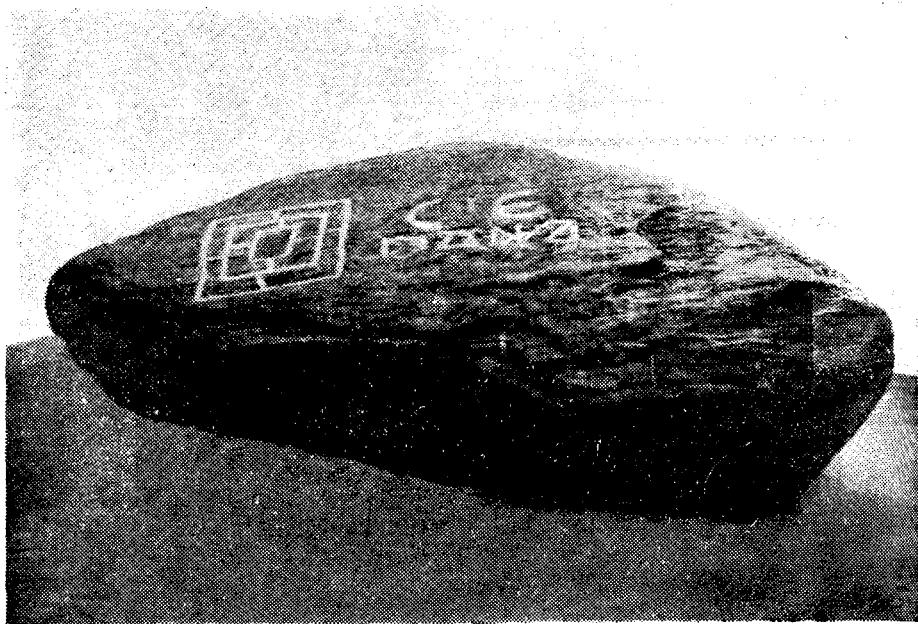

Рис. 5. Камень из с. Кузнецово близ Бежецка, XII в.

лабиринт или «вавилон», магическое значение⁵². В XII в. мы находим наши квадраты на пограничном камне с надписью СТЕПАНЬ из пределов Тверской земли; здесь квадраты заменили собою крест⁵³. Это не единичная находка в Тверской земле. Есть она и на известном «камне Трувора» близ Изборска.

Позднее «вавилоны» сопоставляются с планировкой «райских садов» и в таком виде изображаются на иконах. Быть может, стремясь воспроизвести рай, «государев сад» царя Алексея Михайловича, судя по со-

⁵² Русское народное выражение «вавилон» для обозначения лабиринта крайне интересно. Ведь в отличие от первобытных лабиринтов спирального типа, прообразом которых являются неолитические лабиринты, слово «вавилон» ведет нас к прямоугольной, квадратной форме «вавилонской башни» — т. е. зиггурата, план которого не что иное, как система вписанных один в другой квадратов. См., например, Всеобщая история архитектуры, т. I, М., 1944, таб. 107, рис. 2. Древнерусские книжники были хорошо осведомлены о квадратном плане вавилонской башни: «Останоцы же его (аввилонского столпа) между Суры и Вавилоном есть и доныне. Еще же величие его есть стадий 5 тысяч и 433. Та же мера поперек». (Летопись Авраамки 1495 года, ПСРЛ, том 16, стр. 4).

⁵³ На моем докладе в Институте этнографии М. И. Ильин высказал предположение — не является ли этот камень надгробием зодчего по имени Степан.

хранившимся чертежам, имел планировку, весьма сходную с нашими квадратами⁵⁴.

Подводя итоги этому краткому и беглому обзору русских мер и анализу древнего зодчества, можно сказать следующее: в основе древнерусских мер длины лежит антропометрический принцип. Простейшие определения длины размахом рук оказываются самыми долговечными.

Русские сажени делились на 2, на 4, на 8 частей. Меры Киевской Руси, выработавшиеся уже к середине XI в. и частично в XII в., продолжали бытовать в среде зодчих, дозорщиков и писцов до XVII в., а в народной метрологии основные меры дожили до XIX в. Во второй половине XII в. русские зодчие Новгорода, Чернигова, Владимира выработали две стройные геометрические системы мер длины, объединявшие 8 видов саженей, локтей и пядей. Эти системы требовали графического начертания, следы которых, возможно, сохранились в так называемых «авилонах». Они родились из практических построений, которые приходилось делать архитектору при создании на земле плана будущего здания.

Геометрические системы мер облегчали определение пропорций и позволяли русским зодчим воздвигать великолепные и гармоничные произведения искусства, с продуманной системой отношений, где все, начиная от общих габаритов здания до формата кирпичей, было пронизано одной системой.

История русских мер длины — это лишь небольшая часть истории русской культуры, но и в этой части мы видим своеобразие русской мысли, изобретательность, точность. Одновременно с новгородским числолюбцем Кириком, вычислявшим прогрессию с точностью до $\frac{1}{987500}$, в русских городах существовали архитекторы-геометры, «крепкие в замысле», сумевшие подготовить для своих практических целей сложную в процессе создания, но удивительно стройную и простую в ее применении систему мер длины, сочетавшую в себе все косые и прямые сажени, все великие и малые локти и пяди.

⁵⁴ Магическое значение перешло потом в игровое. До сих пор в ряде мест сохранилась игра «мельница», доска для которой расчерчивается точно так, как разбираемая нами фигура.

В. В. БАРДАВЕЛИДЗЕ

ЗЕМЕЛЬНЫЕ ВЛАДЕНИЯ ДРЕВНЕГРУЗИНСКИХ СВЯТИЛИЩ*

В нагорной части Восточной Грузии,— в Хевсурети, Пшави, Тушети и Гудамакари — до позднего времени сохранились древнегрузинские святилища, именовавшиеся *джвари* или *хати*.

Джвари и *хати* — полисемантические термины, одинаково означающие, во-первых, божество определенных социальных группировок, во-вторых, святилище этого божества и, в-третьих, — крест. Кроме того, эти термины имеют еще несколько отличных друг от друга значений. Термином *джвар* у сванов обозначались знаки татуировок (следы которых мной были обнаружены в 1931 г. у пожилых сванок) и особых форм обрядовые хлеба в честь Пуснабуасдиш, «владыки вселенной». Среди приморских черкесских племен¹ термином *джор* (образованным от груз. *джвари*) обозначались культовые деревянная ветка с двумя ответвлениями и железная развилина, которые, как выяснилось, воспроизводили некогда священные эмблемы быка². Наконец, среди осетин термин *дзуар* (также полученный от груз. *джвари*) значит божество, святилище, оспа. Что же касается термина *хати*, то он у гудамакарцев и мтиулов служит названием знамени святилища, а среди всего грузинского народа *хати* значит образ, подобие, икона.

Джвари или *хати* как древнейшие божества и их земные обиталища, т. е. древнегрузинские святилища и христианские храмы, унаследовавшие древние общественно-религиозные народные порядки, служили объединяющими центрами разнообразных социальных группировок, которые нам известны под названиями: *мамани*, *садзмо*, *гвари*, *сопели*, *теми*, *хеви*. Итак, существовали *самамо*, *садзмо*, *сагваро*, *сасопло*, *сатемо*, *сахево*, а также *сатомо* (племенные) *джвари* или *хати*, которые почитались верховными покровителями названных социальных группировок и каждого их члена в отдельности. В отношении *джвари* (||*хати*) объединенная вокруг него социальная группировка называлась *сакмо*, а член последнего именовался *кма*.

Социально-религиозный институт *сакмо* генетически восходит к архаической древности культурно-исторического развития грузинских племен, видоизменяясь и переосмысливаясь на дальнейших этапах их жизни. Ярким свидетельством этому могут служить следующие факты.

Многочисленные *сакмо*, на которые были дифференциированы грузинские племена, между собой различались по имени или прозвищу бо-

* Доложено 2.IV.1948 г. на сессии ученого Совета Института этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая АН СССР, посвященной этнографии Кавказа.

¹ По сведениям, любезно предоставленным мне проф. Е. М. Шиллингом, собравшим их на месте, а также природным черкесом — писателем Тамбот Керашевым.

² В. Бардавелидзе, Из истории древнейших верований грузин. П. Гмерти, 1946.

жества и святыни, стоявших в центре каждого из них³. Так, в Хевсурети по почитаемым объектам социальные группы назывались:

почитаемый объект

социальная группа

Архотис джвари
Мтис вешаги
Джачвелис джвари
Миндорис джвари
Ркенис джвари
Чишвелис джвари
Каратис джвари
Дидгорис джвари
Хмалас джвари
Хахматис джвари
Пиркушис джвари

Архотис джварис сакмо
Мтис вешагис сакмо
Джачвелис джварис сакмо
Миндорис джварис сакмо
Ркенис джварис сакмо
Чишвелис джварис сакмо
Каратис джварис сакмо
Дидгорис джварис сакмо
Хмалас джварис сакмо
Хахматис джварис сакмо
Пиркушис джварис сакмо

и т. п. Соответственно этому и члены каждого *сакмо* назывались: *Архотис джварис кма*, *Мтис вешагис кма*, *Джачвелис кма*, *Пиркушис кма* и т. п. То же в Пшави, Мтиулети, Гудамакари, Хеви, Тушети.

Таким образом, каждое *сакмо* и каждый *кма* называли себя по имени *джвари* или *хати*. Подобный способ наречения социальных группировок и ее членов названиями предметов почитания по своему генезису — явление тотемистического порядка.

В ту же глубокую древность уводит нас религиозный обряд, который выполнялся над ребенком до истечения года со дня его рождения. Посредством этого обряда (называемого среди мтиулов и гудамакарцев *сацулеоба* или *хатши гарева*, среди пшавов *бавшивис мибареба*, среди хевсур *джварии гаквана* или *мисамбарео*, среди картлийцев *берад шекенеба*) ребенок причислялся к *сакмо* того святынища, в котором совершали обряд, и после этого становился под покровительство данного святынища. Основным моментом обряда являлось троекратное «подкатывание» совершенно голого ребенка (по хевсурскому варианту) под священное знамя *хати* или *дроша*, прислоненного к башенке святынища *дрошат сабдзани кошки*. Сравнительное изучение вопроса показало, что этот момент представлял собой симуляцию акта рождения ребенка из утробы матери, а весь обряд в целом осуществлял мистерию усыновления божеством ребенка своего *сакмо*. Таким образом, очевидно, первоначально *сакмо* являлось формой социальной организации матриархального общества, которое было объединено вокруг *хати* или *джвари*, воспроизведившего прародительницу членов данной организации.

Наконец, в столь же глубокую древность по своей начальной стадии уводит и семантика терминов *сакмо* и *кма*. *Кма*, от которого образовано *сакмо*, означает дитя, отрок, молодой человек, витязь, вассал, раб, крепостной⁴. Надо полагать, что этот термин *кма* является культурно-историческим словом, которое своим полисемантизмом выражает характер связи с божеством и отношение к последнему социальной группировке и ее членов в различные исторические эпохи: в период матриархата множество *кма* представлялись, как мы в этом убедились и из предыдущего примера, детьми или отроками *хати* ([¶] *джвари*), а в пе-

³ Хотя большинство *джвари* или *хати* до нас сохранились под именем христианских святых (и по названиям географических пунктов), но это, как известно, поздние напластования, не меняющие дохристианского существа этих объектов культа.

⁴ И. А. Джавахишвили, Государственный строй древней Грузии и древней Армении, «Тексты и разыскания по эрм.-груз. филологии», кн. VIII, СПб, 1905, 73; Н. Я. Марр, Вступительные и заключительные строфы витязя в барсовой коже Шоты из Рустава, СПб., 1910, § 4, X — XXIII.

риод так называемой военной демократии они превратились в постоянно вооруженных мужей или воинов, витязей (в народном понимании каргкма) *хати* (|| джвари). Остальные свои значения (раб, крепостной вассал, а также и витязь в обычном понимании) слово *кма* получили очевидно, в рабовладельческом и феодальном обществах, тогда уже в отношении обособившихся духовных и светских учреждений и ли (дохристианских и христианских храмов и духовенства, ойкосных хэзийств и их владетелей, феодальных поместий и феодалов), заступивших место древних *джвари* или *хати*,ластителей нераздельных социально-религиозных ячеек первобытного общества.

Однако следует заметить, что, вследствие затяжного характера периода разложения родового строя, в горных районах Грузии вплоть до ее советизации продолжали сохраняться *сакмо*, которые носили характер патриархально-родовых и территориально-общинных организаций. Так, например, до позднего времени в Хевсурети удерживалось множество *самамо*, *садзмо*, *сагваро*, *сасопло* и *сатемо джвари*, объединявших вокруг себя *сакмо* именно характера патриархально-общинных группировок. Из них наиболее крупной социально-религиозной организацией было *Самагандзуро*, представлявшее собой союз древних и по численности весьма разросшихся трех братских родов: *Саджинчарауло*, *Сарабуло* и *Сагогочуро*, объединенных вокруг *джвари Гуданис Сагмрто*. В культе *Гуданис Сагмрто* улавливаются черты незавершенного процесса превращения данного *джвари* в общехевсурское племенное божество. Что же касается пшавского племени, то оно было разбито на двенадцать патриархально-родовых и территориально-общинных *сакмо*, сконцентрированных вокруг двенадцати *хати*, каждый из которых обладал собственным знаменем *дроша*. В то же время племенным божеством пшавов, объединявшим все эти двенадцать *сакмо*, было *Лашарис джвари*. Среди мтиулов множество *гвари* и *сопели* характера родовых и сельских общин сосредотачивались вокруг соответствующего числа *сагваро* и *сасопло хати*, затем они создавали семь территориально-общинных *теми* во главе с семью *сатемо хати* и, наконец, вместе с гудамакарцами образовали племенной союз вокруг *Ломисас джвари*. В это же время переселенческая волна, движавшаяся главным образом с гор, где наиболее крепко сохранялись старые устои жизни, в низменных районах страны, в частности в Картли, образовывала новые социальные группировки, которым придавался характер старой организации. Эти новые социальные группировки в силу глубоких традиций и религиозных убеждений долгое время не порывали связи со своими сородичами в горах и их святынищем, которое стали называть своим «коренным *хати*» (*мквидри хати*), в отличие от местного храма, по отношению к которому они сделались «посвященными *кма*».

Структуру патриархально-родовых и территориально-общинных *сакмо* с соответствующей богатой терминологией лучше всех сохранила нам Хевсурети. Помимо естественной дифференциации по возрастному признаку на старших — *упросни* и молодежь — *ахалухали*, каждое хевсурское *сакмо* разбивалось на два больших слоя: *эрисгани* и *джварис хелкацни* (по-пшавски: *желцминда кацеби*) или *джварионни* || *хатионни*.

Эри — *гани*, как показывает и само слово, производное от древнегруз. *эри* — народ, войско, служило названием постоянно вооруженного «светского» населения. Эта специфика рядовых людей, полноправных и активных членов своего общества, быть постоянно вооруженным удерживалась очень долго. Даже на наших глазах горцы-грузины и вообще нагорные жители Кавказа не расставались с оружием, а, например, хевсур-кровник редко выходил на полевые работы без боевого кольца и шита. Во время военных действий *эрисгани* каждого

сакмо представляло собой своего рода военное подразделение племени. При этом из всех военных подразделений самыми мелкими были *эрисганни* родовых *сакмо*, а самым крупным — объединение *эрисганни* родовых и территориально-общинных *сакмо* в одно целое народное ополчение, выступавшее во главе со знаменем общеплеменного *джвари* или *хати*. Помимо военных действий, *эрисганни* несли множество общественных повинностей, большинство которых отбывалось в порядке очередности.

К *джвариони* или *хатиони* принадлежали пожизненные и временные служители *джвари* (|| *хати*): прорицатель *джварис меене* или *кадаги*, старейшина *сакмо* и старший священнослужитель *хевисбери*, жрец *хуцеси*, *гамдзго*, *деканози*, знаменосец *мехате*, *хатис пехи*, *хелосани*, *мкадре* или *медрошае*, пивовар *месапувре*, казнохранитель *магандзури*, пастух *мебакури* или *мебекури*, старший эконом *медида-гебе*, *медиаджваре*, *диди дастури*, младший эконом *мечвилдгебе* или *цврили дастури*, эконом *дастури*, *шулта*, *мнате*, помощник эконома *чханчхи*, стряпчий *мзареули*, так называемые *хелосанни*, домохозяйка или точнее «мать дома» *диасахлиси* и др.

Служение *хати* или *джвари*, как видно и из данного перечня, не следует понимать как выполнение лишь чисто религиозных обрядов. Оно в основном представляло собой осуществление от имени божества — покровителя *сакмо* общинных интересов последнего. Одна из форм подобного служения *хати* или *джвари* была связана с земельными владениями древнегрузинских святынищ, которые в реальной действительности представляли собой общинные владения *сакмо*.

*

В XIX и начале XX в. древнегрузинские святынища еще обладали довольно богатым движимым и недвижимым имуществом, как-то: разнообразными культовыми и хозяйственными сооружениями (*добилт кошки*, *дрошат сабрдзани кошки*, *сазаре*, *сасантле*, *дарбази*, *бегели*, *саквабе*, *сакоде*, *садиасахлисо*, *сахелосно*, *саберо*, *садастуро* и др.), священными реликвиями (знаки, серебряные и медные скульптурные изображения), хозяйственным инвентарем (утварью и посудой, необходимой для приготовления, хранения и потребления спиртных напитков — пива, водки, вина, а также мяса жертвенных животных — костлы, бурдюки, чаны, чаши, кувшины, миски, ковши, ложки и др.), крупным рогатым скотом, барантой и сравнительно обширными земельными угодиями. Священные реликвии, хозяйственные принадлежности, баранта и земельные угодия имелись и при заступивших место святынищ христианских храмах Мтиулети и Хеви. Тем же имуществом, кроме баранты, обладали и некоторые христианские храмы, расположенные в остальных как горных, так и низменных частях Восточной, Центральной и Западной Грузии. Воспоминания об имущественном положении древних святынищ и христианских храмов и связанных с ними порядках живы и теперь среди стариков. В их среде главным образом протекала в течение последних десятилетий моя работа и работа сотрудников и корреспондентов отдела этнографии Института истории Грузинской Академии Наук, собиравших материалы по составленной мной специальной программе.

Земельные владения святынищ были отмежеваны от остальных участков земли и точно определены географическими названиями и названиями храмовых, геор. общественных празднеств, на которые большинство из них подразделялось. Все эти земли состояли из группы: священной площади, леса, места произрастания хмеля, пастбищ, покосов, пахотных участков и виноградников (см. земельные владения трех хевсурских святынищ на табл. 1). Эти земли святынищ с точки зрения их происхождения можно разбить на две большие группы.

К первой группе принадлежали:

1. Насильственно захваченные земли в результате военных походов и внезапных грабительских нападений на владения чужих *сакмо*. Иногда вместо захвата земли на побежденных налагалась дань, которую некоторые, например, хевсурские, *сакмо* получали вплоть до советизации Грузии. Захватывались земли и облагались данью не только различные *сакмо* внутри своего же племени, но и враждовавшие между собой грузинские племена, а также чужеплеменники.

2. Выморочные имения. В том случае, когда у умершего не было ближайших сородичей, выморочное имение по обычному праву переходило во владение святилища *его сакмо*. В Хевсурети после этого в годичном цикле храмовых праздников устанавливался поминальный день, в который ежегодно в честь бывших владельцев выморочного имения выпивалось по деревянной мерке (*чхути*) пива, приготовляемого из урожая ячменя, снятого с данного имения.

3. Конфискованные участки. За какой-нибудь проступок (например, измену, кражу) виновный лишался земельных угодий, и конфискованная земля переходила во владение того *хати*, перед которым или перед *сакмо* которого данное лицо проницилось.

4. Спорные земли. Когда тяжущиеся из-за земель стороны — отдельные лица или различные *сакмо* не приходили к желаемым результатам, спорную землю одна из сторон жертвовала *хати* (обычно своего *сакмо*).

5. Земли выселившихся семейств или рода, перед своим выселением посвящавших их родному святилищу.

6. Земельные угодья, посвященные по требованию прорицателей, и добровольные пожертвования по различному поводу: в честь победы над врагом, при рождении сына в знак исполнения обета, данного бездетной семье, за спасение от угрожавшей беды, в честь выздоровления противника, раненного кровником, в виде пожертвований во время эпидемии и различного рода болезней и т. п.

7. Совсем иного происхождения были те виноградные сады, расположенные в пределах Кахети и низменной части Душетского района, которыми владели хевсурские, пшавские и мтиульские святилища. По живым народным преданиям, одни из виноградных садов, как, например, часть знаменитых Ахметских священных виноградников, ими были получены по царской грамоте в награду за геройство, проявленное соответствующими социальными группировками в многочисленных войнах Грузинского царства с внешними врагами.

Другие виноградные сады приобретались за серебро, которым были богаты сокровищницы древнегрузинских святилищ. Обычно серебром ссужались жители низменных районов, которые нуждались в этом для выкупа пленников из вражеского лагеря. Они обращались с просьбой к объединенной вокруг святилища социальной группировке и, взамен полученного серебра, во имя святилища данного *сакмо* посвящали виноградные сады соответствующего размера. Наконец, во время владычества русского самодержавия на Кавказе доживавшие свои последние дни в горах *сакмо* покупали казенные земли под пахотные участки и виноградники для своих святилищ.

Ко второй группе земельных владений древнегрузинских святилищ я отношу древнейшие священные участки, которые среди горского населения были известны под названием «рукоположенных божеством» (*джварис хеладебулни*) или «коренных» (*унджни*). По народным преданиям, они с самого начала были собственностью *джвари* или *хати*. С момента, когда божество объявлялось социальной группировке в качестве ее всевышнего покровителя и патрона, оно распространяло свою власть (буквально: накладывало свою руку) и на эти земли. «Рукоположенными» или «коренными» землями считались: священные пло-

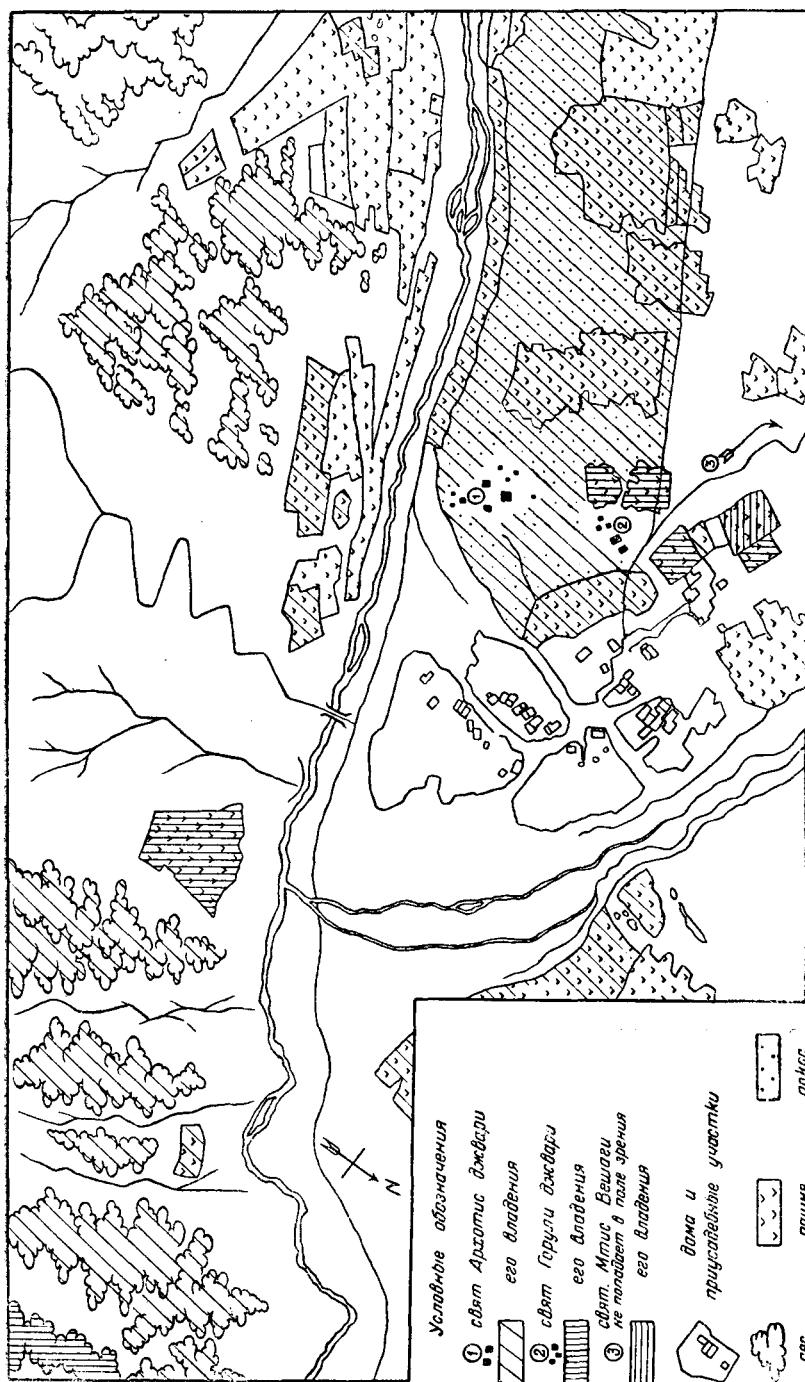

Табл. I Земельные владения святыни сел. Ахела (Хесурети)

щади, священные леса и большие пахотные участки, называемые *ходабуни* или *сахарнадо* (*санадо*).

Священная площадь до нас дошла под названиями: хевс. *джварис бортви*, пш. *хатис бусно*, мт. *хатис самквидро*, карт. *хатис меидани*. На ней находились культовые и хозяйственные постройки святилища, окруженные различной породы лиственными и хвойными священными деревьями. *Хати* (|| *джвари*) обладали священной площадью различного размера. Так, площадь Апхавского святилища близ гор. Душети по своему размеру была приблизительно равна 3 га, а площадь хевсурского святилища *Хахматис джвари* — 6—7 *дгиури*⁵.

В горах площадь святилища являлась своего рода заповедником. Под страхом наказания божества (*джвари* или *хати*) запрещалось ею пользоваться под пашню, покос или под выгон. Даже простой «вход» в нее вне храмовых празднеств был строго табуирован для мужчин. Что же касается женщин, то они не имели права вступить на нее ногою за всю свою жизнь. Надо полагать, что это табу — тотемистического происхождения и первоначально имело реальное основание: защитить растения, культивировавшиеся на священных площадях.

Обычай культивирования деревьев как форма служения своему *джвари* в пережиточном виде сохранялся почти до наших дней. На площади пшавского святилища члены его *сакмо* разводили саженцы липы, дуба, ясени или какой-либо другой породы дерева, которое лучше произрастало в данном месте. Затем рассаду огораживали плетняком и присматривали за нею до того времени, пока она не вырастала в молодое деревце, ветви которого уже не были легко доступны для животных. Посадить и вырастить в святилище подобное дерево, носящее название *хемхивани*, почиталось за большую заслугу перед *хати*, чем заклание жертвенного животного в его честь. В праздники, за поминальным столом и во время общественных пиршеств, устраивавшихся в святилище, главный священнослужитель провозглашал лиц, взраставших *хемхивани*, и посыпал им за это благословение от имени *хати* или *джвари*. *Хемхивани* было окружено самым строгим табу, — даже хворостинку, упавшую с него, нельзя было выносить за пределы святилища. Эти материалы говорят о ярком культе взращиваемых на площади святилища деревьев, который к тому же изобличается названием самих этих деревьев *хемхивачи*: в нем *хе* — дерево, а *мхивани* — эпитет дерева, который значит изобилующий⁶. Таким образом, взращенное на священной площади святилища *хемхивани* было деревом изобилия. В своих лингвистических трудах Н. Я. Марр грузинские слова *джвари* и *хати* (а также одного с последним корня арм. *хач*) вводит к коренному значению *хе* и *ձզели*, грузинских названий дерева. Далее, опираясь на исторические сведения исконного почитания деревьев у яфетидов Иверии, Грузии и Армении, Марр выдвигает положение о том, что термины *хе* и *ձզели* первоначально означали культовое дерево. Вместе с тем, опять при помощи лингвистического анализа, автор выявляет связь дерева, в частности дуба и липы, с космическим и астральным мировоззрениями⁷.

⁵ *Дгиури* — грузинская мера земли, равная участку земли, запахиваемому в течение одного дня. 6—7 *дгиури* равняется участку земли, вспаханному в продолжение 6—7 дней.

⁶ *Мхивани* одного корня с другим повседневным и потому вполне понятным грузинским словом *хевви* — изобилие. От *мхивани* — изобилующий мы имеем образование древнейшей формы превосходной степени *ухви*, аналогично примеру: *մշվալի* — крупный, толстый, *սչի* — крупнейший, наиболее толстый.

⁷ Н. Я. Марр. Еще о слове «челеби» (К вопросу о культурном значении курской народности в истории Передней Азии), «Зап. Вост. Отд. русск. археол. общ.», т. XX, 1910, СПб., 1912 112—117; его же, Скифский язык, ПЭРЯТ, 1926, 373; его же, О религиозных верованиях абхазов, ХВ, IV, I, 125—127; его же, Кавказование и абхазский язык, Петроград, 1916, 25; его же, Термины из абхазо-русских

Учитывая все сказанное, мы приходим к заключению, что древо изобилия и было некогда главным объектом культа, воплощавшим божество. Иначе говоря, искусственно взращиваемые на священной площади деревья *хемхвивачи* представляли собой *джвари* или *хати*, служивший центром объединения социальной группировки *сакмо*.

В связи с данным положением особое внимание привлекает к себе сохраненное восточногрузинской этнографической средой священное знамя — святая святых древнегрузинских святыни. Это знамя, известное среди мтиулов и гудамакарцев все под тем же термином *хати*, а среди хевсур и других грузин-горцев — *алами*, *бораки* или *дроша*, является символическим изображением почитаемого дерева. На это прямо указывает хевсурское название его древка: *алвис тани*. *Алва* — название чинара (или кипариса), образ которого в древнегрузинской мифологии и религии тесно связан с культурой винограда. Высокоствольная виноградная лоза, обвитая вокруг чинара или вокруг подобного чинару дерева, либо растет у врат святыни, где вокруг него молодежь кружится в хороводной пляске, либо чинар стоит в саду матери богов Наны, где он вырастает из *марани* — хранилища виноградного сока, который в нем бурлит и переливается цветом рубина⁸. С другой стороны, на так называемом языке богов *джварт эна*, которым владели хевсурские прорицатели, *алва* значит священное дерево, а *алвани* — священный лес. Таким образом, название древка знамени *алвис тани* означает чинар, стан чинара, стройный чинар или кипарис, священное дерево, стан священного дерева. После этого яснее вырисовывается воспроизведимый знаменем образ: несколько четырехугольных платков (*самкадрео*), одним концом скрепленных у верхушки древка, изображают ветви священного дерева (resp. *хемхвивани*). А серебряный или позолоченный шарик с крестом, завершающий верх древка (в Хевсурети он имеется на так называемом *мгаври дроша*), вероятно служит знаком лучезарного солнца.

О дальнейшей судьбе священных площадей повествуют картлийские материалы. В предгорной и низменной частях Душетского района священные площади некоторых святыни и христианских храмов уже служили под сельский выгон, а с других — косили и продавали сено. При этом на вырученные деньги приобретались жертвенное животное и вино, которые потреблялись коллективно во время храмового праздника.

Священный лес, или, по местному названию, лес божества, resp. лес святыни (*хатис тке*, *джварис тке*, *алвани*). Как правило, священные рощи и леса были заповедными. Для личного пользования из такого леса не могли вынести даже щепку, в него не впускали скотину, не входила женщина, охотник не имел права в нем пристрелить «священную» дичь — оленя, лань, горную козу, вообще копытных животных.

Однако неприкосновенность многих из священных лесов нарушилась ради общинных интересов *сакмо*, и это было узаконено обычным правом. С разрешения служителей *джвари* или *хати* из священного леса члены *сакмо* вывозили необходимый строевой материал на постройку культовых и общественных сооружений — помещений святыни, сельского моста, мельниц и желобов для них. Кроме того, экономы святыни вырубали в нем дровяной лес для потребления во время храмовых (resp. общественных) празднеств и для приготовления к

этнических связей «лошадь» и «тризна» (К вопросу о племенном происхождении средиземноморского населения), Л., 1924, 20, пр. 4; его же, Происхождение терминов «книга» и «письмо» в освещении яфетической теории, Книга о книге, 1, Л., 1927, 67; его же, К семантической палеонтологии в языках не яфетических систем, Л., 1931, 42.

⁸ В. Бардавелидзе, Из истории древнейших верований грузин. III. Великая мать Нана, 1947.

данным празднествам пива святилища (*джварис луди*). Лес же, необходимый для постройки собственных домов, каждый член *сакмо* должен был покупать у священнослужителей за определенную плату, которая поступала в казну *хати*. С определенного времени, должно быть из-за малоземелья, некоторые из священных лесов, расположенных на ровном месте, стали вырубать под пашни. Лицо, обрабатывавшее священную подсеку (*ахо*), ежегодно в честь *хати*, которому принадлежал лесной участок, посвящало так называемое *зедаше*, которое в виде печного хлеба распределялось среди участников храмового праздника данного *хати*. Срубленные же этим лицом в священном лесу деревья складывались на площадь святилища, и их употребляли в качестве горючего во время тех же храмовых праздников.

Участок произрастания хмеля, *све* (*Humulus lupulus L.*) — *сасвее адгели* в качестве священного места зафиксирован только в Хевсурети, в Ликокском ущелье. Здесь хмель произрастал по всему берегу речки Ликокис-цкали. Весь этот участок принадлежал Ликокскому святилищу, называемому *Копала Каатис джвари*, или просто *Ликокис джвари*. По народным верованиям, *Ликокис джвари* на этом участке держал в качестве наблюдателя громадного змея — *гвелиспери*, который следил по течению *Ликокис-цкали* от его истоков до впадения в Арагви, затем поворачивал обратно и так без устали днем и ночью медленно ползал вверх и вниз. Все это время *гвелиспери* наблюдал за окрестностью с тем, чтобы никто не осквернил и не попортил хмельное растение. Хмель собирали *дастуры* Ликокского святилища и употребляли его в качестве пивных дрожжей для приготовления священного пива.

Пастбища — *джварис* (||хатис) садзовеби, сабалахо мта или сабегро мта. Главная масса священных земель состояла из пахотных и покосных угодий, а пастбищных участков было мало. К тому же *джвари* или *хати* владели лишь летними пастбищами, которые частью предназначались для выпаса скота *сакмо* данного святилища, а частью сдавались в аренду. Самыми обширными из священных пастбищ были в пределах Хевсурети Аицакские, расположенные на горах, окаймляющих истоки реки Аргуна, и пастбища Таниэ на Архотских горах, прилегающих к бывшей Терской области. Аицакские пастбища принадлежали двум святилищам: Ардотскому святилищу *Сомхоз Гиорги* (в Пирикитской Хевсурети) и святилищу *Гуданис Сагмро*, расположенному в Арагской Хевсурети на горе Санэ и в сел. Зенубани. Эти пастбища сдавались в аренду, и сабалашная плата, т. е. плата за право пастбища, делилась пополам между двумя названными святилищами. Что же касается пастбищ Таниэ, то они долгое время были предметом тяжких споров и вражды трех обществ: одного кистинского, расположенного по соседству с Архотским ущельем, и двух хевсурских — *сакмо* Архотского святилища и *сакмо* Санебского святилища из сел. Укен-ахо. В конце концов спорные земли остались за святилищем *Санебис джвари*.

У нас нет сведений о том, на каких условиях первоначально пользовалось *сакмо* летними пастбищами своего святилища для выпаса собственного скота, находящегося в подворно-наследственном владении его членов. Иллюстрацией более позднего состояния может служить следующий пример, зафиксированный мной в Мтиулети.

В сел. Гогнаури Цхаватского общества Мтиулети имелось летнее пастбище, которое служило для выпаса сельского скота и которое называлось сельским пастбищем (*сасопло садзовари*), а не пастбищем святилища. Из трех родов, из которых состояло все население Гогнаури (Суаридзе, Огбайдзе и Кеделашвили), три двора обладали большим количеством баранты, которая выпасалась на том же сельском пастбище. Эти три двора ежегодно в определенные храмовые праздники пригоняли в *хати* по одному барану, из коих двух закалы-

вали в праздник *Халарджоба* в честь сельского святилища и одного в праздник *Гунараоба*. Мясо жертвенных животных потреблялось всеми участниками названных праздников.

Что же касается *сабегро мта*, т. е. летних пастбищ, сдававшихся в аренду, то управление ими поручалось выборным служителям *джвари* или *хати*. Они заключали условия с овцевладельцами, арендующими пастбища⁹, и собирали сабалашную плату обыкновенно овцами. К определенному храмовому празднику животных пригоняли в святилище, и там главный священнослужитель приносил их в жертву *хати*. В это время на храмовом празднике присутствовали все члены *сакмо*, между которыми и распределялось равными порциями вареное мясо жертвенных животных.

Покосы — джварис сатибееби, джварис мта, хатис мта, сапороко. По способу использования они, так же как и пахотные участки святилищ, подразделялись на *сабакури* (|| *сабекура*), *сакурате* (|| *сакурете*), *самлевло, садастуро, сариго* и *сабегро*.

Как указывалось выше, древнегрузинские святилища владели барантой и крупным рогатым скотом, пережиточно сохранявшимся продолжительное время в горах. Баранта святилища называлась *бакис цхвари* (|| *бакис цхори*), а пастух этой баранты именовался *мебакури* (|| *мебекури*). Отсюда и названия *сабакури* (или *сабекура*) тех покосных и пахотных участков, которыми пользовались пастухи священной баранты. В Гудамакари святилище *Пиримзе пущис ангелози* владело покосным лугом *сабакури* (площадью, с которой снимали 20 тива — от 8 до 12 пудов сена), а хевсурское святилище *Архотис джвари* обладало пахотным участком *сабекура*. Пастуху Гудамакарского святилища сено, скошенное с *сабакури*, служило кормовым запасом для тех из *бакис цхори*, которых на зиму не угоняли в Кизляр.

Существование *сакурате* или *сакурете* засвидетельствовано как владения пшавских святилищ. *Курати* || *курети* были бугаи *хати*, которых при пшавских святилищах держали до глубокой старости и закалывали только по требованию *хати*, оповещавшего об этом свое *сакмо* через жреца-священнослужителя. Само собой очевидно, что земельным участком *сакурате* пользовались пастухи крупного рогатого скота святилища все то время, пока стада *хати* находились на их по-печении.

Покосные и пахотные земли *самлевло* находились в личном пользовании кузнеца, круглый год безвозмездно обслуживавшего нужды *хати* и *сакмо*, членом которого он сам являлся. Среди всех грузинских племен кузнец пользовался особым почетом и уважением. Так, в Сванети, хотя нами и не улавливаются уже пережитки существования *самлевло*, но все село или общество, в котором жил и работал кузнец, при первом же обращении последнего оказывало ему всяческую помощь — сельчане вспахивали ему поле, снимали с него урожай или выполняли другие хозяйствственные работы. Кроме того, на храмовых праздниках в числе обрядовых хлебов, которые каждый домохозяин нес в святилище, находился хлебец, предназначенный кузнецу.

Садастуро назывались те из покосных участков святилищ, которыми пользовались *дастурьи* — экономы *хати*. При этом в Хевсурети великие экономы (*медиидджварени*, или *диди дастуреби*) Ардотского святилища *Сомхоз Гиорги* косили как покосные луга *садастуро*, так и пахотные участки *ходабури*, оставленные под зеленым паром, и края тех из последних, которые были вспаханы и засеяны, а малые экономы (*цврили дастуреби*) косили и покосы *хати*, и края пахотных участ-

⁹ В Хевсурети летние пастбища сдавались пшавским и тушинским пастухам, а также пастухам тианетских грузин.

ков, также называвшихся *садастуро*. Скошенным сеном великие и малые *дастуры* пользовались в качестве кормовых запасов для собственного скота совершенно безвозмездно, или, возможно,— за те общественные повинности, которые они в качестве *дастур'ов* выполняли в организации *сакмо*.

В Мтиулети и Гудамакари определенной частью горных покосов (*самто мамулеби, сапорокоеби*) пользовались члены *сакмо* в порядке очередности, почему эти покосы и назывались *сариго*. В один год их косили двое *кма*, в следующий год — другая пара и так далее. Домовладелец, пользовавшийся покосами своего *хати* в порядке очередности, назывался *мекулухе*. *Мекулухе* выплачивал *кулухи*¹⁰ в честь святилища в определенные храмовые праздники. В большинстве случаев *кулухи* за пользование покосами своего святилища составляли жертвенные животные — ягнята или бараны, называемые в Мтиулети, в районе Хада, *савелоеби*. В намеченные праздники *мекулухе* пригонял их в святилище и сдавал экономам *хати*. Затем главный священнослужитель жертвовал их *хати*, после чего экономы варили мясо, распределяли равными порциями и угощали собравшийся на праздник народ. Однако размер *кулухи* зависел от величины площади покосных лугов. Так, например, *кулухи* с *сапороко* святилища *Квирацховели* в селении Цкере составляли в праздник Нового года: 2 двугодовых волоха (*накочари*), 22 ведра вина и 2 литра *хавици*, а в праздник Пасхи — один баран. За пользование покосами *хатис мта*, с которого *мекулухе* косил 20 *тива* и который принадлежал храму Св. Георгия в сел. Уканамхари, *кулухи* равнялся 2 *тунг'ам* (= 10 бутылкам) водки и одному жертвенному барану. Этот *кулух* *мекулухе* сдавал экономам *хати* в праздник *Атенгеноба*.

В более позднее время должны были появиться у *хати сабегро мта* — горные покосы, которые сдавались в аренду чужеродцам или членам чужого *сакмо*. Сдача в аренду покосных участков особенно практиковалась в Хевсурети. Так, в Архотском ущелье самая обширная покосная гора, принадлежавшая расположенному в селении Чимга святилищу *Чишвелис джвари*, называлась *сабегро*. Чимгинцы сдавали ее в аренду жителям селений Амга и Ахиела. Арендаторы два раза в год, в праздники *Атенгена* и Новый год, пригоняли в святилище *Чишвелис джвари* по барану (всего два барана в год), которых закалывали *хуцеси* в честь данного *джвари*, при этом от имени последнего благословляя *мебегре* (арендатора) и свое *сакмо*, а *дастуры* варили мясо жертвенных животных и раздавали членам *сакмо*. Другое святилище, расположенное в селении Квирицминда, *Цкалишиис джвари*, владело обширным покосным лугом, который назывался «горой святилища Квирицминдцев» (*Квирицминделт джварис-мта*). Жители селения Квирицминда сдавали ее в аренду ахиельцам и амгинцам и получали с них 4—5 жертвенных баранов, которых закалывали и коллективно потребляли в храмовой праздник *Цкалишиис джвари*. Подобных примеров в пределах Хевсурети засвидетельствовано множество.

Пахотные земли — *керокрони, джварис канани, хатис мицеби* — в Хевсурети, Пшави, предгорной и низменной частях Картли не унаваживались под видом табу. А в Гудамакари и Мтиулети их удобряли овечьим пометом, для чего в пахотном поле держали баранту, через каждые 2—3 дня перегоняя ее с одного места на другое. Все пахотные земли святилища делились на *салуде, ходабуни, накеврали, санадо* и на *зедатесли, саипке, садастуро, сашулто, сариго, сагале, сабегро*.

¹⁰ *Кулух* (откуда образован *мекулухе*), *дастур, шулта, улави, ходабуни* и ряд других, упоминаемых в статье терминов — поздние заимствования, очевидно, заменившие более древние и более соответствующие грузинские наименования.

Салуде, ходабуни (// *ходабури*), *накеврали*, *санадо* (// *сахарнадо*) из всех пахотных участков *хати* были самыми обширными. Они чаще всего были расположены близ святыни и отличались наилучшими качествами. Их обработка в ряде районов производилась по двупольной системе: половина обрабатывалась, а другая половина оставлялась под зеленым паром. Эти поля засевались исключительно ячменем, а снятый с них урожай предназначался на семена для будущего года и на приготовление в горах священного пива, а среди равнинных жителей — водки. Пиво готовили *дастур'ы* и *месапувре* в святыни, в специальном хозяйственном сооружении *саквабе* или *салуде*, за несколько дней до наступления храмовых календарных, а также намеченных заранее общественных праздников.

Зедатесли, саипке, садастуро, сашулто, сариго, сагале, сабегро были мелкие участки земли, во множестве разбросанные по всей территории *сакмо*. В Хевсурети некогда они засевались пшеницей (*ипкли*, отсюда название участка *саипке*). Полученный урожай расходовали на приготовление обрядовых хлебов. Их выпекала к храмовым праздникам *диасахлиси* в святыни, в особом помещении, называемом *са-диасахлисо*.

В отношении пахотных угодий древнегрузинских святыни устанавливаются наиболее разнообразные способы общинного землепользования, которые можно расположить в определенной хронологической последовательности.

1. Самый древний способ применялся в отношении *салуде, ходабуни* или *накеврали*. Обработка его производилась коллективно всеми членами *сакмо*. Такая форма общинной работы среди грузин известна под названием *нади* // *харнади* (отсюда наименование участка *санабо, сахарнадо*) и *улави* (// *улами*). *Нади* или *улави* практиковался в нескольких разновидностях, интересных с точки зрения истории развития форм организации рабочей силы и средств производства в общинном землепользовании. Некоторые хевсурские, мтиульские и гудамакарские *ходабуни* обрабатывались посредством супряги. Одни члены *сакмо* пригоняли быка, другие приволакивали пахотное орудие, а иные сами пахали. В *харнади* участвовало все *сакмо* — и *эрисганни*, и *хатионни*. Вспашку и жатву производили *эрисганни*. Вспаханное поле засевал главный священнослужитель *хевисбери* или *хуцеси*, а старшие *дастур'ы* следом за ним боронили. Кроме того, во время жатвы старшие *дастур'ы* складывали снопы, молотили, очищали зерно и новый урожай помещали в общинный амбар или амбар святыни *бегели* (см. табл. II), при этом сортируя в особые ящики зерно для обсеменения на будущий год и остальные запасы для приготовления священного пива. По другому варианту все поле разбивалось на столько равных полос, называемых *срели*, сколько в *сакмо* было дворов. Члены общины приходили со своими быками и пахотным орудием. Каждый двор очищал по одной *срели* от камней, запахивал ее, засевал ячменем и боронил в тот же день. Ячмень для высева выдавался из общинного амбара. До наступления жатвы общинники следили за своими *срели* и защищали их от порчи скотом. Когда ячмень поспевал, они снимали со своей полосы урожай, отсызили на общественное гумно и, сложив снопы, сдавали экономам *хати*. После получения всего урожая *дастур'ы* молотили его, просеивали, тщательно очищали и передавали старшему *дастур'у* — хранителю общественного хлеба. Последний, освятив себя кровью жертвенного барана, пригнанного им же и принесенного в жертву специально с этой целью, с большой торжественностью помещал зерно нового урожая в амбар святыни. В Картли новый урожай хлеба с коллективно обработанного поля сдавали *мчате*. За несколько дней до наступления храмового праздника *мчате* выгонял из хлеба *араку* или обменивал его на водку и жертвенное животное, в день

праздника закалывал барана в ограде храма, там же варили мясо и угождали им и спиртным напитком коллектив *сакмо*. Каждый раз чади завершалось обрядовым пиршеством, которое устраивалось на общинные средства в святынице. Во славу *хати* жертвовали *бакис չհարի*, *ձաշուր'ы* или стряпчие (*մզարեւլնի*) варили его мясо и угождали вместе со священным пивом участников *հածի*. Торжественное вскрытие чана с пивом, приготовленным *ձաշուր'ами* специально к *հածի*, производилось утром в святынице, откуда большой котел с пивом относили в поле и угождали *խառնածի* в процессе производства работ.

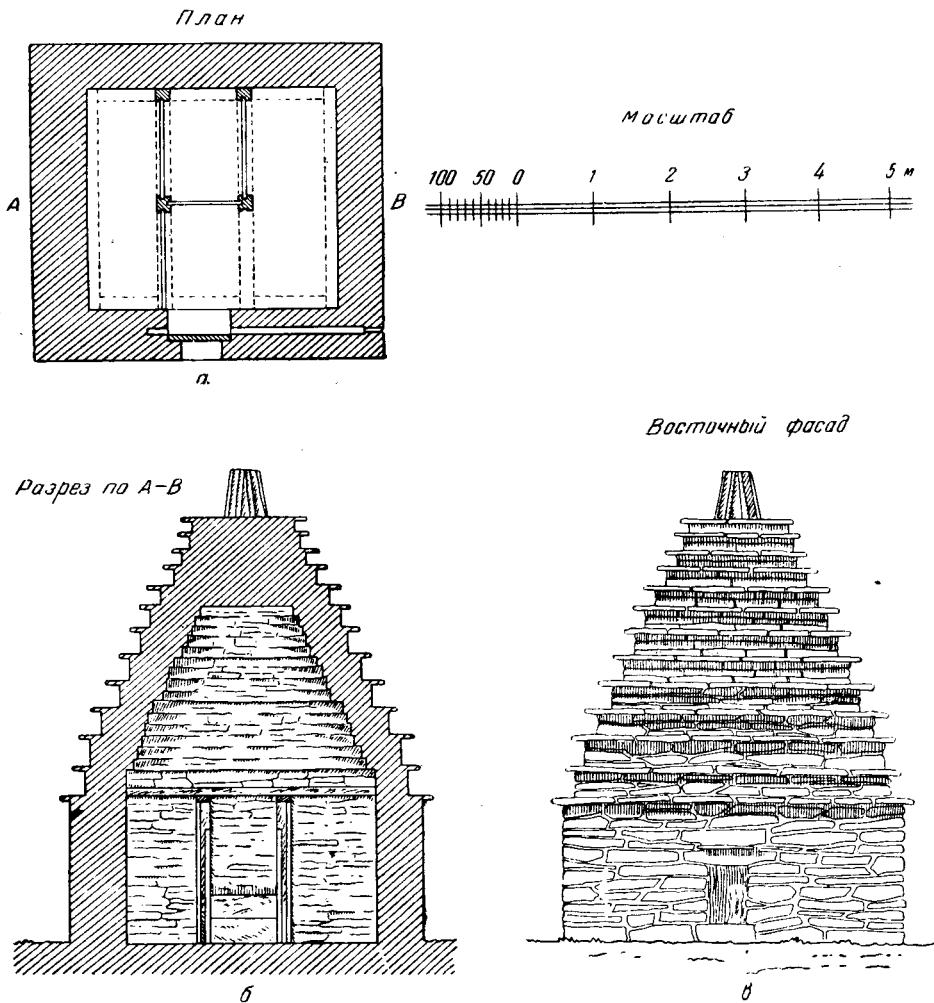

Табл. III. Амбар родового святынища, сел. Цабаурта, Пшави

По верованиям хевсур, *ճյվարի* имел множество специальных духов-помощников, *մեմարցւենի*, которые следили за полевыми работами на священных землях и о замеченных непорядках доносили божеству. Нерадивое отношение к общинной земельной собственности и частное присвоение ее продуктов жестоко преследовалось и каралось всемишим патроном *сакмо*.

Как видим, этот способ землепользования, связанный с обработкой *խաճախի*, носит отпечаток аграрного коммунизма, поскольку в нем улавливается жизнь на началах общности труда и равного пользования продуктами труда. В связи с этим приходится думать, что *հածի* гене-

тически относится к первобытной родовой общине, отдаленным свидетельством чему, быть может, служит и то обстоятельство, что пшавские святыни, принадлежавшие в основном (10 из 12) организациям патриархально-родового характера, владели только участками *санадо*, т. е. такими землями, обработка которых производилась посредством *нади*.

Последующей формой землевладения, по указаниям наших источников, должна быть община долевая, при которой практиковалась исключительно подворная обработка священных земель, называвшихся *саипке*, *зедатесли*, *садастуро*, *сашулто*, *сариго*, *сагале*, *сабегро*. В отношении этих пахотных участков святыни нами устанавливаются следующие способы землепользования.

2. Пользование землей в порядке очередности с посвящением части присвоенных продуктов земледелия.

Член *сакмо*, живший отдельным двором, обрабатывал пахотный участок *хати* и присваивал снятый с него урожай в течение определенного отрезка времени, после чего земля на тех же условиях переходила к другому члену *сакмо*, затем к третьему и т. д. Завершив обход всех семейств, очередь возобновлялась каждый раз в том же порядке.

С данным способом землепользования был связан следующий обряд: очередной *кма* с каждого нового урожая, полученного с обработанной им земли *хати*, посвящал последнему определенную часть, носящую название *зедаше*. Посвящение происходило вслед за окончанием молотьбы хлеба. Отбирались лучшие хлебные зерна и помещались в особый плетеный сосуд, который ставился в «священном» (правом) углу дома, где, по народному верованию, обитал добрый дух — хранитель дома. Таким образом, *зедаше* поручалось покровительству домового духа до наступления храмового празднества, в честь которого оно было посвящено. К этому празднику вскрывали сосуд, мололи зерно, и из муки *зедаше* выпекали хлеба, лаваши и сдобные пироги, которые относили в храм к собравшемуся на праздник народу и распределяли между ним равными долями. В ряде случаев, в особенности когда *кма* по причине дальности расстояния свое «коренное» святынище посещал через каждые 2—3 года, из накопившегося за это время *зедаше* лишь часть шла на выпечку праздничных хлебов; оставшаяся часть обменивалась на жертвенное животное и вино. Все это отвозилось в святыни, где закалывали животное, варили мясо и, накрыв на стол, угощали присутствующих. Эти факты, а также указанный выше обычай, связанный с вырубкой священного леса под подсеку, вскрывают посвящение *зедаше* как своеобразную форму отдаивания за пользование землею *хати*.

Как показывают пережиточные данные, с определенного времени *зедаше* являлось общераспространенной среди грузин формой ежегодного посвящения. Однако оно практиковалось отдельными семьями во имя родных храмов уже вне всякой зависимости от их земельных владений (*хатис мицеби*). В это время использование этого *зедаше* предстает в несколько измененном виде: хотя, подобно вышеописанному, и здесь сосуд с *зедаше* впервые вскрывался в храмовой праздник того *хати*, которому оно было посвящено, но из содержимого сосуда во имя данного *хати* потреблялась только часть, которая называлась *тавеули* или *сатао*. Смолов его, выпекали праздничный пирог, относили его в храм и передавали священнослужителю, получая за это благословение. Остальное *зедаше* потреблялось семьей на собственные нужды. Очевидно с данного времени термин *тавеули* или *сатао* становился синонимом *зедаше* и в ряде мест вытеснил последнее в качестве названия посвященного *хати* хлеба. При этом к общему наименованию *тавеули*

или *сатао* прибавлялось имя того *хати*, которому оно посвящалось, как, например, *Ломисас тавеули*, *Цецихлис джврис тавеули* и т. д. Нередко семья имела несколько *зедаше* или *тавеули*, посвященных различным святыням.

Соответствующее восточногрузинскому *зедаше* и *тавеули* или *сатао* посвящение и подношение у сванов носило название *таблаш* (в Нижнебальских обществах Верхней Сванети) и *гвиз* (в Верхнебальских обществах). При этом имелись зачастую в одном семействе — *Ламария таблаш*, или *Ламария гвиз*, *Яна гвиз*, *Исклилчале гвиз* и т. д.

Как видим, в отличие от первоначальных *зедаше*, эти *зедаше-тавеули* и сванские *гвиз* или *таблаш* являются уже такой формой жертвеннego приношения хлеба, которая осуществляет не коллективное его потребление, а присвоение данного жертвеннego приношения в личное пользование индивидуальной семьей и священнослужителем храма.

3. Пользование землей в порядке очередности за срочную на туральную аренду. Этот способ землепользования был представлен в нескольких вариантах.

1) Хевсурский вариант (*садастуро, сашулто*). Здесь очередьность осуществлялась с помощью жеребьевки. На общинах сходах выбирались *дастуры* или *шулта* по очередному жребию. Отбывший свою очередь не баллотировался до тех пор, пока каждый член общины не выполнял обязанности *дастура* или *шулта*. Последний обрабатывал землю святилища на половинных началах или присваивал себе $\frac{2}{3}$ урожая, а из оставшейся половины или $\frac{1}{3}$ приготовлял пиво к определенным храмовым праздникам для общего потребления и прислуживал во время общинах пиршеств. *Дастуры, шулта*, а также *мнате* выбирались или к каждому празднику, или на год, или на 2—4 года.

2) По мтиульскому варианту очередной двор, обрабатывавший участок земли святилища (*сариго*), назывался *мекулухе* и за присвоение с данного участка продуктов земледелия в намеченный заранее праздник заготовлял *кулухи* из определенного количества печеных хлебов, вина, водки и жертвеннего барана, закалываемого во имя *хати*. Этим *кулухи* угощалось все *сакмо* в доме *мекулухе*, куда с раннего утра собирались его члены со своими домочадцами и оставались у него до поздней ночи.

3) В Картли землями *хати* (*сагале*) распоряжался *мнате*. Получив от него пахотный участок на определенный срок, очередной *кма* обрабатывал его, снимал урожай и тому же *мнате* или сдавал четвертую долю этого урожая в обмолотом виде или отвешивал *гала*¹¹ зерном, полпудовой меркой (известной под названием *пина* или *чанахи*). При этом ежегодно с каждой однодневной вспашки, называемой *джачви* или *дгиури*, сдавалось определенное количество мерок зерна. Иногда, в случае необходимости, *гала* употреблялась на приобретение инвентаря *хати*. В большинстве же случаев собранный хлеб *мнате* обменивали на вино и жертвеннных баранов, которых потребляло *сакмо* на празднике во время устройства общественной трапезы.

Пользование землями *хати* в порядке очередности за срочную на туральную аренду практиковалось и в Сванети.

Таким образом, обработка земли святилища, resp. общины, в порядке очередности являлась общественной повинностью, которую каждый член *сакмо* отбывал в продолжение определенного времени. Иначе говоря, каждый член *сакмо* вынуждался в свой черед пользоваться землями *хати* и из полученного урожая определенную часть уделять в пользу общины.

Из разнообразных средств, к которым прибегали организации *сакмо* в деле вовлечения в общинную аграрную работу и использования тру-

¹¹ *Гала* — арендная плата зерном с урожая арендованной земли.

да отдельных членов для удовлетворения своих общинных потребностей, особое внимание привлекают оракулы. Жрец — прорицатель от имени божества называл лиц и вручал им на 2—4 года функции великих экономов *медиаджварени*. При святыни *Гуданис сагмро* постоянно находилось 4 великих эконома, а при *Ликокис джвари* — 2. Они запахивали земли святыни, засевали, боронили, снимали урожай, молотили, приготавливали пиво к определенным храмовым праздникам и прислуживали собравшимся в святыни членам *сакмо*. Это был первоначально полностью даровой принудительный труд отдельных членов в аграрном хозяйстве общественно-религиозных организаций типа сельской общины.

4. Сдача земли в наймы малоземельным членам коллектива за срочную натуральную аренду. Пахотные участки святыни арендовал тот из членов *сакмо*, который испытывал недостаток в земле. За это он выполнял функции *мекулухе* и, выплачивая *хатис кулухи*, угощал членов своего коллектива определенным количеством *араки*, а в иных местах также и печеными хлебами во время храмового праздника. При этом земельные угодья *хати* обрабатывались не всеми членами коллектива *кма*, а лишь частью из них. Таким образом, при данном способе землепользования, который, как видно, является поздней формой развития мтиульского варианта, земли *хати* постепенно теряют характер общинного землепользования.

5. Передача земли и захватное пользование ею за бессрочно-наследственную аренду. В ряде случаев нарушалась очередность в пользовании землями *хати*, вызывая тем недовольство населения. Несколько таких нарушений окончательно запутывало дело, и, в конце концов, как выход из положения спорные земли *хати* в некоторых местах были поделены между наиболее недовольными или наиболее нуждающимися в земле членами коллектива *кма*. За постоянное пользование землями *хати* члены *кма* и их потомки ежегодно выплачивали установленную *галу*, которая потреблялась коллективом *кма* по вышеуказанному обычному способу. В иных случаях земли *хати* насильственно захватывались и присваивались в наследственное пользование некоторыми членами своего же коллектива, в особенности служителями *хати*. За это они ежегодно в храмовой праздник *хати* пригоняли жертвенного барана или привозили вино, которое потреблялось обычным в таких случаях способом.

6. Эксплоатация чужого труда. Эксплоататором выступал социально-религиозный коллектив *сакмо* через своих священнослужителей. Последние из года в год сдавали, помимо пастбищ, также и пахотные участки чужеродцам в наймы за срочную натуральную аренду *галу*. Собираемые таким образом ежегодные запасы хлебного зерна использовались на выгонку *араки*, покупку жертвенных животных, а часть мололи и из нее выпекали хлеба. Все это потреблялось во время храмового праздника коллективно.

Подводя итог вышеописанным формам земельных отношений, приходится сказать, что они представляют собой историческую гамму, развертывая перед нами ряд образцов, начиная от почти сохранившейся аграрной коммуны и кончая намечающимися формами разложения земельной общины.

*

В заключение остановлюсь в нескольких словах на грузинских общественных обрядовых пиршествах, имеющих непосредственное отношение к теме.

Древнегрузинские святыни были потребительскими центрами. На ранних ступенях развития праздничные пиршства представляли собой совместное потребление продуктов, добытых коллективным трудом

всех *кма* *джвари* или *хати* с земельных владений последнего. В более поздние периоды они устраивались посредством использования натуральной аренды, получаемой с тех же земель, т. е. использования лишь части продуктов с земли *хати*, добытых уже индивидуальным трудом отдельных членов коллектива *кма*. Эти продукты, по всей вероятности, не всегда оказывались достаточными даже в начальном периоде существования данного обычая. Тем более это должно было происходить позднее, когда, в силу консервативности религиозных установлений, размер *галы* и *хатис* *кулухи* с каждой однодневной вспашки оставался первоначальным, а их потребителями было в преобладающем большинстве случаев намного большее прежнего число населения, размножавшегося благодаря естественному росту. Поэтому дополнительно к поступлениям с земель *хати* был учрежден подворный сбор определенного количества хлебного зерна с каждого нового урожая, снятого с частновладельческих земель членов *сакмо*, который до нас сохранился под названием *самнатео*.

Ежегодно, в конце храмового праздника члены *сакмо* выделяли из своей среды в порядке очередности двух *мнате* и поручали им провести всю подготовительную работу к храмовому празднику будущего года и спровести этот праздник. Помимо обязанностей, связанных с землями *хати*, они должны были собрать *самнатео*. Во время молотьбы хлеба они обходили членов своего коллектива и с каждого двора брали по определенной мерке хлебного зерна. *Самнатео* присоединялось к доходам с земли, и все это превращалось в *араку*, вино и мясо закалываемые в праздник жертвенных животных, которым оба *мнате* угощали коллектив *кма*, собравшийся в *хати* в день его храмового праздника. Почему-либо не явившемуся к праздничному столу *кма* его доля угощения посыпалась на дом.

Разновидностью *самнатео* является *сагигауро* — сбор кусков воска и серебряных монет среди членов *сакмо* из многочисленного и рассеянного на обширной территории рода Гигаури.

В период, когда *хати* уже не имели каких-либо поступлений со своих земель ввиду отсутствия у них земельной собственности, *самнатео* превратился в единственный источник для устройства общественных пиршеств во время храмовых праздников.

Наиболее близкую аналогию картлийскому *самнатео* данного периода представлял сванский *уплиши гвиз* или *уплиши таблаш*, собираемый среди членов *ласкара*, и сборы в пределах села для приобретения *квиж* — жертвенного бычка к определенным сельским праздникам.

Псони. В самом Картли позднее, в условиях жизни больших поселений с более или менее измельчавшими дворами *самнатео* выродился в сборный, артельный стол *псони*, который устраивался в определенные храмовые праздники, связанные с земледельческим культом (как например, праздники *Сагмро*, *Кеиноба* и др.). Участники *псони* вносили по несколько литров вина или водки, по несколько штук печеного хлеба в виде круглых лепешек или лаваши и разный другой необходимый к столу провиант. Взносы были подушные. В зависимости от характера храмовых и внекалендарных общественных праздников *псони* устраивались в пределах отдельных родов и селений.

Переходная форма в устройстве пиршества. Своебразная переходная форма от общественных пиршеств, осуществлявшихся на коллективных началах, к пиршествам, устраиваемым на частные средства отдельных малых семейств, улавливается в верхнесванских вариантах *Личедурал* или *Лимпариел* — праздника, генетически связанного с весьма архаическими социальными порядками.

Сванский *Личедурал* был, если можно так выразиться, «межродовым» праздником, в котором в устройстве пиршства соблюдалось чередование между родами. Однако в своей поздней форме эти пиршства

проводились подворно и на средства отдельных семейств рода. Говоря иначе, в этот праздник все семейства одного рода угощались и пировали с утра до поздней ночи в семействах другого рода, а в следующем году семейства второго рода угощали у себя на дому на свои средства семейства первого рода. При этом соблюдалось равное подушное распределение по семьям: в семью каждого хозяина являлось в гости столько людей из определенной семьи или семейств чужеродца, сколько в ней самой насчитывалось душ, а излишек, наличный в многолюдных семьях, восполнял состав малых семейств — гостей.

Обрядовое пиршество супряжников. Самой поздней по времени разновидностью устройства пиршеств на коллективные средства следует считать те из них, которые в Картли осуществлялись посредством использования *ало* — однодневной доли заработка супряжников села. В каждом селе, в зависимости от его величины, было организовано большее или меньшее число супряг. По инициативе плугарей (*гутнис деда*) все супряжники села складывали свои доли однодневного заработка, покупали на них жертвенных баранов и вино иправляли весенний земледельческий обряд *Сасопло сагмрто* с пиршеством, на которое приглашалось все мужское население села.

Дидебазе давла. Надо полагать, что со времени, когда вместо общественных пиршеств в низменной земледельческой полосе Восточной Грузии господствующей формой стало устройство при *хати* посемейных трапез, — начали практиковать особый обряд *дидебазе давла*, посредством которого искусственно восстанавливалась древняя сакральная форма обрядового вкушения пищи на общественные средства. Этот обряд был своеобразной разновидностью *самнатео*, которая выполнялась женщинами вне учета принадлежности населения к тому или иному социально-религиозному объединению вокруг *хати*. За несколько дней до начала намеченного по обету праздника или до устройства религиозного обряда *Сагмрто* в честь обильного урожая, против засухи, града или непрерывных дождей, а также в честь повелительницы и «добрых» духов заразных болезней, группа женщин или женщина с ребенком, переболевшим корью или оспой, обходили селения босиком и во славу бога собирали подаяние. Из каждого дома им выносили муку, яйца, восковые свечи или что-либо подобное, а в честь всевышней повелительницы заразными болезнями жертвовали также греческие орехи. Собранное подаяние обменивалось на провиант, необходимый для устройства обрядовой трапезы в обетованный праздник и в двоякого рода *Сагмрто*: а) в честь предотвращения неблагоприятных для всходов атмосферных явлений и получения обильного урожая и б) в честь повелительницы и «добрых» духов, заразных болезней. В обетованный праздник и в первого рода *Сагмрто* покупали вино и жертвенных баранов, вареным мясом которых и вином угощались сами и угощали собравшийся в это время народ. А во время устройства второго рода *Сагмрто* возжигали светильники из греческих орехов и участникам обряда и детям раздавали специально заготовленные сдобные пироги, начиненные греческим орехом.

Л. П. ПОТАПОВ

ГЕРОИЧЕСКИЙ ЭПОС АЛТАЙЦЕВ

Дореволюционная наука не выявила ни богатства формы и образов героического эпоса алтайских племен, ни его яркого, глубоко идейного народного содержания. Он был известен лишь узкому кругу специалистов по случайным и отрывочным записям В. Радлова, да «Анонском сборнику», изданному в научном отношении далеко не удовлетворительно¹. Собирание и научная публикация фольклора алтайских племен, частности героического эпоса, начались только в советскую эпоху. К настоящему времени появился ряд ценных публикаций, из которых необходимо отметить: 1) «Алтайский эпос Когутэй»², снабженный научным введением, 2) сборник «Шорский фольклор»³, большую часть которого составляют героические поэмы, 3) сборники «Алтай Бучай»⁴ и «Малч Мерген»⁵, представляющие два тома записей героических былин с прославленного алтайского сказителя, ныне покойного, Н. Улагашева.

Героический эпос алтайцев становится известным только теперь и в новых образцах, высоких по научной и художественной ценности. Однако, если собирание и публикация героического эпоса алтайцев про двинулись далеко вперед и дали хорошие результаты, то этого нельзя сказать об изучении алтайского эпоса.

В дореволюционное время изучение алтайского эпоса не производилось, и ему не посвящено ни одной специальной работы, хотя бы статьи. Но некоторые элементы его, главным образом отдельные сюжеты и эпизоды, довольно широко использовались Г. Н. Потаниным в виде аналогий и параллелей в его широких фольклорных исследованиях, производившихся в духе космополитических изысканий А. Веселовского⁶.

К сожалению, приходится констатировать, что и советскими учеными в деле изучения алтайского героического эпоса сделано чрезвычайно мало, хотя попытки затронуть или рассмотреть этот вопрос предпринимались крупнейшими нашими востоковедами: филологами и историками. Они оказались бессильными. Объясняется это прежде всего тем, что

¹ В. Радлов, Образцы литературы тюркских племен, ч. 1, СПб., 1866, стр. 7-112; Н. Я. Никифоров, «Анонский сборник», Записки Зап.-Сиб. отд. Рус. географ. общ., т. XXXVII, Омск, 1915. Отдельные записи, также неполные и случайные, были опубликованы миссионерами в «Томских губ. ведомостях» за 1859, 1861 и другие годы; в «Живой Старине», вып. III — IV, 1896, стр. 492—499, и в «Трудах Томского общества изучения Сибири», т. III, вып. 1, Томск, 1915.

² Издание «Academіa», 1935. Сказитель М. Ютканаков, перевод Г. Токманчева, редакция В. Зазубрина, комментарий Н. Дмитриева.

³ Записи, перевод, вступительная статья и примечания Н. П. Дыренковой, изданы Акад. Наук СССР, М.—Л., 1940.

⁴ Издание ОГИЗа, Новосибирск, 1941, под редакцией А. Коптелова, с его вводной статьей и примечаниями.

⁵ Издание Ойротского обл. изд-ва, 1947, под редакцией А. Коптелова, с его вводной статьей и примечаниями. Записи, опубликованные в обоих сборниках Н. Улагашева, производились в период 1939—1945 гг. преимущественно писателем алтайцем П. В. Кучиаком и его дочерью А. П. Кучиак.

⁶ «Восточные мотивы в средневековом европейском эпосе», Москва, 1899; «Саги Соломоне», Томск, 1912, и др.

изучение алтайского героического эпоса велось с антинаучных теоретических позиций, следовательно, не могло дать положительных результатов. Сыграло в этом известную роль и отсутствие записей и публикаций алтайских эпических произведений. Заключения о них делались по случайному неполным образцам, опубликованным в литературе, и подлинный героический эпос, бытовавший среди алтайцев, оставался наукой неизвестным. Большой ущерб делу изучения героического эпоса азиатских кочевников, в частности алтайцев, нанес акад. Б. Я. Владимирцов, выступивший в своей известной работе «Монголо-ойратский героический эпос»⁷ с теорией сниженной культуры. Автором упомянутой теории является представитель буржуазно-социологической школы в фольклористике Ганс Науман, теоретическую близость которого к фашистской идеологии установили советские фольклористы⁸. В основе этой «теории» лежит мысль об отрицании авторства народа в устном творчестве, о творческом бесплодии народа. Согласно этой «теории», устное творчество объявляется творением высших классов. Народ ничего не творит, а только пересказывает произведения, созданные высшими классами общества⁹. Б. Я. Владимирцов объявляет героический эпос монголов принадлежностью монгольской феодальной аристократии. Монгольская аристократия, по Владимирову, «не только хранительница, распространительница эпических сказаний, но и создательница»¹⁰. Акад. Владимирцов пишет: «Степная аристократия, как хранительница заветов старины, и является главной носительницей героического эпоса. Она или выставляет из своей среды профессиональных певцов былин, или поддерживает, покровительствует им... она считает героический эпос не только национально-ойратским, но прежде всего «своим» достоянием, достоянием своего класса, своего рода. Кого же воспеваю старинные богатырские песни, как не ее предков, как не степных аристократов; кто эти богатыри, герои эпопей, как не вожди, князья, аристократы?»¹¹.

Углубляясь в этот вопрос, он приходит к антинаучному выводу, отрицающему народное эпическое творчество у западных монголов и основывающемуся на более чем сомнительной идеализации монгольских феодалов. Находя богатырские эпопеи «выражением духа, чаяний и идеалов ойратской аристократии», Б. Я. Владимирцов утверждает: «Они не национальны, они принадлежат одному классу; но этот-то класс, класс степной аристократии является и являлся раньше, может быть, даже в большей степени, чем теперь, выразителем национального характера, всей национальной жизни. Степной аристократ-кочевник не только теперь, но и раньше, в период наибольшего процветания ойратского феодализма, всегда был, по условиям кочевой жизни, близок народу, жил всегда с народом, как живет теперь одной с ним жизнью, деля одни и те же скорби и радости. Поэтому он не только предводитель, но и представитель простого народа, его живой голос»¹². Этот отрывок как нельзя лучше характеризует антинаучный характер концепции Б. Я. Владимирова, выступающего апологетом монголо-ойратской аристократии, с проповедью гармонии классовых интересов у кочевников,

⁷ Гос. изд-во «Всемирная литература», Петроград, 1923.

⁸ Hans Naintapp, Primitive Gemeinschaftskultur, Beiträge zur Volkskunde und Mythologie, Jena, 1921.

⁹ Творческую роль народа в фольклоре у нас в дореволюционной России отрицали представители так называемой «исторической» школы, стоявшие на позиции буржуазной позитивистской методологии 90-х годов. Особенно ярко это проявилось в работах Келтуялы, с взглядами которого, как и других подобных «теоретиков», боролся М. Горький.— См. Е. В. Гиппиус и В. И. Чичеров, Советская фольклористика за 30 лет, «Советская этнография», 1947, № 4.

¹⁰ Б. Я. Владимирцов, Монголо-ойратский героический эпос, предисловие, стр. 9.

¹¹ Там же, стр. 26.

¹² Там же, стр. 27.

резко извращающего подлинную функцию монгольских эксплоататоров в жизни их народа¹³. Рядовым кочевникам, простым монголам-оиратам в процессе устного эпического творчества Владимирцов отводит исключительно скромную роль — любить и восхищаться эпическими созданиями монгольских угнетателей. «Простой народ, — продолжает Владимирцов, — также считает эти богатырские эпопеи своим национальным и дорогим достоянием, любит их, отдыхает душой, слушая их исполнение, с волнением следя за приключениями богатырей, также восхищается ими, питается их идеями, их жизненной указкой. Так же, как и из среды аристократии, из простого народа выходят вдохновенные певцы героических эпопей, и они не вносят при этом ничего своего, ничего не меняют, вполне следуют указаниям старой аристократической школы»¹⁴. Вот к каким антинародным, реакционным взглядам привело акад. Владимирцова его некритическое отношение к буржуазно-социологической геории. Нетрудно видеть, в каком вопиющем противоречии с фактами, с достижениями современной науки находится его концепция. Далее, исходя из того, что расцвет геройского эпоса у западных монголов связан с расцветом феодализма, акад. Владимирцов приходит к выводу об упадке геройского эпоса в наше время. «Геройский эпос оиратов Северо-Западной Монголии, — заключает он, — явно клонится к упадку... Начинает пропадать интерес к геройскому эпосу и в народе. Князья, старые хранители стародавнего оиратского духа, постепенно сходят со сцены... Вероятно пройдет еще десяток, другой лет, и на Алтае и Хангае, на горах Хан-Хухей, на реке Тесе и в Улан-Гоме... позабудут былинных богатырей»¹⁵.

Я не знаю, в каком положении теперь находится бытование геройского эпоса у западных монголов, но что касается алтайцев, то к ним приведенное мнение Б. Владимирцова неприменимо, что блестящее доказано записями 1939—1945 гг., опубликованными в двух последних сборниках алтайских былин, упомянутых выше. Полагаю, что неверно оно и в отношении западных монголов, ибо исходит из порочной концепции. Мне пришлось задержаться на изложении и некоторой критике взглядов акад. Б. Я. Владимирцова потому, что он оказал отрицательное влияние на ряд ученых, в том числе и тех, которые обращались к исследованию алтайского геройского эпоса¹⁶. Это относится к нашему крупнейшему тюркологу С. Е. Малову, который повторил мысль Б. Я. Владимирцова в своем предисловии к книге С. В. Ястремского, коснувшись современных алтайцев и хакасов: «Поэмы у алтайцев и абаканцев, — пишет он, — как-то измельчали, сократились и превратились в обыкновенные сказки»¹⁷. Но в большей степени это относится к другому крупному нашему тюркологу Н. К. Дмитриеву, автору «Введения» к «Алтайскому эпосу Когутэй», которое явилось первым опытом научного анализа алтайского фольклора. Признавая «Когутэй» только за отрывок алтайского геройского эпоса, Н. К. Дмитриев в то же время полагал, что «отрывок этот до того насыщен специфическими чертами алтайского фольклора, что на основании одной этой сказки уже можно делать некоторые общие выводы,

¹³ Характеристику классового расслоения и различных общественных групп у монголов Б. Я. Владимирцов дал гораздо позднее в работе «Общественный строй монголов», Ленинград, 1934. Однако и здесь неверную трактовку получил, например, вопрос о классовой борьбе у монголов в период образования монгольского государства Чингис-ханом.

¹⁴ Б. Я. Владимирцов, Монголо-оиратский геройский эпос, предисловие, стр. 27.

¹⁵ Там же, стр. 52; см. также стр. 10: «все труднее и труднее найти, например, певца героических сказаний у алтайских теленгитов».

¹⁶ Особенно это влияние чувствуется в работах по исследованиям эпоса у монгольских народов акад. С. А. Козина.

¹⁷ «Образцы народной литературы якутов», Ленинград, 1929, стр. 1.

особенно если включить нашу сказку в конспект алтайского сборника Радлова»¹⁸.

Однако, как и следовало ожидать, судить правильно о всех сторонах алтайского героического эпоса, разделяя взгляды акад. Владимира,казалось невозможнo. Н. К. Дмитриева, например, это обстоятельство привело к ошибочному заключению об алтайском героическом эпосе как о вымершем жанре, в связи с чем Н. К. Дмитриев, вслед за С. Е. Маловым, именует героические былины алтайцев сказками, хотя хорошо известно, что сказки представляют собой самостоятельный жанр и не являются разрушенными былинами. Он пишет, подразумевая «Когутэя», о явном «снижении» эпической традиции у алтайцев, утверждая, что расцвет ее «падал, естественно, на период развития феодализма, как это было у монголов и у якутов»¹⁹. Касаясь записей Радлова, Н. Дмитриев указывает, что «это — разбитые на части осколки отдельных героических эпопей, воспевающие подвиги феодалов и борьбу племен, пользуясь всеми обычными атрибутами эпического творчества. Правда, в них нет той мощи и размаха, которые так характерны для бытующих и ныне якутских и монгольских эпических произведений. Алтайские герои (Аккобок, Кангса-би, Саксы-бай и др.) обрисованы более бледными штрихами, и в самой передаче сказителя чувствуется больше традиции, чем непосредственного вдохновения и заинтересованности сюжетом. От пышных старинных эпических сказаний осталась чуть ли не одна форма, ритмическая речь и определенные приемы композиции, но иногда как будто и форма не сознается как нечто ценное, и тогда фабула довольно легко перемещается в более свободные рамки сказки. Переход от героического эпоса, как особого жанра, к сказкам — типичен для алтайского эпоса»²⁰.

С этими, как и с дальнейшими рассуждениями Н. К. Дмитриева о деградации алтайских поэм, согласиться никак нельзя, прежде всего потому, что алтайцы, как известно, не проходили в своем историческом развитии стадии расцвета феодализма, с которым Н. Дмитриев, как и акад. Б. Я. Владимира, связывает расцвет героического эпоса²¹. Невозможно с этим согласиться и потому, что образцы героического эпоса алтайцев, недавно опубликованные, опровергают преждевременный приговор о его деградации и исчезновении. Мы можем говорить, что у алтайцев нет таких эпических циклов, как калмыцкая «Джангирада», таких грандиозных эпопей, как бурятская «Гессериада», киргизский «Манас» или узбекский «Алпамыш». Но отрицать героический былинный эпос у алтайцев нельзя, особенно теперь, после выхода в свет записей от Н. Улагашева.

Приведенное мнение нашего известного тюрколога неизбежно вытекает вовсе не из неполноты источников алтайского фольклора, ибо случайные записи Радлова в соединении с «Когутэем», как он сам утверждает, дают представления о героическом эпосе, который бытовал и еще продолжает бытовать у алтайцев. Такое неправильное мнение идет от взглядов Б. Я. Владимира, разделемых и Н. К. Дмитриевым. Последний, касаясь работы Владимира «Монголо-ойратский героический эпос», цитированной выше, заявляет, что в ней «не только фактический

¹⁸ «Алтайский эпос Когутэй», Введение, стр. 35. Имеется в виду работа Радлова «Образцы народной литературы тюркских племен», т. I, где даны довольно краткие и случайные записи Радловым алтайских фольклорных текстов без перевода их.

¹⁹ Н. Дмитриев, Введение к «Алтайскому эпосу Когутэй», стр. 22.

²⁰ Там же, стр. 23, 24.

²¹ Алтайцы достигли только ранних форм феодальных отношений. См. мои работы: «Общественные отношения у алтайцев», «Историк-марксист» за 1940 г., № 11; «Возрожденный народ. Краткие очерки по истории алтайцев», Новосибирск, 1942; «Ранние формы феодальных отношений у кочевников», Записки Хакасского научно-иссл. ин-та языка, литературы и истории, вып. I, Абакан, 1948; «Очерки по истории алтайцев», Новосибирск, 1948.

материал в его частностях, но и само введение автора в значительной степени применимо к нашему тексту», — пишет он в Введении к «Когутэю»²². И только в вводных статьях известного сибирского писателя А. Л. Коптелова к сборникам Н. Улагашева освещение ряда вопросов алтайского героического эпоса и прежде всего основного — вопроса идейного содержания — ставится на научную основу²³. Это вполне естественно, ибо А. Л. Коптелов исходит в характеристике алтайского эпоса из соответствующих теоретических положений В. И. Ленина, Ф. Энгельса и основателя научной теории в фольклористике А. М. Горького. В статьях А. Коптелова опровергнуто мнение о деградации героического эпоса и показано, что этот жанр широко бытует у современных алтайцев. А. Коптелов решительно, и правильно, отказывается от наименования алтайских эпических произведений сказками и настаивает на признании за ними жанра героического эпоса²⁴. Так же определяет героические произведения алтайцев крупнейший советский ученый акад. А. С. Орлов, назвавший их былинами и нашедший в них черты сходства с казахскими и русскими былинами²⁵. Таким образом, этот вопрос за последнее время получил правильное решение в нашей литературе.

В настоящей работе я не берусь характеризовать героические былины алтайцев в отношении их сюжетов, структуры отдельных частей, построения стиха, приемов рассказывания и художественного воздействия и т. п., что лучше сделают наши фольклористы, незаслуженно игнорирующие алтайский фольклор не только по линии сабирания, но и изучения его хотя бы по опубликованным материалам. Я намерен рассмотреть, поскольку это не сделано фольклористами, ряд таких основных вопросов алтайского героического эпоса, как вопросы его идейного, социального содержания, датировки, отношения к эпосу других родственных или соседящих народов, разумеется, с учетом тех достижений в решении их, которые имеются, например, в статьях того же А. Коптелова. Вопрос содержания алтайского эпоса является основным, главным, как основным и главным является он в отношении любого устного или письменного литературного произведения. Задача исследователя фольклорного произведения состоит не только в том, чтобы изучить форму, что, конечно, необходимо, но главное — исследовать и определить его идейное содержание, что, разумеется, далеко не всегда легко. Содержание устного произведения и составляет его сущность, его основу. Нередко эта сущность настолько затмнена фантастикой, часто религиозной, особенно в архаических устных народных произведениях, что кажется отсутствующей. Тем важнее и ценнее бывает результат научного анализа, который вскрывает эту сущность и устанавливает ту или иную идею, лежащую в ее основе.

У северных алтайских племен широко распространены короткие архаические охотничьи легенды, в которых действующими лицами являются наряду с охотниками духи — «хозяева» горной тайги. На первый взгляд они кажутся иногда только отражением религиозной фантастики их создателей. Например, часто рассказывается, что охотятся несколько человек. Один из них убивает соболя и прячет его, не желая поделиться с товарищами. Или убивают оленя и делят его между собой. Встречные люди иногда просят угостить их мясом или подарить часть добычи. Охотники отказывают. Впоследствии, по возвращении домой или до этого, кто-нибудь из охотников погибает: либо его затачки

²² «Алтайский эпос Когутэй», Введение, стр. 36.

²³ А. Л. Коптелов, Н. У. Улагашев и бирятский народный эпос, Сборник «Алтай Бучай», стр. 5—50; его же, Н. У. Улагашев и его былины, Сборник «Малчи Мерген», стр. 3—16.

²⁴ Сборник «Алтай Бучай», стр. 42.

²⁵ «Казахский героический эпос», изд. Акад. Наук СССР, М.—Л., 1945.

вает в воду «хозяин» воды, либо «хозяин» горы насыпает на него болезнь²⁶. Однако в этих коротких легендах заключается определенное идеиное содержание. Эти легенды распространяли и укрепляли в сознании охотничих племен Северного Алтая идею общности охотничьей добычи, идею первобытно-общинного способа распределения. Устные произведения играли могучую воспитательную роль в среде первобытных племен. С одной стороны, они являлись как бы устными сборниками или сводами общественных идей, идеалов, этических норм, выражавшими чаяний и ожиданий, с другой стороны, они были важнейшим средством внедрения выраженных в них идей в среду населения, жившего в условиях первобытно-общинного строя. Нужно признать, что, несмотря на учение о роли общественных идей, которым вооружил нас И. В. Сталин²⁷, мы (историки, этнографы, археологи, фольклористы) все еще недооцениваем роли идей в первобытном обществе, представлявших в нем серьезнейшую силу, поскольку они господствовали в массе населения. При изучении фольклора это выражается в стремлении изучать устное народное произведение формально, а не по существу, т. е. со стороны его формы, без анализа его идеиного содержания. Такое формальное изучение ставит исследователя через бесконечные «аналогии и параллели» в тупик.

Анализ идеиного содержания героического эпоса дает точный ответ и на вопрос — кто был его творцом, народ или аристократическая эксплоататорская верхушка, в среде которой также создавались отдельные устные произведения, по форме ничем не отличающиеся от народных эпических сказаний. Само собой разумеется, что не каждое устное произведение должно рассматриваться обязательно как народное. Главным критерием для этого и служит его идеиное содержание.

Обращаясь к исследованию алтайского героического эпоса, можно утверждать, что творцом его является народная масса кочевников, а не аристократическая верхушка. Об этом убедительно свидетельствуют содержание опубликованных произведений, его социальная направленность, благородные образы героев-богатырей, выступающих защитниками интересов народа, и облик их врагов — злых ханов, наделенных реальными историческими чертами кочевников-феодалов, эксплоататоров и поработителей рядовых охотников-скотоводов. Как правило, содержание алтайских былин сводится к борьбе богатырей с злыми ханами, баями, грабящими, притесняющими, угнетающими простой народ. Борьба эта всегда заканчивается победой богатырей над носителями социального зла. Сентенции, заключенные в каждой былине, излагаются обычно устами победителя-богатыря. Они весьма характерны и не оставляют сомнения в характере породившей их социальной среды. Алтай Бучай, герой одноименной былины, победив злых и коварных ханов, перед тем как их уничтожить физически, мотивирует это следующим образом:

Мирно живущих людей
Со стойбищ вы угоняли.
Жеребенка, от матки отняв,
Жалобно ржать заставляли;

Ребенка, от матери отлучив,
Слезы лить заставляли.
За все теперь отвечайте²⁸.

Расправившись с врагами народа, богатырь Алтай Бучай обращается и к народу:

От ханов я вам помог избавиться —
Свою судьбу изберете сами²⁹.

²⁶ «Шорский фольклор», стр. 293—297; Н. П. Дыренкова. Охотничьи легенды и рассказы, Сборник Музея антропологии и этнографии Акад. Наук СССР, т. XI.

²⁷ «Краткий курс истории Всесоюзной коммунистической партии (большевиков)», 1938, стр. 111—112.

²⁸ Сборник «Алтай Бучай», стр. 70—71.

²⁹ Там же, стр. 71.

Герой одноименной былины Алып-Манаш происходит от простых родителей. Отец его богатырь Байбарак, мать — «из народа взятая» — трудолюбивая Эрмен Чечен. Алып-Манаш побеждает злого Ак-хана, уничтожает изменника Ак Кобена и также освобождает народ.

До тла ханское становище спалив,
Пленникам Ак-хана
Такие слова сказал:
«Теперь вы свободны.
На свои луга скот свой гоните,

В родные места
Семьи свои ведите,
Там земля и пища
Для всех вас найдется»³⁰.

В былине «Кокин Эркей» говорится, что богатырь Кокин Эркей жил вдвоем со своей сестрой — красавицей Эркин Коо. Он жил преимущественно охотничим промыслом и имел двух коней: одного для промысла, другого для езды. Однажды, когда он был на промысле, его стойбище разорил хан Дье́лбис Сокор, который при этом еще похитил сестру Кокин Эркея. Богатырь отправляется на поиски сестры. По дороге он попадает в ханские дворцы, где происходят пиры. Ханские девушки, очарованные видом богатыря, сами поочередно предлагают ему руку и сердце. Но Кокин Эркей гордо отказывает ханским девицам и стремится только скорее отыскать сестру. На своем пути он догоняет караван, состоящий из 200 верблюдов, нагруженных мясом и аракой.

Этот эпизод, выражавший демократическую идеологию былины, изложен в ней следующим образом. Кокин Эркей спрашивает:

Кому это мясо, на пир какой?
Люди, ведущие караван,
Так отвечают ему: «Наш хан
На полосатом коне, как барс,
Нами владеющий Боро-Телтей
Дочери свадьбу справляют своей,

На той великий призвал он нас,
На свадьбу все мы должны идти,
Дары дорогие ему везти». Сказал богатырь: «Вот так всегда, Хану веселье — народу беда»³¹.

Узнав от своего железно-чубарого коня, где находится его сестра, Кокин Эркей отправляется за ней в подземный мир и по дороге встречает богатыря Анчи Мергена, жениха сестры Кокин Эркея. Анчи Мерген рассказывает о себе:

В раннем детстве я стал рабом.
Жил я у бая, ходил за скотом.
Тяжкая доля мне стала невмочь...³²

Богатыри отправляются в дальнейший путь вместе. Они одерживают блестящую победу над ханом Дье́лбис Сокором и освобождают зависимый от него народ.

Из плена вырученный народ
Вокруг дворцов, у реки живет.
Ни солнца не видевшие, ни луны,
Люди были худы и бледны.

Невольников прежних не узнает.
Кокин Эркей подъезжает, и вот
Их лица румянцем теперь горят,
Веселые игры кругом шумят³³.

В былине «Кан Толо» сборника «Алтай Бучай» фигурирует Саныс-хан, который

Много крови народной выпил,
Съел чужого труда.

³⁰ Сборник «Алтай Бучай», стр. 117.

³¹ Там же, стр. 135—136.

³² Там же, стр. 141.

³³ Там же, стр. 147.

Кан Толо побеждает Саныс-хана и других врагов, и на Алтае воцаряется спокойствие.

На Алтай бело-синий война
С той поры не заходит с мечом кровавым,
И без ханов там счастливо зажил народ.

В былине «Ескюс-Уул» (того же сборника) герой — пастух, который живет в тяжелых условиях у злого бая. Он борется с баем с помощью своей жены и выходит победителем.

Такие же по своей социальной направленности и былины сборника «Малчи Мерген».

В былине «Малчи Мерген» говорится о злом бае Айбычи:

Горы богатств накопив, В шестиугольном аиле, Узорной кошмой крытом, Айбычи бай жил. Шестьдесят кюдючи Табуны коней его стерегли. Пятьдесят чабанов	За отарами бая ходили. Тридцать пастухов Стада бая пасли, Богатые пастбища выбирая, В горах дни свои проводили, От хищников скот сберегая, Ночами глаз не смыкали ³⁴ .
--	---

Среди пастухов нашелся один, который осмелился сказать:

На пятках моих от ходьбы Кожа совсем износилась, Силы в ногах не стало. Чтобы овцы отары	На новые пастбища перегнать, Хотя бы плохонького коня Мне, бедному, дали... ³⁵
---	---

За эти слова бай приказал своим людям перебить ноги пастуху. Пастух едва не погиб и спасся благодаря «живой траве», которую он съел, и сделался богатырем. После этого ему удалось жениться на седьмой дочери Арслан-хана, прельстившейся его пением. Шесть богатых знатных связок и грозный хан-тэстэй ненавидят Малчи Мергена и пытаются его погубить. Однако Малчи Мерген, как и Когутэй, побеждает всех их и заявляет врагам:

Над тем, кто не издевался, Вы издеваться вздумали — Смертью за это поплатитесь.	Того, кто ближних не унижал, Вы коварно унизили — Головами за это ответите ³⁶ .
---	--

В былине «Сай-Солонг» свирепый хан Карагула отнимает зверей у бедного охотника Карадая и избивает его. Сын потерпевшего вступает в борьбу со страшным ханом и, одолев его, говорит:

Старого человека ты обижаешь, Где твой ум? Чужую добычу присваиваешь, Где твоя совесть? Ты, наверное, думал:	В рваной шубе бедняка Не вырастет храбрый богатырь, Под старым потником Не вырастет богатырский конь ³⁷ .
--	---

Расправившись с ханом Карагулой, богатырь Сой-Солонг не польстился на его богатства и его народ. Он сказал только:

³⁴ Сборник «Малчи Мерген», стр. 17.

³⁵ Там же, стр. 18.

³⁶ Там же, стр. 46.

³⁷ Там же, стр. 174—175.

Чужая шуба дурно пахнет,
Чужой конь всегда потеет.
Никого из людей
Карагула
К себе не возьму.

С этими словами богатырь отправился в путь. Однако сила и благородство Сай-Солонга привлекли к нему симпатии освобожденных, и поэтому

Через короткое время	По своей охоте
Народ убитого хана,	Вслед за богатырем
Необозримые стада его	Кочевать пошли.

Приведенных ссылок вполне достаточно, чтобы убедиться в демократическом содержании алтайского героического эпоса, следовательно, и в его народном происхождении. Народный характер алтайского эпического творчества подчеркивается также образом главных героев-богатырей, анализ которого хорошо и убедительно дан А. Л. Коптеловым в его вводных статьях к обоим сборникам. Теперь уже нельзя сказать, что алтайские богатыри изображаются в былинах «бледными штрихами», как это определил Н. Дмитриев. Напротив, образ алтайских богатырей обрисован в них четко и живописно.

«Богатыри, — пишет Коптелов, — могучие, храбрые, беззаветно преданные своему народу и безгранично любимые им, стоят на страже родной земли. Они любят труд — охоту, рыбную ловлю, пастьбу скота. Они ни на кого не нападают, ни с кем не затевают войны»³⁸. Однако, если враг (обычно это злые ханы и реже злые духи и божества) напал на их землю, угрожает их народу, алтайские богатыри первые немедленно дают отпор, никогда не отступая перед опасностью, не страшась превосходящей силы врага, и всегда побеждают. Помощниками алтайских богатырей, кроме коня или верного друга, часто бывают простые люди (старики, девушки и т. д.). Алтайские богатыри беспощадны к врагу. Они прекращают борьбу только тогда, когда враг уничтожен, народ освобожден и возвращается к трудовой жизни, счастью и веселью. Торжество по случаю победы является общенародным, сопровождается таким ликованием, что и природа не остается к нему равнодушной и включается в общее веселье.

В небе солнце смеялось,
Луна над горами плясала,

— так говорится в концовке одной из таких героических былин.

Моральный облик алтайских богатырей высок и чист. Большинство богатырей «не только бессмертны, но и вечно молоды. В них олицетворен трудовой народ. Наиболее ярким примером этого олицетворения является самый любимый богатырь Алтай Бучай. Об этом свидетельствует первая часть его имени, являющаяся древним именем народа. В образе Алтай Бучая мы находим черты алтайца-кочевника, хорошего скотовода и отличного зверолова. Алтай Бучай несет в себе все лучшие качества своего народа. Он вольнолюбив, кристально честен, храбр и непоколебим в бою»³⁹.

Таким образом, в сборниках Н. Улагашева представлены произведения эпического творчества рядовых алтайцев-кочевников и звероловов. В них не только отражено угнетение алтайцев феодальной верхушкой, но и выражены (в борьбе и победах богатырей над ханами и баями) мысли, желания, надежды и стремления простых кочевников,

³⁸ Сборник «Алтай Бучай». Вводная статья А. Коптелова «Н. У. Улагашев и иротский народный эпос», стр. 25—26.

³⁹ Там же, стр. 27, 28. Ср. сборник «Малчи Мерген», стр. 9—11.

уже осознавших социальное неравенство и несправедливость. Угнетение рядовых алтайцев-кочевников и звероловов феодальной верхушкой вызывало в их среде настроения протеста, стремление к борьбе. Однако в конкретных исторических условиях борьба против угнетателей не могла принять активной организованной формы и в лучшем случае сводилась к пассивному сопротивлению жестокой эксплуатации, к откочевке целых родов или групп семей в глухие, трудно доступные места Алтая, где бежавшие рассчитывали найти спасение от угнетателей. Не видя выхода из невыносимо тяжелого положения в реальной жизни, простые кочевники давали простор своим настроениям, надеждам и мыслям в устных эпических творениях.

Демократическая сущность алтайского героического эпоса, его народное происхождение вовсе не теряют своего значения от того, что изредка алтайские богатыри называются ханами, по-алтайски «каан», или биями. А. Л. Коптелов, обративший внимание на это, очень хорошо показал, опираясь на исследования акад. Ю. Соколова и привлекая алтайский этнографический материал, что здесь мы имеем дело с поэтизацией образов народных героев, подобно тому как в русском фольклоре народные герои именуются царевнами, королевичами, князьями и т. д. «Свидетельства принадлежности персонажей поэм к тому или иному лагерю следует искать не в слове «кан», а в делах и поступках богатыря», — резонно замечает по этому поводу А. Л. Коптелов⁴⁰.

Все изложенное по поводу социального содержания алтайского эпоса не следует, конечно, понимать таким образом, что героический эпос у алтайцев, как и у других кочевников, должен быть только демократическим. В действительности у алтайцев встречаются народные эпические произведения в зайданско-байской феодальной редакции или же созданные представителями этой аристократической верхушки, отражающие ее идеи и чаяния. Но такие былины, вопреки Б. Я. Владимирову, отнюдь не совпадают с мыслями, идеалами и ожиданиями рядовых скотоводов-кочевников. С этой точки зрения А. Коптелов правильно проводит различие между теми произведениями, которые проходили, по его выражению, «байскую цензуру», и «заветным народным эпосом», который исполнялся на пастушьих стоянках и у охотничьих костров, который оставался незаписанным и стал известен только после Октябрьской революции⁴¹.

В течение моих двадцатилетних систематических поездок по Алтаю не раз приходилось встречаться с вариантами содержания даже одного и того же сказания, в зависимости от социальной среды, где бытовало это предание. Так, например, в байских аилах Онгудайского аймака я слышал (1927) сказание об Ойрот-хане, где его царство представлялось в виде «золотого века», а сам Ойрот-хан — в виде покровителя и будущего спасителя алтайцев. А на охотничьих станах в тайге близ Телецкого озера мне довелось слышать (1931—1932) про невыносимо горькую и тяжелую жизнь во времена Ойрот-хана (Ойрот-хан тужында), когда трудящиеся скотоводы и охотники разорялись от непосильного «алмана» (натуральные повинности) и подвергались пыткам и издевательствам со стороны чиновников Ойрот-хана.

Подводя итог сказанному, замечу, что анализ содержания позволяет окончательно решить вопрос о социальном происхождении героического эпоса кочевников Алтая. Теперь ясно, что алтайский героический эпос может быть точно отнесен к определенной социальной среде, именно к демократической, народной среде.

⁴⁰ Сборник «Алтай Бучай», стр. 31—32.

⁴¹ А. Л. Коптелов только слишком обобщает и тем самым упрощает характер дореволюционных записей фольклора у алтайцев, находя, что они записывались лишь в байских юртах или только под байской цензурой.

Не менее важно решить вопрос и о времени сложения алтайского героического эпоса, представленного в новой публикации. Сложился он в основном в период господства на Алтае западных монголов или ойратов (XV—XVIII вв.), хотя содержит в себе следы более ранних эпох и позднейшие наслоения.

Основным доказательством правильности приведенной датировки нужно признать сохранение в алтайском эпосе хорошо известных исторических имен, главным образом крупных ойратских ханов и тайши, господство которых распространялось на Алтай. Из наиболее древних является имя ойратского хана Эсения или Эзеня, убитого в 1453 г. Он упоминается в фольклоре телеутов. Однако наиболее распространенным именем в алтайском эпосе является имя хана Хара-Хула или, в алтайском звучании, Карагула-хана. Карагула, как и его далекий предок Эсень, происходил из ойратского племени Чорос и прославился в начале XVII в. своей активной борьбой за объединение ойратских племен в западномонгольское или джунгарское государство. Он был знаменитым ойратским или калмыцким князем. Позднее калмыцкие крупные феодалы, кочевавшие по р. Или, вели от него свою родословную⁴². Карагула часто выступает в алтайских былинах уже как злая сила, как мифическое чудовище и переводится на русский язык словом лев⁴³.

Г. Н. Потанин по этому поводу выдвинул целую гипотезу, в которой доказывал, что для обозначения льва это слово стало употребляться у алтайцев в позднее время, а первоначальное значение его было медведь⁴⁴. На деле же алтайский эпос сохранил под этим термином имя знаменитого в свое время хана Карагула.

В былине «Сай-Солонг», записанной от Улагашева, Карагула сохранил свой первоначальный образ. Это не аморфная темная сила и не мифическое чудовище, а грозный хан, который

Много крови народной пролил,
Много богатырей погубил.

Он выступает здесь собственником больших охотничьих угодий, в которых запрещает охотиться беднякам, и, если застает их за этим занятием, отбирает пушнину, а самих охотников жестоко избивает. В былине отражена собственность ойратских феодалов на землю, зафиксированная в законодательстве ойратов, дошедшем до нас⁴⁵.

В былинах Улагашева фигурирует Алтын-хан — реальное историческое лицо, жившее в начале XVII в., владетель северной части Цзасак-тухановского аймака Омбо Эрдени, хорошо известный по русским историческим документам XVII в. Алтын-хан — современник и военный противник Карагулы-хана, которому он наносил поражения. В былине «Алып-Манаш» упоминается Кыргыз-хан — это память о кыргызах, еще в XVII в. живших на Енисее и облагавших данью северных алтайцев, которых кыргызские князья называли своими «кыштымами» (данниками). В былине «Ак-Тойчи» мы встречаем имя хана Галдана (ум. в 1679 г.) — внука Карагулы-хана. Он выступает здесь как Калдан-Поко.

⁴² См. Г. Миллер, История Сибири, т. II.

⁴³ См. «Грамматика алтайского языка», Казань, 1869. Приложения. Русско-алтайский словарь, стр. 48; Алтайско-русский словарь, составленный П. Тыдыковым, Ула-ла, 1926, стр. 52.

⁴⁴ «Очерки Северо-Западной Монголии», т. IV, СПб., 1883, стр. 769. К мнению Потанина присоединился и А. Л. Коптелов в примечаниях, сделанных им к былине «Ак-Тойчи».

⁴⁵ Имею в виду монголо-ойратские законы, принятые на съезде монгольских феодалов. Об этом см. Ф. И. Леонтьев, К истории права русских инородцев. Древний Монголо-Калмыцкий или Ойратский устав взысканий, Одесса, 1879; К. Ф. Голстунский, Монголо-Ойратские законы 1640 г., СПб., 1880; В. А. Рязановский, Обычное право монгольских племен, Харбин, 1924.

В записях Потанина находим имя Кара-хан, а в других — более распространенный синоним его — Караты-хан, реже Арслан-хан. Это тоже историческая фигура. Речь идет о лице, которое у калмыков, да иногда и у алтайцев выступает под именем Шуна.

Им весьма интересовалось правительство царицы Елизаветы Петровны. Краткая его история, по русским письменным документам, такова. Он выдавал себя за одного брата джунгарского хана Галдан Церена (ум. в 1745 г.). Еще при жизни их отца, хана Цеван-Раптана, к которому ходило известное посольство от Петра I, возглавленное капитаном Ив. Унковским, Шуна высказывал претензии на джунгарский престол, хотя был моложе Галдана. Этим он вызвал недовольство отца до такой степени, что был вынужден бежать на Волгу к калмыцкому хану Аюке (ум. в 1742 г.). Когда Галдан Церен сделался джунгарским ханом, он потребовал у Аюки-хана выдачи Шуны. Шуна под именем Карасакала бежал в Россию. Побывав в Москве и Петербурге, он оказался затем в Башкирии, где и произвел известное восстание в 1740 г. Восстание было подавлено генералом Бахметовым, но Карасакал бежал в казахскую степь. В 1745 г. он кочевал близ верховий р. Сарысу, именуя себя Кара-ханом, хотя казахи называли его также Карасакалом. В алтайском эпосе он рисуется с большой черной бородой, очевидно, отражая имя Карасакала, что буквально значит «чернобородый».

Приведенных имен вполне достаточно, чтобы датировать известный нам алтайский эпос ойратским временем, хотя перечень этот можно было бы продолжить (Амыр-Сана, Ойрот-хан и др.). Впрочем, наши доказательства можно дополнить еще ссылкой на существование у алтайцев собственного варианта Джангара (по-алтайски Дъянгар), датировка которого общепризнана и укладывается в указанные нами исторические рамки⁴⁶. Но о Дъянгаре следует сказать дальше, в другой связи. Здесь же обращаю внимание на то, что социальное содержание алтайского эпоса сложилось в обстановке господства западных монголов или ойратов, которую оно и отражает. Алтайские племена не жили самостоятельной политической жизнью по крайней мере с XIV в. Будучи насильственно включены в государство монголоязычных завоевателей, они находились в полной политической и экономической зависимости от ойратских феодалов всех рангов: от хана до сборщика алмана. Алтайские племена подвергались систематическим грабежам и насилиям, о которых красноречиво свидетельствуют русские исторические документы XVII и первой половины XVIII в. Культура и быт алтайцев в результате господства ойратов пришли в такой упадок, какого еще не знала их история. И только то обстоятельство, что алтайские племена жили компактными массами, изолированными от ойратов, помогло им сохранить свой язык, свои первобытные верования, отсталую, но своеобразную культуру и не раствориться в монголо-ойратской среде.

Однако описываемое положение алтайцев не относится к их родоплеменной верхушке, которую административный аппарат западномонгольских феодалов использовал в своих целях, включил в свою систему. Административные деления алтайцев (аймак, дючина), термины управителей (зайсан, демичи, шуленга и т. п.) получены ими от ойратов. Ойратские феодальные порядки, сращивание алтайской родо-племенной верхушки с ойратским феодальным классом дали сильный толчок к социальному расслоению непосредственно в среде алтайских племен, к развитию у них ранних форм феодальных отношений, тесно переплетавшихся с патриархально-родовыми отношениями. Все это вполне объясняет социальное содержание и направленность алтайского эпоса, не-

⁴⁶ С. А. Козин, Джангариада, М.—Л., 1940, стр. 88.

смотря на то, что сами алтайцы не достигли развитых форм феодализма.

Алтайский эпос, в основном синхроничный дошедшему до нас редакциям киргизского Манаса и узбекского Алпамыса, сложившимся на фоне борьбы этих народов с агрессией джунгарского государства XV—XVII вв., несет в себе многочисленные остатки весьма ранних исторических эпох. Как хорошо известно, устное народное творчество обладает способностью, подобно народному изобразительному искусству, сохранять в себе древние элементы на протяжении тысячелетий. Фольклор тюркских племен и народов в этом отношении не представляет исключения. Большая архаичность дошедшего до нас тюркского героического эпоса, устойчивость его традиции доказаны документально. В последнее время это сделано на образцах туркменского эпоса⁴⁷.

В алтайском эпосе это особенно наглядно выступает в сюжетной тематике. Сюда относятся такие сюжеты, как борьба героя с мифическим чудовищем (многоголовая змея, крылатый бык и т. п.), подвиги богатырского коня, героическое сватовство, состязание женихов, появление мужа на свадьбе своей жены и многие другие. Этнографы могут найти в них яркие следы тотемизма и матриархата. В былине «Ак-Тойчы» воспитателем и покровителем героя является белый волк, который в конце повествования чудесно превращается в родного старшего брата героя. Белый волк, желая сохранить Ак-Тойчы от злого Эрлика, уносит Ак-Тойчы, еще грудным ребенком, к себе в пещеру. Он кормит своего питомца, приводя из тайги диких маралух, молоко которых сосал ребенок и от этого необычайно быстро мужал и наливался богатырской силой.

В этом сюжете ясно слышится отзвук древнейшей тотемистической легенды, общей для тюрок и монголов, о происхождении тех и других от волка. Китайские летописи сохранили эти легенды в очень древней редакции. Китайские хронисты в V в. записали легенду о происхождении уйголов (гаогуй) от волка и дочери одного из гуннских предводителей (шаньюя), отражающую также представление о кровной связи с волком и самих гуннов⁴⁸. Столетием позднее китайцы зафиксировали легенду о спасении родоначальника древних тюрок, происходившего из гуннского поколения, пощаженного в десятилетнем возрасте врагами. Враги оставили его в живых, но с отрубленными ногами и руками, а волчица выкормила его и жила с ним. Проведав о чудесном спасении юноши, враги убили его, а волчица удалилась в Алтайские горы (Алтай здесь нужно понимать в широком географическом смысле), где укрылась в пещере и родила десять сыновей, от которых пошли древние тюрки⁴⁹.

В знаменитом «Сокровенном сказании» монголов XIII в. приводится легендарное сообщение о происхождении рода Чингис-хана от серого волка и маралухи⁵⁰.

Я не буду здесь ссыльаться на обширную литературу, посвященную вопросу о почитании волка у тюрок и монголов⁵¹, а обращу внимание на то обстоятельство, что алтайская былина «Ак-Тойчы» соединяет

⁴⁷ Е. Э. Бертельс, К вопросу о традиции в героическом эпосе тюркских народов, «Советское востоковедение», IV, М.—Л., 1947.

⁴⁸ Иакин ф. Сборник сведений о народах Средней Азии, обитавших в древние времена, ч. I, СПб., 1851, стр. 249.

⁴⁹ Иакин ф., Указ. раб., стр. 256—257; ср. St. Julien, Documents historiques sur les Tou-kioue (Turcs), «Journal Asiatique», 1864, № 10, стр. 326.

⁵⁰ С. А. Козин, Сокровенное сказание. Монгольская хроника 1240 г. под наимением Юань-Чао-Би-Ши, Монгольский обыденный изборник, т. I, М.—Л., 1941, стр. 79.

⁵¹ Она приведена довольно полно в работе В. А. Гордлевского, Что такое босый волк (к толкованию «Слово о полку Игореве»), «Изв. Акад. Наук СССР», Отделение языка и литературы, т. VI, вып. 4.

характерные черты тюркских и монгольского вариантов древнейших то-темистических легенд (воспитание героя волком в пещере, питание его молоком маралухи и т. п.).

Черты былого матриархата явственно выступают в тех былинах, где героем является не богатырь, а богатырша-девушка или женщина. Такова младшая дочь старика Олокшина из былины Аин Шайн Шикширге, которая потом превращается в юношу. Эта былина опубликована в известном «Аносском сборнике». В большей степени это относится к богатырше Алтын-Тууди, совершающей ряд подвигов, не уступающих по силе и общественному значению мужским подвигам, побеждающей даже самого Эрлика. Богатырша Алтын-Тана из былины «Кара-Маас»⁵² отважно борется с восьмиглазым чудовищем Боодыи Бурханом и побеждает его. Сюжет борьбы женщины с мифическим чудовищем, с олицетворением злых сил, древнее аналогичного сюжета, где фигурирует мужчина. Он уводит нас в эпоху материнского рода и тотемистических представлений.

Кроме былин, в которых главным героем является богатырша, в ряде алтайских былин женщина в качестве жены или сестры принимает активное участие в борьбе с врагами мужа или жениха и совершает чудесные подвиги. Такова, например, Байм-Сур из былины «Ко-зын-Эркеш», которая борется с врагами плечом к плечу с мужем и разит их ножницами, или Алтын-Туулай из поэмы «Ескюс-Уул», заменившая мужа в трудном походе против могучего злого властелина подземного мира — Эрлика.

Напрасно Г. Н. Потанин пытался объяснить подобные сюжеты, встречающиеся также в монгольском и казахском эпосе, женской мистичностью. В алтайском эпосе такие поступки ни в какой степени не мотивированы чувством мести. Героизм женщины, как и ее высокое положение в обществе и семье, нужно рассматривать как отражение в эпосе ранних стадий эпохи родового строя, когда положение женщины в реальной жизни общества было именно таким⁵³.

К ранним пластам алтайского эпоса следует отнести и древние формы брака, встречающиеся в некоторых былинах. Таков брак братьев Ароная и Шароная в былине «Алтай Бучай», женившихся одновременно: один на матери, другой — на дочери, и др.

Теперь рассмотрим героический эпос алтайцев по отношению к эпосу ряда других народов, как соседящих с алтайцами, так и отдаленных от них, но имеющих с ними общее историческое прошлое. Для того чтобы подробно изложить этот вопрос, требуется специальная работа. Я попытаюсь здесь осветить его кратко, только в некоторых основных и новых моментах. В качестве предпосылки необходимо указать на сложный процесс этногенеза современных алтайцев, этническая консолидация которых завершается только в наши дни. Это обстоятельство объясняет многие связи алтайского эпоса с эпосом других народов, так как алтайский эпос создавался в сложной этнической среде, все время находившейся в движении, и отражал переплетение различных этнических элементов, участвовавших в этногенезе алтайцев. Поскольку речь все время идет о героическом эпосе южных алтайцев, я укажу на некоторые главные моменты их этногенеза, по данным моих исследований.

Современные южные алтайцы появились в результате разнообразных и сложных этнических скрещений, возникших в процессе длительного исторического развития. На различных этапах этого развития этнический состав алтайцев менялся, но культурная преемственность между алтайскими племенами сохранялась. Одним из ранних и узло-

⁵² Сборник алтайского эпоса «Темир-Санаа», Новосибирск, 1940, стр. 268.

⁵³ А. Коптелов удачно и впервые дает обобщенный образ женщины в алтайском эпосе и близок к правильному толкованию его.

вых моментов в этногенезе алтайцев явились консолидация различных тюркских племен на Алтае (и в прилегающих к нему районах) в период тюркского каганата, в VI—VIII вв.

Однако нельзя считать современных алтайцев прямыми потомками древних тюрок Алтая, несмотря на то, что в родо-племенных названиях их сохранился ряд этнонимов этих тюрок в качестве наименования больших племен и народов (кыпчак, тиргеш, телес и др.), а в современной культуре сохранились элементы культуры древних алтайских тюрок (особенно в религиозных представлениях и культе), известных нам в описании китайской династийной хроники Танского времени (VII—VIII вв.). Как в период политической жизни тюркского каганата, так и в последующие за ним этнический состав алтайских племен изменился. Эти изменения происходили в основном в рамках тюркоязычной племенной среды по крайней мере до XI—XII вв.

С указанного времени в этногенетическом процессе алтайских племен начинают играть существенную роль монгольские племена, в частности найманы, господство которых в XII в. распространялось на Алтай. Еще большей интенсивности монгольское влияние достигает в XIII в. в связи с образованием государства Чингис-хана.

Следующей важнейшей фазой этногенеза алтайцев, с которой непосредственно связано происхождение современных южных алтайцев, явился тот интенсивный исторический процесс тюркского этногенеза, который протекал с XI по XV в. на обширных пространствах степей от Алтая до Крыма и Дуная и в результате которого в основном сформировались такие народы, как современные узбеки, кара-калпаки, ногайцы, казахи и др.

Как известно, тюркский каганат весьма способствовал продвижению тюркоязычных племен на запад. Степи Западной Сибири, Казахстана, северного Приаралья и Прикаспия, южнорусские степи до северного Причерноморья, Крыма и Дуная включительно оказались в сфере влияния многочисленных кочевых тюркоязычных племен. Из них наиболее сильными оказались на некоторое время союзы тюркских племен в степях Приаралья и Прикаспия под главенством печенегов (X—XII вв.) и особенно кыпчаков в южнорусских степях. Известные во времена тюркского каганата на Алтае, а в половине XI в., по данным мусульманских авторов (Гардизи), на Иртыше, кыпчаки выступают в XII и начале XIII в. в качестве кратковременной, но крупной политической силы. Известно, что в мусульманских источниках большие степные пространства, на которые распространялось господство кыпчаков, носят название Дешт-и-Кыпчак. Сами кыпчаки в это время становятся известными русским под именем половцев (в византийских хрониках под именем команов). Монгольское государство Чингис-хана положило конец политическому господству кыпчаков. В 30-х годах XIII в. политическими хозяевами Дешт-и-Кыпчака становятся монголы. Внук Чингис-хана Бату основывает здесь новое государство, получившее название в восточных источниках Улуса Джучия, по имени старшего сына Чингис-хана, а в русских — Золотой Орды.

С образованием Джучиева улуса процесс тюркского этногенеза осложнился сильным монгольским влиянием. Однако в основе его по-прежнему лежали различные комбинации тюркоязычных племен, хотя и в соединении с другими и прежде всего монгольскими. Тюркоязычный субстрат этого процесса выступает и в том общеизвестном факте, что даже литературным языком в Улусе Джучия был тюркский язык с наличием в нем кыпчакских языковых элементов, не говоря уже о наименовании кочевых племен, населявших степи, где эти кыпчакские элементы преобладали.

Кыпчакские тюркоязычные племена в смешении с монгольскими явились той этнической основой, на которой сформировался в процессе

распада Улуса Джучия ряд известных тюркских народов: узбеки, кара-калпаки, ногайцы, казахи, алтайцы и др. Этим объясняется другой широко известный факт, что в родо-племенном составе этих народов, живущих уже в течение многих веков на далеком расстоянии друг от друга, до последнего времени можно было найти одни и те же названия (Кыпчак, Найман, Меркит или Буркут и др.). Вполне понятно также отсюда и то, что эпическое творчество времени Улуса Джучия, сохранившееся в Крыму, у ногайцев Северного Кавказа, у казахов (например, сказания об Едиге, Чара-Батые, Тохтамыше), известны и в районе Алтая⁵⁴.

Таким образом, историческими предками современных алтайцев следует считать кыпчакские тюркоязычные племена, также сложные по своему этническому составу, которые оказались на Алтае в результате распадения Улуса Джучия. Эти ближайшие исторические предки современных алтайцев продолжали смешиваться на Алтае особенно интенсивно с различными западномонгольскими племенами и в меньшей степени с самодийскими и угрскими племенами, значительная часть которых была тюрканизирована еще со времен тюркского каганата.

Этническое развитие алтайцев с XV в. протекает под знаком западномонгольского влияния, наложившего сильный отпечаток на всю жизнь алтайцев, длившегося до половины XVIII в., т. е. до момента разгрома Джунгарии Китаем и включения алтайцев в состав русского государства (1756). Стало быть, современные южные алтайцы, относящиеся в языковом отношении вместе с казахами, ногайцами, киргизами, татарами и другими народами к северо-западной или кыпчакской группе тюркских наречий, по своему этническому происхождению вовсе не могут рассматриваться как «чистые тюрки», да еще как потомки древних — алтайских — тюрок. В действительности они являются продуктом долгого и сложного этнического смешения, в котором большую роль сыграл монгольский компонент, а также и другие этнические элементы Саяно-Алтайского нагорья.

Отсюда необходимо учитывать, что алтайский эпос содержит в себе не только наследия различных исторических эпох, но также черты эпоса, характерного для отдельных племен и народов, участвовавших в процессе этнического образования алтайских племен, и может явиться сам по себе одним из источников для изучения этногенеза алтайцев. Длительная общая жизнь их с различными монгольскими племенами, участие монгольских племен, особенно западных, в этногенезе алтайцев, в результате чего у современных алтайцев образовались сеоки: Монгол, Найман, Чорос, Тербет и др., — естественно наложили отпечаток на алтайский эпос. На близость его в некоторых отношениях к монгольскому указывал Н. К. Дмитриев. Особено много указаний на параллели алтайского и монгольского эпоса мы находим в различных работах Г. Н. Потанина. Приведенные выше материалы по этногенезу южных алтайцев вполне разъясняют эти факты, опровергая концепции либерально-буржуазных компаративистов.

Как правило, эпические произведения алтайцев и ряда монгольских племен, создаваясь в процессе длительной исторически совместной жизни, черпали свои сюжеты, фабулы, образы, отдельные имена из общей исторической обстановки, что и приводило к значительной общности в характере этих произведений. Лучшим доказательством этого является еще не известный в литературе факт бытования у алтайцев эпического цикла «Дынгар», о котором мы узнали от Н. Ула-

⁵⁴ Ср. также былину «Ак Кобок», записанную у алтайцев (в трех вариантах), у барабинских и тобольских татар В. Радловым; у южных хакасов по р. Абакану — Н. Катановым и у ногайцев б. Ставропольской губернии — П. А. Фалевым (см. Сборник Музея антропологии и этнографии при Акад. Наук, т. V, вып. I, Петроград, 1918, стр. 189—196).

гашева при посещении его в 1942 г. Это — факт крупного научного значения, ибо речь идет, видимо, об алтайском варианте калмыцкого цикла «Джангар» (в звучании алтайского языка Дъянгар).

Общеизвестно, что «Джангар» является эпосом западномонгольского племени торгоутов, что калмыки-торгоуты, или ойраты, принесли этот цикл на Волгу в XVII в. из районов Алтая, откуда они начали свой далекий путь под предводительством Хо-Орлюка в начале XVII в.

Можно ли в этом случае говорить о заимствовании алтайцами этого былинного цикла от тех западных монголов, от которых их с начала XVII в. отделяет пространство в несколько тысяч километров? Можно ли говорить о таком заимствовании алтайцами эпоса ойратов, если принять во внимание, что другие западномонгольские племена, оставшиеся жить на территории Северо-Западной Монголии, одноязычные с ушедшими, не знают этого цикла былин, он у них не бытует? Наконец, можно ли вообще говорить о заимствовании с чужого языка целого эпического цикла, состоящего в данном случае у алтайцев из 9 былин? Ответ на такой вопрос может быть только отрицательным.

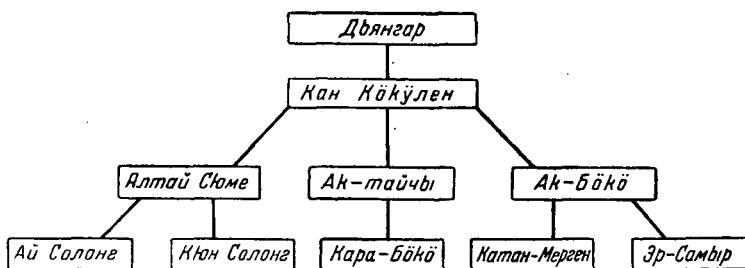
Следовательно, нужно признать существование алтайского варианта «Дъянгар», повидимому, более архаичного, чем калмыцкий «Джангар», в пользу чего я несколько дальше приведу аргументы. Из них будет видно, что алтайский «Дъянгар» возник в более раннее время, чем «Джангар», и разрабатывался тюркоязычными алтайскими племенами самостоятельно.

Н. Улагашев сообщил, что у алтайцев цикл, посвященный Дъянгару и его сыновьям, включает девять былин. Относительно былины «Дъянгар» он рассказал, что ее, как ему известно, пели два сказителя. Один из них был теленгит Лепет, а другой — алтаец по имени Йолбанак. Ссылаясь на свидетеля — кумандинца Тоноша, проживавшего в Улале (ныне г. Горно-Алтайск), Улагашев упомянул, что эту былину от теленгита Лепета записал «поп Степан, который писал ее три дня и потом похвалил Лепета». Сказитель Йолбанак жил в верховьях р. Белого Ануя (по-алтайски Иалангай). Он часто приезжал в алтайские айлы в верховьях р. Песочной, где пел эту былину и где ее слышал отец Улагашева. Однако сам Улагашев знал «Дъянгара» только по отрывкам, слышанным им от кумандинца Тоноша в варианте сказителя Лепета. Н. Улагашев с большим уважением отзывался о «Дъянгаре» и сказал, что это самая древняя из всех алтайских былин, которая была создана, по его выражению, «когда земля с небом появилась». Он сообщил также, что богатырь Дъянгар жил у подошвы тайги Сумер Улан-Ак-Шибе. Таким образом, Улагашев вместе с названием священной горы буддистов — Сумер-Улан — употребил алтайский синоним Ак-Шибе, относящийся к более древней шаманской космогонии. На этой горе, добавил Улагашев, стояли 3 тополя, которые освещали Алтай днем и ночью серебряным светом, заменявшим свет солнца и луны. Дня и ночи тогда не было. Дъянгара не называли ханом, а именовали «Чекан Чокур атту — Дъянгар бий» — ездащий на белопестром коне Дъянгар-бий.

От Дъянгара пошло потомство: сын, внуки, правнуки. О каждом из них поют отдельную былину, из которых Н. Улагашев знал больше половины. В целом весь этот цикл состоял из следующих былин: 1) Дъянгар, 2) Кан-Кöкулен (сын Дъянгара), 3) Алтай-Сюме⁵⁵ (первый сын Кöкулена, внук Дъянгара), 4) Ак-Бöкö (второй сын Кöкулена, внук Дъянгара), 5) Ак-Тойчы (третий сын Кöкулена, внук Дъянгара), 6) Ай-Солонг, ай-чокур атту, т. е. Ай-Солонг, ездащий на лунно-пестром

⁵⁵ Былина «Алтай Сюме» записана у барабинских татар под названием «Алтай Саин Суме». Н. Улагашев лично эту былину знал только понаслышке, но не пел ее.

коне (первый сын Алтай-Сюме, правнук Дьянгара), 7) Кюн-Солонг, кун-чокур атту, т. е. Кюн-Солонг, ездащий на солнечно-пестром коне (второй сын Алтай-Сюме, правнук Дьянгара), 8) Эр-Самыр⁵⁶ (первый сын Ак-Бёкё и правнук Дьянгара), 9) Кара-Бёкё, таш-кара-атту — Кара-Бёкё, ездащий на каменно-чёрном коне (сын Ак-Тойчы, правнук Дьянгара). Весь цикл можно представить графически в виде следующей схемы:

Из перечисленных Н. Улагашев знал и пел былины: 1) «Кан-Кёкулен», 2) «Ак-Бёкё», 3) «Ак-Тойчы», 4) «Эр-Самыр», 5) «Кара-Бёкё». Самой большой из них он считал былину «Кара-Бёкё». В ее сюжете есть сходство с «Алтай-Бучаем». В «Алтай-Бучаем» изменницами оказываются жена и дочь богатыря, а в «Кара-Бёкё» — мать и сестра. При этом Улагашев пояснил, что мать богатыря Кара-Бёкё была родной дочерью Эрлика и не хотела, чтобы богатырь жил на Алтае. Оттого, что мать богатыря Кара-Бёкё (жена Ак-Тойчы) была дочерью Эрлика, «у них порода изменилась», подчеркнул Улагашев, имея в виду линию потомства внука Дьянгара — Ак-Тойчы (третьего сына Кёкулена).

Цикл былин «Дьянгар» у алтайцев не только не опубликован, за исключением былины «Ак-Тойчы»⁵⁷, но, к сожалению, и не записан от Н. Улагашева. Более того, большинство былин этого цикла не помечено в репертуаре Улагашева, опубликованном А. Коптеловым. Это — большая потеря для науки, хотя, может быть, и не непоправимая, так как теперь, когда стал известен этот цикл, возможно, его удастся записать от существующих сказителей, если не полностью, то хотя бы в пересказе содержания этих былин.

Несмотря на то, что подавляющее большинство былин этого цикла нам еще не известно, все же можно высказать предположение не только о самостоятельности алтайского «Дьянгара», но и о большей древности его по сравнению с одноименным калмыцким циклом. В пользу нашего мнения можно привести пока следующие доводы. Во-первых, алтайский вариант построен на кровнородственной генеалогической связи героев былин этого цикла, характерной для родового строя, в то время как в калмыцком варианте герои цикла связаны со своим ханом Джангаром личной зависимостью от него или личной близостью к нему. В обоих случаях каждая былина цикла является в то же время самостоятельным сказанием, и, если в калмыцкой версии в каждой былине так или иначе фигурирует Джангар, то в алтайской связь цикла определяется только родственным отношением к другим героям этого цикла.

⁵⁶ У Кара-Бёкё было 2 сына: 1) Эр-Самыр, 2) Катан-Мерген. Про Катан-Мерген, по словам Улагашева, былины нет.

⁵⁷ К сожалению, мы не успели выяснить некоторое противоречие между приведенным рассказом Н. Улагашева и опубликованной былиной «Ак-Тойчы». По публикации, Ак-Тойчы — сын Ак-Бёкё, а не брат, и женится он не на дочери Эрлика, а на дочери «Неба». Алтайского текста «Ак-Тойчы» мы не видели.

Во-вторых, судя по содержанию пока единственной известной нам из этих былин «Ак-Тойчы», она содержит в себе больше древнейших черт, чем какая-либо другая алтайская былина, как по линии сюжетной, так и по линии образов действующих лиц. Не говоря о ранних космических представлениях, отразившихся в былине о самом Дъянгере, как это нам известно из слов Улагашева («не было дня и ночи»), в былине «Ак-Тойчы», как уже говорилось, отражен тотемистический элемент о волке-воспитателе, кровном родственнике героя. Герой борется здесь не с угнетателями ханами, а с мифическими чудовищами: то с тридцатиголовой змеей, в борьбе с которой ему помогают семь красавиц-женщин, то с крылато-черным быком — ездовым животным и защитником главы подземного мира — Эрлика. Ак-Тойчы борется также с олицетворением злой силы в образе Эрлик-хана и его сына Темир-хана.

Не менее любопытен и другой древнейший сюжетный элемент — женитьба богатыря Ак-Тойчы на дочери Неба или небесного хана. Божество неба (Тенгри) широко почиталось древними тюрками Алтая и Монголии. Оно упоминается в орхонских каменописных рунических памятниках. Почитание его было распространено у казахов до принятия ими ислама, а у алтайцев сохранялось до недавнего времени. В «Ак-Тойчы» нет даже упоминания о буддизме, в то время как былины калмыцкого цикла «Джангара» пропитаны буддизмом. Наконец, осознание «Дъянгара» сказителем Улагашевым как древнейшей, едва ли не изначальной былины, созданной, по его словам, «когда земля с небом появились», должно быть принято во внимание и присоединено к нашим доводам.

Приведенная аргументация в пользу большей архаичности алтайского цикла «Дъянгара» по сравнению с «Джангаром», разумеется, не является основанием для гипотезы о заимствовании «Джангара» западными монголами от тюркоязычных алтайцев. Зарождение этого эпического цикла правильнее отнести к тому раннему историческому периоду (первые века до нашей эры), когда тюркские и монгольские племена восточной части Центральной Азии не только жили общей политической жизнью, объединялись общностью ранней кочевой культуры, но, возможно, еще не вышли окончательно из стадии общего развития их языка. В дальнейшем тюркоязычные и монголоязычные племена Алтая (в широком географическом смысле) разрабатывали этот эпос самостоятельно в своей различной языковой среде. Позднее, в силу определенных исторических причин, именно в связи с расцветом могущества ойратов, «Джангар» оказался особенно интенсивно разработанным монголами-торгоутами в период их феодального средневековья. Мы имеем в виду, что дошедшая до нас редакция торгоутской «Джангариады» сложилась в XV в. на базе более древнего сказания о Джангаре. Иначе обстояло дело у алтайцев. У них на почве политической и экономической зависимости от ойратов цикл «Дъянгара» не имел стимула к развитию по ойратскому образцу и поэтому сохранился здесь в более архаической форме.

Таким образом, тесная связь алтайского эпоса с монгольским не подлежит сомнению. Было бы целесообразно рассмотреть и показать в специальной работе с более широкими и общими задачами также близость монгольского и тюркского эпоса вообще, на основе анализа в первую очередь знаменитых памятников устного творчества тюрок и монголов, принадлежащих к лучшим произведениям мирового эпоса. Будучи оригинальными сами по себе, эти произведения в то же время содержат много общих, близких черт. Это относится как к идеям, насыщающим их, отражающим жизнь кочевников, достигших в своем общественном развитии ступени классовых отношений, так и к сюжетам, литературным признакам и приемам, если так можно выразиться, об устной традиции кочевников, относится ли это к обрисовке вдохно-

венных образов героев-богатырей, их чудесных подвигов, к сугубо реалистической обстановке кочевого быта или к форме стиха, его строфической композиции, аллитерации, параллелизмам, к словесному орнаменту произведений в виде поэтических эпитетов, метафор, гипербол, колоритному описанию природы и т. п.

Столь близкая связь многих произведений тюркского и монгольского эпоса неизбежно должна была возникнуть в силу связанности и общности исторического процесса тюрок и монголов, протекавшего на огромных пространствах, охватывающих территорию Северного Китая, Монголии, Тибета, Южной и Западной Сибири, Семиречья, Средней Азии, степей Приаралья, Прикаспия и Северного Причерноморья. Начиная с гуннского времени и по крайней мере до периода распада Улуса Джучия, тюркские и монгольские племена, объединенные общностью кочевой культуры, находились в постоянном контакте в самых различных его формах, как мирных, так и насилиственных. Многие из эпических произведений или из отдельных их эпизодов возникали и развивались в условиях общей исторической и политической жизни тюрок и монголов, черпались из общей обстановки, происходили из общего источника и разрабатывались сообща. Наряду с этим в таких условиях обязательно должен был происходить длительный взаимный обмен различными элементами материальной и духовной культуры, из числа которых эпические традиции имели широкое распространение. Вне этих перекрещающихся линий исторического процесса, как и процесса этногенеза тюрок и монголов, невозможно рассмотрение и правильное понимание генезиса многих явлений их культуры и особенно устных литературных произведений. Общность истоков эпических традиций тюрок и монголов может быть представлена настолько очевидно, что это исключает для обеих групп народов возможность претендовать на исключительную собственность и этническую чистоту своих устных творений.

Новые материалы по алтайскому эпосу в совокупности с тем, что известно о нем по старым публикациям, дают возможность выявить его теснейшие родственные связи особенно с эпосом ряда современных тюркских народов, например, казахов, киргизов, узбеков и др. У меня нет возможности остановиться на рассмотрении данного вопроса в таком объеме и привлечь к анализу киргизский эпос «Манас» или узбекский «Алпамыш», краткий вариант которого бытует у алтайцев под названием «Алып-Манаш», и др.⁵⁸ Я могу здесь вкратце осветить этот вопрос только в отношении казахов, к чему обязывает нас факт публикации ряда алтайских былин, вошедших в изданные сборники. Необходимо заметить, что на связь алтайского эпоса с казахским уже обращено внимание моими предшественниками, писавшими об алтайском фольклоре, однако это сделано не убедительно. Н. К. Дмитриев, например, отметил такое сходство еще до того, как науке стали известны алтайские былины, записанные от Н. Улагашева. Но он ограничился по этому вопросу только одной фразой, в которой говорится, что после

⁵⁸ Первые и весьма ценные данные об этом сообщает А. Н. Бернштам в статье «Эпоха возникновения великого киргизского эпоса «Манас» (Литературно-художественный альманах «Киргизстан», Фрунзе, 1946), с которой я имел возможность ознакомиться уже во время печатания настоящей работы. Исследователь указывает в «Манасе» на «туркско-алтайский комплекс преданий», вошедших в этот цикл «в киргизской сюжетной и стилистической обработке». Анализируя этот выдающийся памятник устного творчества, в котором «огромное место уделено Алтаю, как первой родине Манаса и его отца Джакыпа», привлекая обширный исторический материал из политической истории киргизов, связанной с их пребыванием на Енисее, А. Н. Бернштам датирует этот исторический пласт в «Манасе» периодом не позже VIII в.

9 Советская этнография, № 1

фольклора народностей, населяющих Присаянье, Якутию и монгольские степи, «ближе всего к алтайскому подходит киргизский и казахский фольклор»⁵⁹. Более подробно и конкретно указал на эту связь А. Коптелов, а вслед за ним и, ссылаясь на него, акад. А. С. Орлов⁶⁰. А. Коптелов установил сходство записанных у Н. Улагашева алтайских былин: «Козын-Эркеш», «Малчи Мерген», «Козюйке и Баян» с казахскими былинами «Козы-Корпеш» и «Баян-Сулу»⁶¹. Он отметил также варианты этих былин у телеутов, башкир, таранчей (уйгуротов)⁶². Но объяснение тесного сходства упомянутых былин А. Коптелов свел к заимствованию алтайцами соответствующих былин от казахов. Былины «Козын-Эркеш» и «Малчи Мерген» он считает происшедшими от казахской былины «Козы-Корпеш», а былину «Козюйке и Баян» — заимствованной от казахской былины «Баян-Сулу». Такое традиционное объяснение не может считаться убедительным и по существу оно А. Коптеловым не доказано. Указанное сходство алтайских и казахских былин само по себе не является доказательством заимствования этих былин алтайцами от казахов или наоборот. Единственный аргумент, выдвинутый им в пользу казахского происхождения указанных былин и их заимствования алтайцами, сводится к тому, что в алтайской былине «Козюйке и Баян» фигурируют верблюды, зарезанные для свадебного пиршества, и встречается термин «ак-сагал» (букв. седобородый), которым у казахов обычно называли мелкого администратора. Но и это нельзя признать убедительным. То и другое явление вовсе не чуждо алтайскому быту. Верблюдоводство южным алтайцам известно издавна, как частично и теперь. В данном случае А. Коптелова ввело в заблуждение исследование орнамента алтайцев П. П. Хороших, на которого он ссылается. П. П. Хороших не обнаружил в тематике алтайского орнамента верблюда, и это обстоятельство заставляет А. Коптелова считать верблюдоводство чуждым для быта алтайцев явлением.

Между тем этнографам хорошо известно изображение верблюда на рисунках шаманских бубнов у южных алтайцев, в частности у теленгитов, что указывает на давнее знакомство их с верблюдоводством⁶³. Верблюдоводство у алтайцев засвидетельствовано русскими историческими документами XVIII в. и этнографическими наблюдениями путешественников и этнографов в XX в. Следовательно, наличие верблюда в бытовой обстановке былины еще не делает происхождение ее казахским. Точно так же термин «ак-сагал» — седобородый, приложенный к алтайской былине в качестве собственного имени к старику, без всякого намека на административные функции этого старика, не должен восприниматься за элемент, чуждый алтайцам. Во всяком случае этот термин не может быть признан безоговорочно казахским, ибо он встречается и в киргизском эпосе «Манас», а особенно часто попадается в западномонгольских или ойратских эпopeях, где он обозначает имя старика-табунщика, а также отца или деда героя.

Теперь укажем на некоторые факты и соображения, говорящие против заимствования алтайцами названных былин от казахов. Сам А. Коптелов установил, что ни Н. Улагашев, ни его отец Улагаш, от

⁵⁹ Н. К. Дмитриев, «Алтайский эпос Когутэй», Введение, стр. 35.

⁶⁰ «Казахский героический эпос», стр. 5 и др.

⁶¹ А. Коптелов сообщает, что в репертуаре Н. Улагашева есть былина «Албаты-Билек», весьма близкая к «Козюйке и Баян» (Примечания к Сборнику «Алтай Бучай», стр. 392). У телеутов записаны «Козике» и «Баян-Сылу» (см. Труды Томского общества изучения Сибири, т. III, вып. 1).

⁶² Былина «Козы-Корпеш» записана еще у барыбинских татар В. Радловым.

⁶³ Известно изображение верблюда и на скалах, что, впрочем, отметил в последней работе и сам П. П. Хороших (см. его «Писаницы Алтая», «Краткие сообщения ИИМК», т. XIV, стр. 26).

которого наш сказитель узнал многие былины и, в частности, «Козюйке. и Баян», никогда не общались с казахами, тем более с казахскими сказителями, чем и отверг возможность прямого заимствования этой былины сказителем Улагашевым от казахов. Обратив внимание на то, что по словам сказителей эта былина весьма широко бытует у алтайцев, А. Коптелов пишет: «Ознакомление с текстом Н. Улагашева убедило нас в том, что поэма бытowała на Алтае в течение многих столетий. В ней мы видим многочисленные типичные черты ойротского (т. е. алтайского.—Л. П.) героического эпоса и бытовую обстановку ойротов. Варианты поэмы, записанные от Н. Улагашева, подтверждают, что поэма стала известна ойротам очень давно»⁶⁴. Алтайский характер обстановки, насыщающей былину, не ускользнувший от А. Коптелова, все же не воспринимается им как одно из важнейших доказательств принадлежности этой былины алтайцам. В этом он видит давность бытования былины в алтайской среде. Насколько основательно А. Коптелов оказался в плена традиционной антинаучной теории заимствования, показывает и другое важное наблюдение его над алтайским и казахским вариантами былины, обращенное им в защиту гипотезы о заимствовании алтайцами былины от казахов. «Козюйке и Баян» в жанровом отношении,— пишет он,— совершенно отличается от Козы-Корпеша и Баян-Сулу. У казахов это лирическая, бытовая поэма, где все дано в реальном плане, как действительные события жизни кочевников. У ойротов те же образы приобрели героические черты, оказались поднятыми до величия богатырей, исчезли бытовые детали и, взамен их, появились элементы сказочности, гиперболизации»⁶⁵. Таким образом, А. Коптелов вынужден приписать алтайцам весьма большую, длительную и сложную работу над заимствованной былиной. Выходит, что в течение ряда веков алтайцы должны были переработать в былине казахскую бытую обстановку в свою алтайскую, а лирический бытовой жанр былины — в своеобразный героический, эпический жанр. При этом все же остаются необъяснимыми причины таких сложных эволюций, особенно по линии жанра, так как бытовой, лирический жанр не является чуждым алтайцам и непонятно, почему заимствованные казахские былины не могли быть сохранены в отношении жанра.

Правильной является другая трактовка сходства указанных алтайских и казахских былин. Нужно исходить из факта реальной исторической связи алтайских племен с казахами, из факта общности их этногенеза на этапе, послужившем общей основой для формирования современных казахов и алтайцев, о котором я упоминал выше. При таком толковании различия в жанре и бытовой обстановке сходных алтайских и казахских былин, установленные А. Коптеловым, отнюдь не являются доказательством заимствования соответствующих былин алтайцами или казахами. Сходство их объясняется тем, что те и другие происходят от более раннего и общего источника, т. е. общностью исторического прошлого. Будучи объединены общностью исторической жизни в период господства кыпчаков, затем в Улусе Джучия (XII—XIV вв.), будущие казахские, алтайские, башкирские и другие племена в процессе общей исторической жизни и постоянного общения обладали общими фольклорными произведениями, широко бытавшими в то время. Позднее, когда историческая судьба этих племен обособилась и дальнейшая историческая жизнь их протекала изолированно и в различной географической и этнической среде, общие фольклорные произведения про-

⁶⁴ Примечания А. Коптелова к Сборнику «Алтай Бучай», стр. 391. Ойротами А. Коптелов именует алтайцев, по официальному наименованию их автономной области, существовавшему до 1948 г. Как известно, в 1948 г. Ойротская автономная область переименована в Горно-Алтайскую автономную область.

⁶⁵ Там же, стр. 392.

должали жить и развиваться в различной бытовой обстановке их реальной жизни, в различных исторических условиях и дали свои варианты, которые дошли до нас в алтайской, казахской, башкирской и других редакциях. Вот каким образом объясняются связи алтайского и казахского фольклора, как и фольклора других родственных им народов. Это толкование не только правильно объясняет сходство названных алтайских и казахских былин, но и дает реальное основание для определения их древности. Мы можем считать современные редакции некоторых таких произведений происходящими от соответствующих устных произведений, бытовавших в кыпчакской среде уже XI—XIV вв. Поэтому, мы считаем весьма близким к истине мнение, высказанное в «Антологии казахской литературы», определяющее поэму «Баян-Сулу» древнейшим лирико-эпическим произведением современных казахов и стносящее его зарождение к XI—XII вв.⁶⁶, а ее алтайские параллели мы считаем наиболее древними из алтайских былин, относящихся, как я уже указывал, в большинстве к периоду XV—XVIII вв.

Заканчивая рассмотрение вопросов, поставленных в начале работы, я хотел бы выразить надежду, что оно послужит толчком к более широкому и глубокому изучению алтайского эпоса. Некоторые стороны такого изучения правильно намечены и удачно начаты писателем А. Л. Коптеловым. Фольклористы должны развить наметившиеся успехи в этом ценном начинании.

⁶⁶ «Песни степей. Антология казахской литературы», Москва, 1940, стр. 13.

ИЗ ИСТОРИИ ЭТНОГРАФИИ И АНТРОПОЛОГИИ

Б. И. БОГОМОЛОВ

БОРЬБА В. Г. БЕЛИНСКОГО ЗА НАУЧНОЕ СОБИРАНИЕ И ИЗДАНИЕ НАРОДНОЙ ПОЭЗИИ

Тридцатые — сороковые годы XIX в. являются значительным периодом в истории собирания и издания народной поэзии в России. Русская фольклористика может с полным правом гордиться большим количеством материалов по народной поэзии, собранных и изданных в нашей стране уже в этот период. Она и в этом отношении уже тогда не уступала фольклористике любой из западноевропейских стран.

Собирание и издание народной поэзии в России 30—40-х годов XIX в. были тесно связаны с общественно-политической и идеальной борьбой в русском обществе и развивались в борьбе против вредных фальсификаторских тенденций, проявлявшихся в работе отдельных собирателей и издателей народной поэзии под влиянием господствующей самодержавно-крепостнической идеологии.

Лозунг «народности», провозглашавшийся представителями самых различных идеологических направлений, в конкретной трактовке получал самое различное идейное наполнение. Это непосредственно отражалось и на собирательской деятельности. Общая для всех направлений в фольклористике данного периода установка на показ «подлинной народности» в действительности также приобретала в различных случаях самый противоположный смысл.

Совершенно ошибочным является характерный для некоторых либерально-буржуазных историографов отрыв собирательской работы от «исследовательской». В их освещении собирание фольклора предстает как простое техническое фиксирование фактов, предшествующее изучению, или, если и проводимое одновременно с последним, то — параллельно, независимо. В частности такого взгляда придерживался проф. М. Сперанский¹.

Собирание и издание народной поэзии никогда не были только технической работой, результаты которой определялись стихийно, как и вся фольклористика, они всегда являлись одним из участков общественно-политической борьбы в стране, и в них (в большей или меньшей степени) проявлялись тенденции, характерные для тогдашних общественно-политических направлений.

В дореволюционной фольклористике существовало мнение (не всегда высказываемое), что начало собирания народной поэзии в России и основные успехи в развитии его связаны с идеями славянофильства; причем обычно имелась в виду прежде всего деятельность П. В. Кире-

¹ М. Сперанский, Русская устная словесность, М., 1917, стр. 17.

евского. Против этого утверждения выступил еще А. Н. Пыпин в своей «Истории русской этнографии». Однако у него критика славянофильства была связана с попыткой возвеличить роль идей, выработанных на Западе и «заемствованных» оттуда Россией. Пыпин сделал и другую ошибку. Он справедливо указал на некоторые факты влияния политики «официальной народности» на созирание и издание народной поэзии. Но, преувеличив значение этого влияния, он охарактеризовал развитие созирания и издания народной поэзии в России во вторую четверть XIX в. как проходящее под знаменем «официальной народности». Он писал: «В развитии изучения русской народности этнографы второй четверти столетия, при всей разнице личных дарований и объема сведений, составляют одну группу с известными общими чертами». Эти «общие черты» Пыпин определяет как «отпечатки времени, той официальной народности, которая заявлена была в правительственной программе»².

Характеризуя развитие созирания и издания народной поэзии в России в рассматриваемый период как Пыпин, так и другие либерально-буржуазные историографы замалчивали ту роль, которую сыграл в этом деле В. Г. Белинский.

Созирание и издание народной поэзии в России в 30—40-х годах XIX г. развивались в весьма неблагоприятных политических условиях. Гнет николаевской реакции, царивший в стране, сильно сказывался и в фольклористике. Народность, провозглашенная в качестве одного из принципов царской политики и самодержавно-крепостнической идеологии, была насквозь лживым, демагогическим лозунгом. Поэтому совершенно неправильно связывать развитие созирания и издания народной поэзии в России в этот период с официальной политикой. Наоборот, реакционная официальная политика чрезвычайно сковывала это развитие. Действительный интерес к народу и к подлинной народной поэзии был в корне чужд правящим кругам. Чем шире развивалась, начиная с 30—40-х годов XIX в., деятельность по созиранию и изданию народной поэзии и чем резче обнаруживалось при этом явное несоответствие содержания подлинного народного творчества принципам самодержавно-крепостнической идеологии, тем решительнее ограничивало эту деятельность царское правительство.

Не следует преувеличивать и значение славянофилов в развитии созирания и издания народной поэзии. Славянофильские «народолюбие» и патриотизм, вызвавшие созирадельскую деятельность П. В. Киреевского, быстро обнаружили свою ограниченность и приобрели реакционный характер. Тот большой энтузиазм, с которым П. В. Киреевский принял за созирание песен, со временем значительно охладел. В известном издании «Песни, собранные П. В. Киреевским», песен, записанных лично Киреевским, в действительности очень мало. Оно в основном составлено из записей, сделанных другими созираделями. Более значительной была деятельность П. В. Киреевского по подготовке издания; но и ее не следует преувеличивать. В его распоряжении, благодаря созирадельской деятельности Н. М. Языкова, Пушкина, Гоголя, Кольцова, Даля и многих других современников, очень скоро сосредоточился большой материал. Еще в 1833 г. П. В. Киреевский созирадался издать «4 больших тома» песен. Однако это намерение им не было выполнено. В 1838 г. он вполне подготовил к опубликованию около 800 свадебных песен. Это было бы уже не четыре тома, а один — правда, весьма «большой». Однако и ему не было суждено появиться. Лишь в 1848 г. Киреевский издал свой первый (оказавшийся и последним) сборник, содержащий всего лишь 55 «духовных стихов». Этим да еще опубликованием 16 песен (в периодической печати) и ограничилась

² А. Н. Пыпин, История русской этнографии, т. I, СПб., 1890, стр. 314.

вся издательская работа П. В. Киреевского за 25 лет (с начала его собирательской деятельности).

В историографии фольклористики неоднократно отмечалась «медлительность» Киреевского. Но следует говорить не только о медлительности, но и о постепенном ограничении им своих издательских намерений. Большее значение здесь имели политические условия, гнет николаевской реакции, в частности, цензурные притеснения. Но вряд ли это играло решающую роль. Подавляющую массу имевшихся у Киреевского материалов можно было издать и в тогдашних условиях. Подобные материалы в большом количестве появились и в периодических, и в отдельных изданиях. Издание духовных стихов встречало наибольшие препятствия: духовная цензура относилась к такого рода произведениям особенно подозрительно. И тем не менее Киреевский, проявив в данном случае очень большую настойчивость, издал именно их.

Характерна также история с несостоявшимся изданием свадебных песен, подготовленных Киреевским к опубликованию еще в 1838 г. Кто же был виноват в том, что они были изданы только через 73 года (первый выпуск новой серии «Песен, собранных Киреевским», 1911)? Отнюдь не николаевская цензура. Сборник получил цензурное разрешение, о чем свидетельствует пометка на сохранившейся рукописи. Очевидно, Киреевский сам отказался от издания. Постепенно он сам становился все более строгим цензором присылаемых ему для издания материалов.

Все лучшие достижения собирательской работы в 30—40-е годы (включая и «Собрание П. В. Киреевского») были поистине общественным делом. Они стали возможны прежде всего благодаря богатству русского народного творчества и широкому общественному интересу к народу, интересу, возросшему под воздействием подлинно патриотических и демократических идей, пропагандируемых литературой Пушкина и Гоголя и критикой В. Г. Белинского.

Высказывания по теории собирания и издания народной поэзии, а также об отдельных фольклорных изданиях занимают в литературном наследии Белинского значительное место. Он приветствовал каждое новое достижение в собирательской деятельности и постоянно призывал всемерно расширять и активизировать ее. Еще в 1835 г. в одной из своих рецензий Белинский дал очень одобрительный отзыв о собирательской работе и этнографических исследованиях, проводимых в районе нижней Волги И. Нефедьевым. Поблагодарив Нефедьева за его труды, Белинский писал: «Дай бог, чтобы он как можно более нашел себе подражателей»³. Не ограничиваясь этим пожеланием, Белинский приводит затем выдержку из рассказа Нефедьева о собирательской работе, в котором последняя изображена как подвиг. На страницах своих статей Белинский неоднократно благодарил собирателей и прославлял их труд: «Какой благодарности,— писал он,— заслуживают те скромные, бескорыстные труженики, которые с неослабным постоянством, с величайшими трудами и пожертвованиями собирают драгоценности народной поэзии и спасают их от гибели забвения»⁴.

Белинский призывал все более и более расширять круг собирателей. Он указывал, что поле для их деятельности имеется очень широкое и на нем достаточно работы для многих. Так, в 1841 г. Белинский писал: «Несмотря на усердные труды г-на Сахарова в собирании русских народных песен, еще много остается и для других собирателей. Число

³ Том II, стр. 69. Все цитаты из статей и рецензий Белинского приведены в нашей статье из полного собрания сочинений В. Г. Белинского, под ред. Венгерова.— Б. Б.

⁴ Том III, стр. 448.

народных песен должно быть весьма велико, а вариантов к ним и конца нет: одна и та же песня там поется так, а здесь иначе»⁵.

Призывы Белинского всемерно расширять собирательскую деятельность основывались на его знании русского народного творчества и глубокой уверенности в исключительном богатстве последнего. Он отмечал «обильную творческую производительность, которой одарена наша народная фантазия». «Наша народная непосредственная поэзия,— писал он,— не уступит в богатстве ни одному народу в мире и только ждет трудолюбивых деятелей, которые собрали бы ее сокровища, таящиеся в памяти народа»⁶.

Призывы Белинского к развертыванию собирательской деятельности в большинстве случаев находятся в его статьях рядом с резко отрицательными отзывами о всяческих попытках подражательного, псевдонародного творчества. Белинский противопоставлял псевдонародному стилизаторству, как деятельности ложной и вредной, собирание подлинной народной поэзии как весьма полезное и нужное общественное дело.

Борясь за всемерное развитие собирания фольклора, Белинский особенно подчеркивал необходимость его публикации. Уже в ранних своих рецензиях он постоянно затрагивает этот вопрос, а с конца 30-х годов уделяет ему особенно большое внимание. Это было вызвано тем, что к концу 30-х годов был уже собран значительный материал о народной поэзии и, чем дальше, тем больше обнаруживался разрыв между собирательской и издательской практикой: издание народных произведений значительно отставало от успехов широко развернувшегося сабириания.

В рецензиях на сахаровские издания В. Г. Белинский отмечал, что Сахаров на деле выполняет свою (опубликованную им в 1841 г.) программу по собиранию и, что особенно подчеркивал критик, и зданием народной поэзии. В рецензии на I том «Сказаний русского народа» Белинский писал: «Многие, в недоверчивости покачивая головою, говорили об этой программе, как обыкновенно говорится о великолепных «программах», к которым приучили уже наши книжные спекулянты доверчивую публику. Но каково же должно быть удивление этих неверовавших теперь, когда г. Сахаров, вслед за программой, действительно издал первый том своих «Сказаний». Том огромный, состоящий из 568 страниц большого формата, напечатанных в два столбца таким убористым шрифтом, что они смело могут быть приняты за 1136 страниц обычновенной печати, и вмещающий в себе сведения в высшей степени интересные»⁷.

Белинский постоянно «подталкивал» Сахарова в его работе. И в данной рецензии, поблагодарив автора за издание I тома «Сказаний», он в то же время подчеркивал, что это только первый том. При этом Белинский снова напоминал обо всей объявленной Сахаровым программе и выражал надежду, «что г. Сахаров выполнит в точности всю свою программу и подарит русскую публику таким изданием, какого еще не имела она и какого тщетно стала бы ожидать от деятельности других любителей старины». «Душевно желаем,— заключает Белинский,— скорейшего окончания этому прекрасному предприятию»⁸.

В этих высказываниях обращает на себя внимание противопоставление Сахарова другим деятелям, имен которых Белинский не называет. Белинский противопоставляет Сахарову «книжных спекулянтов», которые приучили «доверчивую публику» не верить в «великолепные программы». С. А. Венгеров высказал предположение, что Белинский

⁵ Том VI, стр. 353.

⁶ Том V, стр. 130—131.

⁷ Том VI, стр. 202—203.

⁸ Там же.

здесь намекает на затеянное тогда Ф. В. Булгариным огромное сочинение «Россия». Приведенные Венгеровым факты позволяют считать справедливость этого предположения вполне вероятной. Однако данное объяснение нам кажется неполным. Критика многообещающих, но не выполняющих своих обещаний деятелей могла относиться не только к одному Булгарину, а имела более широкое значение. Белинский явно противопоставлял Сахарова также славянофилам, от которых «русская публика» еще в начале 30 гг. тщетно ожидала обещанного издания русских песен. Именно их и, в частности, П. В. Киреевского подразумевал Белинский, говоря о «других любителях старины», от которых «тщетно было бы ожидать такого издания».

В 1843 г. Белинский снова возвращается к вопросу о «собрании Киреевского». В рецензии на роман Егора Классена «Провинциальная жизнь» он едко иронизирует по поводу ограниченности литературной деятельности «московских писателей». «Если бы они писали, — говорит Белинский, — их, может быть, читали бы и, вероятно, нашлись бы на Руси люди, которые даже и хвалили бы их. Вот, например, г. Киреевский: он уже десять лет (так говорят московские слухи) собирается издать богатое собрание русских народных песен. Может быть, он и не успеет издать их при жизни своей — что-ж? — они изздадутся после его смерти и если не мы, то наши дети будут читать их»⁹. Вслед за этим в том же тоне Белинский выслушивает Погодина, Шевырева, Языкова и Хомякова за то, что они тоже больше обещают, чем делают, — «между тем, друзья о них пишут и еще больше говорят». Киреевский так и не издал сосредоточившихся у него материалов. С большими трудностями издание состоялось лишь в 60—70-х годах, причем и тогда, в издании Бессонова, было опубликовано далеко не все собрание. Три части «Новой серии» «Песен, собранных П. В. Киреевским» вышли лишь в 1911—1929 гг.

Большую роль в деле собирания и издания народной поэзии играли не только соответствующие высказывания Белинского, но и вся та весьма значительная работа по рецензированию фольклорных изданий, которую он проводил на протяжении всей своей деятельности. Белинский внимательно следил за изданиями народной поэзии и немедленно откликался на выход каждого нового более или менее значительного сборника. Рецензирование фольклорных изданий составляло значительную часть всей его литературно-критической деятельности. Появившийся в 1804 г. и переизданный в 1818 г. замечательный сборник Кирши Данилова был впервые раскрыт перед русским обществом и по достоинству оценен в печати именно Белинским. В 1839 г. в рецензии на сборник Суханова он писал: «Доселе только в статье «Отечественных записок» 1839 г. IV т. о «Песнях русского народа, изд. И. Сахаровым»¹⁰, было говорено несколько подробно о сокровищах народной поэзии, заключающихся в книге Кирши Данилова, и больше решительно нигде но и в указанной статье «Отечественных записок» главный предмет — народная русская поэзия, а сборник, приписываемый Кирше Данилову, в ней предмет, подчиненный главному, эпизодический. Между тем эта книга драгоценная, истинная сокровищница величайших богатств народной поэзии, которая должна быть коротко знакома всякому русскому человеку, если поэзия не чужда душе его и если все родственное русскому духу сильнее заставляет биться его сердце. Посему «Отечественные записки» предполагают воспользоваться изданною г. Сухановым книжкою, чтобы когда-нибудь посвятить особую статью сборнику Кирши Данилова, а вместе с ним и изданной

⁹ Том VIII, стр. 294.

¹⁰ Белинский имеет в виду статью М. Н. Каткова, напечатанную без подписи.

г. Сухановым книжке, как дополнению к «Древним российским стихотворениям», носящим на себе имя сибирского казака»¹¹.

Наименование сборника Кирши Данилова первым вошло в заглавие четырех специальных статей Белинского о народной поэзии. На материалах сборника целиком построен весь разбор былин и отчасти разбор произведений других народно-поэтических жанров в этих статьях.

Большое внимание уделял Белинский собирательской и издательской деятельности И. П. Сахарова. «Сказания» последнего также явились одним из основных источников упомянутых статей Белинского о народной поэзии, и наименования их, после наименований сборника Кирши Данилова и Суханова, также вошли в заглавие этих статей. Ранее, сразу же после выхода «Сказаний русского народа» и «Русских народных сказок», Белинский посвятил им отдельные небольшие рецензии и сообщения. Той славой, которой Сахаров пользовался в 30—40-х годах, он в значительной мере был обязан Белинскому. Эту славу великий критик создавал ему как с целью поддержания и развития его деятельности, так и для общего расширения собирательской и издательской деятельности в России.

Специальные рецензии Белинский посвятил также сборникам «Русские народные сказки» Богдана Броницына, «Древние русские стихотворения, служащие дополнением к Кирше Данилову» М. Суханова, «Народные песни Вологодской и Олонецкой губерний» Ф. Студитского и др. Сборник М. Суханова был отмечен также в обзоре «Русская литература в 1840 г.» и в статьях о народной поэзии.

Белинский не только отмечал каждое более или менее значительное новое издание по народной поэзии при его появлении. Иногда он заранее возвещал об изданиях, еще не появившихся, подготавливая, таким образом, интерес к ним в обществе и подбадривая издателей. Так поступал он, например, в отношении изданий Сахарова этнографических статей о Китае и китайцах Иакинфа (Бичурина) и в ряде других случаев. В 1839 г., когда подготавливался выход IV выпуска «Русские простонародные праздники и обряды» И. М. Снегирева, Белинский сообщил об этом в заметке «Литературные новости». Книга еще печаталась, а Белинский отметил ее в числе наиболее интересных литературных новинок¹².

Белинский не был единственным рецензентом фольклорных изданий в России того времени. Не он один выступал тогда за широкое развитие собирания и издания фольклора. Однако в литературной критике никто из его современников не уделял этому столько внимания, как Белинский. Он был наиболее активным, самым выдающимся и решительным борцом за развитие собирательской деятельности. Широкий размах этой деятельности, размах, которым по праву может гордиться русская фольклористика и который наметился в 30—40-е годы XIX в., определился в немалой степени под влиянием В. Г. Белинского.

Выступления Белинского по вопросам собирания и издания народной поэзии были направлены не только на общее расширение этой деятельности, но и на преодоление в ней вредных фальсификаторских тенденций, возникших под влиянием реакционной самодержавно-крепостнической идеологии. Искажение народной поэзии, широко распространенное в издательской практике до 30—40-х годов XIX в., продолжалось и в эту эпоху. Произведения народной поэзии публиковались иногда попрежнему без достаточной точности. Причем это объясняется не только ограниченностью опыта собирательской работы и недостаточным

¹¹ Том V, стр. 433—434.

¹² Белинский уделял значительное внимание изданиям, посвященным народному творчеству не только русского, но и других народов, в том числе и зарубежных.

уровнем развития принципов научного издания. Подлинное содержание народной поэзии иногда сознательно искажалось при издании путем тенденциозного отбора и «исправления» материалов под влиянием реакционной, антидемократической идеологии.

Вредное влияние «официальной народности» явно сказалось, например, на изданиях царского чиновника И. М. Снегирева. На материалах по народной поэзии, опубликованных Далем, отразилась свойственная ему некоторая идеализация старины, патриархальности. Но особенно вредно повлияло на труды Даля грубое вмешательство царской цензуры, которое чрезвычайно сузило и искажило широкий показ подлинной народной поэзии, первоначально намеченный Далем в его сборнике «Пословицы русского народа». «Не знаю, — писал Даль, — в какой мере сборник мой мог бы быть вреден и опасен для других, но убеждаюсь, что он мог бы сделаться не безопасным для меня».

Фальсификация имела место и в изданиях И. П. Сахарова. Последний очень активно выступал против «исправления» народных песен. Он критиковал «поправки», сделанные предшествовавшими ему собирателями. Но вместе с тем он сам также приложил руку к текстам изданных им былин и сказок. При всей преувеличенности выдвинутых против И. П. Сахарова обвинений в фальсификаторстве нельзя не признать справедливыми предположения многих исследователей, что якобы найденная им «рукопись Бельского» в действительности не существовала. Сахаров никому не предъявлял ее, а он непременно сделал бы это, если бы ее имел. Несмотря на то, что к этой рукописи проявляли большой интерес многие фольклористы, она за сто с лишним лет после выхода «Сказаний русского народа» так никем и не была обнаружена.

Совершенно справедливо также разоблачение как подделки сахаровской сказки об Анкундине. Уже с первых слов в ней заметна явная и очень примитивная фальсификация. За сто с лишним лет после опубликования этой сказки не обнаружена не только сахаровская рукопись ее, но и какая-либо другая запись сказки с тем же героем.

Славянофилы постоянно заявляли о святости принципа точности в публикации произведений народной поэзии, но и в их собирательской и издательской деятельности сказывалось влияние крепостнического существа их идеологии. Они тоже «обрабатывали» собираемые материалы в соответствии со своими принципами вообще и своими взглядами на народную поэзию, в частности. Для славянофилов народная поэзия, находящаяся в современном живом бытованиях, представляла интерес не сама по себе, а как материал, по которому можно «восстановить» черты русской народности, в подлинном виде существовавшей якобы лишь в древности.

Славянофилы тщательно скрывали тенденциозность своей деятельности. Они разработали якобы научный метод «обработки» собираемых материалов под видом «восстановления» подлинной народности. Весьма характерна в этом отношении деятельность П. В. Киреевского. Собирание народной поэзии он сопровождал большой «обработкой» ее. Более того, эта «обработка» представляла главное содержание всей его деятельности.

В чем же выражалась та «тщательная подготовка», без которой Киреевский не хотел издавать сосредоточившихся у него материалов и которая заняла 25 лет его деятельности и все же осталась незавершенной? Содержание ее сам Киреевский сохранял в тайне. Однако свидетельства, которые можно найти в статьях его ближайших помощников по подготовке собрания — П. И. Якушкина и П. А. Бессонова, позволяют раскрыть характер этой подготовки. Якушкин, сам испытавший в известной мере влияние славянофилов, в статье «Кое-что об изданиях Бессоновым народных стихов и песен» писал: «До самой смерти

Петра Висильевича (Киреевского.—Б. Б.) никто не знал, не исключая и самого Общества Любителей Российской Словесности, которому теперь поручено издание этого сборника, никто не знал, что Петр Висильевич не только записывал песни, но что он составлял их из многих вариантов»¹³.

Пресловутая «тщательная подготовка» П. В. Киреевским материалов к изданию представляла собой тенденциозную обработку этих материалов в духе славянофильской идеологии. Она проявилась не только в обработке песенных текстов, но также и в отборе определенных песен для публикации и в системе их публикации. В прямом соответствии со славянофильской концепцией «народности» Киреевский уделял главное внимание показу якобы свойственной русскому народу глубокой религиозности. Отсюда его преимущественный интерес к жанрам и произведениям, в которых отразилась эта «религиозность». Единственный изданный им сборник песен, выбранных из всего многотысячного репертуара, имевшегося в его распоряжении, был посвящен духовным стихам. Им Киреевский уделял главное свое внимание. Поискам их прежде всего была посвящена его собирательская деятельность. На первый план он ставил их и в своей работе по публикации песен. Об этом он неоднократно заявлял в своих письмах к Н. М. Языкову.

Влияние реакционной идеологии обусловило некоторую ограниченность содержания материалов, собранных и изданных в 30—40-е годы XIX в., и в отдельных случаях вызвало попытки прямой фальсификации народного творчества. Однако в массе своей записи и публикации 30—40-х годов имеют несомненное научное значение. Большую часть их составляют материалы, представляющие подлинную народную поэзию. Несмотря на гнет николаевской реакции и влияние крепостнической идеологии, в русской фольклористике все более и более крепли демократические тенденции; это вело не только к общему расширению деятельности по собиранию и изданию народной поэзии, но и к постепенному развитию и упрочению научных принципов в проведении ее.

В борьбе за научный характер собирательской деятельности выдающуюся роль сыграл В. Г. Белинский. Его глубокий патриотизм и демократизм обусловили его широкий интерес к народной поэзии. Она интересовала Белинского и своими достоинствами, и находимыми им в ней недостатками, свидетельствовавшими о выдающихся чертах русского народа и об ограниченности российской действительности. Все в ней — в этом, по выражению Белинского, зеркале идеалов и жизни народа — было для него важным и значительным. Однако Белинскому было в корне чуждо объективистское отношение к устному репертуару, которое позднее получило широкое распространение в буржуазно-либеральной фольклористике. Он решительно выступал против попыток представить в фольклорных изданиях в качестве народных такие произведения, которые хотя и получили некоторое распространение в устном бытования или имеют формальное сходство с народными сказками и песнями, но по содержанию не характерны для народного творчества или вообще чужды народу.

Этими общими предпосылками и определяются основные высказывания Белинского о том, как надо собирать и издавать народную поэзию, и о достоинствах материалов того или иного сборника. Белинский особенно подчеркивал необходимость собирания народной поэзии в ее живом устном бытования у народа. Именно из устная запись имеется в виду во всех вышеприведенных его высказываниях, направленных на общее развитие собирательской деятельности. На необходи-

¹³ П. И. Якушкин, Соч., СПб., 1884, стр. 662.—О том же писали Вс. Миллер и М. Н. Сперанский.

мость изустной записи Белинский неоднократно указывал в своих отзывах о достоинствах материалов, собранных и изданных тем или иным фольклористом. Такие указания встречаются у Белинского уже в самые ранние годы его деятельности. Так, в опубликованной в апрельском номере «Молвы» за 1835 г. рецензии на «Подробные сведения о Волжских калмыках, собранные И. Нефедьевым», он отметил как особое достоинство этой книги, что в основе ее лежат «собственные его наблюдения»¹⁴. В напечатанной в том же номере «Молвы» рецензии на «Конек-Горбунок» П. Ершова Белинский указывает, что народные произведения надо «списывать... под диктовку народа»¹⁵. Подобные высказывания и указания встречаются также и в ряде других рецензий Белинского, относящихся к 30-м годам, в частности, в рецензиях на сборники Б. Бронницына и М. Суханова, на сборник «Лекарство от задумчивости и бессонницы» и др.

Тридцатые годы, в особенности вторая половина их, были переломным периодом в развитии собирательской деятельности: в это время в русской фольклористике начинается преодоление прежней традиции составлять сборники народной поэзии прежде всего и главным образом на основе использования любительских песенников и перепечатки старых публикаций. Выступления Белинского за развитие изустной записи имеют историческое значение. Они связаны с этим переломным периодом в истории собирательской деятельности в России. Не случайно, что все эти выступления В. Г. Белинского относятся именно к 30-м годам. В 40-е годы, продолжая борьбу за всемерное развитие собирания народной поэзии, Белинский попрежнему постоянно имеет в виду развитие изустной записи. Но прямых выступлений в пользу ее у него уже нет, ибо изустная запись, производимая самими составителями сборников или другими лицами, уже в конце 30-х годов стала главным источником публикаций народной поэзии и была узаконена в русской фольклористике. Правда, и в дальнейшем перепечатка старых плохих публикаций и использование любительских записей продолжались. Однако это делается значительно реже.

Подчеркивая необходимость изустной записи народных произведений, Белинский с еще большей настойчивостью выступал за научную точность и этой записи, и публикации собранных материалов. Он решительно боролся против искажения народной поэзии, против любой, даже самой незначительной «обработки» и «переделки» ее. «Русская сказка,— писал он в 1836 г.,— имеет свой смысл, но только в таком виде, как создала ее народная фантазия, переделанная же или прикрашенная она не имеет решительно никакого смысла»¹⁶. Подобные выступления Белинского были направлены против тенденциозной обработки народных произведений в реакционном духе. Резкая критика «переделок», «обработок» и «подновлений» народных произведений встречается в большинстве тех рецензий и статей Белинского, в которых рассматриваются вопросы народного творчества. Она начинается в одной из ранних его рецензий (на «Конек-Горбунок» П. Ершова) и проводится им на протяжении всей деятельности. Против переделки, за точную запись и публикацию народной поэзии Белинский выступал и в последние годы своей жизни. «Другое дело — верно записанные под диктовку народа сказки: их собирайте и печатайте и за это вам спасибо»,— писал он в 1847 г.¹⁷ Белинский очень высоко оценивал сборник Ф. Студитского «Народные песни Вологодской и Олонецкой губерний». В краткой рецензии на этот сборник Белинский счел необходимым

¹⁴ Том II, стр. 68.

¹⁵ Там же, стр. 71.

¹⁶ Там же, стр. 415.

¹⁷ Том X, стр. 465.

отметить прежде всего именно точность записей и публикации этих записей у составителя сборника. «Теперь скажем только,— писал он,— что, по всему видно, г. Студитский издал вологодские и олонецкие песни без всяких изменений, сохранив все их народные отличия, что и необходимо в подобных изданиях»¹⁸. Белинский весьма положительно отзывался также о «Сказаниях русского народа» И. П. Сахарова, как о собрании подлинной народной поэзии. Такой отзыв соответствует основному содержанию сахаровского издания, выдающегося для того времени. Однако, указывая на достоинства «Сказаний», Белинский подметил и недостатки их. Он первый обнаружил и разоблачил отдельные проявления издательской недобросовестности Сахарова, в том числе недобросовестность, проявленную Сахаровым при использовании сборника Кирши Данилова. Белинский указал на родство большей части сказок Сахарова со стихотворениями сборника Кирши Данилова, «находящимися там под теми же заглавиями»¹⁹. Еще ранее, в 1839 г., Белинский разоблачил, как фальсифицированную, сказку о Василии Буслаевиче, опубликованную Сахаровым в альманахе Нестора Кукольника «Новогодник». «Василий Буслаевич,— писал он,— русская народная сказка, доставленная издателю альманаха г. Сахаровым, есть не что иное, как «Василий Буслаев», стихотворная поэма, находящаяся в древних российских стихотворениях, собранных Киршою Даниловым и вторично изданных, в 1818 г., К. Калайдовичем. Г. Сахаров не говорит ни слова, откуда он взял эту сказку, и как будто совсем не знает, что она давно напечатана. Предлагает же он ее публике в прозе, а не в стихах, и, кроме того, с самыми незначительными отметинами, впрочем, не в пользу сказки. Странно!»²⁰

Белинский настойчиво рекомендовал Сахарову, «не мудрствуя лукаво», давать только факты. «Давайте нам материалов, фактов, больше фактов; критика не замедлит явиться, и тогда само собою обнаружится, кто прав, кто виноват — новая ли, все критизирующая историческая школа (которой явно противоречат убеждения почтенного И. П. Сахарова), или старая, готовая верить на слово и летописи, и «Слову о Полку Игореве», и «Сказанию о Мамаевом побоище», и «Слову Даниила Заточника» и пр. и пр.²¹

В той же статье о народной поэзии Белинский резко критиковал псевдонародные лубочные издания сказок: «Лубочные издания, коверкающие и смысл и выражение; собрания, изданные Друковцевым, Поповым, Чулковым, Тимофеевым и пр. и пр., не только не могут дать верного представления о подлинных народных сказках, но поведут к ложным заключениям и толкованиям о старинном языке, о древнем семейном быте русских и о всем, что только можно почерпнуть из сказок. Московские и петербургские типографии ежегодно в большом числе экземпляров оттискивают так называемые сказки. Эти жалкие книжонки, вместе с песенниками, помадой, икрой, сапогами, коленкором и солеными огурцами развозят бог знает в какие концы царства русского, куда не залетает, может быть, ни одна порядочная печатная книга, и, вероятно, находят себе усердных читателей. Но эти книжонки не только не полезны для просвещения любителя старины, даже генерительно вредны, представляя дело совершенно в превратном виде»²².

В академической фольклористике вплоть до наших дней признается непогрешимым авторитет издания сказок Б. Бронницына²³. Между тем еще Белинский, отметив «немалые достоинства» этих сказок, указал

¹⁸ Том VI, стр. 353.

¹⁹ Там же, стр. 207.

²⁰ Том IV, стр. 236.

²¹ Том VI, стр. 203.

²² Там же, стр. 206—207.

²³ Русские народные сказки, собранные Богданом Бронницыным, СПб., 1838.

и на их значительные недостатки. «Г. Бронницын,— писал Белинский,— уверяет будто его сказки списаны со слов хожалого сказочника, крестьянина из подмосковной. Может быть, это и так было, только г. Бронницын, верно, записывал их после, и так как многое позабыл, то и переиначил»²⁴.

Выступления Белинского за публикацию подлинной народной поэзии имели значение не только для развития науки о народном творчестве, но и для развития самого народного творчества. В своих статьях и рецензиях он выступает как страстный борец против засорения народного творчества всяческими низкопробными, чуждыми народу произведениями. Особое значение имели его рецензии на различные «народные песенники», которыми в то время усиленно наводнялся российский книжный рынок.

В 1835 г. был издан «Полный и новейший песенник» в 13 частях И. Гурьянова, где были собраны разнохарактерные произведения: и стихотворения Жуковского, Хомякова, Б. Федорова, и мещанские романсы, и народные песни. Белинский откликнулся на его выход рецензией в «Молве»²⁵. Отметив разношерстность и бессистемность содержания песенника, Белинский резко критикует Гурьянова за искажение песен «пропусками и переправками своей фантазии и орфографическою безграмотностью»²⁶. Особенно резкой критике он подверг включение в песенник таких «народных песен», как «Мой друг, хранитель, ангел мой» (Жуковского), «Небо, дай мне длани» (Хомякова), «Светит месяц на кладбище» (Жуковского), «Саша, ангел, как не стыдно», «Пожалуйте, сударыня, сядьте со мной рядом», «Братья, рюмки наливайте» и т. д. В заключение своей рецензии Белинский писал: «Как ни неприятно, ни отвратительно рыться в подобном соре, но, положивши себе за непременную обязанность преследовать литературным судом литературные штуки всякого рода, обличать шарлатанство и бездарность, я почел долгом выставить перед глазами публики поступок г. Гурьянова»²⁷.

Суровым литературным судом своим преследовал Белинский и других издателей подобных песенников. Как и Гурьянова, он выставил на общественный позор составителя «Карманного песенника» (1838), скрывшегося за инициалами «М. С.», и другого «невидимку» «В. Т.», составившего «Народный русский песенник» (1833), а также составителя песенного «Альбома» штабс-капитана Милюкова (1842) и многих других авторов «проделок книжной спекуляции», «деятелей Макарьевской литературы».

Белинский боролся за научный характер собирания и издания народной поэзии не только в своих отдельных выступлениях. Всеми своими рецензиями и статьями по вопросам народной поэзии он направлял деятельность собирателей на широкий показ подлинного народного творчества. Его разоблачение лживости реакционных утверждений о якобы присущей русскому народу глубокой религиозности служило борьбе против увлечений собиранием духовных стихов и других материалов «духовного» характера. Его борьба против самодержавно-крепостнической идеологии имела огромное значение и для преодоления в собирательской практике тех вредных фальсификаторских тенденций, которые возникли под влиянием этой идеологии.

Белинский сыграл большую роль в развитии деятельности многих современных ему собирателей народной поэзии. Из приведенных выше материалов видно, что он внимательно следил за деятельностью Саха-

²⁴ Том III, стр. 452.

²⁵ «Молва», 1835, № 35.

²⁶ Том II, стр. 180.

²⁷ Там же.

рсва и настойчиво добивался полного осуществления объявленной Сахаровым программы издания. Он постоянно направлял его деятельность, стараясь всемерно ограничить проявление в ней вредного влияния идеологии «официальной народности» и настаивая на точной публикации подлинной народной поэзии. Критику к публикациям Сахарова, а также к материалам ряда других собирателей Белинский дал в своих четырех специальных статьях о народной поэзии. Ожесточенные нападки либеральной и реакционной фольклористики, в особенности славянофилов, на деятельность Сахарова могут быть объяснены именно связью между «Сказаниями русского народа» и этими статьями Белинского. «Реакционные и либеральные критики Сахарова обычно «находили» у него фальсификацию там, где ее вовсе не было. В большинстве случаев их объяснения основывались на выявлении частных расхождений между текстами песен, опубликованных в «Сказаниях», и в «Песнях, собранных П. В. Киреевским». Но такие расхождения совершенно не свидетельствуют о фальсификации, а лишь обнаруживают разные варианты песен.

В сочинениях Сахарова иногда встречаются высказывания в духе «официальной народности», выражение верноподданнического отношения к царю. И это до некоторой степени отразилось на его собирательской работе, привело к тому, что в ряде случаев он действительно искажал и фальсифицировал публикуемые народные произведения. Но царистские иллюзии у Сахарова находились в противоречии с глубоким, искренним патриотизмом и страстью ненавистью к аристократам. Выходцу из семьи бедного тульского священника, с огромным трудом пробивавшему себе дорогу к образованию и общественной деятельности, человеку, необыкновенно трудолюбивому и деятельному, И. П. Сахарову были чужды и ненавистны всяческие проявления аристократизма. Нападки на «иноzemные» идеи перерастали у него в разоблачение раболепия господствующих классов перед всем западноевропейским и в гневный протест против засилия «бездонных брояг» в государственной и общественной жизни России. Сахаров выступал против аристократизма в науке, критиковал стремление академической науки отгородиться от широких масс. С несколькою наивной демонстративностью он напечатал в «Сказаниях» песни западных славян русскими буквами. «Предвижу наперед,— писал он,— что это будет для учёных очень неприятно. Точно, я сам вижу, что это будет не по их желанию; но, имея в виду основательные причины, предпочитаю общую пользу частной и даже мелочной. У нас на Руси из 50 миллионов читают заморскую грамоту едва ли 2 миллиона, а людей, сведущих в русской грамоте, примерно можно положить до 20 миллионов. Что же прикажете делать, гг. учёные, с этими 20 миллионами? Неужели им должно отказаться от чтения?»²⁸

Против ложного представления об изданных Сахаровым «Сказаниях русского народа», как о составленных в духе «официальной народности», достаточно может свидетельствовать уже тот факт, что именно за них он подвергся гонениям со стороны правящих кругов. В своих «Записках» он сообщал по поводу «Сказаний»: «Бедная книга! сколько она прошла мытарств, судов, пересудов, толков!»²⁹ В примечании к этим словам, опубликовавший эти записки П. Савваитов отметил: «Действительно, дело доходило до того, что Сахарову угрожали уже Соловками и беда уже висела над его головою».

²⁸ Сказания русского народа, собранные И. П. Сахаровым, т. I, СПб., 1841, стр. 71.

²⁹ «Русский архив», 1873, кн. I. «Записки о сочинениях и изданиях И. П. Сахарова, начиная с 1830 г.».

Основная масса материалов, опубликованных Сахаровым, имеет большой научный интерес. Сахаров напечатал в своих «Сказаниях» песни о Степане Разине. Реакционная фольклористика, борясь с популярностью образа этого народного героя, именовала его «Стенькой» и «разбойником», а песни о нем, так же как и о Пугачеве, называла «разбойничьями». Характерно, что у Сахарова сохранено имя «Степан», а песни о нем названы «удальми». Эти песни в корне противоречили всему духу «официальной народности». В одной из них Степан Разин и Илья Муромец, как два брата, выступают против орла. В другой песне говорится о борьбе донских казаков с астраханским воеводой и об их победе над ним. Сахаров опубликовал в разделе «удальных песен» также песню об одном из известных вождей казацкого восстания — Некрасове. Эти песни были встречены с особой неприязнью славянофилами и либералами. Славянофил Бессонов, установив разницу между песней о Степане Разине и Илье Муромце и вариантом, опубликованным в собрании Киреевского, без всяких иных обоснований объявил ее сочиненной самим Сахаровым³⁰. В этом с ним полностью согласились либерально-буржуазные литературоведы А. Н. Пыпин и С. А. Венгеров. Деятель «молодой редакции» «Москвитянина» Аполлон Григорьев был особенно недоволен тем, что Сахаров назвал «разбойничьи» песни «удальми», а также тем, что он ввел наименование — «сатирические» народные песни³¹.

Уже из приведенных материалов видно, что установившееся в академической фольклористике резко отрицательное отношение к материалам И. П. Сахарова имеет своим истоком реакционную славянофильскую критику, вызванную не действительными недостатками его изданий, а опубликованием материалов, имеющих демократическую направленность. Однако главный смысл этой критики заключался в борьбе против того влияния, которое имели в русской фольклористике 50—60-х годов статьи Белинского. Как уже отмечалось выше, четыре специальные статьи Белинского о народной поэзии были основаны (наряду с материалами К. Данилова и Суханова) на материалах Сахарова. Славянофильская критика материалов Сахарова была вместе с тем критикой, направленной против статей Белинского.

Либерально-буржуазные историографы совершенно замалчивали в своих обзорах истории русской фольклористики деятельность Ф. Д. Студитского.

Федор Дмитриевич Студитский был одним из тех многих незаметных разночинцев 30—40-х годов, которые в условиях николаевской реакции, воодушевляемые страстными призывами Белинского, трудились над просвещением русского народа. Как и Белинский, Студитский некоторое время работал учителем, а затем полностью перешел к литературной деятельности. В эпоху, когда народное образование в России почти целиком сводилось к изучению «закона божьего», он в редактируемой им газете «Мирское слово», вслед за Белинским, боролся за реальное и всестороннее образование. Он издал несколько популярных книг по географии, русскому языку и истории. Его книгу для детского чтения «Путешествие вокруг света» (1846) Белинский отметил, как «хорошо написанную и очень полезную для детей»³². Положительной рецензией Белинского была отмечена также его «История для детей»³³. Студитскому принадлежит изобретение «передвижной азбуки»³⁴.

³⁰ Песни, собр. П. В. Киреевским, вып. 7, стр. 146—147.

³¹ «Москвитянин», 1854, № 15, стр. 95.

³² Том X, стр. 130.

³³ Том XII, стр. 527—528.

³⁴ В истории русской педагогики имя Ф. Студитского также замалчивалось реакционными и либеральными историографами. Не упоминается оно до сих пор и в

Ф. Д. Студитский является одним из самых выдающихся собирателей в истории русской фольклористики. Собиранием народных песен он начал заниматься еще в 30-е годы в Новгородской губ. К сожалению, собранные им там материалы не были опубликованы. Повидимому, они не сохранились. В 1841 г., после поездки в Вологодскую и Олонецкую губернии, Студитский опубликовал пять народных песен в «Отечественных записках» и издал сборник «Народные песни Вологодской и Олонецкой губерний». Этот сборник до сих пор может служить одним из образцов научной публикации подлинно народных песен, записанных с исключительной точностью. Студитский первый в истории русской фольклористики издал сборник, целиком составленный из материалов, записанных самим составителем. Большим достоинством его сборника является и то, что в нем при публикации народных песен раскрывается и обстановка, в которой они были записаны, дается описание хороводных игр, в которых они исполнялись.

Как и в своей педагогической деятельности, так и в собирательской практике Студитский испытал сильное влияние Белинского. Характерно, что первую публикацию песен Студитский сделал в «Отечественных записках». В письме к редактору «Отечественных записок» Студитский писал, что, увидев то радушие, с каким журнал (в лице Белинского.—Б. Б.) приветствовал собрание «Песен русского народа» Сахарова, он счел «обязанностью послать несколько (песен)» для опубликования в журнале³⁵. Все письмо Студитского является откликом на те идеи, практические советы и указания, с которыми Белинский обращался к собирателям народной поэзии. Студитский обнаруживает глубокое понимание принципов, пропагандируемых Белинским.

Из всех собирателей народной поэзии в 30—40-е годы Ф. Д. Студитский был наиболее близок к Белинскому как по своим общественно-политическим взглядам, так и по своим взглядам на народную поэзию. Собирательская деятельность Студитского была практической реализацией теоретических высказываний Белинского.

Значительную роль в деле собирания и издания народной поэзии сыграли журналы, в которых сотрудничал Белинский. Постепенно эти журналы устанавливали все более и более тесную связь с собирателями народной поэзии, проводившими свою работу в различных концах России. В этих журналах давалась информация о готовящихся фольклорных изданиях и систематически рецензировались издания, уже вышедшие в свет. Все это делалось главным образом самим Белинским. В этих журналах часто публиковались письма, статьи, заметки и материалы, присылаемые собирателями и исследователями народной поэзии. Публикация подобных материалов особенно часто практиковалась в «Отечественных записках», главным образом в период работы Белинского над статьями о народной поэзии. В это время «Отечественные записки» становятся одним из организующих центров собирательской работы. В этом журнале были опубликованы записи материалов, присланные П. М. Языковым, Ф. Студитским, Л. Боровниковским, Иакинфом (Бичуриным), Ф. Евецким, А. Козловским, А. Мордвиновым, И. Борисовым и др. При тех трудностях, с которыми было связано в то время издание народной поэзии, публикация материалов на страницах «Отечественных записок» имела особое значение.

В этом же журнале иногда публиковались материалы, заимствованные из других печатных источников. Однако главным источником для публикаций народных произведений было непосредственное собирание их в живом бытовании, проводившееся лицами, проживавшими

советских курсах, в частности в «Истории педагогики» проф. Е. Н. Медынского (М., 1947).

³⁵ «Отечественные записки», т. XVI, 1841, стр. 55.

в различных концах страны и имевшими возможность на месте широко знакомиться с жизнью и культурой народных масс.

Как ранее «Телескоп» и «Молва», так затем и «Отечественные записки» печатали на своих страницах главным образом материалы, собранные разночинцами: провинциальными чиновниками, учителями, купцами и т. п. Некоторые из них систематически, на протяжении нескольких лет, собирали народную поэзию и наблюдали за ее бытованиям. Полтавчанин Л. Боровниковский писал, что он занимался «постоянно несколько лет собиранием всего, что выражает характер, язык, быт, понятия и суеверия малороссиян»³⁶. Симбирский собиратель, подписавшийся инициалами В. Б., в своем письме в редакцию указал, что ему по роду службы приходится много разъезжать и знакомиться с бытом простого народа в разных губерниях. «Я успеваю,— писал он,— записывать все то, что мне кажется замечательным, и, таким образом, в течение нескольких месяцев собрал в одну тетрадь довольно любопытных заметок и наблюдений»³⁷.

Развитие собирательской работы в 30—40-е годы в немалой степени было связано с приходом в это время в общественную деятельность разночинцев. Сахаров — врач почтового департамента, Студитский — учитель гимназии, Максимович — ботаник, Суханов — архангельский крестьянин-самоучка, Борисов — архангельский купец, Полевой — сын купца и сам купец, Венелин — врач, Срезневский — сын профессора Харьковского университета, Снегирев — сын профессора Московского университета, Даль — сын военного врача, Нефедьев — чиновник, Кольцов — сын торговца скотом. Перечисление разночинцев, занимавшихся собиранием народной поэзии и этнографическими исследованиями в России 30—40-х годов, можно было бы еще значительно продолжить.

К разночинцам прежде всего и обращал свои призывы Белинский с самого начала своей деятельности. Еще в рецензии на книгу И. Нефедьева в 1835 г. Белинский писал: «Дай бог, чтобы он как можно более нашел себе подражателей, особенно между чиновниками, которые по занимаемым ими местам имеют средства доставить сведения, которые с таким трудом достаются частным читателям»³⁸. Журналы, в которых сотрудничал Белинский, публикуя материалы по народной поэзии, тем самым оказывали большую поддержку собирателям-разночинцам и способствовали развитию их деятельности.

В 1840 г. один неизвестный собиратель писал в редакцию «Отечественных записок»: «Несколько раз в вашем журнале были помещены народные русские песни, причем вы изъявляли готовность помещать и другие, которые вам будут доставляемы. Радуясь столь достойному и счастливому направлению этого журнала»³⁹, где находит себе место все дорогое русскому сердцу, я беру на себя смелость представить вам некоторые из собранных мною песен. Если вы поместите их в вашем журнале, буду иметь удовольствие доставить вам несколько сотен таких же. Утешительно думать, что «Отечественные записки» послужат обильным источником для будущего песнесобирателя»⁴⁰.

Своим, отмеченным в этом письме «достойным и счастливым направлением» «Отечественные записки» были обязаны Белинскому, роль которого в журнале хорошо известна. Учитывая, какое внимание Бе-

³⁶ «Отечественные записки», 1840, т. VIII, стр. 42.

³⁷ Там же, т. IX, стр. 28—29.

³⁸ Том II, стр. 69.

³⁹ Подчеркнуто мной.— Б. Б.

⁴⁰ «Отечественные записки», т. IX, стр. 126. Вместе с письмом в этом номере журнала опубликованы 15 свадебных и хороводных песен с описанием игр, в которых они исполнялись.

линский уделял вопросам народного творчества вообще и вопросам созиания народных произведений в частности, естественно предположить, что именно он, если не всегда, то по крайней мере в большинстве случаев занимался в редакции публикацией этих произведений.

Белинский не только подготавливал публикацию присылавшихся в редакцию материалов народной поэзии, но и явно заботился о том, чтобы этих материалов присыпалось возможно больше и чтобы они были высокого качества. Так, например, в письме к А. П. Ефремову от 23 августа 1840 г., прося присыпать в журнал «новостей ученых, художественных и литературных», он особо обратил внимание своего корреспондента на народные произведения: «Нет ли хороших сказок — пожалуйста»⁴¹.

*

Фольклористика, как и всякая другая общественная наука, всегда отражала классовую борьбу. Рассмотренные материалы со всей очевидностью свидетельствуют о том, что с первых же этапов своего развития созиание и издание народной поэзии также были одним из участков общественно-политической и идейной борьбы.

Формирование научных принципов русской фольклористики было неразрывно связано с передовыми, демократическими идеями. В созиании и издании народной поэзии в России 30—40-х годов XIX в. выдающуюся роль сыграл великий русский революционный демократ В. Г. Белинский. Подходя к решению вопросов народного творчества с позиций подлинно демократического мировоззрения и обобщая опыт русских фольклористов-собирателей, он заложил основы научной теории созиания и издания народной поэзии.

Деятельность Белинского и ее огромное общественное влияние имели очень важное значение для достижения русскими фольклористами-собирателями тех замечательных успехов, которыми с полным правом может гордиться наша отечественная наука о народном творчестве. Борясь за последовательное осуществление принципа созиания подлинной народной поэзии в ее живом устном бытования, Белинский положил начало борьбе русских революционных демократов за научное созиание народного творчества. Вместе с тем он явился здесь предшественником одного из основоположников советской фольклористики — А. М. Горького.

⁴¹ Письма, т. II, стр. 153.

ЗАМЕТКИ · СООБЩЕНИЯ РЕФЕРАТЫ

С. И. РУДЕНКО

ТАТУИРОВКА АЗИАТСКИХ ЭСКИМОСОВ

Летом 1945 г., занимаясь археологическими исследованиями на бeringиоморском побережье Чукотского полуострова, я посетил все эскимосские поселки. В отличие от береговых чукчей у эскимосов я повсюду видел татуировку как на лицах, так и на руках, особенно распространенную среди женщин. На севере, в районе мыса Дежнева, она не сложная: обычно несколько вертикальных прерывистых линий покрывают подбородок; иногда у углов рта имеются кружки. Напротив, на юге, от мыса Чаплина до поселка Сирэнек на западе, татуировка часто встречается довольно сложная, двумя линиями идущая от лба вдоль носа, покрывающая нередко обе щеки, подбородок, кисти с запястьем и предплечья рук.

В ожидании парохода в бухте Провидения я имел возможность заняться зарисовкой татуировок в эскимосском поселке Урэлик, часто посещаемом эскимосами других поселков. Мне посчастливилось. В Урэлик я встретил эскимосок из всех южных поселков и в короткий срок удалось сделать немало зарисовок. Стремясь получить точную копию рисунка татуировки, на руку или на щеку я накладывал пропитанную маслом прозрачную восковку, сквозь которую хорошо просвечивал рисунок татуировки, и последний наносился на восковку мягким карандашом.

Азиатские эскимосы в настоящее время не татуируются, но лет десять-пятнадцать назад обычай этот был общераспространенным. Татуировались девушки с наступлением половой зрелости, до замужества. Наносимые узоры служили общепринятым украшением. Впрочем, неузорная татуировка, татуировка простыми линиями наносилась, да и теперь еще наносится, на заболевшие члены с медицинской целью как женщинами, так и мужчинами. С той же целью на лбу над бровями наносились схематические изображения человечков при нервных заболеваниях.

Техника эскимосской татуировки проста, выполнялась продергиванием под кожей нитки, натертой сажей. Самая сложная татуировка опытной женщиной выполнялась в течение одного, реже двух дней. Мужчины, как сказано, татуировались редко, и я видел всего несколько человек, у которых на щеках, у углов рта имелись кружки или полукружки, в двух случаях — короткие линии на висках и в одном — фигуры человека (юхак) на лбу над бровями.

Татуировка женщин гораздо богаче и разнообразнее. Обычно на подбородке, от нижней губы книзу идут три, пять, семь двойных, реже тройных линий подобно тому, как это наблюдал Нельсон у аляскинских эскимосов¹. Часто две параллельные линии нанесены на лбу между бровями, спускаясь вниз по обе стороны носа. Значительно сложнее татуировка щек, причем я не встречал одного и того же в точности узора на обеих щеках². Как правило, правую щеку покрывает татуировка, более сложная, левую — более простая. В некоторых случаях была татуирована только одна щека.

В нащечной татуировке от висков к углам нижней челюсти спускаются три параллельные прерывистые линии, от которых к уху и ниже по щеке нанесен более или менее сложный узор. Менее сложный узор татуировки левой щеки представлен простыми «китовыми хвостами» насыщенными на прерывистые линии (рис. 1, 2, 5, 6, 8 и 10), или более сложными «китовыми хвостами» (рис. 1, 5, 6, 8 и 10), иногда превратившимся уже в «рога» (рис. 10). Этот мотив мы имеем у эскимосок с мыса Чаплина: у Ахина и Интивнаук — на обеих щеках, у Пануна и Аймик — на левой. Более

¹ E. W. Nelson, The Eskimo about Bering Strait, Ann. Rep. Bureau Amer. Ethnol., Washington, 1899, табл. 8 и 9.

² Названия этих татуировок, записанные С. В. Ивановым со слов эскимоса Ктугье, следующие: на подбородке — «тамлуг'ун» (надбородочная), на носу — «атн' аг'ун», на щеках — «так'уг'ун» (нащечная).

сложный орнамент правой щеки обычно представляет собой «сетку» (кильвак) (рис. 7, 9, 11), как это можно видеть у эскимосок Пануна, Тагана и Аймик с того же мыса Чаплина. Иногда арки и квадраты, свойственные сетке, но в менее сложных комбинациях, мы встречаем и на левой щеке (рис. 3, 12).

Между нащеченной татуировкой и углами рта изображаются двухлинейные полу-подковки (тутáк) (рис. 7, 8, 9 и 10) или кружки с точкой в центре (рис. 3).

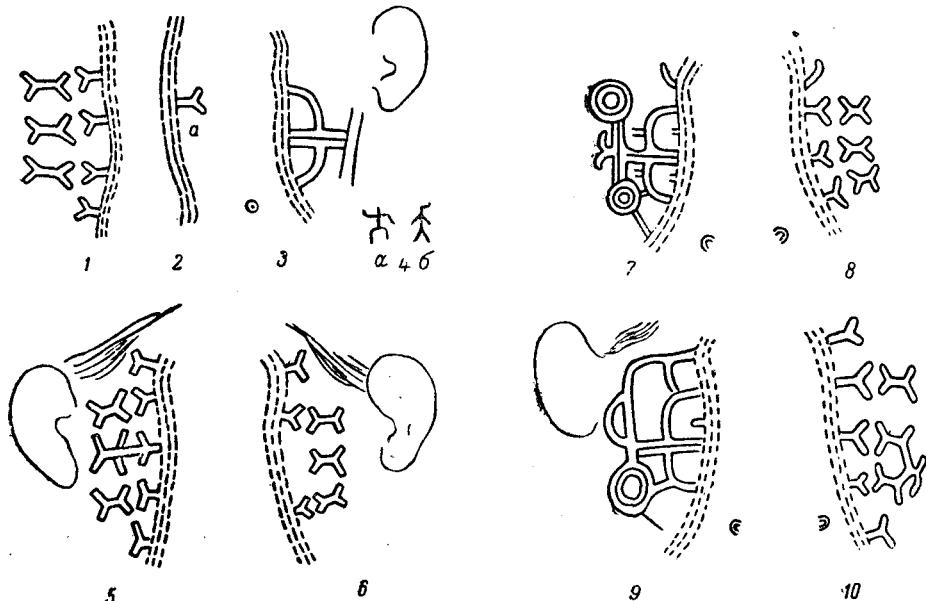

Рис. 1—2 — правая и левая щеки (Ахина, 46 лет, Чаплино); 3 — левая щека (Тауку, 35 лет, Чаплино); 4 — человечки на лбу „юхак“ (слева — Сирэник, справа — Чаплино); 5—6 — правая и левая щеки (Интивнаук, 50 лет, Чаплино); 7—8 — правая и левая щеки (Аймик, 30 лет, Чаплино); 9—10 — правая и левая щеки (Пануна, 58 лет, Чаплино)

На руках женщин татуировка покрывает тыльную поверхность кисти, запястье и нижнюю часть предплечья. Узором чаще покрыты обе руки, но иногда татуировка покрывает только правую или левую руку.

От запястья до шальцев, посередине кисти руки проведены две, несколько расходящиеся к переднему концу рисунка линии, на которых наложены законченные композиции из системы дуг, иногда с кругами и «китовыми хвостами», на запястье

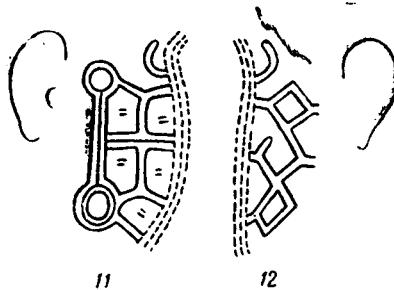

Рис. 11—12 — правая и левая щеки (Тагана, 45 лет, Чаплино)

обычно изображены эллиптические фигуры «лопатки» (пыкутак) (рис. 15, 16, 17, 19, 20, 22, 25, 26, 27 и 28) со «скребками» (акыхрак) (рис. 15, 19, 20, 27) в виде тре-зубцев или «лопасти» (камистак) (рис. 15, 16, 25, 26, 27), в иных случаях вместо лопаток простые «китовые хвосты» (рис. 17).

В некоторых случаях татуировка на обеих руках бывает почти одного и того же рисунка (рис. 23, 24); иногда они отличаются добавлением одного какого-либо эле-

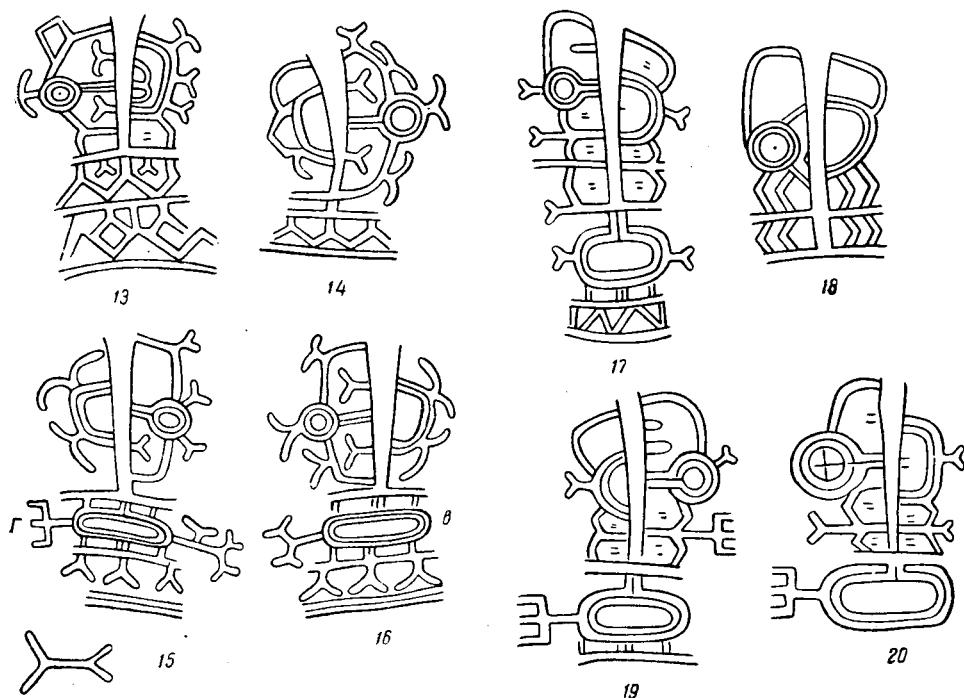

Рис. 13—14 — левая и правая руки (Тагана, 45 лет, Чаплино); 15—16 — левая и правая руки (Тауку, 35 лет, Чаплино); 17 — правая рука (Рультина, 35 лет, Сирэнник); 18 — правая рука (Умкананук, 42 лет, Урэлик); 19—20 — левая и правая руки (Кататук, 52 лет, Урэлик)

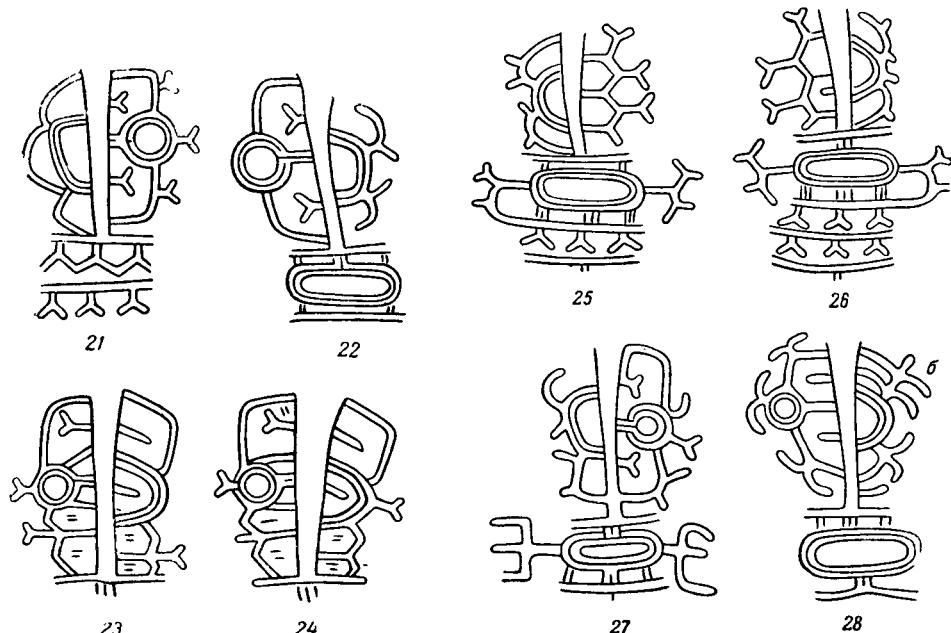

Рис. 21—22 — левая и правая руки (Ахина, 46 лет, Чаплино); 23—24 — левая и правая руки (Юскунихан, 31 года, Авань); 25—26 — левая и правая руки (Аймин, 30 лет, Чаплино); 27—28 — левая и правая руки (Панича, 58 лет, Чаплино)

мента, например, добавочного ряда «хвостов» на правой руке (рис. 26), или заменой хвостов скребками и добавкой пары параллельных линий на левой руке (рис. 19). Нередко при одной и той же композиции рисунок татуировки, выполненный на тыльной поверхности ладоней обеих рук, довольно существенно отличается от рисунка, выполненного на запястье (рис. 13 и 14, 21 и 22, 27 и 28).

Несмотря на кажущееся на первый взгляд большое разнообразие в рисунке татуировки рук, она всегда состоит из сравнительно небольшого числа традиционных элементов, присущих эскимосской татуировке вообще. Эти элементы следующие: «китовые хвосты» (рис. 2а), насаженные на прямые линии, дуги или круги, которые нередко превращаются в рога (выгак) (рис. 28б), концентрические круги и эллипсы, лопатки (рис. 16а), трезубцы, скребки (рис. 15а) и дуги.

Благодаря любезности С. В. Иванова я получил возможность ознакомиться с образцами татуировок, собранными художником А. Л. Горбунковым во время его

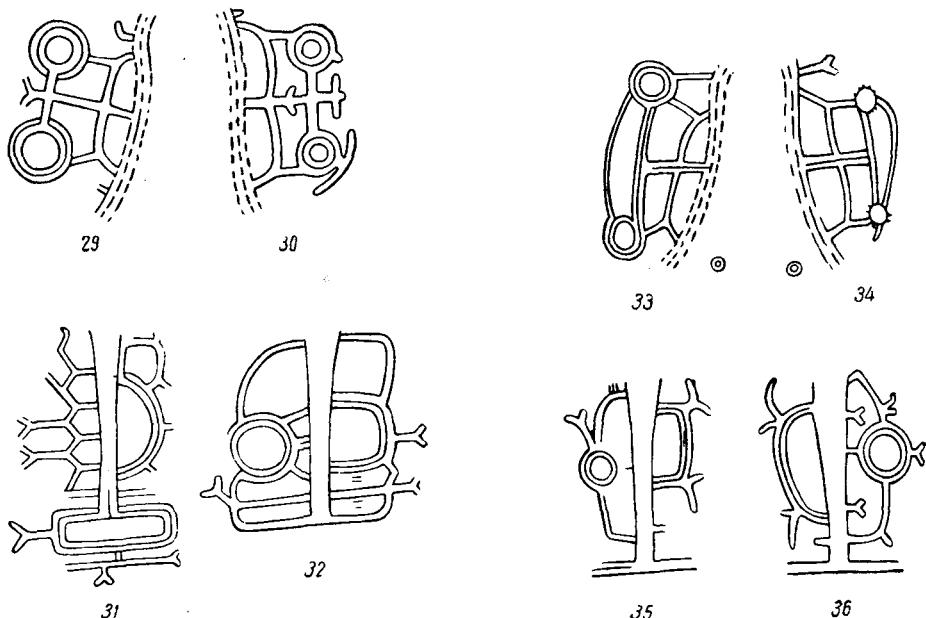

Рис. 29—32 — щеки и руки эскимоски из Вутеен; 33—36 — щеки и руки эскимоски Иини

пребывания среди эскимосов сел. Сирэнк. Мотивы и характер татуировок в этом интересном собрании совершенно аналогичны нашим, и поэтому мы их здесь не воспроизводим.

Сорок лет назад В. Г. Богораз во время Джезуповской экспедиции сделал серию зарисовок татуировки азиатских эскимосов, хранящуюся ныне в Архиве Академии Наук СССР (фонд 250, опись 1, № 1211). Все эти зарисовки сделаны, повидимому, поселке Вутеен у мыса Улахпен. По этим зарисовкам татуировка на лице некоторых женщин ограничивалась тройными продольными линиями на щеках, двумя на седедине лица, направленными от лба между бровями вдоль носа, двойными подковами у углов рта и рядами вертикальных линий, покрывающих подбородок. Там, где рисунок татуировки был сложным, он подобен зафиксированному мной. В качестве образца из зарисовок В. Г. Богораза привожу татуировку двух женщин (рис. 29—32 и 33—36), покрывающую обе щеки и кисти рук.

В какой степени традиционна татуировка азиатских эскимосов, можно судить по рисунку художника Луки Воронина, рисовальщика экспедиции Биллингса — Сарычева, воспроизведенному в альбоме, приложенном к работе Сарычева³.

На этом рисунке мы видим те же две линии от лба вдоль носа, на щеках — тройные прерывистые линии и посаженные на них тройные полукруги, опирающиеся на двойные линии. Те же пять тройных и двойных линий от края нижней губы покрывают подбородок. Рука от плеча до кисти покрыта орнаментом, состоящим из

³ Сарычев, Путешествие капитана Биллингса через Чукотскую землю, ч. I 1811, стр. 104.

тройных концентрических кругов, соединяющихся тройными продольными и поперечными линиями и комбинациями из китовых хвостов или вороньих лапок⁴.

Таким образом, татуировка, до малейших деталей сходная с сохранившейся до наших дней, практиковалась у азиатских эскимосов по крайней мере двести лет назад. Такая стойкость этого обычая, отсутствие какой бы то ни было эволюции как в общей композиции, так и в частных элементах рисунка, несмотря на существенные изменения, произошедшие за это время как в материальной культуре, так и в общественном строе народа, свидетельствуют о большой древности этого обычая.

В точности такие же, как у азиатских эскимосов, татуировки известны только на островах Берингова моря и среди западноамериканских аляскинских эскимосов.

Татуировка подбородка рядами вертикальных линий, помимо уже упоминавшихся на фотографиях в работе Нельсона, для западных американских эскимосов отмечена Гордоном⁵ и Хауком⁶. Гордоном у западных эскимосов наблюдалась также татуировка кружками с точкой в центре, нанесенная у края рта (см. в указанной его работе табл. 9, рис. 6).

Нашечная татуировка та же, что у азиатских эскимосов, известна на острове св. Лаврентия⁷ и у западных аляскинских эскимосов⁸. В точности та же, что и у азиатских эскимосов, татуировка тыльной поверхности кисти руки наблюдалась Норденшельдом у эскимосов порта Кларенс⁹, те же элементы, та же композиция, только в отличие от эскимосов азиатских, у которых татуировка покрывает половину предплечья, у эскимосов из порта Кларенс татуировкой покрыто все предплечье. Татуировка на руках эскимосов острова Кинг в Беринговом море отличается отсутствием рисунка на кисти руки, но покрывает все предплечье. Что касается элементов рисунка и композиции, то они, как это видно на таблицах в работе Гордона (таблицы 10 и 11), совершенно те же, что и на азиатском побережье Берингова моря.

Татуировка центральных и восточных американских эскимосов много проще, чем в районе Берингова моря. Центральные эскимосы татуируют подбородки, щеки и лоб единичными или двойными прерывистыми линиями¹⁰. Иногда на запястье встречаются поперечные зубчатые линии¹¹.

Татуировка лица, т. е. подбородка, щек и лба, прерывистыми линиями известна и на восточном побережье Гудзонова залива и на острове Баффинове¹². На юге Баффинова острова описана также татуировка бедра и предплечья эскимосской женщины рядами сплошных и прерывистых линий¹³. Несложная татуировка лица, рук, ног и между грудями известна и у гренландских эскимосов¹⁴. У эскимосов карibu, по Биркет-Смиту, татуировка на подбородке, щеках и на лбу в общем такая же, как и у центральных эскимосов¹⁵.

Подводя итог всему сказанному об эскимосской татуировке, следует прежде всего отметить, что у них подобно малайцам и ряду островных народов татуировались почти исключительно невесты, т. е. девушки после наступления половой зрелости до выхода замуж. Мужчины татуировались редко, и их татуировка не имела характера украшения. Что касается семантики татуировки, то раньше она, несомненно, имела магический смысл.

Одним из самых распространенных мотивов татуировки была У-образная фигура, повсеместно трактуемая эскимосами как китовый хвост, связанная с особым отношением к киту. Этот мотив встречается в татуировках щек и рук женщин, у углов рта мужчин. Магическое значение имели, вероятно, вороньи лапки, изображенные над бровями мальчика из бухты Пловер¹⁶.

Заслуживает внимания и самое место, где изображены эти лапки — именно там,

⁴ Под упомянутым рисунком (гравюрай в альбоме) подпись «Женщина Чукотской земли». Между тем это изображение эскимоски из бухты св. Лаврентия. О жителях бухты св. Лаврентия Сарычев между прочим писал (ч. II, стр. 104—106), что по типу они очень похожи на жителей мыса Раднея в Америке, байдары у них такие же, как и у аляскинских эскимосов, и на байдарах своих они ездят в Америку. Последнее вполне естественно для эскимосов и невероятно для чукчей.

⁵ G. B. Gordon, Notes on the Western Eskimo. Transaction Depart. of Archaeology Univ. of Pennsylvania, т. 2, ч. 1, 1906, табл. 9, рис. 1 и 2.

⁶ E. W. Hawkes, The Labrador Eskimo, 1916, рис. 31.

⁷ Nelson, Указ. раб., табл. 13.

⁸ Gordon, Указ. раб., табл. 9.

⁹ Boas, The Central Eskimo, 6th Ann. Rep. Bur. Amer. Ethnol., 1888, стр. 561, рис. 516.

¹⁰ Там же, рис. 515.

¹¹ Там же, рис. 516.

¹² Hawkes, Указ. раб., рис. 31, а, б, с.

¹³ Там же, рис. 30.

¹⁴ W. Thalbitzer, The Ammassalik Eskimo, 1914, стр. 28—29.

¹⁵ Kaj Birket-Smith, The Caribou Eskimo. Rep. 5th. Thule Exped. 1921—1924, vol. 5, Copenhagen.

¹⁶ Nelson, Указ. раб., стр. 325, рис. 115.

где татуируются фигурки человечков. Те же семантика и изображения в татуировке мальчика с острова Диомида¹⁷.

Подобные изображения в эскимосской татуировке Нельсон и Гордон связывают с пережитками тотемической системы, что вряд ли справедливо.

В отличие от западных североамериканских индейцев у эскимосов вообще, и у азиатских в особенности, в социальном строе мы имеем дело с разложением перво-бытно-общинного, а не родового строя, связанного с тотемическими представлениями. Поэтому ближе к истине Богораз¹⁸ и Хау¹⁹, рассматривающие перечисленные выше изображения как апотропические, защитные. К числу последних могут быть отнесены и колючки или лабреты, нередко воспроизводящиеся в виде полуподкюк или кружков у углов рта, как раз там, где ранее носились лабреты.

Из сопоставления татуировки эскимосов района Берингова моря с татуировкой восточных эскимосов обращает внимание наибольшее ее развитие в указанном районе.

Татуировка известна и у других северных азиатских народов от Тихого океана до Урала. Однако татуировка эвенков, якутов, хантов или манси проще и даже в прошлом столетии была менее распространена, чем у берингоморских эскимосов в настоящее время.

Вопрос о происхождении татуировки вообще очень сложен, и разрешение его не входит в наши задачи. Татуировка же азиатских эскимосов, с нашей точки зрения, представляет тот особый интерес, что является одним из аргументов в пользу южного происхождения эскимосов и их культуры. Не случайно и то обстоятельство, что в районе имени Берингова моря, в области развития древнейших стадий эскимосской культуры, связанных с южными островными культурами, татуировка сохранилась до наших дней в наиболее развитых ее формах.

¹⁷ Gordon, Указ. раб., стр. 81, рис. 1.

¹⁸ W. Bogoras, The Chukchee, Mem. Amer. Mus. Nat. Hist., vol. II, 1904—1909, ч. 2, стр. 342 и 343.

¹⁹ Hawkes, Указ. раб.

Г. М. ВАСИЛЕВИЧ

К ВОПРОСУ О КИДАНЯХ И ТУНГУСАХ

В первом номере журнала «Советская этнография» за 1948 г. помещена интересная статья Е. М. Залкинда «Кидане и их этнические связи». Автор, дав исчерпывающую характеристику и оценку литературных источников по вопросу о киданях, ставит себе задачу «привести наиболее существенные суждения об этнической принадлежности киданей и на этой основе, с привлечением некоторых дополнительных источников, прийти к определенному заключению по этому вопросу» (стр. 45). Статья оканчивается заключением, что «кидане следуют рассматривать как древнемонгольскую народность, остатками которой являются современные дауры. Под властью этой народности в Великом Ляо жили народы и племена различного этнического происхождения, в том числе тунгусы-солоны» (стр. 62).

Разбирая вопрос о взаимоотношениях киданей и других племен, автор статьи связывает историю киданей с историей «тунгусов, не только маньчжурских, но и всех тунгусов в целом». Основание этой связи он находит в двух случаях: во-первых, в названии солнца (киданьское *šikwan* и тунгусское *šiwan*), во-вторых, — случай с начальным *h*-, который по диалектам эвенкийского языка и по языкам тунгусо-маньчжурской группы относится к ряду *O-~h-~n-~f-*. Рассмотрев эти факты, он приходит к выводу: «таким образом, архаичность западно- и северотунгусских диалектов позволяет датировать переселение тунгусов на запад в бассейн Енисея, а разю и на северо-восток Азии предположительно XII—XIV веками»; хотя дата и «носит весьма приблизительный характер, но те лингвистические соотношения, которые можно установить при современном уровне изученности тунгусских языков, позволяют считать ее гипотетически допустимой» (стр. 61).

Таким образом, анализ двух лингвистических случаев дал возможность высказать гипотезу, подтверждающую уже известную всем точку зрения об амурском происхождении тунгусов и о передвижении их на систему Енисея в относительно недавнее время (XII—XIV вв.). Рассмотрим эти два факта.

1. «Название солнца как в западных тунгусских диалектах (*šiwan*), так и в крайних восточных (негидальское *šiwi*) близко к киданьскому *šikwan*, причем в прибайкальских эвенкийских наречиях подобного слова нет», — пишет Е. М. Залкинд (стр. 60). Это не совсем так. В эвенкийском языке для слова «солнце» есть два синонима: *дылача* и *сигун*. Второй распространен в меньшем числе диалектов, а именно в говорах: Туруханского района (между Обью и Енисеем — сымские: *шигун*—*шивун*), Илимпийского района Эвенкийского округа (к северу от Нижней Тунгуски — илимпийские: *хивун*, *дылача*), Тымитонского района Якутии (по системам рек Чульман, Тымитон, Сутам, Гонам — чульманские: *сивун*), в Джелтулакском районе Амурской области (по системе Гилюя и правым средним притокам Зеи — гилюйские: *сигун*) и в Маньчжурии (система р. Быстрой — хинганские: *сигун*). Этот же синоним имеется в языках онгкоров (*сиун*), солонов (*шигун*) и негидальцев (*сивун*—*сиун*, *нютэн*); на территории нижнего Приамурья — в орочском (*сиу*—*сей*—*сяу*), в орочском (*сиун*), в удэгейском (*сү*), в ульчском (*сиун*—*сүн*), в нанайском (*сиун*) и, наконец, в маньчжурском (*сүн*). Повидимому, Е. М. Залкинд видит в этой общности названия «солнца» киданьское влияние, а киданей, считает он, следует «рассматривать как древнемонгольскую народность». Следовательно, слово *сигун*—*шикун* должно было существовать в древне-монгольских языках и перекочевало в тунгусские. Если так, то в этом варианте оно должно было бы сохраниться в каком-либо из монгольских языков, но в монгольском XIII—XIV вв. мы знаем *наран*, в современном — *нара(н)*, в калмыкском — *нарн*. Едва ли могло исчезнуть слово, выражавшее такое древнее понятие, и, с другой стороны, трудно себе представить заимствование слова для понятия, появившегося в весьма древние времена. Слово *сигун* в различных фонетических вариантах характерно для языков тунгусо-маньчжурской группы. Если же искать параллели ему, то они приведут к древнейшему корню *cVl*—*cVn*¹, который

¹ См. нашу статью «Древнейшие языковые связи современных народов Азии и Европы», Труды Института этнографии, новая серия, т. II, 1947.

восходит к древнейшим языкам, существовавшим до начала становления языков алтайской системы. Этот корень-слово в варианте *сүн* вошел и в тунгусские языки, в которых он развился уже в сложном виде *си(н) + гун ~ си(н) + вун*. Распространение его по диалектам и говорам эвенкийского языка также говорит против гипотезы Е. М. Залкинда. Он бытует в говорах к западу от Енисея, к северу от Нижней Тунгуски — в «окраинных», на востоке — по соседству с бывшей территорией киданей, на правых и левых притоках Амура и к северу от них на притоках Алдана (Тимптон; Сутам, Гонам — система Учура). Эвенки, говорящие на них, происходят в значительной части от верхнеамурских тунгусов, которые, несомненно, были в каких-то взаимоотношениях с киданями.

2. Относительно начального *h*- автор статьи пишет: «Эта древнемонгольская, а хронологически, позволительно предположить, и киданьская форма сохранилась у западных и северных тунгусов, а также и в некоторых архаичных даурских диалектах, исчезнув у прибайкальских и нерчинских тунгусов, а равно и монголов, в процессе своего языкового общения подвергшихся влиянию определенных факторов, оказавших воздействие на фонетический строй соответствующих языков» (стр. 61).

Диалектологические материалы, собранные нами в течение 24 лет от большинства эвенкийских групп², дают следующую картину.

Слова с начальным *h*- произносятся различно не только в пределах разных говоров, но и в пределах произношения одного лица. Эта фонема крайне неустойчива, она то произносится полностью, то очень вяло, то переходит в аспирацию, то исчезает совсем. Такое соответствие *h- ~ O-* характерно для всех говоров и лишь в говорах, распространенных в северной части Бурятской АССР (Северо-Байкальский и Баунтовский районы), процесс исчезновения *h-* развился настолько сильно, что для этих говоров можно считать характерным отсутствие начального *h*.

Записи, произведенные по словнику для словаря Палласа в XVIII в.³, Кастреном в XIX в.⁴ и студентами Иркутского университета (помещены в словаре Титова⁵), и записи, произведенные в 1900 г. Птицыным⁶ от эвенков с р. Голоусная в 55 км от пос. Лиственичный у южного берега Байкала, дают такую же картину неопределенности начального *h*.

Приведем некоторые примеры, взятые из указанных говоров:

Баргузинск. (Б) и северобайкальск. (СБ), XVIII в.	Нерчинские, XIX в.	Южнобайкальск, 1900 г.	Северобайкальск. (СБ), баунтовск. (Б), верхоленск. (ВЛ), 1925 г.	Современн. баргуз. (Б), северобайк. (СБ)	Перевод
хутэ (Б)	хутэ~утэ	хутэн-	уто~хуто (СБ), (ВЛ)	утэ (СБ)~хутэ (Б)	сын, дочь, родить
унаджи (Б)	унат	—	унат (СБ)~хунат (СБ)	унат (СБ)~хунат (Б)	девушка
хэгды (Б)	агды	хагдымор	огды (СБ)~хогдыкун (ВЛ)	эгды (СБ)~хэгды (Б)	большой
халган (СБ)	алган~халган	халган	алган (СБ)~халган (ВЛ)	алган (СБ)~халган (Б)	нога

Таким образом, на протяжении двух веков в эвенкийских говорах вокруг Байкала начальный *h*- оставался в одном состоянии, несмотря на взаимодействия с бурятским языком, и только в говорах северных районов Бурятии процесс исчезновения начального *h*- за последние годы, повидимому, развился.

Наоборот, в говорах потомков верхнеамурских эвенков, так же как в языках нижнеамурских народов, в ряде слов сохранился *h-*, уже утерянный большинством эвенкийских говоров (см. примеры в таблице на стр. 168).

Если для тунгусских языков следовать теории Пелльо об исчезновении начального *h*- в процессе языкового общения и под влиянием «определенных факторов», то непонятно, каким образом, помимо сохранения *h-*, характерного для всех, в амурских эвенкийских говорах и других тунгусских языках он сохранился, исчезнув в других говорах; предки этих народностей, несомненно, были в орбите влияний киданей.

Любопытно посмотреть эвенкийский состав слов с начальным *h- ~ O-* сравнительно с монгольским. На 850 примерно случаев 95 имеют соответствие в монгольском. Значительная часть этих соответствий относится к позднейшим заимствованиям.

² См. о диалектах подробнее нашу книгу «Очерки диалектов эвенкийского (тунгусского) языка», Л., 1948.

³ Сравнительный словарь языков и наречий, Петербург, 1787 г.

⁴ Castren's Reisen und Forschungen, т. IX, 1856.

⁵ Е. И. Титов. Тунгусско-русский словарь, Иркутск, 1926.

⁶ Вл. Птицын, Очерки тунгусского языка, Петербург, 1903.

Эвенкийский литературный язык	Амурские говоры эвенкийского языка	Нанайский язык	Ульческий язык	Сымские говоры эвенкийского языка (к зап. от Енисея)	Перевод
урэ (1)	урэ~хурэ (1)	хурэн (1)	хурэ (1)	урэ (2)	гора (1), тайга (2)
асикта асикта (1)	ахикта	хасекта	хаста	ашекта	ель
осин (2)	охикакта (1)	хосекта~	хоста (1)	ошин (1)	звезда (1);
орокто (1)	хохин (2)	осекта (1)	соакта (1)	хошин (2)	искра (2)
	хорокто (1)	хорокта(2)		хорокто (1)	трава
амаски	амаски	хамаси	хамаси	амашки	сухая (1); кора (2)
					назад

из бурятского. Из других — часть аналогий типа монгольского *кэсгие* — камень, эвенкийское *хисэ~ихэ*, в которых эвенкийское *h~O-* соответствует в монгольском горлантому *k-*. И лишь небольшая группа слов имеет в древнемонгольском начальный *x-*. Приведем примеры:

Монгольский язык XIV в.	Совр. монгольский язык	Бурягский язык	Эвенкийский язык	Перевод
халакан — хүлэ'ү	алаган алху (1) үглегү	альга (н) алхо (2) улу	ханнга~аннга халган~алган (2) хэлэкэ~элэкэ, хулэкэ~улэкэ	кисть руки, ладонь шагать (1), нога (2) излишок, остаток
хирү'гер (1)	ирү'ар (2) хирү'эр (3)	—	хирул~ирук-(4)	благословение (1); просьба (2); молитва (3); говорить во время камлания (4)
хорај —	орои орон~орун (1)	орои хора аса (2)	хорон~орон харан~ааран (3)	макушка, темя место (1); балки, на которых держится крыша юрты (2); чум, место очага, очаг, место спанья, койка (3)

Некоторые из таких слов имеют аналогии и в тюркских языках и даже шире — в финноугорских (например, «часть»: эвенк. *хан~ан*, маньчж. *фали*, монг. *анги*, тюркск. *на~нэл~бл~вала*, венг. *фал*, финск. *пала*, хантыйск. *пул*). Если можно говорить о монгольском *h~O-*, то этого нельзя сказать об эвенкийском. А это же основания, которые позволяют Е. М. Залкинду датировать переселение тунгусов в бассейн Енисея «предположительно XII — XIV веками».

Расселение древних тунгусов между Байкалом и Енисеем и севернее по притокам Енисея имело место на много веков раньше. Приведу несколько случаев, помогающих отнести это расселение к какому-то времени.

Первое. Древние тунгусы на бассейне Енисея уже вполне оформились как самостоятельная группа с шекающим диалектом в тот период, когда началось первое передвижение саянских самоедов на север. Самоеды прошли через территорию енисейских тунгусов, что отразилось как в языках, так и в фольклоре обеих народностей. Ряд слов заимствован в самоедских языках из тунгусского и наоборот (см. примеры в таблице, на стр. 169).

Последние исследования по этногенезу самоедских племен, проведенные Е. Д. Про-кофьевой, позволяют ей относить первые передвижения саянских самоедов на север к первым векам н. э.

Второе. В говорах к югу от Нижней Тунгуски зарегистрирована одна форма образования числительных второго десятка из слова «двадцать» в отправительно-направительном падеже (Аллативус) и единиц: «двенадцать» переводится дословно: к двадцати два. Такой способ образования в языках Азии был отмечен только в двух случаях: в орхонских надписях, в названии одиннадцатого месяца уйгурского календаря, и у монголоязычных хара-егуров на границе с Тибетом⁷.

⁷ В. Бартольд, Система счисления орхонских надписей в современном диалекте, Зап. Вост. отд. Русск. археол. общ., т. XVII, вып. IV, 1917.

Тунгусские заимствования в самоедских языках

Эвенкийский	Самоедские
ламу~лам — море	ненецкий ям
ланг — пасть, ловушка	янгго
лапча — хвост рыбий	ябцо
юнгняки — гусь	юния — гагара
сангикса — иней	саной — сырой воздух
сона — остов чума	хони ху'ни
серанг — жердь чума	сех — часть чума
тырэксэ — икра	тиреяя
ендэги — Енисей	еня ям — Енисей (букв. Енисей море)
мана — лапа	мана — ласт морского зверя
киглэ — лыжа	селькупск. каглы — нарта
и др.	

Самоедские заимствования в западных говорах эвенкийского языка

Самоедские	Эвенкийский
сяр — табак	сяр~хар
се (коми; селем)	сэлэмэ — сердце
пече — сорога (рыба)	печер — уочка с приманкой
хар — нож	пурта
и др.	и др.

Если эта форма была в диалектах орхонских тюрок VII—VIII вв. н. э., то допустимо, что она попала в западные диалекты эвенкийского языка в те же века (больше нигде подобная форма не зарегистрирована).

Третье. В одном из обрядов сымских эвенков (к зашаду от Енисея) эвенки в течение нескольких дней имитируют передвижение вверх по реке на юг, затем на восток к истоку. В шаманских представлениях всех енисейских эвенков главная шаманская река «нижний мир», или «мир мертвых» начинается на востоке, течет на запад и на север, в нее впадают много рек разных шаманов. Эти моменты позволяют предполагать, что движение древних тунгусов к Енисею шло по Ангаре, может быть и по Подкаменной Тунгуске. Шаманская главная река с притоками — шаманскими реками, нам кажется, является отражением той социальной организации (племя, объединяющее роды), какая уже была в тот период.

Четвертое. Все три Тунгуски называются по-эвенкийски Катэнгами; Хатангой называется река, впадающая в Ледовитый океан, причем в верхнем течении она называется Котуй. Притоки Ангары и других Тунгусок в большинстве случаев носят эвенкийские названия. Само название Енисей было дано древними тунгусами. В записях Мессершмидта 1723 г. реки Ангара и Енисей ниже ее устья называны Иоандези, а в современном сымском диалекте Енисей называется *јэндэги* и в илимпийском диалекте — *јэндэги*. Самоедские племена пришли на Енисей, когда уже существовало это название. Слово *јэнэ* было характерно для языка приангарско-прибайкальских тунгусов; оно обозначало: гора, исток реки, река (большая); отсюда: *јэндэги* — *јэндэги* обозначает каменный угол и минеральная черная окраска. Слово *јэнэ* занесено группами этих эвенков и на восток и отмечено в говорах алдано-учурских, амгунско-чумиканских и сахалинских эвенков. Употребляется преимущественно в фольклоре и в значении очень широкой и длинной реки. Иногда для подчеркивания мощности реки употребляются в речи дублет: *јэнэ-бира*, дословно река + река.

Эти факты говорят о том, что древние тунгусы расселились по рекам Енисея не в XII—XIV вв., а в первых веках н. э.

Расходясь по притокам Ангары и Подкаменной, они встретили аборигенов, которых и ассимилировали. Память об аборигенных племенах отрывочно сохранилась в фольклоре енисейских эвенков. Это были рыболовы. Рыбу ели в сыром виде. Содержали собак и питались их мясом. Диких оленей и лосей ловили живыми и с живых сдирали чулком шкуру. «Шкуру только и брали для одежды», ободранных оленей отпускали. Эвенки называют одно аборигенное племя *худадол*, другое — *чури*; они были очень маленькими и на зиму забирались в землю спать⁸.

Ассимилировав аборигенов, эвенки системы Енисея выработали свой культурный комплекс и свои диалекты (*ш*-диалект — бывшие ангарские; *х*-диалект — нижне-

⁸ См. несколько подробнее нашу работу «К вопросу о палеоазиатах в Сибири» (рукопись).

тунгусские), отличные от культурного комплекса и диалекта забайкальско-амурской группы.

Забайкальско-амурская группа имела другую историю. Она развивалась во взаимодействии со скотоводческими племенами. Потомки их, в дореволюционной литературе носившие название ороchenы, сейчас расселены по верхним притокам Олекмы, Алдана, Амура и по системе Зеи. Основные особенности их культурного комплекса мной уже были описаны⁹. Они выработали в древние времена свой с-диалект, элементы которого и вошли в другие тунгусо-маньчжурские языки¹⁰. Позже смешение их с северными, говорящими на х-диалекте, дало и скрещенные х-, с-говоры.

Остановлюсь на некоторых моментах, указывающих на бытные связи со скотоводческими племенами. До недавнего прошлого некоторые из этих эвенков клали на могилу изображение коня. В сказаниях их герои чаще ездят на коне. Во всех сказаниях герой берут жен от племени, имеющего много лошадей и коров. Любопытен один этноним — Торганэй, которым названы то женщина, то мужчина, то сам герой. Если отбросить окончание -нэй, характерное для собственных имен героев (Алтанэй, Сирбунэй, Мучунэй и др.), то остается *торган*(н). С этнонимом *торган* мы знакомы с XVII в. На карте Татарии, изданной Витсеном в 1692 г., назван народ торганский. Люди из племени торгачинов первые привнесли в Цицикар известие о восстановлении разрушенного китайцами города Албазина. Первый путешественник, лично познакомившийся с этим народом и сообщивший о нем сведения, был Исааком Идесом. По его словам, это — особое племя, платящее дань китайскому императору и живущее хлебопашеством и скотоводством. Люди этого племени хорошо стреляли из лука и говорили на языке, сходном с тунгусским. По сообщению спутника Исаака Идеса — Брандта, тунгусы русской Даурии считали себя одного рода и происхождения с таргацинами или даурами. Шренк считал их ветвью дауров, которая занималась охотою большие, чем дауры¹¹.

Описание, данное Идесом, и указание на сходство языков не расходятся с данными сказаний о Торганэй. В последних эвенки свободно разговаривают с ними. Отец Торганэй имеет много коров и лошадей, но он враждебно настроен против эвенкийского богатыря.

Возможно, что эти *торгане* — *торгачины* были такой же тунгусоязычной группой, как и манегры, возможно, они были родом даурского племени. Расселение даурского племени по системе Зеи заходило за Яблоновый хребет — Джугдыр и оставило свои следы в названиях притоков Сутама (система Учур, правого притока Алдана) в виде Даурка, Дауркакан. Даурский язык в настоящее время относится к монгольским, но некоторые эвенкийские слова в даурском сближают его с верхнеамурскими говорами (например, мышь — ачикичан ~ ачикичан, амурск. — ачикичан; волк — гускэ; грудь, грудная клетка, спина — кэнгээр, амурск. — кэнгтырэ; ворон — оли) и указывают на связи предков дауров с верхнеамурскими тунгусами.

Верхнеамурские тунгусы имели связи с тюркоязычными племенами, следом которых осталась одна глагольная форма, характерная только для этой группы говоров и имеющая аналогию в туркменском и тюркском (турецком) языках. Это форма, образованная при помощи суффикса -кен и служащая для выражения подчиненного действия, одновременно с которым (турецкий, туркменский) или после которого (эвенкийский) производится следующее действие. В эвенкийском эта форма может быть без личных (они же лично-притяжательные) суффиксов и с ними, в тюркских языках — без этих суффиксов. Например:

Эвенк.: Э мэдекен, Ембик гирамкинан
о ллан

Би, дюявар хава лякентын, и прэмэм

Э мэдекени ми, эвэ минду улиллэн

Турецк.: Тарлада чата чапала ркен, ев-
де емек пиширикен, дереде
чамашир ик аркен, дурмакси-
зин шарки чагирир¹²

При дя, Эмбик начал делать могилу

Я, когда они построили дом,
пошел в гости

Когда я пришел, бабушка нача-
ла меня кормить

В поле мотыго работая, дома
пишу в аря, в ручье белье сти-
рая, песни непрестанно поет

Как в турецком, так и в эвенкийском суффикс -кен не подчиняется гармонии гласных. В туркменском языке эта форма «употребляется редко и только в классической литературе»¹³.

Тот факт, что между якутским и турецким языком больше общего, чем между

⁹ См. наш отчет «Эвенкийская экспедиция», «Краткие сообщения» Института этнографии, вып. V, 1949.

¹⁰ См. подробнее «Материалы языка к проблеме этногенеза тунгусов», гл. VII, Архив Института этнографии. Реферат этой работы в «Кратких сообщениях» Института этнографии, вып. II, 1946.

¹¹ Л. Шренк, Об инородцах Амурского края, т. I, стр. 174—176.

¹² А. Н. Кононов, Грамматика турецкого языка, Москва, 1941, стр. 239.

¹³ А. П. Потелевский, Основы синтаксиса туркменского языка, Ашхабад, 1943, стр. 78.

якутским и каким-нибудь из алтайских, что тюркоязычные предки якутов двигались на север как по Лене, так и по ее притокам из Забайкалья, позволяет нам сопоставлять формы на *-кен* в различных языках, находящихся на таком большом расстоянии друг от друга. Суффикс *-кен* в эвенкийских говорах, несомненно, заимствован, так как фонема *е* характерна только для первых слогов и иной артикуляции. Наличие ее в других слогах указывает на заимствование слова. Например: эвенк. *куре* *<монг.* курье — ограда; эвенк. *куте* *<якутск.* кутуе — зять; эвенк. *отпекэ* *< русск.* отвертка. Эти факты указывают на связи древних тунгусов верхнего Приамурья как с монголоязычными, так и с тюркоязычными племенами. Несколько труднее определить, к какому времени это относится. Если принять, что в VI в. в Среднюю Азию «внедряются аварские и собственно тюркские элементы, ассимилирующиеся с местной этнической средой» и что «степи к востоку от Каспийского моря были заняты тюрками еще в VI в.»¹⁴, то переход их с восточных территорий, где начиналось формирование тюркских диалектов, надо отнести на несколько веков в глубь истории; вероятно, к этому времени относятся и древние взаимодействия.

Вернемся к тунгусам. Где началось формирование тунгусоязычных племен — вопрос, на который точно ответить пока нельзя. Те данные, которые собраны нами к настоящему времени, говорят о сложном составе древних тунгусских племен. Лингвистический материал, подкрепляемый фольклорными, этнографическими и топонимическими данными, указывает на наличие двух древних групп, говорящих на *и*-диалекте (территория Приангарья — Прибайкалья) и говорящих на *с*-диалекте (территория Забайкалья — Приамурья) в первые века н. э. Вполне возможно допустить, что это были два племени, которые развивались длительное время самостоятельно во взаимодействии как с аборигенами, так и с южными скотоводческими и земледельческими племенами. Имея в виду приведенные выше данные, существование этих племен следует относить к последним векам до н. э. Тесные связи с другими племенами в последующие века отразились как на названиях эвенкийских родов, так и на диалектах.

Восточная группа имела самые тесные связи как с тюркоязычными, так и с монголоязычными племенами, следовательно, и с киданями и предками дауров. К этому не безынтересно добавить некоторые материалы, собранные нами осенью 1948 г. от эвенков Эдян. Эдяны — Эджени, по китайским источникам, в XII в. были расселены к северу от низовьев Амура. Сейчас их потомки живут в Чумиканском, Кур-Урмийском и Верхнебуреинском районах Хабаровского края и несколько меньше — на Сахалине и в Верхнеселемджинском и Зейско-Учурском районах Амурской области. От Эдянов из разных районов мной записаны варианты сказаний. В сказаниях, записанных от урмийских и амгунских Эдянов, часто упоминаются земля Кидан — Кедан и род Кида — Кидак. Эта земля находится на восток от территории охотников тайги. Герои сказаний — лесные охотники — не имеют ни оленей, ни собак. Отправляясь в поход, они идут к истокам большой реки и, перевалив через хребет, двигаются на восток. Некоторые из них идут «по краю земли Кидан». «Кидан-земля» упоминается вместе с Онон-землей, Сивир-землей. Народ, живущий на этой земле, называется Кида — Кеда — Кедак («дочь солнца Тыргакчан, девица Кеда», «дочь, воспитанная тобою, Дарпекчан, девица Кида», «пришли девицы Кедак» и т. д.). Этот народ ведет борьбу с племенем Чулуро, живущим где-то на западе и умеющим добывать и выделять железо. Вожди Кида богаты скотом (олени — лошади), имеют *бокан*’ов (слуг). Дочь Монгруни — одного из них — живет в доме за тремя оградами, за ней ухаживают служанки. Кида по языку не отличаются от героя сказаний, что приводит к удивлению последнего («речь похожа на мою речь»).

Указание на расселение Эдженей в XII в. к северу от низовьев Амура позволяет относить выход тунгусоязычного племени Эдян к морю задолго до указанной даты. Откуда они вышли и где формировались — вопрос дальнейшего изучения. Для нас важно следующее: во-первых, общий для всех вариантов сказаний факт движения на восток, говорящий о том, что тунгусоязычные племена жили где-то на западе; во-вторых, описание племен, с которыми встречались герои эдянских сказаний. В сахалинских вариантах они резко отличаются от таежных охотников как по облику (темный цвет кожи, круглые глаза, кудрявые волосы), так и по культуре (полуподземное жилище *чорама* с надземной частью, сделанной из костей или дерева, и с выходом через дымовое отверстие). В амгунских и урмийских вариантах люди, с которыми встречаются таежные охотники, — скотоводы, живущие в «четырехугольных» домах. Кроме того, места Кида теплые. Эти моменты говорят о том, что движение на восток происходило длительно и в различные периоды и, вероятно, пути этого движения были различными. В-третьих, важен момент, указывающий на близкие связи, — таежные охотники брали жен от встречаемых племен. Вероятно, и название рода — Кидарский (Кидан — ми, ч. Кидар), зафиксированное в половине XVII в. нашими историческими источниками среди амгунских эвенков, является следом связей эвенков с киданями.

На основании единичных фактов, приводимых Е. М. Залкиндом, предполагать передвижение тунгусов из Приамурья на запад, да еще датируя его XII—XIV веками, едва ли может быть убедительно.

¹⁴ С. П. Толстов, Города гузов, «Советская этнография», 1947, № 3, стр. 101; В. В. Бартольд, Очерк истории туркменского народа, Фрунзе, 1943, стр. 13.

Х Р О Н И К А

В. В. БОГДАНОВ

(К 80-летию со дня рождения)

Советская научная общественность отметила 80-летний юбилей одного из старейших русских этнографов — Владимира Владимировича Богданова. 80 лет, из которых более полувека отдано этнографической науке,—дата знаменательная; ее особенно тепло отметили этнографы Москвы, с которой Владимир Владимирович неразрывно связан на протяжении всей своей научной деятельности.

Имя В. В. Богданова, как долголетнего секретаря и редактора «Этнографического обозрения», организатора ряда этнографических учреждений, многолетнего руководителя Этнографического отделения Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии, широко известно не только московским этнографам. Начав свою этнографическую деятельность еще с девяностых годов прошлого столетия под руководством Д. Н. Анутина и В. Ф. Миллера, В. В. Богданов продолжает успешно работать и сейчас, радуя своих младших товарищей свойственной ему неутомимой энергией, огромной эрудицией и неослабевающей жаждой новых знаний и новых начинаний.

Владимир Владимирович Богданов родился 9(21) декабря 1868 г. в селе Голынки, Смоленского уезда, в семье железнодорожного мастера. Среднее образование он получил в Смоленской гимназии, по окончании которой в 1888 г. поступил в Московский университет на историко-филологический факультет. Окончив университет в 1892 г. с дипломом 1-й степени, Владимир Владимирович был оставлен при университете для подготовки к профессорскому званию по кафедре языка и словесности у проф. М. И. Соколова. Но не эта специальность становится в дальнейшем областью научных работ Владимира Владимировича. Еще студентом он заинтересовался этнографией и уже в 1891 г. был принят в члены Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии. В том же году Владимир Владимирович производит по поручению этнографического отдела этого Общества этнографические наблюдения и фольклорные записи в Бельском и Духовщинском уездах Смоленской губ. Эта экспедиция, доставившая ему серебряную медаль Общества, определила в значительной степени круг научных интересов Владимира Владимировича, сосредоточившихся на изучении этнографии русского населения.

В конце восьмидесятых годов Общество любителей естествознания, антропологии и этнографии при Московском университете являлось центром антропологических и этнографических исследований в России. Деятельность Общества с этого времени неразрывно связана с именем Д. Н. Анутина, бессменного президента Общества, инициатора и организатора всех крупных его начинаний в течение почти четырех десятилетий.

В. В. Богданов становится одним из ближайших сотрудников Д. Н. Анутина по Обществу. В 1894 г. он участвует в организованной Д. Н. Анутиным экспедиции по исследованию русских озер, положившей начало лимнологическому изучению России, а в 1899 г. совершает экспедицию на европейский север, результаты которой были им изложены в очерке «Мурман и порт Александровск» («Землеведение», 1900, кн. I).

В 1894 г. Владимир Владимирович был избран секретарем Этнографического отдела. На этом посту он оставался до 1930 г., когда Общество любителей естествознания, антропологии и этнографии было слито с Московским Обществом испытателей природы. Когда в 1889 г. возник специальный этнографический орган «Этнографическое обозрение», В. В. Богданов был избран секретарем редакции, а с 1896 г. он становится фактическим редактором этого журнала вплоть до его закрытия в 1917 г. «Этнографическое обозрение» сыграло немалую роль в консолидации сил

русских этнографов, в оформлении русской этнографической науки. Одним из бесспорных достоинств журнала являлись хорошо поставленная информация о текущей этнографической литературе, обстоятельная библиография и хроника. В этом — личная заслуга В. В. Богданова, который и сам был постоянным рецензентом, помещавшим в журнале много десятков рецензий, рефератов и заметок.

Будучи связан с Обществом в течение целых 40 лет, В. В. Богданов трудился над составлением истории Общества и биографий его выдающихся деятелей. Он является автором биографий Д. Н. Анучина, В. Ф. Миллера и ряда статей к юбилеям Общества.

Едва ли не основной областью деятельности юбиляра в течение целого ряда лет была музейная этнография, развитием которой в нашей стране мы во многом обязаны тому же Д. Н. Анучину. Свою музейную работу Владимир Владимирович начал в 1908 г. в б. Румянцевском музее и продолжал ее в организованном (на базе этнографической галереи Румянцевского музея) Центральном музее народоведения, где до 1930 г. заведывал отделом восточных славян.

Сотрудничество с Д. Н. Анучиным определило в значительной степени и деятельность В. В. Богданова после Великой Октябрьской революции. Как известно, Д. Н. Анучин был одним из тех крупнейших русских ученых, которые без колебаний站али на сторону советской власти. В 1919 г., в связи с развитием в стране краеведческого движения, Владимир Владимирович организовал Московский областной музей, директором которого он состоял до 1930 г. В этом музее начинали свою научную работу многие из видных в дальнейшем советских этнографов и археологов (Б. А. Куфтин, Н. И. Лебедева, С. П. Толстов, Б. С. Жуков, О. Н. Бадер и др.). На первом краеведческом съезде в Москве в 1921 г. В. В. Богданов был избран председателем Московского отделения Центрального бюро краеведения, где проработал до 1924 г. С организацией в 1919 г. Российской Академии истории материальной культуры Владимир Владимирович был избран ее действительным членом и вплоть до 1930 г. состоял председателем и Московской секции и этнологического отделения ее.

В 1929 г. научные заслуги В. В. Богданова были отмечены Русским государственным географическим обществом присуждением ему «за научные труды по совокупности» большой золотой медали.

В 1936—1941 гг. Владимир Владимирович читает в Московском областном педагогическом институте и в Московском университете ряд этнографических курсов, сотрудничая одновременно в Институте Большого советского атласа мира. В 1943 г. В. В. Богданову была присуждена *honoris causa* степень доктора географических наук. С организацией в 1943 г. Института этнографии Академии Наук СССР в Москве Владимир Владимирович вступает в число сотрудников Института, где работает и в настоящее время по этнографии славян, руководит славяно-русским сектором и подготавливает к печати ряд монографий, которые должны обобщить собранный автором в течение многих лет обширный материал.

В связи с 220-летним юбилеем Академии Наук В. В. Богданов за многолетнюю деятельность в области этнографии награжден орденом Трудового Красного Знамени в дальнейшем — медалями: «За доблестный труд в Великой Отечественной войне» и «В память 800-летия Москвы».

Областью специальных исследований Владимира Владимировича является этнография русского населения. Одной из его первых научных работ была статья по народной космографии (1895 г.). Его небольшая, но весьма содержательная статья «Из истории женского южновеликорусского костюма» (1914 г.) должна быть отмечена как одна из основных работ в этой области, послужившая отправным пунктом для ряда исследований по русскому костюму (Б. А. Куфтина и др.). Заслуженно известностью пользуются его работы: «Русская бирка и древнейшие элементы бирок у ее европейских родичей», «Древние и современные обряды погребения животных в России» (1916 г.) и др. Большую положительную роль сыграли составленные В. В. Богдановым и опубликованные в свое время программы по собиранию этнографических материалов.

Обширный и интересный материал содержит и новые подготовляемые к печати работы В. В. Богданова по истории колесно-упряжного транспорта, по истории славянской азбуки, работа «Духовая печь и камин в истории народов Европы и юго-западной Азии» и др. В настоящее время Владимир Владимирович занят, кроме того, написанием мемуаров, которые, несомненно, представят большой интерес для истории русской этнографической науки.

Пожелаем же юбиляру доброго здоровья и еще многих лет успешной работы.

М. Леви

ОБСУЖДЕНИЕ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЙ РАБОТЫ ИНСТИТУТА ЭТНОГРАФИИ АН СССР

28—30 октября в Москве состоялось расширенное заседание Ученого совета Института этнографии АН СССР совместно с активом, посвященное анализу научно-исследовательской работы Института и ее идеологической и практической направленности в интересах социалистического строительства.

Заседание открыло директор Института проф. С. П. Толстов, выступивший с докладом: «Научно-исследовательская работа Института этнографии АН СССР». Во вступительной части доклада С. П. Толстов осветил значение для развития советской науки сессии ВАСХНИЛ, состоявшейся в августе 1949 г., на которой было разгромлено реакционное идеалистическое вейсманистско-морганистское направление в биологической науке и одержало блестящую победу прогрессивное материалистическое мичуринское направление.

Как известно, сказал С. П. Толстов, Академия Наук СССР оказалась не на высоте в идеологической и теоретической борьбе против вейсманистско-морганистского направления в биологии. В своем постановлении от 26 августа и в письме к товарищу Сталину Президиум АН СССР вынужден был признать, что Академия не только не возглавила борьбу с этим реакционным буржуазным учением, но фактически оказывала ему поддержку, создавая благоприятные условия для деятельности представителей морганистского направления. Президиум Академии Наук СССР признал свою ошибку и взял на себя обязательство обеспечить развитие передового мичуринского направления в биологии, поставленного на службу социалистическому строительству. Это решение Президиума имеет отношение не только к биологическим наукам, а касается в большей или меньшей степени всех участков научного фронта, так как во всех областях науки сейчас идет борьба между прогрессивным передовым учением марксизма-ленинизма и реакционными теориями современной буржуазной лженауки.

В особенности сильна эта борьба, подчеркнул докладчик, в области некоторых гуманитарных наук, где до настоящего времени не вполне изжиты низкопоклонство перед буржуазной зарубежной наукой, объективизм, дурной академизм, неумение остро, по-партийному, ставить насущные вопросы науки, неумение или нежелание бороться с враждебными течениями за рубежом и их отголосками в советской науке. Есть немало ученых, еще недавно выступавших на страницах советских изданий с реакционными теориями, отражающими влияние дореволюционной отечественной или современной зарубежной буржуазной науки; в частности, появлялись в печати и отголоски обанкротившихся антимарксистских теорий в области этнографии. Попытки пересадить на советскую почву реакционные учения буржуазных этнографических школ не всегда во-время получают отпор. Имеются элементы примиренческого отношения к подобным явлениям, своего рода «академической семейственности», нежелания затронуть и обидеть «почтенного ученого», вследствие чего не развивается должным образом большевистская партийная критика, призванная двигать вперед советскую науку.

Поэтому следует считать, что биологическая дискуссия, ее выводы и решения, а также решения Президиума Академии Наук СССР по вопросам, связанным с биологической наукой, имеют прямое отношение также и к этнографии. Перед этнографами стоит задача и проанализировать состояние своей научно-исследовательской работы, ее идеологическую направленность, ее связи с современностью, с нуждами социалистического строительства.

Далее докладчик сообщил ряд конкретных сведений, всесторонне характеризующих научный коллектив Института этнографии АН СССР, содержание и объем научно-исследовательских работ.

Реорганизованный в 1943 г. Институт этнографии АН СССР начал развертывать свою работу в тяжелых условиях последних лет Великой Отечественной войны. Блокада Ленинграда немецкими фашистами лишила Институт многих ценных специалистов. В результате неправильной линии прежнего руководства Института, почти совсем свернувшего исследовательскую работу, ряд ученых-этнографов еще в предвоенные годы отошел от этнографической науки. Институт стоял перед необходимостью выращивать новые кадры и заново развертывать научную работу. Успешно преодолев трудности организационного периода, Институт в настоящее время представляет собой крупный научный коллектив, объединяющий (по Москве и Ленинграду в целом) 84 научных работника, в числе которых 15 докторов, 36 кандидатов наук и 33 младших научных сотрудника без ученой степени. Целым рядом сотрудников уже подготовлены кандидатские и докторские диссертации, которые в ближайшее время будут представлены к защите.

Партийная организация Института, насчитывавшая в 1943 г. 6 чел. в Москве и 4 чел. в Ленинграде, в настоящее время имеет в своем составе 36 коммунистов; если в первые годы существования Института партийная организация состояла главным образом из аспирантов, сейчас она имеет значительную прослойку научных работников со степенями докторов и кандидатов наук и, представляя собой сильное и авторитетное партийное ядро, играет ведущую роль в жизни Института.

Проведена большая работа по воспитанию кадров. Из 28 чел., окончивших за эти годы аспирантуру, 13 чел. оставлены при Институте и укрепили ряд секторов, нуждавшихся в научных кадрах. В настоящее время в Институте проходят курс аспирантуры 31 чел., в том числе 6 прикомандированных братскими национальными республиками.

Если в предвоенное время экспедиционные этнографические исследования почти полностью были свернуты и имели место лишь отдельные поездки с узкой целью сбора материалов для написания тех или иных этнографических статей, то сейчас Институт направляет в разные районы Советского Союза ежегодно в среднем 10—11 больших экспедиций и, кроме того, 10—12 чел. выезжают в научные командировки или включаются в состав экспедиций, организуемых республиканскими академиями, филиалами АН СССР и другими научно-исследовательскими учреждениями.

Результаты экспедиционных исследований и внутриинститутской исследовательской работы выражаются в напряженной научно-общественной жизни, в большом количестве научных докладов; так, в 1947 г. на заседаниях секторов Института было заслушано в общей сложности 156 докладов, на заседаниях Ученого Совета и его сессиях — 38, итого 194 научных доклада. За первое полугодие 1948 г. секторы заслушали 134 доклада, а Ученый Совет и его сессия — 54, итого 178, — почти столько же, сколько за весь прошлый год. Эти цифры свидетельствуют об очень важном процессе — о повышении активности научного коллектива Института.

Развивается также издательская работа Института этнографии. Начиная с 1946 г., Институт дал свыше 300 печ. листов научной продукции — журнала, сборников и монографий. В производстве находятся (частично уже подписаны к печати) 220 печ. листов. Всего, таким образом, Институтом издано и сдано в производство свыше 500 печ. листов продукции, что также свидетельствует о значительном повышении научной активности Института сравнительно с предвоенным периодом его существования.

На основании приведенных сведений можно сделать вывод об организации Институтом всех условий для успешного развития научно-исследовательской работы и реализации ее результатов через публикацию в изданиях Института. Созданы все предпосылки для того, чтобы коллектив Института мог выполнить ответственное задание, поставленное товарищем Сталиным перед советскими учеными, — в кратчайший срок опередить достижения буржуазной науки.

Далее С. П. Толстов остановился на основной теме доклада — вопросе об идеяной направленности научных исследований Института. Он сообщил о проведении Институтом большой теоретической работы по уточнению задач советской этнографической науки и методологии этнографических исследований, а также по разработке перспективного пятилетнего плана и годовых планов научных работ Института. Содержание этих программных документов свидетельствует о правильности намеченного пути. Однако на практике имеются отклонения от этого правильного курса: целый ряд серьезных недостатков в работе Института был вызван именно недооценкой рядом руководящих работников Института тех задач, которые поставлены перед ним пятилетним планом. В течение последнего месяца несколько комиссий, созданных партийной организацией и общественностью Института, изучали работу всех его секторов и отделов, просматривали их печатную и рукописную продукцию. Выводы этих комиссий во многом совпадают с выводами дирекции, расширяя и дополняя общую картину идеологического состояния научных исследований Института.

Один из главнейших недочетов идеино-теоретической работы Института состоит в недостаточном внимании к разработке марксистско-ленинского учения о первобытном обществе и проблемах так называемой общей этнографии. Докладчик подчеркнул, что учение о первобытном обществе и о происхождении классов занимает весьма важное место в теории марксизма-ленинизма. С первых лет своей творческой революционной деятельности Маркс и Энгельс уделяли большое внимание проблеме истории первобытного общества. В. И. Ленин считал книгу Энгельса «Происхождение семьи, частной собственности и государства» одним из основных сочинений современного социализма. Со времени написания этой классической книги прошло много лет; в области науки о первобытном обществе накоплен новый грандиозный материал. Ход истории поставил перед нами ряд новых, не стоявших во времена Энгельса проблем, тесно связанных с правильным решением общих вопросов истории первобытного общества, как, например, вовлечение в социалистическое строительство народов нашей страны, сохранивших до революции черты патриархально-родового быта, или участие стоявших на этом уровне развития зарубежных народов в национально-освободительной борьбе. Актуальнейшее значение в нашей действительности имеет вопрос о роли пережитков родовых отношений в условиях классового общества, колониального режима и в условиях строительства социализма и т. д. Самим ходом истории перед этнографами поставлена задача дальнейшего творческого развития той основы, которая была заложена Марксом и Энгельсом и развита затем Лениным и Сталиным в области истории первобытного общества. Учитывая это, Институт этнографии и в своих производственных планах, и в руководящих статьях журнала «Советская этнография» акцентировал необходимость разработки проблем первобытного общества. Однако результаты неутешительны: на эту тему в журнале за три года напечатано всего 6 статей: в 1946 г. — статья С. П. Толстова о периодизации первобытного общества;

в 1947 г.—статья Д. А. Ольдерогге «Из истории семьи и брака» (о системе «лобола») и работа М. О. Косвена об амазонках, содержащая богатейший материал, из лишенная теоретических выводов; в 1948 г.—две статьи М. О. Косвена: «Авункулат» и «Семейная община», заключающие в себе ряд спорных положений, как это выяснилось недавно на дискуссии о теоретических трудах проф. Косвена. В других изданиях Института статьи по данной тематике также немногочисленны. Это работы Блинова о ранних формах экономического обмена, Д. А. Ольдерогге о трехродовом союзе, М. О. Косвена «К проблеме группового брака» и «Обычай возвращения домой», Л. П. Потапова «К вопросу о патриархально-феодальных отношениях у кочевников» и Ю. М. Лихтенберга о системе родства на о. Рага. Вполне понятно, что при столь слабой активности в разработке теоретических вопросов общей этнографии оказалось возможным появление в печати таких книг, как изданная Ленинградским университетом «История первобытного общества» В. И. Равдоникаса, с ее глубоко ошибочными теоретическими построениями в целом ряде вопросов (в периодизации первобытного общества, трактовке межплеменных отношений, процессов развития идеологии — религии, языка, искусства и др.) и игнорированием приоритета русской, в первую очередь советской науки в разработке истории первобытного общества. Ценная собранным фактическим материалом и отдельными частными выводами книга Равдоникаса не выдерживает критики как советский учебник по истории первобытного общества. Значительная доля ответственности за этот факт ложится на Институт этнографии, не обеспечивший коллективной разработки основных вопросов истории и теории первобытного общества и своеевременной критики ошибочных взглядов и построений, имеющихся в этой области в издаваемых самим Институтом трудах. Только что закончилось организованное Институтом обсуждение теоретических работ М. О. Косвена, который вынужден был принять ряд критических замечаний по поводу своих ошибок по отдельным вопросам истории и историографии первобытного общества. Весьма значительные возражения вызвала также монография Д. А. Ольдерогге о так называемом «трехродовом союзе» и его статья «Из истории семьи и брака» — темы, связанные с диссертацией автора, до настоящего времени, кстати, не переработанной и не подготовленной к печати, что не дает возможности определить, преодолел ли он свои ошибочные взгляды.

Даже в тех случаях, когда теоретические ошибки авторов подвергались справедливой критике, Институт не всегда мог ожидать реальных результатов в виде новых статей на ту же тему, стоявших на более высоком уровне. Авторы, большей частью не возвращались больше к поставленным вопросам, других же авторов не находилось, и критика оказывалась, таким образом, бесплодной, вместо того чтобы, преодолевая недостатки, двигать вперед науку.

В своем пятилетнем плане Институт этнографии обязался подготовить два сборника, посвященные ряду вопросов теории первобытного общества; работа над ними идет недопустимо вяло. Необходимо преодолеть отставание и поставить на ближайшее время в центр внимания Института разработку теории марксистско-ленинского учения об обществе в применении к первобытно-общинной формации.

Вторым разделом работы Института этнографии, на котором остановился до-кладчик, были исследования в области этногенеза. Как считает С. П. Толстов, в этой области Институт добился больших успехов, издав одну монографию и 65 статей, освещающих проблемы этногенеза различных народов (из общего числа этих статей 18 посвящены славянским народам, 3 — финнам, 5 — тюркам Восточной Европы, 4 — народам Дальнего Востока, 10 — народам Сибири, 17 — народам Средней Азии, 1 — народам Кавказа, 2 — народам Передней Азии, 2 — Западной Европе и 4 — общим вопросам этногенеза). Следует признать, что в области этногенеза этнография стоит прочно на завоеванных советской наукой позициях, основанных на учении И. В. Сталина о нации и на лучших достижениях советской лингвистики — учении Н. Я. Марра. Широкий размах работы здесь сочетается с принципиально правильной постановкой актуальнойшей проблемы происхождения ряда народов, самый вопрос об истории которых стал возможным лишь после Великой Октябрьской социалистической революции.

Третий, наиболее обширный раздел научных исследований Института — это работы описательно-этнографического характера. Центральная тема этого раздела — многотомное издание «Народы мира». Несмотря на огромную собирательскую работу, подготовку авторами значительной части статей для всех томов издания (кроме 1-го, вводного, «Классификация народов мира») и передачу одного из главных томов (Народы Сибири, ч. I) в издательство, — положение работ над многотомником нельзя признать удовлетворительным. Даже те тома, которые соответствующие секторы Института считают готовыми, в результате проверки оказывались незаконченными и требующими серьезной доработки. Так, том «Народы Австралии и Океании», представленный весной на утверждение Ученого Совета и дирекции, потребовал коренной переработки в связи с обнаруженными в некоторых статьях пережитками буржуазного объективизма, недостаточно последовательным историзмом в подходе к этнографическому материалу и неудачным описанием современного положения народов, которым посвящен данный том. Сейчас том, благодаря огромной работе над ним редактора и автора большинства статей проф. С. А. Токарева, близок к завершению в новом, исправленном варианте. Том «Народы Кавказа» также счи-

тался в основном подготовленным, но обсуждение его Ученым Советом Института, на которое были приглашены представители Академий союзных республик Кавказа и филиалов АН СССР, выявило ряд серьезных недостатков — отсутствие статей по истории и по этногенезу народов Кавказа, неудовлетворительное освещение их современной культуры и быта. Разумеется, все указанные серьезные ошибки и недочеты сектора Кавказа должен был обнаружить и выправить еще до представления тома на обсуждение Ученого Совета.

Еще хуже обстоит дело с томом «Народы Америки»; это — собрание не связанных друг с другом отдельных очерков без обобщающего введения; статьи написаны еще до войны, и хотя планы сектора в течение нескольких лет были насыщены всевозможными доработками тома, фактически почти никакой работы по этой линии не было сделано.

Тома «Народы Европейской части СССР» и «Народы зарубежной Европы» почти полностью написаны, статьи многократно обсуждались на заседаниях соответствующих секторов. И вместе с тем проверка показала, что большинство статей базируются на устаревшем материале, лишены необходимого исторического аспекта и не отражают основных установок нашей науки; вопросы современного быта плохо освещены. По мнению комиссии, изучавшей эти рукописи, том «Народы зарубежной Европы» требует решительной переработки. Таким образом, и над этими томами проведена еще недостаточная работа. Большинство статей многотомника свидетельствует о том, что у некоторых авторов теоретическое признание принципов советской этнографии еще не сочетается с уменьем практически применять эти принципы в работе.

В связи с этим С. П. Толстов перешел к особо волнующей коллектив проблеме научной работы — о месте и значении современности в этнографических исследованиях. За три года в изданиях Института было напечатано всего 8 статей, посвященных советскому периоду в этнографии народов нашей страны, из них лишь 3 (М. А. Сергеева — «Малые народы Севера в эпоху социализма», И. П. Лаврова — «Возрождение народного искусства» и Л. П. Потапова — «Опыт изучения социалистической культуры и быта алтайцев») представляют собой серьезные исследования, прочие же являются заметками или предварительными публикациями. Приведенные цифры характеризуют недопустимое отставание в теоретической разработке одной из самых важных и актуальных проблем советской этнографии. Отчасти это объясняется тем, что недавно еще среди этнографов была распространена вредная тенденция считать, что этнография призвана исследовать лишь проблемы первобытного общества, а современный быт и культура народов не входят в ее компетенцию. Подобные взгляды излагались в выступлениях даже весьма авторитетных научных деятелей, например, академика В. В. Струве. Существует эта точка зрения и сейчас: например, небезизвестный фольклорист Пропп в Юбилейном сборнике Ленинградского университета, решив высказать свои личные взгляды на предмет этнографии, ограничил ее задачи изучением первобытного общества. С. П. Толстов с сожалением отметил, что был не так давно свидетелем выступления двух сотрудников Института этнографии — А. А. Попова и Л. Б. Панек, которые убежденно доказывали, что изучение современности не входит в задачи специалиста-этнографа. Таким образом, настроения, отражающие влияние чуждых теорий буржуазных этнографических школ, до сих пор не окончательно изжиты. Имеются также этнографы, которые хорошо сознают необходимость изучения современности, но тем не менее работать в этой области не умеют или не хотят.

В этом году руководство Института поставило в центр внимания исследовательских и, в частности, экспедиционных работ изучение социалистической культуры и быта колхозов народов Советского Союза. Все экспедиции работали над этими вопросами, и институт намечает провести широкое обсуждение итогов исследований. Как считает докладчик, запланированное Институтом двухлетнее экспедиционное изучение быта национальных колхозов и работа над сборником, посвященным данной теме, обеспечит сдвиг в этой важнейшей области научной работы Института.

Докладчик отметил далее, что, несмотря на наличие в Институте большого коллектива сотрудников, изучающих народы колониальных и зависимых стран, современный быт этих народов, живущих в условиях жестокого империалистического гнета и растущего национально-освободительного движения, не получает освещения в трудах Института. Продукция в области этой тематики в изданиях Института за 3 года ограничивается лишь двумя статьями. Докладчик считает своеевременным решительное поставить вопрос о том, что именно советские этнографы, изучающие десятки колониальных народов, лишь недавно выступивших на широкую историческую арену, должны заниматься наряду с историей прошлого этих народов проблемами их настоящего. Лишь переключившись на систематические и глубокие исследования современного быта как народов Советского Союза, так и народов зарубежных стран, коллектив Института сможет завершить на высоком теоретическом уровне подготовку статей для многотомника «Народы мира».

Переходя к кругу вопросов, связанных с историографией и постановкой критической работы в Институте, С. П. Толстов отметил успехи коллектива в области борьбы за приоритет русской дореволюционной и советской этнографической науки. Перечислив свыше 15 солидных статей в этой области, напечатанных за последние годы, он остановился на разборе некоторых теоретических ошибок, допущенных авторами указанных работ. Недостаточно критическое отношение к представителям рус-

ской науки прошлого, неумение различить среди них прогрессивные и реакционные течения, приводило иногда авторов к тому, что именуется «теорией единого потока», — к ошибочным антимарксистским методам исследования культурного наследства, присущим также ряду литературоведов и фольклористов и беспощадно разгромленным советской критикой. Отдельные ошибки такого порядка имеются в историографических трудах М. О. Коссена — «Бахоффен и русская наука», Н. Н. Степанова «Русское Географическое Общество и этнография», С. А. Токарева «Вклад русских ученых в мировую этнографическую науку».

Большое место в своем докладе С. П. Толстов уделил осуществлению Институтом со всей остротой поставленной А. А. Ждановым перед работниками идеологического фронта во время философской дискуссии задачи беспощадной критики зарубежной буржуазной лженауки. Работа коллектива Института в этой области выразилась в целом ряде статей и рецензий в «Советской этнографии» (М. Г. Левина, Б. И. Шаревской, Н. А. Бутинова, Я. Я. Рогинского, М. О. Коссена, С. П. Толстова, И. И. Потехина, Г. Г. Стратановича и других), направленных против процветающих за рубежом новейших буржуазных реакционных теорий в этнографии. Все же число авторов, выступающих с критикой этих теорий, слишком ограничено, а других авторов не всегда удается привлечь из-за трудности переключить их от объективистских рефератов о новых книгах, вышедших за рубежом, к созданию остро критических рецензий, проникнутых духом непримиримой борьбы с нашими врагами на идеологическом фронте. Особое значение имеет изучение научной продукции, выходящей в странах народной демократии. Получаемые нами польские, чешские и другие книги показывают тревожный факт широкого распространения в этих странах влияния реакционнейшей буржуазной школы функционализма. Необходимо путем серьезной постановки критической работы помочь ученым стран народной демократии освободиться от влияния англо-американской реакционной методологии.

Далее докладчик дал краткую характеристику состояния работы двух секторов Института — фольклорного и антропологии. В связи с крупными теоретическими ошибками руководителей этих секторов идеологическая направленность работы в области фольклора и антропологии была в 1948 г. объектом специальных обсуждений. В секторе фольклора долгое время ощущалось сильное влияние реакционной англо-американской функциональной школы, последователем которой был бывший заведующий сектором — проф. П. Г. Богатырев. Понадобилась длительная борьба и серьезные дискуссии, чтобы достигнуть перелома в работе и оздоровить атмосферу в секторе. Сектор антропологии, по квалификации и научной активности сотрудников, был одним из самых сильных секторов Института, проводил большую работу по линии борьбы с расизмом и в области использования антропологических материалов для решения проблем этногенеза. Однако сектор оставался в стороне от той борьбы, которая шла на биологическом фронте, хотя проблемы наследственности играют огромную роль в теоретических построениях антропологов. Ряд больших проблем советской антропологии, например, происхождение современного человека, проблема неандертальца — зашли в тупик из-за того, что наши антропологи не включились своевременно в борьбу за мичуринское учение и запутались в разоблаченной сейчас теории об эволюционном бесплодии специализированных форм. Бывший руководитель сектора проф. В. В. Бунак не только не сумел направить работу по правильному пути и отбросить свои собственные прошлые вейсманистско-морганистские заблуждения, но явился в известной мере тормозом для развития работы сектора, не прислушиваясь к мнению высококвалифицированного коллектива и противопоставляя ему свою, часто неверную, трактовку проблем. В частности, эти трудности работы оказались на подготовке монографии, посвященной антропологическому составу народов Европы, — коллективного труда сектора антропологии Института.

В заключение своего доклада С. П. Толстов высказал удовлетворение по поводу того, что самокритика становится методом повседневной работы Института и орудием подъема ее на новую, высшую ступень. По сравнению с 1946 и 1947 гг. в текущем году произошел перелом в числе и характере рецензий, критических статей и докладов сотрудников, по-большевистски принципиально и остро, невзирая на лица, критиковавших недостатки новых книг, статей и исследований. Свидетельством оживленной работы в этой области являются несколько сессий Ученого совета, проведенных в этом году Институтом, и целый ряд заседаний секторов, посвященных критике как внутринститутских исследований, так и трудов посторонних Институту авторов, затрагивающих вопросы этнографии.

Подводя итоги своему докладу, проф. С. П. Толстов признал, что, хотя Институт этнографии стоит на правильном пути в отношении идеологической направленности своей научно-исследовательской работы, выполнение поставленных перед ним задач не всегда стоит на должной теоретической высоте; в составе коллектива есть еще много людей, не сумевших освоить новые идеологические позиции, до конца осознать и воплотить в жизнь основные принципы советской этнографической науки, что влечет за собой отставание научной работы Института в ряде важных ее разделов и вызывает появление на страницах изданий Института отдельных ошибочных теоретических положений. Докладчик выразил уверенность, что предстоящее обсуждение затронутых им вопросов поможет избежать недостатки и обеспечит проведение всей работы Института этнографии на уровне высоких задач, поставленных перед ним партией и правительством.

* * *

После С. П. Толстова выступил заместитель директора Института этнографии проф. Л. П. Потапов. Он присоединился к основным положениям заслушанного доклада, подчеркнув правильность общего направления научно-исследовательской работы Института и согласившись с С. П. Толстовым в оценке главных недостатков этой работы. Не представляет сомнений факт значительного роста за последние годы Института этнографии, ликвидировавшего теоретический разброс и влияния буржуазной реакционной этнографии, характерные для этнографической науки в сравнительно недавнем прошлом. Сейчас Институт этнографии становится головным академическим институтом, успешно осуществляющим руководство этнографическим фронтом советской науки. Далее Л. П. Потапов остановился на состоянии научной работы ленинградской части коллектива Института, в первую очередь на работе Музея Антропологии и Этнографии. Руководство Института не уделяет достаточного внимания экспозиции Музея, которая привлекает десятки тысяч посетителей. (Директор Музея Н. А. Кисляков не спрятывается с возложенными на него обязанностями.) Необходимо при участии всего научного коллектива обсудить вопросы структуры Музея и содержания его экспозиции. Идейное содержание экспозиции имеет не меньшее значение, чем печатная продукция Института, так как это одна из форм общения с широкими массами, требующая большого внимания и обеспеченности от идейно-теоретических ошибок.

Затем Л. П. Потапов дополнил речь предыдущего докладчика примерами теоретических недостатков в работах отдельных сотрудников Института. С большим трудом перестраивает сейчас свою работу А. А. Попов, труды которого всегда отличались эмпиризмом — стремлением ограничиться чистым описанием этнографических явлений и избежать каких бы то ни было научных обобщений. Институт имеет в своем составе члена-корреспондента АН СССР, специалиста по этнографии славянских народов, Д. К. Зеленина. Несмотря на слабость Славяно-русского сектора Института по линии квалифицированных кадров, Д. К. Зеленин, большой эрудит и опытный полевой работник, не проявляет никакого интереса к работе своего сектора и не принимает в ней участия, даже не посещая его заседаний. За них числятся по плану Института две крупные монографии, но обе эти монографии — о чехословаках и о поляках — получили отрицательные отзывы и не могут быть изданы: автор выявил в них свою теоретическую отсталость. Руководство Института не удовлетворяют работы Г. М. Василевич, опытного этнографа и полевого исследователя; к сожалению, т. Василевич держит под спудом свой первоклассный этнографический материал, увлекаясь лингвистическими исследованиями, в которых немало методологических ошибок, в частности — формализма. В заключение Л. П. Потапов высказал опасения по поводу подготовки проспектов статей для теоретических сборников, посвященных проблемам первобытного общества; в конце года по плану проспекты этих статей должны быть поставлены на обсуждение, но, как показала проверка, многие авторы еще не приступили к этой работе.

Выступивший затем проф. П. И. Кушнер подверг критике работу секторов Кавказа и зарубежной Европы. При изучении статей, подготовленных для Кавказского тома издания «Народы мира», П. И. Кушнер оказался неудовлетворенным трактовкой вопросов современной этнографии народов Кавказа. Современная национальная культура весьма сложна, наряду с новыми формами культурных явлений в ней бытуют и старые, сохранившиеся часто в виде пережитков. Наблюдая эти явления, многие авторы статей Кавказского тома отмечают лишь старые формы культуры и в новых ее формах ищут прежде всего пережитки старого. Между тем, в таких явлениях современности, как, например, праздники, несмотря на старинный ритуал, в корне изменилось содержание, исчезли элементы магии, религиозные моменты. Но некоторые наши этнографы не замечают нового содержания в современных формах национальной культуры, владая при этом и в другую ошибку: чтобы избежать обвинения в искажении созременного быта, все явления пережиточного характера описывают в прошлом времени, хотя бы автор и наблюдал их сейчас, во время своих полевых работ. Заслуживает внимания крупная этнографическая проблема, всплывшая в связи с работой над томом — вопрос о консолидации национальностей в условиях советского строя. Эта проблема требует серьезного научного исследования. В особенности ярко проявляется такая консолидация племен, отдельных этнических групп и мелких народностей в Дагестане. В своих замечаниях к тому «Зарубежной Европы» П. И. Кушнер подчеркнул необходимость подготовки кадров по данной специальности.

М. Я. Салманович в своем выступлении также остановилась на трудностях подготовки статей для тома «Зарубежной Европы», предлагая развернуть специальную исследовательскую работу по изучению проблем, связанных с написанием тома. Затем она охарактеризовала достижения Сектора этнической статистики и картографии в работе над картой Зап. Европы, в области методологии установления этнических границ и анализа зарубежных переписей.

В. И. Чичеров основную часть своего выступления посвятил характеристике некритического отношения к научным традициям — ошибке, допускавшейся многими авторами из среды коллектива Института, в том числе и самим В. И. Чичеровым, в особенности в историографических работах. Необходимо преодолеть традиционные схемы старой либерально-буржуазной историографии и покончить с бесстрастным «академизмом», еще имеющим место в историографии нашей науки.

И. Ф. Симоненко выступил с критикой работы Славяно-русского сектора Института, наиболее отстающего и, по его мнению, стоящего на последнем месте среди других секторов. В плохом состоянии находится работа над монографией «Восточные славяне», большая часть статей для которой числится за внеинститутскими авторами, не связанными с Институтом твердыми договорными условиями. Статьи сотрудников Института гг. Лепер и Торэн, написанные для указанной монографии, не выдерживают критики, в них совершенно игнорируется период социалистического строительства и те изменения, которые произошли за годы советской власти в мировоззрении народа; при освещении же этого мировоззрения в прошлом допускаются грубые ошибки. В статье о сельском хозяйстве восточных славян не только нет характеристики советского периода, но отсутствуют также данные о капиталистическом развитии деревни, столь блестящий анализ которого дал в своих трудах В. И. Ленин. В экспедиционной работе сектора основным пробелом является также недостаточное внимание к проблемам современного колхозного быта; кроме того, в ряде случаев отсутствовала связь экспедиции с местными партийными организациями. Тов. Симоненко предложил вменивать в обязанность всем экспедициям Института по окончании работы делать на местах отчеты об итогах исследований; такие отчеты помогают местным организациям правильно направить агитационно-пропагандистскую и культурно-массовую работу.

Следующим выступил С. М. Абрамзон, посвятивший всю свою речь проблеме этнографического изучения современности. Он указал, что в этом вопросе мы находимся в полосе исканий, нащупывания путей и накопления опыта; от выработки правильных научных методов изучения явлений современности зависит успешное решение этой ответственной задачи, впервые поставленной перед этнографами еще 10 лет назад, но до сих пор должным образом не реализованной. Тов. Абрамзон признал, что в своей программе по этнографическому изучению Киргизии, составленной в 1945 г., он ориентирует в основном на собирание и фиксацию старого быта, так как для него многое было ясно в постановке вопросов изучения современности. В его книге, посвященной культуре киргизского народа, вышедшей в 1946 г., как теперь это ясно автору, освещение вопросов современной культуры киргизов страдает схематизмом, недостатком глубины, не всегда удовлетворительными обобщениями и, местами, снисходительным отношением к отдельным вредным пережиткам старого быта; это объясняется тем, что книга — один из первых опытов характеристики современности с применением этнографического метода. Поездка в 1948 г. в Киргизию с заданием изучения культуры и быта колхозов убедила т. Абрамзона в ценности и необходимости этой работы, ее непосредственной пользе для дела социалистического строительства. Однако у тов. Абрамзона имеются сомнения в правильности установки на монографическое изучение колхоза, требующее стационарной работы, не всегда возможной по условиям экспедиции, и изучения таких специальных вопросов, как экономика, агротехника, организация труда и т. д. — для которых этнограф не имеет соответствующей подготовки. Тов. Абрамзон предлагает в качестве основного метода работы в этой области тематическое изучение; так, например, распространенное на все экспедиции задание изучения современной одежды или форм брака, на его взгляд, дало бы возможность собрать материал для строго научных выводов и обобщений. Опыт тематического изучения в текущем году современных семейно-брачных отношений у киргизов, продолжающего исследования этих отношений в дореволюционном прошлом, представляет значительный интерес, позволяя проследить изменения в этой области, произошедшие за последние десятилетия. По мнению С. А. Абрамзона, центром внимания этнографа при изучении современности должны быть вредные пережитки патриархально-родовых и феодальных отношений, их роль в семейной и общественной жизни, борьба между отдельными, отживающими формами быта и сознания и преодолевающими их новыми явлениями советской действительности. Никто лучше этнографов не сможет научно исследовать и объяснить эти пережиточные явления и помочь руководящим организациям и советской общественности вести успешную борьбу с отсталостью, с рядом обычаяев, тормозящих социалистическое переустройство культуры и быта.

Взявший затем слово Н. Н. Чебоксаров остановился главным образом на вопросе подготовки западноевропейского тома «Народы мира». По его мнению, часть статей для этого тома, написанных во время войны квалифицированными сотрудниками-этнографами, вполне удовлетворительна, хотя требует дополнений, в особенности значительных по странам Центральной или Восточной Европы, где восторжествовала народная демократия и на наших глазах создаются новые формы хозяйства, культуры и быта. Другая группа статей выполнена молодыми авторами, главным образом аспирантами, и действительно страдает некритическим подходом к данным зарубежной литературы и недостаточным использованием косвенных этнографических источников — газет, журналов, художественной литературы. Третья группа статей, —

заказанных йненинститутским специалистам, лишь недавно стала поступать в редакцию тома и пока получает положительную оценку. Говоря о работе Славяно-русского сектора, Н. Н. Чебоксаров указал на неудовлетворительность монографии «Восточные славяне», большинство материалов которой относятся к XIX в. и не соответствуют задаче показать процесс формирования современной культуры восточных славян и их богатой, многокрасочной и яркой культуры в наши дни. Руководитель сектора проф. В. В. Богданов на плохие статьи, например, тт. Лепер и Торэн, дает положительные отзывы, а его собственные статьи совершенно не отражают современного быта восточных славян. Остановившись на работе Сектора антропологии, т. Чебоксаров указал, что, достигнув положительных результатов в использовании антропологического материала в качестве источника для решения проблем этногенеза, антропологи Института самоустранились от разработки ряда других актуальных проблем, в особенности вопросов, связанных с механизмом расообразования, причинами возникновения тех или иных антропологических типов. Крупными недостатками страдают статьи, подготовленные коллективом Института для монографии, посвященной антропологическому составу зарубежной Европы. Они трудно сопоставимы, иногда различаются по принципиальным методическим приемам, во многих случаях, как, например, статья П. Н. Башкирова, носят чисто описательный характер.

Проф. М. О. Косвени выступил с критикой постановки методологической работы в Институте. Он подчеркнул обязательность полевой этнографической работы, необходимой не только для сбора материалов, но и для теоретического и политического понимания фактов; между тем, в Институте бывали случаи защиты диссертаций молодыми этнографами, никогда не бывавшими в экспедициях. В то же время, отметил он, существует обратное явление — некоторые этнографы с многолетним полевым стажем, накопившие ценный материал, не выступают с ним в печати, что доказывает их неумение научно обработать и теоретически обобщить этот материал. Теоретическая группа общей этнографии Института, начав свою деятельность с обсуждения больших проблем (эзогамия), в последнее время снизила свои интересы до неактуальных тем. Между тем, в этой группе должны планомерно обсуждаться теоретические проблемы каждого сектора. Весьма важно обсудить, например, в связи с перестройкой работы Сектора фольклора вопрос о задачах и месте фольклора в этнографии или проблемы происходящего сейчас в Дагестане процесса консолидации в нацио десятков отдельных племен. Наряду с обсуждением теоретических планов секторов весьма желательно устроить творческий смотр работ отдельных сотрудников, подобно тому как это принято у писателей. Но прежде всего Институту следует организовать дискуссии по серьезным теоретическим проблемам, как, например, по вопросам матриархата, поскольку выяснилось, что в коллективе имеются радикальные расхождения в понимании сущности таких коренных вопросов общей этнографии.

Г. Г. Стратанович считает, что С. П. Толстов, наметив исключительную по размаху программу этнографических исследований, недоучитывает силы коллектива; затянувшаяся работа над многотомником не дает возможности сотрудникам сосредоточиться на разработке теоретических вопросов. У ленинградской части коллектива, кроме того, много времени занимает музейная работа, в которой московские этнографы не принимают участия, между тем в этой области, как и везде, коллектив должен выступать объединенно. Хотя Институт в целом ведет работу в правильном и нужном направлении, его задачи не ясны широким массам и не популярны. Следует точнее определить предмет и метод этнографии; существующее определение С. П. Толстова не может удовлетворить рядового читателя. Кроме того, необходимо уточнить основную терминологию (народность, народ и пр.).

Н. А. Бутинов в своем выступлении высказал удовлетворение по поводу поворота этнографической науки к изучению современности и повышения внимания к теоретической работе. Он указал, что до сих пор еще имеются этнографы, рассматривающие изучение социалистического строительства как «дань времени» и «привесок» к этнографии; отрыв этнографии от современности характерен, между прочим, для кафедры этнографии Ленинградского университета, так же как эмпирические труды без обобщений и выводов. Далее т. Бутинов заявил, что если с организационным руководством в Институте дело обстоит благополучно, то в теоретическом руководстве имеются недостатки, доказательством чего, в первую очередь, является неточность определения и неясность предмета советской этнографии, о которых уже высказывался т. Стратанович, а также те теоретические разногласия (в частности, по вопросу о сущности матриархата), которые выявились в процессе обсуждения статей М. О. Косвена. Тов. Бутинов возражал против определения советской этнографии как «исторической этнографии», основной особенностью которой, согласно определению С. П. Толстова, является последовательный историзм. По мнению т. Бутинова, внесение элементов конкретной истории и хронологии в область этнографической науки не всегда возможно. Ему не понятно, каким путем С. П. Толстов мыслит выяснить даты возникновения у того или другого народа явлений тотемизма, авункулата или эзогамии. А поскольку даты, очевидно, установить нельзя, то не может быть речи и о последовательном историзме в этнографической науке. Неясен для т. Бутинова также вопрос о связи между народом и культурой: тождественны ли они? Археологи ставят эту проблему в план своих исследований, этнографы же не уделяют ей внимания. Между тем, это весьма важная методологическая проблема, в частности для реше-

ния вопроса об этногенезе какого-либо народа на основании этнографических данных о его культуре.

После Н. А. Бутинова в порядке прений выступил С. П. Толстов, специально остановившийся на задачах советской этнографии и на вопросе о конкретно-историческом подходе к этнографическим исследованиям. Он указал, что в Советском Союзе наступил принципиально новый этап в развитии этнографической науки по сравнению со всей мировой этнографической наукой; это выражается как в том, что она базируется на основах марксистско-ленинского учения об обществе, так и в методике исследований, отличительной чертой которой является конкретно-исторический анализ этнографических явлений.

В буржуазных странах народ очень мало интересует этнографов. Если это представители эволюционного направления, то они изучают общее развитие учреждений, явлений материальной и духовной культуры в отрыве от конкретных носителей и творцов этой культуры. Если это представители «школы заимствования» или «культурно-исторического» направления, то снова народ — творец и двигатель прогрессивного развития культуры — отступает на задний план: культура приобретает самостоятельную жизнь, мигрирует, диффундирует, распространяется или, наоборот, замыкается в себе. Общей чертой буржуазной этнографии, буржуазного космополитизма в этнографии является тот факт, что народ, человеческое общество в его конкретно-этническом или национальном проявлении из исследований выпадает. Этнография здесь отрывается от конкретной истории народов, и исследователь получает полную свободу, исходя из своих вкусов, решать вопрос, что было раньше, что позже, что из чего развилось: предшествовал ли матриархат патриархату, возник ли прежде монотеизм, а затем политеизм или наоборот, и т. д. Пережитки такого состояния в науке до сих пор сказываются, например, в спорах об оленеводстве как древнейшей форме скотоводства, так как оленеводство кажется некоторым авторам более примитивным, чем другие формы скотоводства. Необоснованность таких суждений связана с тем, что фактическая историческая последовательность явлений не устанавливается.

Возможно ли в области этнографии установить эту историческую последовательность явлений? Несомненно, возможно. Хотя по целому ряду проблем мы еще не располагаем необходимым для этого материалом, но объективно достижение этих знаний возможно, и будет время в развитии нашей науки, когда мы сможем сказать, когда и где, в какой последовательности возникли те или другие общественные институты. Наша наука развивается в направлении познания этих фактов. Уже сейчас по целому ряду народов мы имеем вместо сравнительно-компаративистских построений конкретно-исторические данные, основанные на изучении архивных данных, археологических материалов, сопоставляемых с этнографическими; устанавливается при помощи археологии время появления типа одежды; имеются хронологические вехи для отраженных в первобытном искусстве форм верований, например, тотемизма, и этот материал привлекается для решения проблемы возникновения тотемизма и, следовательно, первичных форм экзогамии и родовой организации. Конечно, когда речь идет о первобытном обществе — эпохи палеолита, неолита и т. д., не приходится говорить о веках и годах, но хронологически вехи — в пределах тех категорий, которыми оперирует геология, — могут быть установлены и для общественных явлений. Так, в результате работ археолога Ефименко стало возможным сделать выводы о бытовании матриархальных форм рода и тотемизма в верхнем палеолите; таким образом эти явления оказываются почти синхронными появлению современного типа человека. Созершенно по-иному, чем это делают компаративисты, разрешает советская этнография проблему оленеводства. На основе историко-этнографических исследований восстановлены основные вехи этногенеза современных оленеводческих народов Севера, появившихся здесь в качестве сравнительно поздних поселенцев и слившихся с местными охотниче-рыболовными племенами. Исторические факты не позволяют говорить об оленеводстве как древней форме скотоводства; все известные формы оленеводства возникли и развились в первом и втором тысячелетии нашей эры, — это абсолютно доказано. Последовательный историзм не должен перерастать в отказ от исследования явлений, которые сейчас еще не могут быть хронологически определены. Однако этнограф является историком, разрабатывающим лишь особые проблемы истории. Он обязан владеть всеми основными методами исторического анализа, уметь оперировать археологическим материалом, архивными документами и т. д.

Далее С. П. Толстов разъяснил поставленный Н. А. Бутиновым вопрос о связи понятий культура и народ, этнос. Он заявил, что если для археологов эта связь является проблемой, поскольку они имеют дело с давно исчезнувшими народами и стоят перед задачей восстановить народ по памятникам его культуры, — у этнографов положение другое; они имеют дело с народами, обладающими определенной, созданной в течение веков культурой. Культура не отделима от народа, поскольку она является созданием народа и отражением его истории. Этот вопрос достаточно хорошо освещен классиками марксизма и не представляет собой особых проблемы для этнографии.

Затем С. П. Толстов остановился на проблеме методики этнографического изучения современности, отвечая тт. Абрамзону и Стратановичу. Он согласился с мнением о необходимости, помимо монографического изучения колхозов, поставить тематиче-

ское изучение отдельных проблем, в частности, вредных для социалистического строительства пережитков, в борьбе с которыми этнографы могут оказать большую пользу местным организациям. Но это не снимает задачи комплексного изучения культуры и быта колхозов разных национальностей, так как на данном этапе важное значение имеет исследование именно комплекса народного быта в конкретных социалистических коллективах различных национальных республик.

Выступивший затем проф. С. А. Токарев, согласившись с высокой оценкой С. П. Толстовым научных достижений в области вопросов этногенеза, указал на необходимость шире привлекать собственно этнографические данные для решения проблем этногенеза. Остановившись на вопросе о многотомнике «Народы мира», С. А. Токарев указал, как на основные недостатки в подготовке тома «Народы Америки», на отсутствие обобщающих статей и на то, что статьи, посвященные отдельным народам, разрознены, не сведены воедино. Те же недостатки имеются в томе «Народы Кавказа», статьи которого, пестрые по стилю и структуре, страдают эмпирисмом и отсутствием обобщений или неудачными обобщениями. Он подтвердил, что для успешного завершения тома «Народы зарубежной Европы» необходимо укрепить авторский коллектив. По вопросу о критике зарубежной реакционной литературы С. А. Токарев выразил пожелание, чтобы дирекция Института и редакция «Советской этнографии» взяли на себя организацию этого дела и, обеспечив библиографическую работу, давали задания авторам или авторским коллективам о написании обзоров и рецензий. Таким путем, по его мнению, постановка критической работы будет обеспечена от случайности в подборе рецензируемых трудов, неизбежной при самотеке. По вопросу об историографии он указал на ряд затруднений, связанных с тем, что некоторые деятели русской науки на разных этапах своей жизни меняли политические взгляды, как, например, Кавелин. Следует различать заслуги ученого в разработке определенной научной проблемы и его общее научное мировоззрение в этот период от его позднейших взглядов. В заключение С. А. Токарев подчеркнул остроту вопроса о недостатке в Институте кадров специалистов по этнографии зарубежных стран.

В. Н. Белицер также уделила много внимания вопросу подготовки кадров, в частности указав на недостаточную ориентацию аспирантов Института этнографии в методике полевой работы и полное отсутствие у них элементарных знаний и практических навыков в области музейной работы. Полемизируя с т. Абрамзоном, она заявила, что придает большое значение при изучении современной культуры и быта монографическому исследованию колхозов; осуществление этой работы в текущем году дало т. Белицер весьма плодотворные научные результаты. Остановившись затем на форме отчетов и статей, помещаемых в «Кратких сообщениях» Института этнографии т. Белицер указала на их сухость и формальный характер; при подведении итогов полевых работ необходимо сообщать хотя бы кратко научные выводы автора, являющиеся результатом данного полевого исследования.

П. Е. Терлецкий основную часть своей речи посвятил значению статистического материала в этнографических исследованиях. В частности, для изучения изменений, произошедших за годы Советской власти в хозяйстве, семейных отношениях, культуре и быте народов СССР, совершенно необходимо широкое привлечение статистических данных о расселении, родном языке, возрастном и половом составе, составе семьи и т. д. Лишь опираясь на эти массовые данные, можно сделать правильный выбор объектов для монографического изучения. Пора теснее связать этнографические и статистические исследования. Статистический аппарат весьма разветвлен, и можно добиться выполнения им работ по специальным запросам Института этнографии АН СССР.

Т. А. Трофимова сообщила о состоянии и планах научных исследований в Секторе антропологии, который перестраивает свою работу после обсуждения итогов дискуссии ВАСХНИЛ на широком совещании, проведенном в Институте этнографии при участии основного контингента антропологов Советского Союза. В настоящее время Секретором ведется вспланированная работа по критическому разбору расовых теорий и по разработке ряда положений мичуринского направления в биологии применительно к антропологии. Характеризуя научные взгляды проф. В. В. Бунака, Т. А. Трофимова отметила, что свое заявление об отказе от прошлых теоретических ошибок (евгеника, формальная генетика, а затем статистическое направление в антропологии, уходящее корнями в идеалистические взгляды на расогенез) он сделал недостаточно четко и определенно. До настоящего времени В. В. Бунак допускал колебания и ошибки, которые являлись причиной принципиальных разногласий между всем составом Сектора антропологии, с одной стороны, и проф. Бунаком, — с другой. В особенности резкими были разногласия по вопросу о классификации рас, непосредственно связанному с выполнением плановых заданий Сектора — завершением издания сборника «Антропологические типы Европы». Т. А. Трофимова отметила также, что проф. Бунак в своей работе не уделяет должного внимания трудам советских антропологов. Нельзя считать случайным факт, что книга Г. Ф. Дебеца, выпущенная из печати в 1948 г., не обсуждалась на Секторе, хотя были предложения об организации такого обсуждения.

О. А. Корбе остановилась на вопросе об этнографическом изучении современности, отметив, что в редакцию журнала редко поступают статьи на современные темы. А между тем, мы являемся счастливыми современниками величайшей в истории

социальной революции, принесшей полную революцию в экономике, быте, мировоззрении, в отношениях между людьми, и наша обязанность — зафиксировать процесс этой революционной перестройки. Это важно и для истории, и для понимания хода этого процесса и перспектив дальнейшего развития, и потому, что мы проделали первый в мире опыт, которому будут следовать другие народы. При этом процесс социалистического переустройства культуры и быта у отдельных народов носит своеобразные черты, ибо национальные различия, как писал Ленин, еще долго будут жить и после победы коммунизма во всем мире. Задача этнографов исследовать этот специфум. Непосредственной задачей этнографов является раскрытие на конкретном материале понятия культуры социалистической по содержанию, национальной по форме; многие авторы относят сюда такие явления, как замена кожаной посуды алюминиевыми кастрюлями у ранеекочевых народов или ношение белья северными народами, что является результатом роста благосостояния людей нашей страны в условиях социалистического строя, но само по себе отнюдь не определяет содержания понятия — социалистическая культура. Тов. Корбе отметила далее малочисленность поступающих в редакцию журнала теоретических статей, что указывает на необходимость привлечь внимание наших исследователей к теоретическим вопросам и активизировать разработку их в группе общей этнографии. В портфеле редакции имеется много материалов по шаманству, по пережиткам религиозных верований и обрядов, но все эти материалы носят чисто описательный характер, а обобщающих исследований по истории религии у нас нет. А ведь наша задача, изучая пережитки старого мировоззрения, помогать их теоретическому осмыслинию и их изживанию. В области изучения прошлого многие поступающие в редакцию статьи страдают общим недостатком — отсутствием датировки; отошедшее в прошлое описывается в настоящем времени, в результате получается смешение разных эпох, искажение действительности, ее арханизация. За последнее время в редакцию поступил ряд статей, написанных по материалам экспедиций, имевших место 20 и более лет назад, т. е. до коллективизации, а об изменениях, произошедших с тех пор в результате победы социализма в нашей стране, — не говорится. В заключение т. Корбе выразила пожелание, чтобы было создано специальное совещание по вопросу об этнографическом изучении современности и чтобы программы монографического изучения колхозов в национальных республиках и областях были заслужено обсуждены.

В. В. Бунак в своем выступлении указал, что правильно отмечаемые на данном заседании недостатки научно-исследовательской работы Института этнографии не изменяют общего мнения о том, что некоторые труды Института стоят на большой теоретической высоте, изучение проблем этнографии получило большой размах и поднято на высокий теоретический уровень. Переядя затем к работе Сектора антропологии, В. В. Бунак заявил, что завершение сборника «Антропологические типы Европы» тормозилось не вследствие теоретических разногласий, а из-за несвоевременной подготовки авторами, перегруженными другими работами, своих статей. Решения сессии ВАСХНИЛ, давшей новые отправные точки для разработки ряда методологических вопросов, В. В. Бунак рассматривает как творческое руководство для исследований, а не как сборник готовых рецептов для решения любой конкретной задачи в области биологии или антропологии. В частности, у него вызывает сомнения возможность правильного решения проблемы классификации рас в ближайший период времени. Даже в вопросе об изменениях классификации животных и растительных организмов далеко еще не ясны позиции советского дарвинизма, тем более это сложно в отношении классификации человеческих антропологических типов; поэтому делать поспешные выводы было бы неправильно, окончательных суждений по данному вопросу мы на сегодняшний день не имеем. В. В. Бунак считает недостаточно объективным выступление Т. А. Грофимовой по поводу его теоретических взглядов. Признавая целый ряд своих ошибок, он не относит к их числу свои работы по изучению антропологических типов. В. В. Бунак считает несправедливым обвинение в игнорировании им советских антропологических исследований.

Выступившая затем Д. В. Найдич подробно осветила состояние работы Славяно-русского сектора над монографией «Восточные славяне», polemизируя с критиковавшими этот труд И. Ф. Симоненко и Н. Н. Чебоксаровым.

Председательствовавший на заседании М. Г. Левин признал справедливой критику основных недочетов в работе Института и специально остановился на некоторых из них. Недостаточно разрабатываются теоретические вопросы, касающиеся не только социальной организации, о чем уже говорили выступавшие, но и вопросов истории религии, первобытного искусства, истории развития жилища, одежды и других элементов материальной культуры. Здесь задачи, стоящие перед советскими этнографами, особенно значительны, ибо, если в области изучения социальной организации имеется ряд серьезных марксистских исследований, то в области изучения материальной культуры таких работ почти нет и исследования, касающиеся развития жилища, одежды, часто следуют голой эволюционной схеме, отвергнутой советскими учеными. Совершенно недостаточно у нас обобщающих работ по этнографии отдельных крупных областей. Так, по этнографии Сибири имеется ряд зарубежных работ сторонников так называемой культурно-исторической школы, школы диффузионистов, для нас неприемлемых. Мы обязаны противопоставить им нашу методологию. Секторы Института, разрабатывая вопросы этнографии отдельных народов, должны уделять больше внимания обобщающим исследованиям.

Недочеты в изучении современности в значительной мере объясняются тем, что мы недостаточно последовательно проводили принцип историчности в этнографических исследованиях; последовательный историзм означает изучение явлений в их развитии, в их прошлом и настоящем. Этнограф, рассматривая те или другие явления, должен изучать их в динамике, вскрывать диалектику процесса, борьбу нового со старым. Это относится к изучению и материальной культуры, и семьи, и идеологии. Отрывать изучение старого от нового и наоборот — значит отойти от подлинного историзма в этнографическом исследовании.

В вопросах историографии, отметил далее М. Г. Левин, мы также констатировали ряд пробелов. Так, например, совершенно не освещена роль революционных русских демократов в развитии этнографии и особенно антропологии. Совершенно нет, например, работ, посвященных анализу взглядов Чернышевского по вопросам антропологии. М. Г. Левин указал на недостаточно критическое отношение и объективизм в своих собственных работах, посвященных истории русской антропологии.

Касаясь работы Сектора антропологии, М. Г. Левин отметил, что на заседании Сектора, состоявшемся после сессии ВАСХНИЛ, был вскрыт ряд серьезных методологических недостатков в работе советских антропологов и определены задачи, стоящие перед Сектором. Было бы грубой ошибкой механически переносить в антропологию те закономерности, которые вскрываются при изучении растительного и животного мира; это противоречило бы основным положениям советской антропологии, которая отводит важнейшее место социальным факторам в антропо- и расогенезе. На это справедливо указал профессор В. В. Бунак. Однако в выступлении В. В. Бунака прозвучали нотки неверия в наши силы. Задачи, стоящие перед антропологами, конечно, сложны, но они достаточно ясны, и антропологи найдут пути правильного их разрешения.

Касаясь недостатков «Кратких Сообщений» Института, М. Г. Левин сообщил, что редакция приняла решение изменить характер публикуемых экспедиционных отчетов с тем, чтобы в них были отражены теоретические вопросы, давалось освещение основных проблем, встающих в связи с полевыми исследованиями. Следует усилить в «Кратких Сообщениях» раздел авторефератов докладов, и задача секторов — представлять к печати наиболее интересные доклады.

В заключение М. Г. Левин указал, что пятилетний план Института предусматривает разработку ряда тем по общей этнографии, теоретических вопросов антропологии, обобщающие труды по отдельным областям — этнографические атласы, работы, посвященные критике буржуазной этнографии и т. д. Многие недостатки проистекают от отсутствия должного внимания к выполнению тем основного плана; путь к устранению многих недочетов лежит, в значительной степени, в неуклонном выполнении этого плана, к чему должны быть направлены все усилия руководства Института и его сотрудников.

В заключительном слове С. П. Толстов ответил на ряд выступлений по своему докладу, указав, что недостатки в научно-исследовательской работе Института, как это стало ясно из развернувшихся прений, можно разделить на две группы: одни являются более или менее случайными ошибками, которые, благодаря создавшейся в Институте атмосфере критики, бесспорно будут изжиты; другие являются результатом слишком медленного процесса теоретической перестройки некоторых сотрудников Института. Тов. Стратанович бросил упрек о непосыпности задач, поставленных руководством Института перед его коллективом; но эти задачи окажутся непосыльными лишь в том случае, если товарищи не перестроются теоретически и не будут работать над собой. Неверно, что, например, у А. А. Попова, Л. Э. Каруновской и других из-за загрузки по многотомнику нехватает времени для теоретических исследований. Пора отказаться от эмпиризма, от объективизма и архаизма, которыми страдают статьи для многотомника и многие другие работы. Необходимо, чтобы каждый сотрудник осознал, что мы являемся борцами передовой линии идеологического фронта, творцами советской социалистической культуры; страна выдвигает огромные задачи перед советскими учеными, и нам предстают все возможности, чтобы вести работу, которая нужна стране, которая служит делу строительства коммунизма, а не ту, которая интересует только отдельных людей. «Наука для науки» — не наш лозунг. Неправ С. А. Токарев, считая, что дирекция и редакция должны просить наших руководящих специалистов писать критические статьи и следить вместо них за новой литературой. Сами специалисты должны знать новейшую литературу в своей области лучше кого бы то ни было, должны приходить в редакцию и просить поместить в печати их боевые рецензии на вызывающую возмущение макулатуру, выпускаемую зарубежными реакционными этнографами.

Остановившись на выступлении В. В. Бунака, С. П. Толстов высказал удивление, как мог проф. Бунак работать несколько лет редактором книги о расовом составе зарубежной Европы, до сих пор не считая возможным составление научно-правильной классификации рас? Необходимо самим разрабатывать насущные научные проблемы антропологии, а не ожидать, когда будут разработаны подобные проблемы зоологами и ботаниками или агрономами. Иначе у нас накопятся груды сырого материала вместо научных трудов. Классификация человеческих рас, обсуждавшаяся весной на Секторе антропологии, вызвала возражения одного лишь В. В. Бунака, противопоставившего свои взгляды всему коллективу сектора. С. П. Толстов высказал

уверенность, что советскими антропологами в ближайшее время будет выработана классификация рас, вполне соответствующая нашим материалистическим представлениям на процессы антропогенеза и расогенеза.

Переходя к вопросу об этнографическом изучении процессов социалистического строительства, С. П. Толстов наметил программу исследований в этой области. Так, например, насущной задачей советских этнографов является изучение проблемы национальной консолидации в условиях советского строя; проблемы расселения; проблемы становления новых форм семьи; необходимо подвести научные итоги некапиталистического развития некоторых народов нашей страны, изучить вопрос о новых формах хозяйства народов СССР, развивающихся в условиях социалистического строя (например, переход от кочевания к стоянному скотоводству и т. п.); весьма важны и не разработаны еще с точки зрения этнографии проблемы народного искусства, народной архитектуры. Соглашаясь с тт. Абрамзоном и Стратановичем в необходимости выявлять уродливые пережитки прошлого и тем оказывать помощь руководящим местным организациям, С. П. Толстов указал, что нельзя к этой задаче сводить работу этнографа: более важной стороной вопроса является выявление тех прогрессивных процессов, которые сейчас происходят в жизни национальной колхозной деревни. Если некоторые товарищи в процессе своих полевых исследований не видят колоссальных достижений, не умеют видеть новое, а видят лишь отрицательные стороны быта, пережитки,— это означает, что у них плохо ориентированный взгляд. Надо помочь им правильно поставить исследования.

В отношении работы над проблемой этногенеза С. А. Токарев, по мнению С. П. Толстова, неправильно указывает на пассивность этнографов; все исследования в данной области сконцентрированы в Институте этнографии и вокруг журнала «Советская этнография», организовавшего авторский коллектив. По этой линии отстает, главным образом, лингвистика, хотя эта наука должна занимать одну из ключевых позиций в вопросах этногенеза, ибо становление народа неотделимо от становления его языка. Приходится констатировать, что лингвисты отступают от традиций Марра в вопросе этногенетических исследований, прежде всего хотя бы потому, что вообще перестали ими заниматься, «передоверив» их зарубежным буржуазным языковедам.

С. П. Толстов указал, что в историографических работах следует брать за образец труды классиков марксизма, которые умели, касаясь того или иного автора, если этот материал был необходим, охарактеризовать данного автора всесторонне: так, Энгельс, указав на Бахофена как на автора открытия, имеющего величайшее историческое значение, нашел место в своей книге, чтобы показать и реакционные установки того же Бахофена, идеалистические и мистические основы его взглядов.

С. П. Толстов закончил свою речь выводом о плодотворности проведенного широкого смотра работ Института с точки зрения их идеологической и методологической направленности и соответствия их тем задачам, которые ставит перед Институтом строительство коммунизма в нашей стране. Дирекция внимательно изучит выступления и примет все меры, чтобы изжить вскрытые недостатки и создать предпосылки для осуществления тех пожеланий, которые были высказаны выступающими.

Т. А. Жданко

ИТОГИ СЕССИИ ВАСХНИЛ И СОВЕТСКАЯ АНТРОПОЛОГИЯ

(Отчет о заседании Сектора антропологии Института этнографии)

Состоявшееся 1 октября 1948 г. заседание Сектора антропологии Института этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая Академии Наук СССР было посвящено обсуждению итогов августовской сессии Всесоюзной Академии Сельскохозяйственных Наук имени Ленина. Открывая заседание, заместитель директора Института М. Г. Левин отметил огромное значение доклада акад. Т. Д. Лысенко, а также развернувшихся по этому докладу прений, не только для биологии, но и для всех областей советской науки. Итоги сессии привлекают внимание специалистов различных отраслей знания к идеологической борьбе, которая в наши дни, как никогда, остро разгорелась между империалистическим лагерем международных разбойников, с одной стороны, и лагерем всех прогрессивных сил человечества во главе со страной строящейся коммунизма — СССР, — с другой. Для антропологов вопросы, поставленные на сессии, имеют тем большее значение, что, разрабатывая и чисто биологические проблемы, и исторические по своему содержанию проблемы этногенеза, они всегда оперируют биологическими фактами, вторгаясь в самую сложную область биологической науки — биологию человека. На сегодняшнем заседании, подчеркнул М. Г. Левин, мы должны подвергнуть принципиальному критическому разбору работы советских антропологов, проследить пути, по которым шло развитие нашей антропологической науки, вскрыть те ошибки, которые имеются в этой науке и которые происходят в значительной мере от того, что многие антропологи некритически восприняли положения порочной менделевско-мортановской формальной генетики. Большевистская критика и самокритика, невзирая на лица, — вот что должно явиться орудием в преодолении наших серьезных ошибок и в нашем переходе на правильный путь.

Т. А. Трофимова (Институт этнографии, Москва) зачитала подготовленную ею совместно с М. Г. Левиным и Н. Н. Чебоксаровым статью «Мичуринское направление в биологии и советская антропология», предназначенную для журнала «Советская этнография» (см. № 4 за 1948 г.). Докладчик подчеркнул значение прошедшей сессии для борьбы с идеалистическим «учением» Вейсмана — Моргана и для развития передового мичуринского направления в биологии, основанного на материалистическом понимании эволюции растений и животных в зависимости от условий их существования и тесно связанного с нуждами социалистического строительства в нашей стране. Помимо биологов и работников сельскохозяйственных наук в работе по теоретическому обобщению достижений мичуринского направления в биологии и в критике реакционного вейсманизма должны принять участие и работники других специальностей, в том числе антропологи, занимающиеся изучением истории природы человека. Советские антропологи, ведя активную борьбу с реакционными идеалистическими концепциями, ставили и разрабатывали вопросы происхождения человека на основе учения Энгельса о роли труда в процессе антропогенеза. Однако не все стороны этого процесса были освещены в одинаковой мере. Теория случайных мутаций, не отражающих условий внешней среды и только подхватываемых естественным отбором, фактически бездоказательно принималась в огромном большинстве работ по антропогенезу. Роль внешней среды трактовалась обычно как фактор, определяющий только направленность отбора, а не характер подпадающих под действие отбора признаков. На многих статьях, посвященных происхождению человека, сказалось влияние формальной генетики. В свете мичуринского направления в биологии перед советскими антропологами встает в качестве важнейшей задачи разработка вопросов, связанных с влиянием условий жизни на формирование физического типа человека, на изменение его наследственной природы. Для разработки вопросов расоведения основные положения мичуринского учения имеют не меньшее значение. В наши дни острой идеологической борьбы во всех отраслях знания разработка вопросов этнической антропологии приобретает большую политическую актуальность, так как каждое исследование в этой области для советского ученого связано с необходимостью беспощадно разоблачать столь характерные для буржуазной науки метафизические представления о человеческих расах и лженаучные, человеконенавистнические расовые «теории». Советская этническая антропология прошла сложный путь, не свободный от ошибок и заблуждений, среди которых в свое время (особенно в 1920—1929 гг.) большую роль сыграли связанные с вейсманизмом-мортанизмом евгенические «идейки», глубоко реакционные и идеалистические по самой своей сущности. Значительную дань этим «идейкам» отдал проф. В. В. Бунак, редактировавший в те годы «Русский антропологический журнал» и принимавший активное участие в издании «Русского евгенического журнала» — органа воинствующих доморощенных вейсманистов. Расистские и евгенические тенденции в антропологических работах еще в 30-х годах нашего века были подвергнуты суровой и справедливой критике со стороны передовых советских ученых. Статьи, посвященные борьбе с расизмом и евгеникой, в 1932—1937 гг. печатались преимущественно на страницах «Антропологического журнала». Большую роль в разоблачении расистской лженауки сыграла также экспозиционная и просветительская работа Музея антропологии под руководством М. С. Плисецкого. Однако тлетворное влияние менделевизма-мортанизма ослабляло позиции советских антропологов в этой острой борьбе и не давало им возможности полностью избавиться от вредного груза буржуазных концепций.

В области этнической антропологии особенно пагубным оказалось влияние формалистического «учения» о так называемых «генетико-автоматических процессах», под воздействием которых в изолированных популяциях будто бы происходят направленные, но не зависимые от условий жизни, эпохальные изменения наследственных признаков. В применении к человеку «учение» это в СССР разрабатывалось М. В. Игнатьевым. Некритически и даже сочувственно оно изложено в учебнике антропологии, вышедшем в свет в 1941 г. (в разделе, написанном Я. Я. Рогинским). С позиций формальной генетики подходили некоторые советские антропологи (В. В. Бунак, М. Ф. Нестурх) также к вопросу о расогенической роли метаселации. Ряд существенных ошибок формально-генетического характера был допущен и в конкретных антропологических работах, посвященных проблемам этногенеза (Г. Ф. Дебец, Я. Я. Рогинский, Т. А. Трофимова, Н. Н. Чебоксаров и др.).

Особого внимания заслуживают, естественно, новейшие антропологические работы, напечатанные в 1946—1948 гг. в изданиях Института этнографии АН СССР. В целом они отражают исторический подход к вопросам антропогенеза и расоведения, но в отдельных случаях оказались несвободными от формально-генетических ошибок. Так, например, М. Г. Левин в работе о пигмейской проблеме подверг острой критике реакционные «теории» В. Шмидта и других зарубежных авторов, но в вопросе происхождения карликовых групп человечества встал на формально-генетические позиции. Статья Я. Я. Рогинского о группах крови направлена против расистских представлений об исконных и древних различиях рас. Однако методологически статья эта порочна тем, что связывает явления изоляции с понятиями и терминами формальной генетики. В одних работах формально-генетические объяснения давались открыто, в других они подразумевались. И не случайно в статье М. Г. Левина и Я. Я. Рогинского, посвященной итогам работы советских антропологов за 30 лет («Советская этнография», 1947, № 4), не только отсутствует критика вейсманитско-морганистских заблуждений в антропологических трудах, но дана положительная оценка статьям М. В. Игнатьева о генетико-автоматических процессах.

В заключение Т. А. Трофимова наметила те положительные задачи, которые встают перед советскими антропологами на новом этапе развития материалистической, мичуринской биологической науки. Сюда относится разработка вопросов антропогенеза в свете положений Энгельса о роли труда, изучение механизма расовой изменчивости в связи с условиями жизни, проблема расовых классификаций, разоблачение вейсманитско-морганистских и расистских «теорий» в зарубежной антропологии. Нет сомнения, что обогащенная достижениями мичуринского направления в биологии советская антропология сможет еще в большей степени, чем до сих пор, выступить в содружестве с этнографией, археологией, лингвистикой, историей в разработке актуальных проблем становления человека и происхождения отдельных народов.

После доклада Т. А. Трофимова на заседании Сектора антропологии разгорелась оживленная дискуссия, в которой приняли участие многие антропологи Москвы и Ленинграда. Первым в прениях выступил Я. Я. Рогинский (Московский ордена Ленина гос. университет), отметивший, что в докладе правильно вскрыты допущенные им ошибки формально-генетического характера. «В учебнике антропологии,— сказал проф. Рогинский,— я писал о генетико-автоматических процессах в разделе, посвященном факторам расообразования, в частности, изоляции. Роли изоляции в эволюции и дивергенции признаков, как известно, не отрицал и Дарвин, не отрицал этого и целый ряд других исследователей. В самом признании расообразующего значения изоляции, мне думается, нет ничего ошибочного. Но очень серьезная ошибка моя состоит в том, что явления изоляции я изложил в терминах формальной генетики, использовав также ее понятия. Во всем этом не было никакой необходимости. Важно было отметить, что в процессе изоляции могут иметь значение также небольшие различия внешней среды в отдельных изолированных зонах, которые должны играть определенную роль в дивергенции признаков. О таком влиянии внешней среды у меня почти ничего не сказано, если не считать небольшой оговорки относительно бушменов и эскимосов. Подобные же ошибки сделаны мной и в работе о группах крови. Мне думается, что в целом моя позиция была более правильной, чем позиция американца Гэтса, но и здесь я использовал термины формальной генетики, тогда как можно было говорить о роли изоляции, не прибегая к этим скомпрометированным понятиям. Мне может быть также брошен справедливый упрек в том, что, говоря о роли случайности, я не пояснил, что же, в сущности, я под этим понимаю. Я вполне согласен с Т. Д. Лысенко, что оперировать в науке термином «случайный» в смысле «непознаваемый» недопустимо. Я понимал «случайность» в появлении какого-либо признака как его относительную независимость от других признаков или явлений (например, независимость расовых особенностей человека от его культурных особенностей). Наконец, в числе моих научных ошибок надо отметить, что моя критика книги проф. Давиденкова «Эволюционно-генетические проблемы в невропатологии» была недостаточно резкой и принципиальной. Естественно, что сейчас моя мысль направлена на то, чтобы исправить допущенные ошибки и повести дальнейшую работу в области расоведения по новому пути, используя достижения передового учения в биологии в той мере, в какой они применимы к человеку — существу социальному».

М. В. Игнатьев (Московский гос. университет, Институт антропологии) также подчеркнул, что он считает правильной критику формально-генетических ошибок в антропологии, данную докладчиком. «В оценке роли изоляции,— сказал он,— я вполне

согласен с Я. Я. Рогинским. В моей работе «Статистические константы в изолированной популяции», опубликованной в «Антропологическом журнале» (№ 3 за 1937 г.), я исходил из положений формальной генетики, относясь к ним некритически. И, конечно, если основные, исходные положения оказались неправильными, то я должен только пожалеть о том большом труде, который был мною затрачен и оказался бесплодным».

М. С. Плисецкий (директор Музея антропологии Московского гос. университета) заявил: «Я с большим вниманием прослушал сообщение о подготовленной статье, но она меня далеко не удовлетворила. В ней нет отражения той остроты, с какой ставит наша партия вопрос о критике формальной генетики. Как и большинству советских антропологов, мне приходится испытывать чувство стыда за то, что мы, постоянно обращаясь к диалектическому и историческому материализму, к учению Маркса — Энгельса — Ленина — Сталина, не смогли отличить идеализм от материализма. Нынешнее разоблачение формальных генетиков, вейсманристов-морганизмов не представляет собой какого-то исключительного, из ряда вон выходящего этапа в жизни нашей страны. Не впервые партии приходится разоблачать идеализм в науке, в частности, в биологии. Вспомним философские дискуссии, которые в значительной степени касались биологии. Вспомним критику евгенических извращений. Когда Серебровский выступил со своей нелепой «теорией» о социалистической евгенике, многим казалось, что его построения просто смехотворны, но дальнейшие события показали, что это далеко не так. В первые годы советской власти, как и в наши дни, буржуазия не брезговала никакой клеветой, чтобы очернить молодую советскую страну. Вспомним, что тогда писали за границей об «общности жен» у большевиков, о «национализации женщин» в СССР и т. д. А вот Серебровский и ниже с ним в советской печати писали такие вещи, до которых не договаривался ни один буржуазный евгенист. В СССР евгенике, конечно, «не повезло», как выражался и сам Серебровский. Однако то, что не было признано в социалистической стране, нашло полное признание и практическое осуществление в фашистской Германии, где евгеника была превращена в орудие террора против всех «инакомыслящих» и в первую очередь против коммунистов. Евгенические увлечения части наших ученых — это не просто частные ошибки, это порочные, лженаучные домыслы, которые причинили советской стране очень много зла. Вспомним также, что в 1936 г. последовало специальное постановление ЦК партии о педологии, в котором указывалось, что педология имеет своей целью доказать особую одаренность эксплоататорских классов и «высших рас», с одной стороны, и физическую и духовную обречность трудящихся классов и «низовых рас» — с другой. Это постановление Центрального Комитета также было разоблачением вейсманизма-морганизма, который учит, что наследственная основа расовых различий неизменна. К сожалению, многие биологи и антропологи некритически относились ко всем этим, заведомо реакционным теориям, которые создавались в Западной Европе и Америке с целью увековечить капитализм. Мы боимся иногда выступать с острой критикой даже тогда, когда сами понимаем ее необходимость. Проф. М. А. Гремяцкий, например, выступая 13 сентября 1948 г. с докладом о работе Института и Кафедры антропологии Московского университета, не дал развернутой критики весьма серьезных формально-генетических заблуждений значительной части советских антропологов, не остановился на работах по антропогенетике, отметив только, что работы эти в настящее время не ведутся, так как мы осознали их бесплодность. Хотя проф. Гремяцкий сам весьма далек от формально-генетической мистики, тем не менее его заявление неверно. Не нужно отказываться от антропогенетики; напротив, необходимо ею заниматься. Весь вопрос в том, как заниматься, как понимать наследственность человека. А понимаем мы эту наследственность часто извращенно, неправильно. Мы ограничиваемся цитатами из работ Энгельса, а за серьезную разработку проблем наследственности у человека не беремся. До сих пор в плане Института антропологии Московского университета не включена тема о роли труда в процессе формирования в сех характерных биологических особенностей человека (а не только руки). Еще в конце 1947 г. я предлагал руководству Института антропологии взяться за эту проблему, но до сих пор в этом направлении ничего не сделано».

Очень приятно слышать, когда те или иные товарищи, ошибавшиеся прежде, заявляют теперь, что они переходят на новые позиции, и обещают исправить свои ошибки. Но одних деклараций мало: надо, чтобы вся научная деятельность этих товарищей (я не исключаю из них и себя) была направлена к тому, чтобы полностью освободить советскую антропологию от идеалистическихrudиментов.

М. Ф. Нестурх (Московский гос. университет, Институт и Музей антропологии) остановился, главным образом, на вопросах, связанных с формально-генетическими и другими ошибками в области антропогенеза. Несмотря на большое число работ советских ученых, посвященных этой важнейшей антропологической проблеме, она до настоящего времени полностью не разработана. «Надо признаться, — сказал М. Ф. Нестурх, — что мы далеко еще не достаточно осознавали и учтывали великое наследие основоположников марксизма. Можно назвать немало критических статей, разоблачающих отдельные реакционные теории антропогенеза (Особрия, Монтацона, Вейденрайха и др.), но и здесь работа не доведена до конца. Не подвергнуты критике, например, реакционные концепции Брума, который под эгидой холизма

Смэтса проповедует тот же автогенез. Очень своевременно было бы заняться сейчас и доместикационной теорией Е. Фишера, одного из «вождей» фашистской евгеники. Нельзя сказать, что взгляды вейсманистов-морганистов были свойственны всему коллективу советских антропологов. Многие товарищи занимали в вопросе о роли условий жизни для развития организмов позиции или неопределенные (что само по себе плохо), или благоприятные по отношению к мичуринской биологии. Но все же представления и термины формальной генетики проникали в наши работы в области антропогенеза. Себя я тоже могу упрекнуть за применение генетической терминологии, за положительное упоминание генетиков в своих работах. И у меня можно найти реверансы в сторону вейсманистов-морганистов, хотя я и не выступал никогда в роли проповедника и защитника этого реакционного «учения» в целом. В написанном мною разделе учебника антропологии, во всяком случае, я допускаю передачу по наследству приобретенных признаков в процессе становления человека. Но активной борьбы с вейсманизмом-морганизмом я не вел, о наследовании приобретенных признаков говорил робко. Постараюсь в дальнейшем перестроить свою работу, учесть и творчески применить к вопросам антропогенеза основные положения мичуринского направления в биологии.

Необходимо подчеркнуть, что одной из самых актуальных задач, стоящих перед советскими антропологами, является борьба с религией и с идеалистическими концепциями происхождения человека, которые в конце концов оказываются связанными с той же религией. Почти никто из зарубежных ученых в настоящее время не отрицает открыто эволюции. Метафизика в прямом смысле слова слишком уж скомпрометирована. Но зато пышно расцветают различные автогенетические «теории», в основе которых неизменно лежит идея творения путем эволюции, путем постепенного развертывания прогрессивного начала по заранее предначертанному плану. С подобными идеалистическими построениями, неизбежно перерастающими в самое откровенное мракобесие, советские ученые, антропологи в первую очередь, должны вести непримиримую, принципиальную борьбу. Антропологи не могут ограничивать круг своей научной деятельности только изучением истории формирования телесных особенностей человека, его анатомических и физиологических особенностей. Необходимо обратить самое серьезное внимание и на развитие, в процессе антропогенеза, человеческой психики, человеческого сознания, на происхождение речи. Ибо как можно судить о влиянии социальных факторов на природу самого человека, если не учитывать глубоких изменений в его психике? Ясно, что даже условные рефлексы, передающиеся по наследству, приобретаются и исчезают в связи с изменением условий существования». В конце своего выступления М. Ф. Неструх остановился на задачах борьбы с расизмом в области учения о происхождении человека. Борьба эта должна вестись по-новому, по-боевому. В таком плане автор и старается построить свою книгу «Человеческие расы», в настоящее время подготавляемую к печати.

Проф. В. В. Бунак (Институт этнографии АН СССР, Москва) заявил: «Доклад Т. А. Трофимова мне кажется своевременным и правильным в целом и в той части, где она подвергает критике некоторые мои работы. В 1922—1925 гг. мною было опубликовано на страницах «Евгенического журнала» несколько рефератов по вопросам генетики, социал-дарвинизма, расовой психологии. Я намечал задачи и программы научных исследований в этой области и, не считая положительное решение затронутых вопросов доказанным, частично принимал его. В основе такого понимания «антропосоциологии» лежали две теоретические ошибки: во-первых, рассматривая отдельные признаки слишком суммарно, вопреки мною же выдвинутому требованию «типологического анализа», я пришел к преувеличенному оценке роли наследственного фактора в формировании многих психологических свойств и недоучету значения условий социальной среды; во-вторых, не присоединяясь к концепции Вейсмана («Евгенический журнал», 1923 г., стр. 249), я все же некритически воспринял господствовавшее в то время учение об исключительной роли естественного отбора в дифференциации типов. Дальнейшее изучение вопроса привело меня к иному решению проблемы. Допуская некоторую роль отбора в процессах акклиматизации и смешения человеческих групп, я уже в 1927 г. пришел к отрицанию значения селекции в формировании краниологических особенностей (исследование черепов армян), в эпохальных изменениях отдельных признаков (работы 1930—1932 гг.) и в дифференциации антропологических типов в целом (1938 г.). Одновременно происходил и пересмотр основ евгенической теории в свете учения исторического материализма, в результате чего уже в 1928 г., задолго до ликвидации Евгенического Общества, у меня созрело убеждение в несовместимости зарубежной евгеники с принципами социалистического строительства и мое сотрудничество в разработке евгенических вопросов прекратилось.

В настоящее время я не могу не высказать сожаления, что разработка теоретических вопросов антропологии, отчасти в связи с перегруженностью конкретными исследованиями в основной области моей работы — морфологии, практической антропометрии, этнической антропологии, — велась мною недостаточно интенсивно. В 1922—1925 гг. я не учел, что в свете грандиозных социальных сдвигов нашей эпохи, тогда уже намечавшихся, разработка евгенических вопросов в лучшем случае оставалась бесплодным крохоборством, а по существу оказывалась объективно вредной, поскольку евгенические теории использовались реакционной буржуазией в попытках создать видимость научного обоснования для своей политической доктрины, а впоследствии ста-

ли знаменем человеконенавистнического фашизма. Не могу также не пожалеть, что развернутая критика расизма, данная мною в статье 1942 г. «Последние этапы деградации расовой теории», осталась неопубликованной; критический разбор селекционной гипотезы в антропологии дан мною в статье «Проблема естественного отбора в антропологии» (статья представлена в Сектор антропологии). Просматривая в последнее время свои работы по изучению наследственности у человека, я с сожалением должен констатировать, что мнение об относительном значении анализа расщепления признаков в потомстве, высказанное мною в 1925 и 1936 гг., не получило законченной формулировки и что мною было потрачено много малопродуктивных усилий для согласования имеющихся фактов с принципами теории расщепления. Применив одним из первых принципов внутригруппового скрещивания для объяснения эпохальной изменчивости признаков, я широко использовал менделевскую терминологию, дав тем самым повод прислать меня к активным защитникам корпускулярной теории наследственности, которая и мною воспринималась с большими оговорками (работа 1926 г.). Все эти ошибки и неясности в дальнейшем должны быть устраниены. Очередная задача — углубленная разработка узловых вопросов теоретической антропологии, разумеется, на базе солидного фактического материала. Из числа первоочередных проблем можно назвать: изучение наследственности одних и тех же признаков в разных условиях среды, более тщательное исследование условий среды в обычных антропологических характеристиках, изучение закономерностей роста и взаимосвязи отдельных признаков и др. На этом пути и лежит разрешение исключительно сложной и ответственной задачи, падающей на небольшую группу специалистов, — задачи построения советской антропологической науки».

В. В. Гинзбург (Институт этнографии АН СССР и Военно-медицинская Академия, Ленинград) указал, что в процессе участия ленинградских антропологов в дискуссиях анатомов, физиологов и медиков выявились положения, в значительной степени сходные с теми, которые были сформулированы в докладе Т. А. Трофимовой. Но прав М. С. Плисецкий в том, что зачитанная сегодня статья написана недостаточно остро, аполитично. Очень часто вследствие аполитичности мы недосматриваем многие серьезные ошибки и промахи, недоучитываем значение неправильных или устарелых формулировок. Таких ошибок и неприемлемых формулировок немало в анатомических учебниках, которыми продолжают пользоваться и в наши дни. В учебнике Раубера, например, вопрос о происхождении человека трактуется чисто идеалистически, можно сказать, — излагается с религиозной точки зрения. Даже такой осторожный человек, как В. И. Тонков, в своем учебнике по анатомии отдал дань хромосомной теории наследственности. То же сделал и покойный проф. Лысенков. В учебнике Заварзина хромосомам и генам посвящено целых три главы. Часто бывает, что формально-генетические положения просто некритически списываются у предыдущих авторов. И мимо всего этого мы проходили совершенно спокойно, прошли бы и теперь, если бы не было доклада акад. Т. Д. Лысенко и дискуссия на сессии ВАСХНИЛ. Конечно, эти печальные факты — выражение не только нашей беспечности, но и нашей еще не изжитой до конца аполитичности. «Очень часто антропологи, в том числе и я, — продолжал В. В. Гинзбург, — употребляли в своих работах формально-генетические термины, хотя в этом не было никакой необходимости. Вместо того, например, чтобы сказать просто и понятно — «частота признака», говорили «концентрация генов». Несомненно очень вреден объективизм, о котором говорил уже здесь М. С. Плисецкий. Объективизм естественно связывается с преклонением перед авторитетами буржуазной науки — и зарубежными, и нашими, доморощенными. Ложный, но долгое время бывший очень прочным, авторитет акад. И. И. Шмальгаузена — хороший пример такого преклонения. Нельзя сказать, что мы не знали работ И. В. Мичурина и Т. Д. Лысенко: об этих работах ведь много писали и говорили, их обсуждали на различных сессиях и дискуссиях. Но антропологи, к сожалению, считали, что эти обсуждения их непосредственно не касаются, сами же продолжали работать по-старинке, используя и понятия и термины формальной генетики. При изучении групп крови, например, считалось «обязательным» писать о распределении генов по Бернштейну. Очень многие антропологи (и я в их числе) пытались некритически соединить в своих работах по существу не соединимые взгляды, как, например, учение Энгельса о роли труда в процессе становления человека и морганистские представления о невозможности наследования приобретенных признаков. Получался, конечно, вреднейший эклектизм. Чтобы изжит его, недостаточно только говорить здесь о своих прежних ошибках, необходимо вскрыть их в печати. В качестве примера исправления прошлых ошибок в процессе последовательных переизданий одной книги можно привести «Типовую анатомию» Шевкуненко, из которой лишь очень постепенно исчезло расистское, по существу, «учение» о совершенных и несовершенных анатомических типах человека. Перед советскими антропологами стоит непосредственная задача разработки практических тем, связанных с изучением физического развития и конституции человеческого организма. Одной из самых несложных задач является также написание нового учебника по антропологии.

В. П. Якимов (Институт этнографии АН СССР, Ленинград) остановился на достоинствах и недостатках статьи, зачитанной Т. А. Трофимовой. Статья эта является в известной степени установочной для всех антропологов СССР. Понятно, что к ней должны быть предъявлены очень высокие требования. Надо сказать прямо:

некритическое принятие теории генетико-автоматических процессов в значительной степени объясняется политической близорукостью антропологов, не сумевших во время разглядеть реакционной сущности этой «теории». Известную ответственность за формально-генетические ошибки советских антропологов несет и редакция «Антропологического журнала», возглавлявшаяся М. С. Плисецким. Ведь формально-генетические работы В. В. Бунака, М. В. Волоцкого, М. В. Игнатьева и других печатались именно в «Антропологическом журнале» и в большинстве случаев не сопровождались никакими редакционными примечаниями.

Многие советские антропологи, особенно работающие над проблемами этногенеза, некритически воспринимали взятые в готовом виде гипотезы генетиков. Отсюда вытекал эклектизм, который мы наблюдаем хотя бы в работе Г. Ф. Дебеца «Брюнн-Пшедмост, Кро-маньон и современные расы Европы», где принимается по существу автогенетическая гипотеза «нашего преформизма» Б. М. Завадовского. Говоря о процессах грацилизации черепа, Г. Ф. Дебец не дает никакого объяснения причин, вызвавших эти процессы. Такой «агностицизм» открывает возможности для различных ортогенетических построений типа концепции Ф. Вейденрейха, который также пишет в своих работах о грацилизации. Полностью прав В. Гинзбург, когда он призывает к возобновлению и расширению антропологических работ практического характера. Такие работы, и военного, и промышленного, и физкультурного значения, в свое время продолжались, но сейчас почему-то оставлены. Нельзя забывать, что всякая наука, в том числе и антропологическая, вне связи с задачами социалистического строительства становится мертвой, бесплодной. Особое внимание должно быть, конечно, обращено на борьбу с расовыми теориями. В качестве фактического материала для обоснования этой борьбы и для решения целого ряда теоретических проблем расоведения целесообразно привлечь конкретные данные, которыми в большом количестве располагают анатомы периферии и которые в настоящее время почти не используются антропологами. Надо наладить живую связь московских и ленинградских антропологов с работниками с мест.

Н. Н. Чебоксаров (Институт этнографии АН СССР, Москва) заявил, что, по его мнению, критические замечания по поводу зачитанной статьи в большинстве случаев были правильными и справедливыми. Прав М. С. Плисецкий, говоря, что в статье мало остановились на показе того, куда ведут на практике на первый взгляд чисто «теоретические» рассуждения о генной обусловленности расовых и других признаков человека, о неизменной зародышевой плавме и т. д. Хорошо известно, что тесно связанные с формальной генетикой расовые теории и евгеника стали официальной идеологией германского фашизма и были использованы для «оправдания» империалистической агрессии, второй мировой войны и неслыханных зверств, творившихся гитлеровскими представителями «высшей арийской расы». Необходимо уделить место разоблачению «расовых теорий» в истории и этнографии, теорий, биологизирующих развитие человеческого общества и человеческой культуры, отрывавших их от условий материальной жизни, от способа производства. Следует указать, что все эти биологизаторские концепции в конце концов родственны вейсманизму, который также отыгрывает развитие организмов от условий их существования. Здесь очень уместно вспомнить одного из идеологов германского империализма конца XIX — начала XX в., Лео Фробениуса, с его имманентно развивающимися «культурными организмами». От Фробениуса перекидывается мост к фельдмаршалу Смэтсу — «творцу» пресловутого холизма, оправдывающего расовую дискриминацию негров и индусов в Южно-Африканском Союзе. Нельзя пройти мимо других, не менее ярких примеров применения расовых теорий на практике, особенно мимо дискриминации негров и судов Линча в США. Надо показать, что только в Советском Союзе полностью осуществлено расовое и национальное равноправие, что только представители СССР и стран народной демократии ведут в Организации Объединенных Наций последовательную и непримиримую борьбу с геноцидом и расовой дискриминацией.

Наш огонь по расовым теориям не должен ослабевать ни на один час, он должен быть метким и действенным, должен быть по главной цели. А этой главной целью в наши дни является для советских антропологов англо-американский расизм. Для критики и разоблачения его сделано еще непростительно мало. Мы должны показать реакционную направленность не только открыто расистских погромных произведений вроде книги сенатора Бильбо «Выбирайте между разделением и смешением рас» (1947), но и внешне объективистских, «академических» трудов типа монографии К. Куна «Расы Европы», в действительности наполненных махровыми расистскими построениями. Наряду с этнографами антропологи должны также принять самое активное участие в критике американской «психологической» школы, многие положения которой перекликаются с расизмом, с холизмом Смэтса, с биологизаторскими «теориями» Фробениуса. Изучая сейчас труды акад. Т. Д. Лысенко, мы видим, насколько богаты они по своему содержанию, насколько важны для понимания закономерностей развития всех живых организмов, не исключая и человека. Эти работы печатались в советских изданиях на протяжении по крайней мере 13 лет (с 1935 г.), однако их значение для антропологии не было по достоинству оценено, потому что большинство антропологов или открыто стояло на позициях вейсманизма-морганизма или считало, что труды Лысенко слишком далеки от антропологии, что они не касаются проблем, связанных с историей природы человека. С этим отношением к работам мичуринцев должно быть раз и навсегда покончено. Не перенося на человека механически все

конкретные достижения мичуринского направления, мы должны самым решительным образом учитывать и использовать его основные общебиологические положения (о роли условий жизни в изменении самой наследственности живых тел, о значении обмена веществ в эволюции организмов, о формах с расщатанной наследственностью, о перестройке наследственности в результате скрещений и т. д.). Мы должны бороться с эклектизмом в своих работах, его немало и в моих прежних трудах. Признавая и учитывая, подобно многим другим советским антропологам, решающее значение окружающей среды и условий существования для формирования физических особенностей человека (в том числе и его расовых признаков), я пытался «примирить» эти установки с формально-генетическими концепциями, в частности, с учением о генетико-автоматических процессах, некритически воспринятым из трудов морганистов (Дубинина, Ромашова, Игнатьева и др.). Это привело к ошибкам в моих работах о депигментированных расовых типах Евразии, о дальтонизме и группах крови у коми, написанных и опубликованных еще в 1937 г. Сделаю все возможное, чтобы в дальнейших работах исправить допущенные мной ошибки и подойти к вопросу о механизме и факторах расообразования у человека с позиций исторического материализма.

В заключение должен сказать, что меня совершенно не удовлетворило выступление В. В. Бунака, который так и не ответил на самый основной вопрос нашей сегодняшней дискуссии: на вопрос о роли условий существования в изменении самой наследственной природы человеческого организма. Непонятно, каким образом В. В. Бунак мог провести какие-то параллели между окружающей человека природной и общественной средой и совершенно абстрактной, в действительности не существующей «генной средой». Ведь «генная среда», защищаемая В. В. Бунаком, представляет собой чистую функцию, придуманную вейсманитами для согласования фактических данных, противоречащих их основным положениям, с «учением» о независимости зародышевого вещества от условий жизни. Несомненно, что нам предстоит еще очень большая, но плодотворная работа по вытряхиванию из антропологической науки всех этих «генных сред», «генетико-автоматических процессов», «факторов случайного выживания», и тому подобных принадлежностей идеалистического вейсманитско-морганистского «наследия». Надежным и острым орудием в этой работе будет служить мичуринское учение, творчески развиваемое и углубляемое академиком Т. Д. Лысенко.

М. Г. Левин, выступивший в порядке прений, отметил, что он согласен с основными высказываниями Н. Н. Чебоксарова. Хотя современные американские и английские этнографы не выступают со столь откровенными расистскими теориями, как выступали в свое время немецкие фашистские лжеученые, однако исторические и этнографические вопросы рассматриваются представителями американской «психологической» школы или английскими неофункционалистами с биологических позиций, которые в конечном счете всегда являются расистскими. Разоблачению этих реакционных концепций на страницах «Советской этнографии» уделялось непростительно мало места. «Я,— сказал М. Г. Левин,— вдвойне несу за это ответственность — и как заместитель директора Института, и как заместитель редактора журнала. Большим нашим промахом является то, что до сих пор в журнале не был дан критический разбор вредной книги Давиденкова. Надо надеяться, что этот промах в ближайшее время будет исправлен. В докладе были справедливо подчеркнуты формально-генетические заблуждения в моей статье о пигмеях и ошибки, допущенные в оценке работ М. В. Игнатьева и других генетиков, в обзоре, написанном мной совместно с Я. Я. Рогинским. Но этим ошибки в моих работах не ограничиваются: можно найти в них и применение термина «генетико-автоматические процессы», и другую формально-генетическую терминологию, и эклектизм. Есть у нас еще один серьезный грех: правильно констатируя факты изменчивости расовых признаков во времени (например, брахикафализацию), мы останавливаемся на полпути и не даем объяснения этим фактам, не вскрываем их причин. А причины эти надо искать в изменении условий жизни, условий природной и общественной среды. Мысли Энгельса о роли условий жизни, в особенности обмена веществ, в процессе становления человека и расообразования разработаны нами очень слабо. Мало сделано и в области морфологии человека и прикладной антропологии. Осветить все эти сложные вопросы в одной статье, конечно, невозможно; им должна быть посвящена серия статей.

М. С. Плещинский, выступая во второй раз, говорил о большом значении «Антропологического журнала», выходившего в 1932—1937 гг., в перестройке антропологической науки в СССР на основе методологии марксизма-ленинизма и в борьбе с расистскими и евгеническими «теориями», как зарубежными, так и доморощенными. Он отметил, далее, что его, как и других присутствующих, не удовлетворило выступление В. В. Бунака. Советские антропологи вправе поставить ему вопрос, имеется ли у него искреннее стремление перестроиться, работать по-новому.

В. В. Бунак, выступая вторично, заявил: «Мне был поставлен вопрос о моей позиции в центральном вопросе дискуссии. Думаю, что, делая обзор своих работ, я изложил, каким образом на протяжении последних лет те позиции, которые были господствующими в 20-х годах и были мною, хотя и с оговорками, но разделяемы, постепенно видоизменялись в процессе моей работы. В настоящее время я не вижу никаких оснований возражать против положения о передаче приобретенных признаков потомству. Но вместе с тем, я придерживаюсь той позиции акад. Т. Д. Лысенко, что

эта передача приобретенных признаков не такая простая вещь. Если человек съест лишний килограмм сахара, это еще не значит, что у него изменится форма черепа или еще что-нибудь. Вопрос в том — когда, что и как изменится. В работах Т. Д. Лысенко на этот счет даны очень определенные указания: наследственные изменения происходят только тогда, когда воздействия внешней среды достигают половых клеток. Не буду защищать термин «генная среда»: он, действительно, мало удачен. Но все же должен сказать, что понятие о «генной среде» было отражением той мысли, что в передаче наследственных свойств определенную роль играют не только хромосомы и гены, но и плазма. Не думаю, чтобы в последних моих работах было что-нибудь, сильно противоречащее изложенному принципу».

Т. А. Трофимова в заключительном слове отметила положительное значение дискуссии, развернувшейся на заседании, в которой приняли участие почти все антропологи Москвы и Ленинграда. Несомненно, что обсуждение антропологических работ на широком собрании более плодотворно, чем их проработка в небольших разрозненных группах. Останавливаясь на ошибках, имеющихся в ее прежних работах, Т. А. Трофимова сказала: «Как известно, я работаю преимущественно по проблемам этногенеза, используя антропологический материал как исторический источник; и правильно говорил здесь В. П. Якимов, что целый ряд вопросов для меня, как и для некоторых других антропологов, слишком специальных, мною просто не затрагивается. Это вопросы о том, почему происходят брахикафализация, грацилизация. Я лишь признаю это как факт, констатируя, что в одних группах этот процесс идет быстрее, в других — медленнее. В вопросе объяснения брахикафализации я в 1941 г. недостаточно продуманно солидаризировалась с генетической трактовкой, предлагаемой В. В. Бунаком. Но это лишь частность, а важно то, что все мы, и я в том числе, хотя и не писали о формальной генетике, о генах, но все-таки стояли на формально-генетических позициях. Тут сказывалась недостаточная увязка с теоретическими работами Маркса — Энгельса — Ленина — Сталина, которые мы осваивали и преломляли в аспектах, необходимых нам для разрешения вопросов антропо- и расогенеза. Мы хорошо осознали, что труд создал человека, но для нас еще далеко не ясно, как шел этот процесс. Формальная генетика довлела над нами, и мы не осмеливались сделать решительный шаг и признать, что приобретенные признаки наследуются. Ознакомившись еще в 1941 г. с работами Мичуринца, которые произвели на меня очень большое впечатление, я не учла значения мичуринского учения о наследственности для антропологии. Вопрос о том, наследуются ли приобретенные признаки, казалось мне раньше, решают ботаники или зоологи, антропологам же надлежит подождать; пока этот вопрос будет разработан. Эта выжидательная позиция совершенно непростительна. Мы сумели в свое время освоить положения Н. Я. Марра и сделать выводы из его учения о языке для антропологии, а с учением Мичуринца этого не получилось, и это большой наш промах».

Подводя итоги заседания, М. Г. Левин заявил: «Сегодняшнее обсуждение, несомненно, должно явиться вступлением к очень большой работе, стоящей перед антропологами. Вскрывая ошибки прошлого, мы делаем только первый шаг на пути разработки проблем антропологии с новых теоретических позиций. Это первая — критическая и необходимая часть, но это только начало того большого пути, который всем нам, антропологам, предстоит совместно проделать. Обращаясь к причинам того, почему мы, антропологи, допустили отмеченные сегодня ошибки в своих собственных работах, мы убеждаемся в своей недостаточной методологической вооруженности, недостаточном творческом освоении заветов Маркса и Энгельса, указаний Ленина и Сталина. Мы должны внимательно и творчески работать над произведениями классиков марксизма-ленинизма, постоянно помнить о необходимости поднимать свой теоретический уровень,— в этом залог того, что в будущем мы сумеем таких ошибок избежать!»

Н. Чебоксаров

ОБСУЖДЕНИЕ РАБОТ М. О. КОСВЕНА

26 и 27 октября на объединенном заседании редакции журнала «Советская этнография» и группы общей этнографии прошло обсуждение теоретических статей профессора М. О. Косвена, помещенных в журнале «Советская этнография» за 1946—1948 гг.

Председательствующий С. П. Толстов в своем вступительном слове отметил, что за последний год в Институте стало обыкновением систематическое обсуждение работы секторов, отдельных работников и их печатной продукции. Так, с большой пользой для коллектива Института прошло обсуждение работы фольклорного сектора и его руководителя — профессора П. Г. Богатырева; в связи с итогами сессии Всесоюзной Академии Сельскохозяйственных Наук было проведено обсуждение антропологических работ при широком участии антропологов Москвы и Ленинграда. Настоящее заседание, сказал С. П. Толстов, имеет целью обсудить опубликованные в нашем журнале в 1946—1948 гг. теоретические статьи М. О. Косвена, посвященные общим проблемам этнографии. Часть из них («Авункулат», «Семейная община», «Бахоффен и русская наука») вызвала возражения и критику как со стороны некоторых работников

Института, так и извне, в связи с чем решено провести широкое обсуждение этих статей.

Л. П. Потапов подчеркнул значение принципиальной критики и борьбы со всякого рода отклонениями от взглядов основоположников марксизма-ленинизма и с извращением их идей. Он сообщил, что при обсуждении статьи проф. Косвена «Авункулат» на группе общей этнографии в Ленинграде большая часть товарищей пришла к выводу, что основная ошибка, допущенная М. О. Косвеном в этой статье, заключается в датировке возникновения авункулата переходным периодом от матриархата к патриархату, что, по мнению самого Л. П. Потапова и других товарищей, принявших участие в обсуждении, означает отход от позиции Энгельса в данном вопросе. Самое определение авункулата в статье дано нечетко. В статье «Семейная община» по мнению Л. П. Потапова, также имеет место отклонение от положений Энгельса: большая семья объявляется основной ячейкой первобытного общества; патриархальная семья рассматривается вне той исторической обстановки, в которой она бытует. Л. П. Потапов указал также, что в статье «Бахоффен и русская наука» имеются серьезные ошибки, заключающиеся в недосценке вклада ленинизма в науку о первобытном обществе и в неверной периодизации развития русской науки. К последнему вопросу М. О. Косвен подошел формально, рассматривая лишь отношение того или другого деятеля к теории Бахоффена. Вина в появлении подобных ошибок, допущенных М. О. Косвеном, несмотря на то, что он всей своей многолетней работой доказал свою верность идеям марксизма-ленинизма, падает не только на М. О. Косвена, но и на дирекцию Института и редколлегию журнала, во-время не обративших внимания на эти ошибки, а также на тех товарищей, которые эти ошибки заметили, но не были достаточно активны в своем стремлении помочь М. О. Косвену их исправить.

С. М. Абрамзон в своем выступлении упомянул, что ему уже пришлось обратить внимание на некритическое отношение проф. Косвена к отдельным работам зарубежных ученых (рецензия М. О. Косвена на одну из работ Маргарет Мид); эта же некритичность сказалась и в теоретических статьях М. О. Косвена. В статье «Авункулат» С. М. Абрамзон видит несколько принципиально ошибочных положений, простирающихся от отсутствия в статье четкой теоретической марксистской позиции. С. М. Абрамзон выразил сомнение в существовании особого периода перехода от матриархата к патриархату, к которому М. О. Косвен, по его мнению, относит все неясное, не укладывающееся в рамки конкретной стадии развития матриархата или патриархата (авункулат, обычай «возвращения домой» и др.). Вместе с тем проф. Косвен не использовал указания Энгельса о переходном характере большой патриархальной семьи.

Профессор Равдоникас заявил, что свое отрицательное мнение о теоретических работах М. О. Косвена он изложил в статье, присланной в редакцию журнала «Советская этнография», а также в отзыве на рукопись М. О. Косвена «Первобытная культура», направленную ему на заключение. В. И. Равдоникас остановился на разборе отдельных теоретических статей проф. Косвена. Основные ошибки статьи «Бахоффен и русская наука» проф. Равдоникаса видят в игнорировании ленинского этапа в развитии учения о первобытном обществе, в некритическом отношении к работам народников, в неправильной характеристике отдельных представителей русской общественной мысли периода 70—90-х годов прошлого столетия. В статье «Семейная община» М. О. Косвен, по мнению проф. Равдоникаса, идеализирует патриархальную семейную общину, рассматривая ее с народнической точки зрения. В работах М. О. Косвена проф. Равдоникас усматривает целую систему ошибок, представляющих отход от линии классиков марксизма-ленинизма.

С. А. Токарев подчеркнул, что при критике работ М. О. Косвена нельзя забывать его заслуги в области изучения первобытного общества, а также его ценные работы по истории этнографической науки. Обращаясь к разбираемым статьям О. А. Токарев сказал, что основными ошибками М. О. Косвена является некоторое стремление к упрощению, схематизму (например, в периодизации: матриархат — переходный период — патриархат) и забвение принципов историзма. В результате этого получается невольное соскальзывание к эволюционизму и компаративизму. Анализ авункулата ведется в плане формально-схематических сравнений. С. А. Токарев возражал против обвинения М. О. Косвена в расхождении с Энгельсом: М. О. Косвен допустил ошибку, не упомянув в работе высказывания Энгельса, но это объясняется своею рода академическим снобизмом — автор счел излишним приводить всем известные цитаты.

П. И. Кушнер солидаризируется с заявлением проф. Токарева о том, что работы М. О. Косвена пролагают новые пути в этнографической науке. Нашими исследователями сделано очень многое в области изучения матриархата, учения о сущности патриархальных отношений, но период перехода от матриархата к патриархату почти не разработан, и здесь М. О. Косвен внес много нового. Далее П. И. Кушнер заявил, что по вопросу об авункулата он не согласен с теми, кто упрекает М. О. Косвена в отступлении от концепции Энгельса, ибо они, держась за букву, забывают смысл цитаты из Энгельса. Понимание авункулата тов. Лихтенберг, например, ничем общего с марксизмом не имеет, ибо она путает матриархат с матрилинейным счетом родства. Несомненно, что отсутствие в некоторых случаях цитат из классиков мар-

ксизма приводит к недоразумениям, и в дальнейшей работе этот крупный недостаток нужно устранить. В статье о семейной общине М. О. Косвен допустил ошибку, расширив понятие большой семьи включением в него и семейных групп эпохи матриархата. Статья «Бахофеф и русская наука», продолжал П. И. Кушнер, сыграла свою положительную роль, показав, что русская наука первая откликнулась на идеи Бахофена. Но в этой статье допущена ошибка, заключающаяся в одностороннем и формальном подходе к историографии.

И. Потехин подчеркнул, что дело не в том, привел или не привел М. О. Косвен цитаты из произведений классиков марксизма. Есть и такие исследователи, которые обильно цитируют классиков марксизма, а пишут нечто обратное. Требуется не цитата, а правильное и точное изложение взглядов классиков марксизма по исследуемому вопросу. Это абсолютно необходимо, когда исследователь высказывает точку зрения, отличную от взглядов классиков марксизма, а точка зрения М. О. Косвена безусловно отлична от взглядов Энгельса. Относя происхождение авункулата к переходному от матриархата к патриархату периоду, М. О. Косвен привел примеры из этнографии народов Африки, но племена ашанти, гереро и др. не могут служить образцами обществ, имеющих развитый институт авункулата, у них остались лишь пережитки этого порядка. И. И. Потехин усматривает в изображении М. О. Косвеном смены матриархата патриархатом тенденцию к эволюционизму и отход от Энгельса, который говорил о радикальной революции, приведшей к смене материнского строя отцовским. Совершенно недопустима принятая в статье «Бахофеф и русская наука» периодизация развития русской общественной мысли, — это произошло потому, что М. О. Косвен забыл о принципе партийности, необходимом для правильного освещения вопросов историографии.

Г. Г. Стратанович высказал мнение, что за последние годы в работах М. О. Косвена наблюдается некоторый шаг назад, по сравнению с прошлым. Особое внимание Г. Г. Стратанович обратил на недостатки статьи «Бахофеф и русская наука», о которых уже упоминалось.

С возражениями к некоторым выступавшим товарищам обратился М. М. Ихилов. Подтверждая положения проф. Косвена о времени возникновения авункулата, т. Ихилов привел примеры из жизни народов Кавказа. Он сообщил, что и сейчас у азербайджанцев сохранились пережитки авункулата. Он привел также доказательства в пользу существования семейной обины в классовом обществе, в частности у горцев Дагестана. М. О. Косвен не мог быть близок по своим взглядам к народникам, заявил М. М. Ихилов, уже потому, что он не склонен смешивать семейную общину, являющуюся родственным коллективом, с соседской общиной — гораздо более позднего происхождения.

М. Г. Левин выразил удовлетворение по поводу своевременного обсуждения теоретических работ М. О. Косвена, так как часть из них содержит ряд ошибок. Статья «Бахофеф и русская наука», дающая новый и интересный материал, выступающая в защиту приоритета русской науки в области разработки проблемы первобытного общества, содержит вместе с тем серьезные ошибки в характеристике этапов развития русской общественной мысли. Вину автора в данном случае разделяют и члены редколлегии и сам М. Г. Левин в том числе. М. Г. Левин не согласился с теми из выступавших, которые видят в статье «Авункулат» ревизию положений Энгельса. В этой статье проф. Косвен разъясняет, почему институт авункулата так стоец, и раскрывает в эпохе перехода от матриархата к патриархату те силы, которые сохранили обычай авункулата и способствовали его живучести не только в патриархальном, но и в классовом обществе. Но М. О. Косвен не придал значения ранним формам авункулата, не показал его в развитии. Это его ошибка, но не отступление от взглядов классиков марксизма. Что же касается статьи о семейной общине, то М. О. Косвен не показал должным образом качественного различия между семейной общиной раннего периода, когда она выступает как форма существования рода, и семейной общиной, возникающей при разложении родового строя. Однако, несмотря на отдельные ошибки, обсуждаемые работы М. О. Косвена в целом направлены против реакционных построений культурно-исторической школы, различных школ американских этнографов и других зарубежных течений в этнографии, отрицающих универсальность матриархата как стадии в истории первобытного общества, и в этом его несомненная заслуга.

Н. А. Бутинов напомнил, что в основном взгляды на авункулат были высказаны М. О. Косвеном еще в 1937 г., в ответ на статью Н. П. Дыренковой об алтайцах; в обсуждаемой статье «Авункулат» взгляды эти получили оконченное оформление. По мнению Н. А. Бутинова, эта статья принадлежит к числу лучших работ М. О. Косвена. Здесь он глубоко вскрыл противоречивость фигуры материнскогоядя в период перехода от матриархата к патриархату; ядя по матери — первое историческое лицо доклассового общества, поступки и психология которого реконструируются М. О. Косвеном с большой убедительностью. Н. А. Бутинов заявил, что согласен с автором статьи, относящим возникновение авункулата к переходному периоду. Приведя пример буквально-документального отношения к работам классиков марксизма-ленинизма (предисловие Винникова к книге Энгельса «Происхождение семьи, частной собственности и государства»), Н. А. Бутинов заметил, что М. О. Косвен все же в одном случае не избежал ошибки: он преувеличил главенствующую роль женщины в матриар-

хальном обществе, что заставило его утверждать, будто основной ячейкой первобытного общества является семья. В статье «Семейная община» этот момент усугубляется, и самая статья начинается утверждением, что «семейная община, сначала материнская семья, потом отцовская» является основной ячейкой первобытного общества.

З. А. Никольская подчеркнула диалектичность, свойственную методу работы М. О. Косвена в разработке вопросов первобытного общества, и особенно отметила заслуги М. О. Косвена в разработке проблем, связанных с переходным периодом от материнского строя к отцовскому, в показе внутренней противоречивости существовавших в этот период институтов. Переходя к вопросу об авункулате, З. А. Никольская подчеркнула, что в условиях группового брака не могли возникнуть индивидуальные отношения между материнским дядей и племянником; они возникли и получили свое развитие гораздо позднее, при разложении материнского рода, при возникновении антагонизма между материнским родом и отцовским началом. З. А. Никольская выразила мнение, что работа М. О. Косвена «Авункулат» не построена схематично, как утверждал проф. Токарев, но что все ее положения подкрепляются живым конкретным этнографическим материалом.

С ответным словом выступил М. О. Косвен. Он в первую очередь возразил против таких приемов критики, когда из текста произвольно вырываются отдельные фразы, используемые для весьма серьезных обвинений. Такая критика, сказал М. О. Косвен, не имеет ничего общего с серьезной, товарищеской критикой, тем более, что в основном большая часть подобных обвинений не подкрепляется фактами. М. О. Косвен объяснил, что подвергнутые критике статьи являются фрагментами большой работы; статья «Авункулат» — часть работы по матриархату и переходному периоду от матриархата к патриархату; сюда же примыкают статьи об атальчестве, об обычаях «возвращения домой», некоторые доклады и пр. В 1933 г. опубликована статья о Бахофоне, где были вскрыты идеалистические ошибки последнего; поэтому в статье «Бахофон и русская наука», являющейся частью книги «История проблемы матриархата», М. О. Косвен не счел необходимым повторяться. Тем не менее эти статьи не свободны от ошибок, и это частично объясняется трудностью и запутанностью разбираемых в них вопросов. Переядя к отдельным критическим замечаниям, М. О. Косвен заметил, что наиболее тяжелый упрек, особенно в связи с теми выводами, которые при этом делаются, это упрек в недостаточном обращении к классикам марксизма-ленинизма. М. О. Косвен указал, что во всех своих работах он пользуется цитатами из классиков, когда это необходимо. Не соглашаясь с упреком в переоценке роли женщины при матриархате, М. О. Косвен привел высказывания Энгельса, Ленина и Сталина о преобладании женщины в эпоху расцвета материнского родового строя. Второй упрек — в идеализации первобытного общества — М. О. Косвен также отвел, сославшись на известное место книги Энгельса «Происхождение семьи...». Отвечая на выступление проф. Токарева, М. О. Косвен высказал мнение, что при изучении эпохи первобытного общества, не имеющей абсолютной хронологии, необходимо внесение какого-то порядка, пусть даже схемы, в качестве рабочей гипотезы. Он напомнил, как часто упрекали в схематизме Моргана, а Энгельс поставил Моргана в заслугу «порядок, внесенный им в первобытную историю». М. О. Косвен согласился с мнением М. Г. Левина, считающего необходимым показать зачаточные и развитые формы авункулата и семейной общины. Статья об амазонках представляет определенный научный интерес, показывая на примере распространенности мифологического сюжета об амазонках универсальность матриархата как всемирно-исторической стадии развития общества. В статье «Семейная община» сделан упор на нескольких вопросах, наиболее важных и нужных для разработки более широких проблем, поэтому о материнской семье он упоминает лишь попутно. Сам термин «материнская семья», непонятный некоторым из присутствующих, взят у Энгельса (*Mutterrechtsfamilie*), что переводится несколько тяжеловесно: «семья, основанная на материнском праве». Профессору В. И. Равдоникасу не известен термин «малая семья» — это также выражение Энгельса (*Einzelfamilie*) и термин, давно существующий в русской литературе. Некоторые товарищи не поняли также выражения «превращение», видя здесь проявление эволюционизма. Проф. Равдоникас путает семейную общину с соседской, чем и объясняется его обвинение в близости автора статьи «Семейная община» к народническим настроениям. А. т. Абрамсон, критикуя данную статью, путает малую и большую семью. В статье разбирается семейная община поздней эпохи, но допущен конструктивный промах, заключающийся в том, что слишком бегло, одним броском, была показана связь патриархальной семейной общины с материнским родовым строем для того, чтобы опровергнуть утверждения буржуазных ученых, будто семейная община была создана искусственно благодаря фискальной политике правительства. Допущена также неловкость в формулировке, характеризующей семейную общину, как основную ячейку родового строя.

Статья «Авункулат» была рассчитана на узкий круг специалистов, поэтому в ней отсутствуют некоторые подробности. Цель статьи — разоблачить буржуазную реакционную науку, использующую авункулат для искащения сущности матриархата, для утверждения, что и при матриархате главенствовал мужчина (дядя со стороны матери). На эту уドочку попались и некоторые наши товарищи, но они не смогли и не смогут найти ни одного факта из этнографии в подтверждение главенства брата матери в классическом матриархальном обществе. Порядок авункулата мог развиться лишь

при разложении материнского рода, когда при сохранившейся матрилинейности и возникшем патрилокальным поселении в роде остаются мужчины — дяди со стороны матери, этины возглавляющие хозяйственную и общественную жизнь рода. Этому сопутствует порядок «возвращения домой» и некоторые другие явления, на которые до сих пор этнографы не обращали внимания. В статье употребляется в отношении авункулата термин «переходное явление», а не «пережиток»; это также не противоречит терминологии, применяемой Энгельсом, который называл авункулат «след», «остаток», «кусочек» матриархата. Существует у Энгельса и выражение *Übergangsform*, т. е. «переходная форма». Термин «пережиток» применяется в данной статье по отношению к поздним формам авункулата, сохранившимся в том или ином виде в патриархальных и даже классовых обществах. История авункулата рисуется следующим образом: зарождение авункулата в матриархате (не было бы матриархата — не было бы и авункулата), складывание специфических отношений между дядей и племянником в переходную от матриархата к патриархату эпоху, пережиток авункулата в патриархальных и классовых обществах. Те, которые утверждают, будто развитый авункулат уже существовал при матриархате, сами расходятся с Энгельсом. Энгельс, говоря об авункулате, ссыпался на германцев Тацита, но, безусловно, Энгельс не считал, что у германцев времен Тацита сохранялся матриархат. В тексте соответствующая цитата опущена сознательно, так как одна ссылка на известное высказывание Энгельса о германцах времен Тацита делала введение цитаты излишним. Однако было совершенно необходимо в кратком историографическом введении к статье изложить точку зрения Энгельса на авункулат. По вопросу о переходном периоде от матриархата к патриархату ошибаются те, кто отрицает наличие такового. Буржуазная наука, стремящаяся оторвать матриархат от патриархата и показать, что разные народы идут различными путями, принадлежат к разным «пластам», «кругам», также отрицает существование этого переходного периода. «Моя позиция в данном вопросе,— сказал М. О. Косвен,— направлена против этих реакционных установок». Обращаясь к статье «Бахоффен и русская наука», М. О. Косвен признал некоторую имеющуюся в ней нестачливость, объясняющуюся трудностями в подборе материала. Он признал также, что отсутствие политической оценки деятельности и взглядов отдельных представителей русской науки снижает ценность статьи и является серьезной ошибкой; периодизация этапов развития русской науки и характеристики этих этапов сделана им неудачно. Отвечая С. М. Абрамзону, М. О. Косвен сказал, что до войны Маргарет Мид написала несколько полезных работ, дальнейшие же ее деятельность и взгляды не были известны ему в момент написания рецензии, в 1944 г. В заключение проф. Косвен поблагодарил за указания на конкретные ошибки, имевшие место в его теоретических статьях, сказав, что товарищеская критика поможет ему и его ученикам в дальнейшей работе, в которой будут использованы все ценные указания, высказанные при обсуждении.

Подводя итоги обсуждения, С. П. Толстов выразил уверенность в том, что оно принесет большую пользу проф. М. О. Косвену, редакции журнала и всему коллективу Института. При критике работ М. О. Косвена нельзя забывать, сказал С. П. Толстов, что это наш, советский ученый, один из передовых представителей этнографической науки, который борется с нашими идеологическими врагами. М. О. Косвен своей работой в области теоретических вопросов истории первобытного общества во многом способствовал тому, что сейчас наши этнографы твердо стоят на позициях учения Маркса — Энгельса — Ленина — Сталина о первобытном обществе. Статья «Бахоффен и русская наука», подвергшаяся очень серьезной критике, поднимает важнейший вопрос о месте русской науки в разрешении проблем первобытности. Статья эта очень актуальна, так как и сейчас некоторые наши ученые недооценивают вклад русской, особенно — советской науки в разработку теоретических проблем этнографии, археологии, истории первобытного общества. Примером такого рода может служить книга выступившего здесь проф. Равдоникаса — университетский курс «Истории первобытного общества», где в соответствующих разделах приводится масса имен более чем второстепенных иностранных авторов, большую часть которых совсем не нужно знать студентам, а советские этнографы и археологи совершенно забыты. В своих статьях М. О. Косвен поднимает острые теоретические вопросы, дает бой реакционной науке, спорит с современными нам идеологическими врагами, а не с давно умершими и всеми забытыми авторами. Постановка М. О. Косвена проблемы авункулата представляет собой образец борьбы за утверждение всеобщности матриархата в понимании Энгельса, Ленина, Сталина. Статья эта принадлежит к числу лучших работ профессора Косвена, о чем уже говорили П. И. Кушнер и Н. А. Бутинов. В ней блестяще вскрывается диалектика развития первобытных общественных форм, раскрывается внутренняя противоречивость ряда институтов переходного периода от матриархата к патриархату, доказывается невозможность существования авункулата в классическом матриархате. Товарищи, пытавшиеся здесь противопоставить взгляды М. О. Косвена на авункулат взглядам Энгельса, желали ли они этого или не желали, езяли под защиту взгляды современных противников учения о матриархате, за буквой высказывания Энгельса об авункулата не разглядев его сущности. И Энгельс и Косвен видят в авункулате пережиток матриархата, свидетельство о его былом повсеместном существовании. Но те критики статьи Косвена, которые хотят этот пережиток сделать основным институтом матриархата,вольно или невольно

отменяют этим самый магиархат, сводя его, вопреки Энгельсу, Ленину, Сталину, только к материнскому счету родства и увековечивая господство в семье мужчины (брата матери) и подчиненное положение женщины, т. е. делают то же, что и современные буржуазные авторы, против которых направлена статья Косвена. Несколько слабее статья «Семейная община», но в ней имеется то же стремление — показать институты первобытного общества в их развитии. Обвинение М. О. Косвена в идеализации семейной общины вряд ли можно принять. Его характеристика ранней формы семейной общины почти дословно совпадает с характеристикой Энгельса. Наоборот, серьезно ошибается проф. Равдоникас, нарисовавший в своей книге «История первобытного общества», т. II, нарочито мрачную, можно сказать — садистическую картину жестокости, кровожадности, якобы свойственной человеку низшей ступени варварства. Из того бесспорного факта, что у истоков человеческой истории не было никакого «золотого века», отнюдь не следует, что у этих истоков надо помещать, вслед за идеологами современного империализма, как-то первобытный Майданек или Освенцим,— а так именно получается у проф. Равдоникаса.

Из серьезных ошибок, действительно допущенных проф. Косвеном в обсуждаемых статьях, С. П. Толстов указал прежде всего на грубую ошибку в статье «Бахоффен и русская наука». Здесь М. О. Косвен отступил от принципа партийности в вопросах историографии, не показал общественно-идеологического лица отдельных представителей русской науки, общественных основ ее различных течений. М. О. Косвен подался здесь теории «единого потока», недооценил и не показал значения периода зарождения ленинизма в развитии русской этнографической науки. В другой статье М. О. Косвен не считал нужным сообщить читателю о взглядах Ф. Энгельса на авункулат. Ряд подобного рода ошибок свидетельствует, по мнению С. П. Толстова, о том, что прав С. А. Токарев, указавший, что в работах проф. Косвена сохранились серьезные пережитки «дурного академизма», «академического снобизма», недопустимые для советского ученого, долг которого пропагандировать учение Маркса — Энгельса — Ленина — Сталина, постоянно указывать на тот огромный вклад, который сделали классики марксизма-ленинизма в нашу науку. Эти пережитки дурного академизма находятся в противоречии с основной исследовательской линией проф. Косвена. М. О. Косвен, признавший эти свои ошибки, должен изжить их, и чем скорее, тем лучше. Большая часть вины за эти ошибки падает на редакцию журнала «Советская этнография» и руководство Института, обязанностью которых было помочь здесь М. О. Косвенну и которые сами проглядели этот серьезный недостаток в его статьях. Справедливость требует указать, что в той или иной мере аналогичные ошибки имели место и в историографических статьях Н. Н. Степанова и С. А. Токарева и тоже остались незамеченными и неисправленными редакцией.

Несмотря на то, что по некоторым поднятым на дискуссии вопросам общая точка зрения не достигнута, сказал проф. Толстов, нужно признать, что назревшие большие вопросы, связанные с работами одного из виднейших представителей советской этнографии, получили широкое, всестороннее обсуждение, в ходе которого был правильно вскрыт ряд недостатков, осознанных теперь и самим проф. Косвеном. М. О. Косвен учтет сделанные ему ценные указания. Редакция также сделает на будущее серьезные выводы для себя по линии более строгого подхода к помещаемым статьям и помочь авторам в их работе. В заключение С. П. Толстов выразил сожаление, что теоретическими проблемами первобытности занимаются лишь единицы, это снижает качество и темпы теоретической работы в области общей этнографии. Несомненно, настоящее обсуждение привлечет к разработке проблем первобытной истории новые силы советских этнографов.

И. Золотаревская

ЗАЩИТА ДИССЕРТАЦИИ В ИНСТИТУТЕ ЭТНОГРАФИИ

27 апреля 1948 г. А. Н. Рейнсон — Прайдин защитил кандидатскую диссертацию на тему «Игра и игрушка народов обского севера». Автор поставил себе целью выявить социальную значимость игры и игрушки этих народов, вскрыть обусловившие их развитие социальные корни, выяснить формы, содержание и функции игры и игрушки и их тесную связь с трудовыми процессами, искусством, религией на различных этапах исторического развития обских народов. Игра и игрушка, доказывает автор, отражают общественно-экономический строй данного народа, его мировоззрение, культуру; основные функции игры и игрушки — содействовать выработке у детей необходимых для их будущей деятельности физических качеств, передать потомству приобретенные трудовые навыки, культуру и опыт общественной жизни старших поколений. Опираясь на исследованный материал, А. Н. Правдин опровергает абстрактные идеалистические теории происхождения игры и игрушки, идущие от тезиса о бесполезности их (теории «игры от избытка сил», «игры-удовольствия» и др.). На конкретном материале обских народов, не имевших письменности, автор показал, что для них игра и игрушка, наряду с фольклором, были основными средствами передачи детям навыков мужского и женского труда и традиций национального искусства. В ходе исторического процесса, устанавливает автор, содержание, формы и функции игры и игрушки изменяются; спадают религиозные

запреты, обуславливавшиеся пережитками тотемизма и анимистическими воззрениями (запреты на изображение в игрушке человеческой фигуры и почитаемых животных). Игра, игрушка и детский рисунок социалистической эпохи, заканчивает автор свое исследование, ярко показывают, как социалистический строй, изменив экономику обских народов, освободил и их сознание от старых представлений и открыл широкий путь всестороннему развитию детей советского севера. Официальные оппоненты — доктор исторических наук А. П. Смирнов и доктор исторических наук Н. Н. Чебоксаров, — подробно разобрав содержание представленной диссертации, охарактеризовали ее как ценный вклад в советскую этнографическую науку; работа, построенная на большом количестве археологических и этнографических данных, в значительной части собранных лично автором и дополненных тщательным изучением музеиных коллекций и литературных источников, дает много нового фактического материала и убедительно освещает его с материалистических позиций. Значение работы не ограничивается ее этнографической стороной, ибо в ней дается конкретный материал для решения общих социально-исторических и психологических проблем игры и игрушки. А. П. Смирнов, полностью соглашаясь с основными положениями автора, в своих замечаниях коснулся лишь некоторых частных вопросов. Так, он считает спорным утверждение диссертанта о невозможности определить очаги возникновения некоторых игрушек, свойственных детям всего мира (мячи, волчки, погремушки), а также отнесение этих игрушек к числу пережитков магических обрядов или предметов культа, связанных с древними процессами труда; имеющийся археологический материал, заметил оппонент (погремушки, найденные в Прикамье и Приобье), показывает, что в эпоху раннего и позднего железа они имели значение только и трущек. Приветствуя привлечение к исследованию археологического материала (сопоставление не-немецких кукол с антропоморфными чудесными изображениями), оппонент выразил сожаление, что автор не привел его в данном случае более широко, ибо сопоставление археологических и этнографических данных позволило бы полнее истолковывать и чудесные изображения. Н. Н. Чебоксаров коснулся в своих замечаниях главным образом исторической части работы. В историческом введении, отметил он, автор, ярко вскрывая губительные последствия колониальной политики царизма, недостаточно показал положительные результаты культурного взаимодействия народов обского севера с русскими. Отдельные данные о культурном влиянии русских на ненцев, хантов, манси имеются в других главах работы, но отсутствие их именно в историческом введении делает его несколько односторонним. Недостаточно внимания, по мнению оппонента, уделил автор сравнительной характеристике игры и игрушки у отдельных обских народов. Встречаются в работе, указал далее Н. Н. Чебоксаров, некоторые неточности историко-этнографического характера; так, например, он не может согласиться с утверждением автора о том, что лук и стрелы были самым действенным и надежным оружием обского охотника вплоть до предреволюционного времени; по мнению оппонента, еще задолго до Октябрьской революции таким основным оружием было ружье, хотя и кремневое, а лук уже отошел в область преданий. В своем ответном слове А. Н. Правдин отвел это замечание, сославшись на большое количество имеющегося в его распоряжении фактического материала, доказывающего правильность его утверждения. Все сделанные замечания — частного порядка, сказал в заключение Н. Н. Чебоксаров, и не снижают значения представленной работы, которая дает полное основание присудить автору искомую степень. А. Н. Рейнсон-Правдин единогласно присуждена степень кандидата исторических наук.

25 мая 1948 г. защитила кандидатскую диссертацию окончившая аспирантуру Института этнографии Л. А. Молчанова. Диссертация озаглавлена: «Народные меры длины». Официальными оппонентами выступили доктор географических наук В. В. Богданов и доктор исторических наук Б. А. Рыбаков. Диссертантка поставила себе задачей дать научную классификацию народных мер длины, в основу которой ею положен принцип происхождения меры в связи с тем или иным трудовым процессом. Эта мысль автора, сказал В. В. Богданов, заслуживает особого внимания, так как все исследование ставится на материалистическую базу; существующая метрологическая литература освещается в новом аспекте материалистического понимания народных линейных мер. Диссертантка исследовала меры и измерители разных категорий: меры пространственных расстояний «на глаз» и «на слух»; меры, совпадающие с частями человеческого тела или имеющие в своей основе движения отдельных частей тела; меры, связанные с условиями передвижения, с выносивостью транспортных животных; меры, определяемые временем, и др. Выявлены меры, обслуживавшие потребности людей, связанных с различными занятиями — охотников, рыболовов, земледельцев, ткачей и т. д. На ряде примеров диссертантка показывает, как отдельные меры постепенно теряют свою связь с конкретным производством, на основе которого они возникли, абстрагируются от него, видоизменяются применительно к городскому быту, к потребностям государства. Отмечая чрезвычайную пестроту и обилие народных мер длины, диссертантка показывает решающую роль торговли в установлении единого измерения и постоянства мер, закрепляемых с превращением их из народных в государственные. В упрек диссертантке В. В. Богданов поставил то, что она не проводит четкого различия между мерой и измерителем; это привело к некоторым неясностям в определении народных линейных мер. В своем ответном слове Л. А. Молчанова отстаивала свою точку зрения, ибо анализ материала привел ее к выводу, что в народных мерах

рекой грани между мерой и измерителем не проводится, что здесь наблюдается единство между наименованием меры и ее реальным выражением (как, например, «локоть»); в государственных мерах это единство теряется, и в этом диссертантка видит принципиальное отличие их от мер народных. Другим минусом работы В. В. Богданов считает недостаточную полноту этнографических данных, приводимых диссертанткой для подкрепления выдвинутых ею положений; этот недочет оппонент сбрасывает крайней скучностью источников и неразработанностью в литературе вопросов народной метрологии. В целом же, подчеркнул проф. Богданов, диссертация насыщена интересным содержанием и представляет собой значительный вклад в науку; ценность ее определяется новой, материалистической постановкой вопроса. Б. А. Рыбаков, целиком присоединяясь к общей оценке работы, данной В. В. Богдановым, остановился главным образом на имеющихся в ней пробелах и спорных положениях. Одним из основных пробелов он считает отсутствие в работе раздела о народной архитектуре, тогда как меры длины прежде и точнее всего сказываются в зодчестве. Крестьянское жилище дает в этом отношении обширнейший материал, различающийся по областям и позволяющий значительно полнее представить себе народную метрологию. Другим недочетом работы оппонент считает то, что диссертантка не дала числовых выражений приводимых ею мер, между тем как абсолютные размеры чрезвычайно важны в вопросах метрологии, и этнографические данные из этой области представляют огромный интерес. Не разработан диссертанткой вопрос об областных различиях мер (меры киевские, смоленские, новгородские и др.) и о пестроте мер внутри одной области (сажень городовая и лавочная). Решительно возражал оппонент против отрицания диссертанткой кратности мер, происходящих от частей человеческого тела. Б. А. Рыбаков указал на результаты своих исследований материалов XI—XVII вв., приведших его к выводу, что все существовавшие в этот период системы мер четко построены по принципу кратности 2, 4 и т. д., позволяющему легче всего практически осуществлять деление. Касаясь вопроса о взаимоотношениях официальной и народной метрологии, Б. А. Рыбаков указал, что они за редкими исключениями не были противоречивы, как это пытаются представить диссертантка. Обычно официальная метрология канонизировала только те меры, которые существовали в народе. Лишь в XVI в. наступил известный конфликт между обеими системами, но народная метрология оказалась очень живучей. Несмотря на указанные пробелы, сказал проф. Рыбаков, работа Л. А. Молчановой представляет большую ценность, так как в ней впервые собран и приведен в систему обширный и разнообразный материал и дана научная классификация мер на основе четко проведенного производственного признака. Диссертантке присуждена степень кандидата исторических наук.

25 мая 1948 г. состоялась защита диссертации на соискание ученой степени доктора исторических наук директором краеведческого музея в Гори С. И. Макалатия на тему «Этнография картвельских племен». Работа состоит из ряда этнографических монографий, посвященных отдельным грузинским племенам и написанных в разное время. Официальными оппонентами были: доктор филологических наук Н. Ф. Яковлев, доктор исторических наук М. О. Косвен и доктор исторических наук С. П. Толстов. Все оппоненты отметили, что обсуждаемая диссертация, хотя и носит в основном описательный характер, представляет собой капитальный труд, являющийся плодом многолетней работы автора, результатом его многочисленных экспедиций во все подвергнутые исследованию районы; следует приветствовать появление такой работы, тем более — на русском языке, что делает ее доступной широкому кругу этнографов. «Работа С. И. Макалатия,— сказал проф. Яковлев,— носит настолько монументальный, свежий описательно-фотографический характер, что будет интересна для всех, кто работает в области этнографии Кавказа, и ей не грозит опасность устареть». Для лингвистов, продолжал оппонент, эта работа также представляет большой интерес, так как в ней даны не только этнографические сведения, но и терминология на местных языках; этот богатейший материал при лингвистическом анализе должен дать очень интересные выводы. Материал, вошедший в работу С. И. Макалатия, сказал проф. Толстов, очень интересен и для подавляющего большинства советских этнографов совершенно нов. Многое из этого материала быстро войдет в широкий оборот этнографических исследований. С. П. Толстов напомнил о том месте, которое занимает проблема социального строя грузинских горных племен в работах Энгельса. «Проблема эта,— указал проф. Толстов,— продолжает оставаться чрезвычайно существенной для истории поздних форм первобытно-общинной организации, первобытно-общинного уклада, существовавшего в рамках феодального и позднейшего общества Кавказа и в частности Грузии. Очень ценен собранный С. И. Макалатия материал по народным верованиям, тесно связанный с проблемой социальной организации; таков, например, раздел, посвященный пережиткам культа Митры и его аналогам. Для всех исследователей, работающих не только по этнографии Грузии и Кавказа, но и занимающихся проблемами религии Востока, этот материал представляет большой интерес, проливая свет на многие вопросы, касающиеся древнего митраизма и не освещенные историческими источниками. С. П. Толстов целиком присоединился к мнению Н. Ф. Яковлева о том, что описательный характер представленной работы не может служить основанием для отвода ее в качестве докторской диссертации, ибо комплексная описательная этнография,— если описание проведено систематически и с марксистских позиций, хорошо документировано и иллюстрировано,— представляет

собой один из важнейших разделов этнографической науки. В качестве примера такой работы проф. Толстов привел книгу В. Г. Богораза «Чукчи», принесшую автору мировую известность. К недостаткам работы оппоненты отнесли в первую очередь ее конструктивные недочеты, в значительной мере объясняющиеся разновременным написанием ее отдельных частей. Самое название работы «Этнография картвельских племен», указал М. О. Косвен, не отвечает содержанию, поскольку описана только часть этих племен и не затронуты Восточная и Центральная Грузия. Отдельные монографии, из которых состоит работа, построены неодинаково. Описание верований, обрядов и обычаяев, занимающее, по мнению М. О. Косвена, несоответственно большое место в работе, недостаточно увязано с описанием материальной культуры и общественного строя. В упрек автору проф. Яковлев поставил нетривильную оценку русских исследователей Кавказа и Закавказья, квалифицируя их работы как «руссификаторских». Недостаточно использовал автор высказывания о Кавказе классиков марксизма-ленинизма, особенно Ленина и Сталина, где они специально касаются экономического и общественного развития Кавказа. Существенным недостатком работы оппоненты считают то, что в ней не показано воздействие колхозного строя на быт и национальные особенности грузин; с другой стороны,— приводится множество архаизмов, создающих впечатление о большой отсталости горных грузинских племен, из контекста же неясно, к какому времени относится то или иное описание. Поскольку работа построена как совокупность отдельных этнографических монографий, указал проф. Толстов, ее следовало объединить введением или заключением, в котором были бы даны выводы о взаимоотношениях отдельных групп грузинского народа и о перспективах их национальной консолидации, показать, чем обусловлены этнографические особенности отдельных групп и что имеется общего в их культуре.

В прениях выступил тов. Столетов (Союз Советских Писателей), заявивший, что, хотя он является не этнографом, а литературоведом, тем не менее книга С. И. Макалатия дала ему очень многое. Книга насыщена не только описанием обычаяев и обрядов грузин, но и извлечениями из поэтических источников, содержит много материала из грузинской литературы. Приведенными в ней материалами уже пользуются при переводе грузинских поэтических произведений. Далее выступил заведующий Этнографическим отделом Института истории Академии Наук Грузинской ССР проф. Г. С. Читая, приведший ряд возражений против обсуждаемой диссертации, представляющей собой, по его мнению, собрание сырого, хотя и обширного материала, зачастую не нового, взятого иногда из местных журналов и газет; в работе не всегда можно различить, какой материал оригиналный, а какой — заимствован из других работ. Материал собран не комплексным методом, принятым в современной этнографии, и не всегда достоверен. В теоретическом отношении, заявил проф. Читая, работа не дает ничего нового. Так, например, автор устанавливает уже известный факт, что грузинские племена прошли родовой строй, но не показывает, какие стадии прошел этот строй, когда он был, в каких формах родовой уклад существовал с феодальным, а затем с капиталистическим обществом. Представленная работа, по мнению проф. Читая, не удовлетворяет требованиям, предъявляемым к докторской диссертации.

В своем заключительном слове диссертант согласился с замечаниями официальных оппонентов, касающимися недостатков построения работы. Однако, указал он, это может относиться только к сокращенному русскому переводу, сделанному с целью дать возможность русским исследователям ознакомиться с собранными им материалами. В грузинском оригинале, более полном, этнографические материалы тесно увязываются с данными по экономике и истории. Если в работе недостаточно показаны изменения, внесенные в быт грузин колхозным строем, то надо иметь в виду, что отдельные книги написаны в то время, когда колхозное движение еще только начиналось. Все же в некоторых монографиях, как например, в «Истории Мегрелии», роль колхозов достаточно показана, но это также опущено в русском переводе. Отводя упрек проф. Яковleva, С. И. Макалатия указал, что руссификаторами он называет не всех русских исследователей Грузии, а лишь таких, как Грен или Певцов, который пытался доказать, что мегрельцы не грузины, а потому у них должен быть не грузинский алфавит, а русский. Отвечая проф. Читая, диссертант подчеркнул, что при собирании и исследовании материала он пользовался принятым в советской этнографии комплексным методом; подавляющее большинство материалов собрано им лично, в тех же случаях, когда он пользовался материалом других исследователей, он это соответствующим образом оговорил. Им написаны 8 монографий, и ни одна из них до сих пор не была подвергнута критике ни со стороны самого проф. Читая, ни со стороны других кавказоведов. Выступивший после диссертанта проф. В. К. Никольский отметил, что возникшие недоумения по поводу того, что диссертация якобы написана на материалах, собранных не самим автором, рассеяны. То, что часть материала не нова, вполне естественно в таком монументальном труде. Недоумения, проявившиеся на диспуте, объясняются тем, что работа, представленная в русском переводе, не адекватна грузинскому оригиналу. Но советские этнографы, для подавляющего большинства которых грузинская литература недоступна, должны быть благодарны диссертанту за тот обширнейший материал, который содержится в его работе. Рассматривая вопрос о присуждении С. И. Макалатия докторской степени, подчеркнул В. К. Никольский, необходимо учитывать совокупность всего того, что сделано им за долгие годы работы в области этнографии Кавказа. Диссертанту присуждена искомая степень.

8 июня 1948 г. в Институте этнографии защитила кандидатскую диссертацию ассистентка кафедры этнографии Восточного факультета Ленинградского гос. университета М. С. Долгоносова. Диссертация озаглавлена: «Учение Тэйлора о пережитках». Однако, как отметили официальные оппоненты — проф. С. А. Токарев и доцент Б. И. Шаревская, содержание представленной работы выходит далеко за рамки ее заглавия. Диссертантка вскрыла несостоятельность концепции Тэйлора, которой должно быть противопоставлено понимание пережитков, исходящее из учения марксизма-ленинизма о соотношении общественного бытия и общественного сознания, из указаний товарища Сталина об отставании развития сознания людей от развития материальных условий их существования, о необходимости непримиримой борьбы с пережитками в сознании, борьбы за ликвидацию фактической отсталости отдельных народов. Давая критический обзор учений предшественников Тэйлора, диссидентка указала на русского исследователя К. Д. Кавелина, который еще за четверть века до Тэйлора, в 1846 г., выдвинул теорию «остатков», в противоположность Тэйлору трактуя их как явление историческое и не ограничивая его узкой областью эволюции культуры. Чтобы выяснить состояние в советской науке вопроса о пережитках, отметил проф. Токарев, диссидентка привлекла обширную этнографическую и публицистическую литературу, отражающую ход борьбы с пережитками в отдельных национальных республиках и областях. В работе приведено много конкретных фактов, иллюстрирующих социальный вред различных пережитков, сохранявшихся у отдельных народов СССР; М. С. Долгоносова правильно решает вопрос о причинах сохранения пережитков в экономике и сознании людей, четко разграничивая эти причины и доказывая, что они не одинаковы в классовом и социалистическом обществе. Диссидентка, отметила Б. И. Шаревская, показала коренное различие в подходе к пережиткам у Тэйлора и у советских этнографов: Тэйлор, стоя на «этнографической», как он говорил, а по существу на позитивистской, типичной для буржуазных ученых позиции, намеренно отказывался от характеристики пережитков как социально вредных явлений; созданное советскими этнографами учение о пережитках выявляет тормозящую роль последних и исследует пути их преодоления. М. С. Долгоносова, отметила далее оппонентка, правильно указала на антиисторичность эволюционизма и самого Тэйлора, но данная ею критика эволюционной школы недостаточно глубока и остры. Следовало показать идеалистичность всей концепции Тэйлора и эволюционной школы, указать на то, что Тэйлор, вместе с Мэнном, Леббоком, Мак Ленном и другими эволюционистами, пытался опровергнуть выводы Л. Г. Моргана путем искажения этнографических фактов. Еще менее удовлетворяет оппонентку данная в работе критика функциональной школы, не вскрывающая всю реакционную роль этого направления, приверженцы которого откровенно поставили себя на службу колониальной политике британского империализма. Не разъяснен также реакционный смысл антиеволюционизма в американской этнографии. Диссидентка прошла мимо такого факта, что в современной буржуазной этнографической науке и практике «невинные» суеверия игнорируются, а пережитки, помогающие колониальной администрации закабалить угнетаемые народы, сознательно культивируются. Считая вполне правильным понимание М. С. Долгоносовой пережитков как определенных социальных или культурных явлений, оба оппонента возражали против того, что диссидентка приписывает этим явлениям прогрессивную роль в прошлом, ибо ряд пережитков и в прошлом такой роли не играл (как, например, религия). Выступивший в прениях проф. В. К. Никольский поддержал данную официальными оппонентами высокую оценку обсуждаемой диссертации как ценной и актуальной работы, ярко выявляющей заслуги русской и, особенно, советской этнографической науки. Диссидентке единогласно присуждена искомая степень.

В тот же день, 8 июня 1948 г., защищена кандидатская диссертация научным сотрудником Института этнографии З. А. Никольской на тему «Родовые формы и отношения у аварцев в XIX в.». Официальными оппонентами выступили доктор исторических наук В. К. Никольский и кандидат исторических наук Е. М. Шиллинг. Основной задачей работы было исследование структуры патриархального рода у аварцев, его основных общественных форм: семьи, патронимии, более широкой родственной группы, условно обозначаемой термином «фамилия», рода в широком смысле, племени и союза племен. В основу исследования положены преимущественно материалы, собранные лично автором во время полевой работы в 1944—1945 гг. путем опроса большого числа информаторов-аварцев, путем обследования старинных аварских жилищ, оборонительных сооружений, планировки аулов, отдельных кварталов и др. Помимо того, к исследованию привлечен большой архивный материал и использован ряд литературных источников, хотя, как отметили и оппоненты и сама диссидентка в своем историографическом обзоре, литературные сведения, касающиеся исследуемой темы, крайне скучны, отрывочны и во многих случаях неверны. На фоне этих немногочисленных сведений о социальном строе аварцев, сказал Е. М. Шиллинг, работа З. А. Никольской выступает как солидный труд, вводящий в научный оборот ценные и до сих пор не известные материалы и дающий оригинальную их интерпретацию. Очень значительна глава о большой семье, самое существование которой в прошлом у аварцев впервые доказано диссиденткой на основании собранного ею богатого фактического материала, иллюстрирующего быт и структуру аварской большой семьи. Однако изложение процесса трансформации большой семьи, по мнению

8 июня 1948 г. в Институте этнографии защитила кандидатскую диссертацию ассистентка кафедры этнографии Восточного факультета Ленинградского гос. университета М. С. Долгоносова. Диссертация озаглавлена: «Учение Тэйлора о пережитках». Однако, как отметили официальные оппоненты — проф. С. А. Токарев и доцент Б. И. Шаревская, содержание представленной работы выходит далеко за рамки ее заглавия. Диссертантка вскрыла несостоятельность концепции Тэйлора, которой должно быть противопоставлено понимание пережитков, исходящее из учения марксизма-ленинизма о соотношении общественного бытия и общественного сознания, из указаний товарища Сталина об отставании развития сознания людей от развития материальных условий их существования, о необходимости непримиримой борьбы с пережитками в сознании, борьбы за ликвидацию фактической отсталости отдельных народов. Давая критический обзор учений предшественников Тэйлора, диссертантка указала на русского исследователя К. Д. Кавелина, который еще за четверть века до Тэйлора, в 1846 г., выдвинул теорию «остатков», в противоположность Тэйлору трактуя их как явление историческое и не ограничивая его узкой областью эволюции культуры. Чтобы выяснить состояние в советской науке вопроса о пережитках, отметил проф. Токарев, диссертантка привлекла обширную этнографическую и публицистическую литературу, отражающую ход борьбы с пережитками в отдельных национальных республиках и областях. В работе приведено много конкретных фактов, иллюстрирующих социальный вред различных пережитков, сохранявшихся у отдельных народов СССР; М. С. Долгоносова правильно решает вопрос о причинах сохранения пережитков в экономике и сознании людей, четко разграничивая эти причины и доказывая, что они не одинаковы в классовом и социалистическом обществе. Диссертантка, отметила Б. И. Шаревская, показала коренное различие в подходе к пережиткам у Тэйлора и у советских этнографов: Тэйлор, стоя на «этнографической», как он говорил, а по существу на позитивистской, типичной для буржуазных учёных позиции, намеренно отказывался от характеристики пережитков как социально вредных явлений; созданное советскими этнографами учение о пережитках выявляет тормозящую роль последних и исследует пути их преодоления. М. С. Долгоносова, отметила далее оппонентка, правильно указала на антиисторичность эволюционизма и самого Тэйлора, но данная ею критика эволюционной школы недостаточно глубока и остра. Следовало показать идеалистичность всей концепции Тэйлора и эволюционной школы, указать на то, что Тэйлор, вместе с Мэнном, Леббоком, Мак Леннаном и другими эволюционистами, пытался опровергнуть выводы Л. Г. Моргана путем искажения этнографических фактов. Еще менее удовлетворяет оппонентку данная в работе критика функциональной школы, не вскрываящая всю реакционную роль этого направления, приверженцы которого откровенно поставили себя на службу колониальной политике британского империализма. Не разъяснен также реакционный смысл антиеволюционизма в американской этнографии. Диссертантка прошла мимо такого факта, что в современной буржуазной этнографической науке практике «невинные» суеверия игнорируются, а пережитки, помогающие колониальной администрации закабалять угнетаемые народы, сознательно культивируются. Считая вполне правильным понимание М. С. Долгоносовой пережитков как определенных социальных или культурных явлений, оба оппонента возражали против того, что диссертантка приписывает этим явлениям прогрессивную роль в прошлом, ибо ряд пережитков и в прошлом такой роли не играл (как, например, религия). Выступивший в прениях проф. В. К. Никольский поддержал данную официальными оппонентами высокую оценку обсуждаемой диссертации как ценной и актуальной работы, ярко выявляющей заслуги русской и, особенно, советской этнографической науки. Диссидентке единогласно присуждена искомая степень.

В тот же день, 8 июня 1948 г., защищена кандидатская диссертация научным сотрудником Института этнографии З. А. Никольской на тему «Родовые формы и отношения у аварцев в XIX в.». Официальными оппонентами выступили доктор исторических наук В. К. Никольский и кандидат исторических наук Е. М. Шиллинг. Основной задачей работы было исследование структуры патриархального рода у аварцев, его основных общественных форм: семьи, патронимии, более широкой родственной группы, условно обозначаемой термином «фамилия», рода в широком смысле, племени и союза племен. В основу исследования положены преимущественно материалы, собранные лично автором во время полевой работы в 1944—1945 гг. путем опроса большого числа информаторов-аварцев, путем обследования старинных аварских жилищ, оборонительных сооружений, планировки аулов, отдельных кварталов и др. Помимо того, к исследованию привлечен большой архивный материал и использован ряд литературных источников, хотя, как отметили и оппоненты и сама диссидентка в своем историографическом обзоре, литературные сведения, касающиеся исследуемой темы, крайне скучны, отрывочны и во многих случаях неверны. На фоне этих немногочисленных сведений о социальном строе аварцев, сказал Е. М. Шиллинг, работа З. А. Никольской выступает как солидный труд, вводящий в научный оборот ценные и до сих пор не известные материалы и дающий оригинальную их интерпретацию. Очень значительна глава о большой семье, самое существование которой в прошлом у аварцев впервые доказано диссиденткой на основании собранного ею богатого фактического материала, иллюстрирующего быт и структуру аварской большой семьи. Однако изложение процесса трансформации большой семьи, по мнению

оппонентов, требует большей ясности и конкретизации. То же относится и к славе о патронимии и других родственных коллективах, представляющей большой интерес, но требующей уточнения в терминологии и деталях. Возражал Е. М. Шиллинг против стождествления диссертанткой понятий «бо» и племени, ибо в ряде случаев «бо» представляют собой разноплеменные, разнозычные коллективы. Глава о религиозных пережитках, содержащая много новых, до сих пор не зафиксированных данных, по мнению оппонента, слишком ската. Очень интересна, отметил Е. М. Шиллинг, предложенная диссертанткой гипотеза о происхождении эндогамии у аварцев; особенно цепы тщательно подобранные и интерпретированные материалы, вскрывающие наличие у аварцев остатков первичной экзогамии и устанавливающие вторичность эндогамных порядков. Проф. Никольский, считая совершенно бесспорной главу о племени («бо»), не может согласиться с диссертанткой в вопросе о патронимии: он относит коллектив «цо рукъяльул гладамал» не к патриархально-родовому строю, а к уже разрушающемуся патриархальному или даже к классовому обществу. Оппоненту осталась неясной концепция диссертантки относительно даваемой ею сложной схемы структуры патриархального рода — идет ли здесь речь о последней стадии доклассового общества или о разрушении патриархального рода в рамках общества классового. В своем ответном слове З. А. Никольская выразила свое полное согласие с тем, что патронимия типа «цо рукъяльул гладамал» появляется уже при разложении родового строя, поскольку она состоит из ряда малых патриархальных семей; но, заявила диссертантка, «я стремилась показать, что и в патриархально-родовом обществе патронимия являлась его основной ячейкой, хотя иного типа, чем указанная выше; она состояла из больших семей и называлась кыбил». Не располагая данными по другим народностям для широких обобщений, диссертантка, по ее словам, в своих выводах исходила из конкретного аварского материала, находящего себе подтверждение в материалах по Грузии и заставляющего пересмотреть представление о патриархальном роде как неделимом монолитном коллективе. Оппоненты высказали пожелание о скорейшем опубликовании обсуждаемой работы, представляющей значительный интерес и восполняющей имеющийся в литературе пробел по вопросу об общественном строе аварцев. З. А. Никольской единогласно присуждена искомая степень.

15 июня 1948 г. защитила кандидатскую диссертацию окончившая аспирантуру Института этнографии Т. В. Станюкович. В представленной работе, озаглавленной «Жилище русских переселенцев в Средней Азии», диссертантка поставила себе целью исследовать одну из важнейших сторон материальной культуры этой мало изученной группы восточнославянского населения, образовавшейся в результате переселения в Среднюю Азию некоторой части русских, украинцев, белоруссов. Переселение это началось с 60-х годов прошлого столетия и продолжалось вплоть до Великой Октябрьской социалистической революции. Будучи в течение нескольких десятилетий оторваны от основной массы своего народа, эти переселенцы сохранили в быту ряд арханческих черт, представляющих значительный интерес для историков и лингвистов. Наряду с этим необходимость приспособления к новым условиям жизни и влияние культуры окружающего населения внесли много изменений в быт переселенцев, которые со своей стороны оказывали обратное воздействие на культуру аборигенного населения (казаков, узбеков, киргиз). Все это делает данную группу очень интересным объектом исследования. Как отметили официальные оппоненты — доктор исторических наук Н. Н. Чебоксаров и доктор искусствоведческих наук К. А. Соловьев, диссертантка успешно справилась с поставленными задачами. В своей работе она подробно исследует планировку переселенческих поселков и усадеб, технику постройки и строительный материал, тщательно описывает различные формы жилища переселенцев, начиная с временных шалашей и землянок, создававшихся в первый период устройства на новых местах, описывает планировку домов и особенно их внешнюю и внутреннюю отделку, уделив большое внимание анализу художественно-декоративных приемов — пропильной резьбы и полихромной росписи. При этом диссертантка приводит интересный материал, показывающий большое влияние переселенцев на строительную деятельность местного населения. Значительный интерес, сказал Н. Н. Чебоксаров, представляет заключительная часть работы, где автор проводит сравнение между русскими переселенцами в Среднюю Азию и другими окраинными группами русского населения, обосновавшимися на Урале, в Сибири, на Дальнем Востоке. Автор подвергает справедливой критике теорию «застоя» — теорию о том, что русские, переселившись на окраины, якобы зажонсервировались на культурном уровне XVII—XVIII вв. Диссертантка на конкретном материале, собранном ею лично и взятом из литературных источников, показывает, что зажонсервировано было лишь то, что оказалось полезным в новых условиях; в целом же культура переселенцев продолжала развиваться по своему основному направлению. Большой удачей диссертантки оппоненты считают то, что она, доводя свое исследование до нашего времени, прослеживает новые черты в быту как переселенцев, так и местного населения, связанные с социалистическим преустройством экономики и культуры народов Средней Азии. Подробно осветив положительные стороны работы, оппоненты указали на имеющиеся в ней недочеты и спорные положения. Диссертантка, сказал К. А. Соловьев, указывает на то, что под влиянием новых условий этнические особенности русских, украинцев, белоруссов настолько

нивелировались, что в настоящее время «переселенцы в Средней Азии представляют собой единую однородную массу». По мнению докторантки, этот процесс нивелировки идет не только вследствие сильнейшего взаимодействия этих славянских групп, но и под влиянием географических и хозяйственных условий и постоянного общения с местным населением. Такое категорическое и притом априорное утверждение, подчеркнул оппонент, может привести к географизму, с одной стороны, и к игнорированию национальных особенностей — с другой. Очень подробному разбору подверг К. А. Соловьев данное в докторантуре описание внешней и внутренней отделки жилища. Но, сказал он, вскрывая давность пропильной резьбы, автор совершает ошибку, тесно связывая ее с современной резьбой, ибо техника, инструментарий и орнаментика XVI в. очень далеки от современных. Ошибается автор в своем утверждении, что художественные приемы росписи идут исключительно от украинцев и что в местах, где преобладает русское население, роспись отсутствует; русскому народу полихромия так же свойственна, как и резьба и пластика. Вызывает возражения предлагаемая докторанткой классификация типов застроек, а также типов жилого дома, сказал Н. Н. Чебоксаров. Так, в рубрику «трехкамерного дома» включены типы совершенно разного происхождения: с одной стороны, действительно старинное трехраздельное жилище (хата + сени + комора), с другой стороны, — вторично перегороженная изба типа русского пятистенка, в условиях теплого климата Средней Азии утратившая сени. Имеется в работе и ряд фактических неточностей. Однако указанные оппонентами недочеты, по их мнению, не являются существенными, не снижают общей ценности работы и могут быть легко устраниены при подготовке ее к опубликованию, чего она вполне заслуживает. Докторантке присуждена искомая степень.

О. Корбе

ЭТНОГРАФИЧЕСКИЕ МАТЕРИАЛЫ В КРАЕВЕДЧЕСКИХ МУЗЕЯХ ДАГЕСТАНСКОЙ И СЕВЕРО-ОСЕТИНСКОЙ АССР

В августе 1948 г. Комитет по делам культурно-просветительных учреждений при Совете министров РСФСР провел обследование работы музеев Дагестанской и Северо-Осетинской АССР. В ознакомлении с идеино-теоретическим уровнем экспозиции музеев и в обсуждении ее содержания приняли активное участие представители местных советских и партийных организаций и научной общественности. В результате работы в заключениях по проверке экспозиций были указаны достижения музеев, недостатки экспозиции и пути их устраниния.

Экспозиции краеведческих музеев Дагестанской и Северо-Осетинской АССР в значительной степени строятся на этнографических материалах. Музей краеведения ДАССР создан в 1925 г., в настоящее время он имеет 25 тысяч экспонатов. В числе этих экспонатов имеются археологические и этнографические коллекции, исторические экспонаты и документы, современные вещественные экспонаты, документы и фотографии, а также значительный фонд картин, среди которых картины известных художников (Рубо и др.). Экспозиция музея состоит из отделов — природы, истории, социалистического строительства и Великой отечественной войны.

В 1947—1948 гг. музеем была проведена работа по реэкспозиции исторического отдела согласно «Примерной тематической структуре для краеведческих музеев», изданной в 1946 г. Однако, проведя эту работу, музей не увязал «структур» с конкретной историей Дагестана, в результате чего остался неразработанным ряд важнейших тем по истории местного края. Неразработанность и отсутствие в экспозиции ряда основополагающих тем — экономики (земледелие, скотоводство), классовой структуры, феодальной эксплуатации крестьянства, классовой борьбы и других тем — являются коренными недостатками исторического отдела. Неразработанность этих тем приводит к тому, что многие исторические и этнографические материалы остаются необъясненными. Важнейшая задача исторического отдела — показ истории трудящихся масс — остается неразрешенной. Просмотрев экспозицию, посетитель не может уяснить, каковы были основные занятия народов Дагестана, какие орудия производства существовали на протяжении их многовековой истории. В разделе — Дагестан в XVIII в. — музей попытался разработать тему — классы и классовые отношения, однако экспонированные материалы не раскрывают темы. Здесь дан текст с перечнем существовавших к концу XVIII в. феодальных образований и две-три фотографии дагестанских феодалов, но тема остается неразработанной. Не показана классовая структура, нет материалов по эксплуатации крестьян и классовой борьбе в Дагестане вплоть до второй половины XIX в. Лишь для второй половины XIX в. даны материалы по одному из крестьянских восстаний. Отсутствие важнейших тем приводит к тому, что экспозиция этого раздела разработана не марксистски, не научно. Музей не занимается собиранием и изучением орудий производства, в частности, в музее нет ни в экспозиции, ни в фондах пахотных и других сельскохозяйственных орудий, за исключением молотильной доски и мотыги. Известно, что у народов Дагестана с древнейших времен были развиты кустарные и домашние промыслы. Музей располагает богатыми коллекциями по металлообрабатывающим производствам, по обработке дерева, шерсти, по гончарному производству и т. д. Однако интересные коллекции поданы в экспозиции без всякой научной разработки. Ни одно из перечисленных выше производств не

раскрыто, вещи экспонированы с весьма кратким, ничего не говорящим этикетажем — «блюдо», «кувшин» и т. д., поэтому многие материалы лишаются познавательного характера и не доходят до зрителя.

Богато представлено вещами в музее металлообрабатывающее производство кубачинских мастеров, имеющее свою многовековую историю. Наиболее полно представлено производство кубачинцев в зале XIX в., где имеются различные образцы оружия, и в отделе социалистического строительства. К сожалению, музей не дает описания и показа различных отраслей производства оружия: кинжално-шашечной (производство клинков), оружейно-монтажной (производство ножей и других частей оправы клинка), а также различных отраслей по украшению оружия (гравировка, насечка) и т. д. В отделе истории экспонируются также предметы домашнего быта, изготовленные мастерами по металлу: медные котлы, медночеканные большие водоносные сосуды, кувшины малых размеров, медные ведерки, блюда, тарелки, художественно выполненные друшлаки и т. д.

Особенно богато представлены современные кубачинские художественные производства в отделе социалистического строительства. Здесь экспонированы художественные работы кубачинцев по золоту, серебру, металлу. Среди этих работ обращает на себя внимание портрет матери И. В. Сталина Екатерины Георгиевны Джугашвили, вырезанный из слоновой кости и обрамленный изящно выполненной серебряной рамой с золотой насечкой и чернением. Работа эта выполнена мастером-кубачинцем Р. Алихановым. Тем же мастером сделан барельефный портрет И. В. Сталина из слоновой кости в художественной раме с золотой насечкой. В раме смонтирован герб Союза ССР, сделанный из слоновой кости, по обе стороны герба знамена союзных республик, выполненные из позолоченных пластинок серебра. Выделяются также работы кубачинского мастера Б. Топчиева. Им сделан эмалевый столик (эмаль по гравировке), украшенный замечательным орнаментом с применением мотива розетки. Музей располагает еще двумя столиками высококудожественной работы, один из них приобретен в 1948 г. Кубачинская коллекция музея включает большое число экспонатов (позолоченные рамки чеканной работы, портсигары с чернением и позолотой, серьги и т. д.), наглядно показывающих, что за годы советской власти кубачинские мастера добились больших успехов и подняли свое мастерство на еще более высокую ступень. Музей располагает коллекцией керамики, экспонированной в зале истории XIX в. и в отделе социалистического строительства, где имеется стенд с изделиями гончарного производства из аула Балхар. Здесь экспонирован сосуд для хранения зерна «каква», водоносный сосуд «урша», кувшин для хранения воды «варьки», маслобойка «пак-рышу» и т. д. Но, к сожалению, и здесь не дано описания гончарного производства Дагестана, не сказано о лучших мастерах гончарного дела.

Деревообработка представлена в отделе истории XIX в. предметами быта. Ничего не сказано в этикетаже о технике производства (музей экспонирует предметы, выполненные техникой выдалбливания и техникой вытаскивания на станке). В отделе социалистического строительства деревообработка представлена высококудожественными изделиями унцукульских мастеров; это — инкрустация по дереву (художественно выполненный чернильный прибор, деревянные стаканы, мундштуки, трубы, ножички и т. д.). Менее богато представлена в музее обработка шерсти. В зале XIX в. имеются образцы дагестанских сукон, вязаных изделий. Однако в этой теме также не показаны орудия труда (ткацкий стан и т. д.) и нет описания производства. Богатое ковровое производство Дагестана, получившее особое развитие в советском Дагестане, представлено одним ковром работы Микрахской ковровой артели Докузпаринского района, сделанным в подарок Верховному Совету и СНК ДАССР от стахановцев и ударников артели.

Тема — национальная одежда народов Дагестана, экспонированная в зале истории XIX в., представлена крайне скруто. Мужская одежда совершенно отсутствует, а женская представлена лишь двумя некомплектными кумыкскими костюмами и несколькими головными уборами. Богатая и разнообразная национальная одежда народов Дагестана не представлена даже в иллюстрациях.

В заключение краткого обзора этнографических материалов в экспозиции Дагестанского краеведческого музея следует сказать, что удивляет отсутствие в экспозиции многонациональной республики карты «Этнический состав населения Дагестана» или хотя бы списка с перечнем народов, населяющих республику.

Музей краеведения Северо-Осетинской АССР, существующий с 1897 г., в настоящее время располагается в двух зданиях и состоит из отделов: природы, истории, социалистического строительства и Великой отечественной войны. Первый зал исторического отдела начинается с показа этнографического материала XVIII — XIX вв. Экспозиция этого зала имеет весьма существенные недостатки, которые в основном заключаются в той же неразработанности важнейших тем. Не разработаны темы, характеризующие основные занятия населения и орудия производства осетин в XVIII — XIX вв. (земледелие, животноводство и т. д.), тема — классы и классовые отношения в этот период. Нет материалов о феодальной эксплоатации крестьян — отработочных, натуральных и денежных повинностях.

Экспозиция начинается с темы — жилище, представленной двумя интерьераами и одним макетом. Хорошо выполненный интерьер горного крестьянского жилища воспроизводит подлинную обстановку того времени. Жилище состоит из двух этажей.

В первом показан внутренний вид сакли (хадзар), на втором этаже на фоне художественной панорамы гор, видна крыша сакли и вход в одну из комнат второго этажа. Сакля (хадзар) являлась одновременно кухней и столовой большой патриархальной семьи. Убогая обстановка сакли с ее закопченными, темными стенами, с примитивным, дымным очагом с открытым дымоходом (кона), находящимся в центре комнаты, воспроизводит быт дореволюционного горного осетинского крестьянина. Музеем собраны и расставлены в сакле незатейливая мебель, утварь и некоторые орудия труда. У очага установлены манекены мужчины и мальчика в национальной одежде. На втором этаже у входа в комнату установлен манекен женщины и воспроизведена сцена взбивания масла в примитивной осетинской маслобойке — кулыг. В этом же зале имеется второй интерьер — жилище осетинского феодала, — воспроизводящий богатую обстановку этого жилища. Наглядно показана резкая разница в быту эксплуататорского класса и трудового крестьянства. В макете представлен длинный дом, характерный для плоскостной Осетии XIX в., где каждая из комнат, поставленных в ряд, имела отдельный вход, отдельное отопление. Такой тип строения был связан с семейным строем осетин.

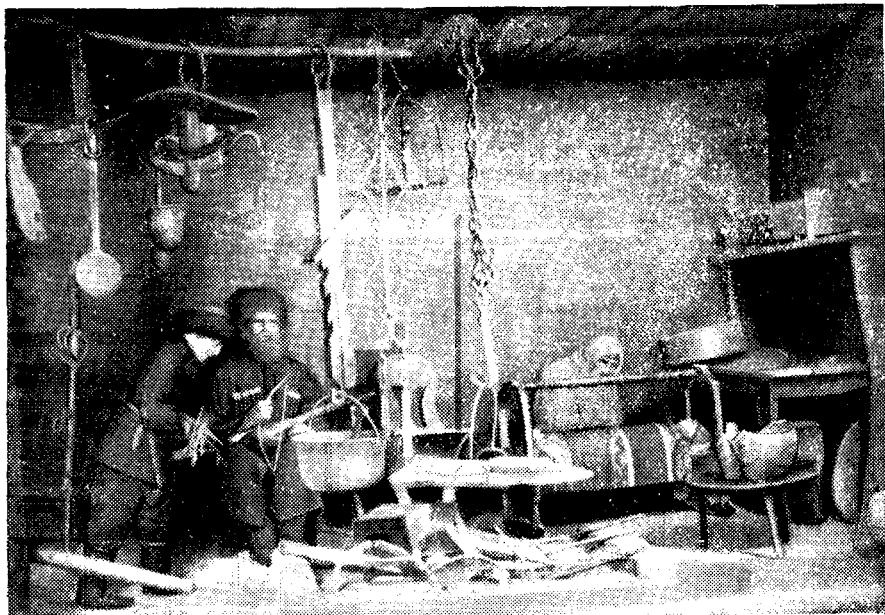

Рис. 1. Крестьянское горное жилище в дореволюционной Осетии. Интерьер. Музей краеведения Северо-Осетинской АССР, г. Дзауджикуа

Как было указано выше, музей не разработал тему — земледелие. Однако в экспозиции имеются некоторые вещественные экспонаты к этой теме, например, примитивная горная соха — дзыбыр, сделанная из дерева, с железным лемехом, прикрепленным к деревянному сошнику. К сожалению, музей не дает никаких пояснительных данных к этому экспонату и не раскрывает тему о примитивной сельскохозяйственной технике, существовавшей в Осетии вплоть до Великой Октябрьской социалистической революции. В экспозиции нет сведений о других пахотных орудиях Осетии, где в плоскостных районах пахали тяжелым, примитивным передковым плугом и лишь в XIX в. появился металлический плуг. Сельскохозяйственные орудия представлены в экспозиции далеко не полно, нет их и в фондах музея. По теме — обработка шерсти — в экспозиции имеется несколько экспонатов: рамы для взбивания шерсти, валяльный станок для изготовления войлока, щетки для начеса бурки, но ни один из видов обработки шерсти в экспозиции не объяснен; экспонаты даны с предельно кратким этикетажем, не носящим познавательного характера. В равной степени это относится к теме — средства передвижения. Музей располагает несколькими моделями арб, саней, но тема — пути сообщения и средства передвижения в дореволюционной Осетии — не разработана. Одна из моделей — горные сани (хаххон дзоныг) воспроизводит вид транспорта, распространенный в дореволюционное время в горах. Полозья саней сделаны из дерева, а между деревянными перекладинами ставилась плетенка из хвороста. Вторая модель — старинная осетинская арба для лошади (бахуардон), сделанная вся, вплоть до громадных колес, из дерева. Здесь же экспонирована модель арбы для волов (галуардон), тоже деревянная, с деревянными же колесами, но меньших размеров. Этим ограничивается показ музеем средств передвижения. В старину одним

из важных видов транспорта был мул. Для навьючивания груза на мулов существовали самые разнообразные деревянные или плетеные из хвороста седла. Но музей не располагает такими экспонатами, нет также специальной обуви с плетеной подошвой, железных крючьев для хождения по горам. Не представлен в музее транспорт, появившийся в XIX в. под влиянием русских,— брички, тачанки, линейки и т. д.

У осетин, как и у других кавказских народов, в XIX в. можно было встретить самые архаичные формы мельницы. Наряду с водяными, турбинными и наливными мельницами существовали архаичные ручные мельнички. В экспозиции музея имеется каменная ручная ступка с деревянным пестом (фахтхоян), долгое время сохранявшаяся в крестьянском хозяйстве, так же как переносная ручная досмашняя мельничка, состоявшая из следующих частей: на высоком деревянном табурете устанавливалась неподвижный каменный жернов, на него укладывался сверху второй, подвижный; оба жернова имели в середине отверстия для засыпания зерна. Жернова приводились в движение при помощи деревянных ручек, вставленных в имеющиеся в боковых частях жерновов отверстия.

Тема — одежда — в экспозиции Северо-Осетинского краеведческого музея, как и в Дагестанском музее, не может считаться разработанной. В экспозиции отсутствует верхняя мужская одежда — бурки, шубы. Нет здесь и классового противопоказа одежды.

Большим достижением Северо-Осетинского краеведческого музея является открытие отдела социалистического строительства. Коллекция музея провел большую работу по сбору и разработке материалов для этого отдела. Однако последний имеет ряд недостатков; одним из них является то, что этнографические материалы, которые должны быть представлены в экспозиции отдела социалистического строительства во многих темах, используются музеем очень мало. В отделе не разработаны темы: современное горное и плоскостное жилище, орнамент, современный фольклор, пища и т. д. Мало внимания уделено быту и культуре колхозников. Как одно из немногих исключений следует отметить хорошо выполненный с натуры большой макет полевого стана колхоза имени Сталина селения Фарн, Орджоникидзевского района. До Великой отечественной войны это был стан передового в республике колхоза, руководимого тов. Мылыхо Цораевым, депутатом Верховного Совета СССР первого и второго созывов. Полевой стан колхоза имел благоустроенные мужские и женские комнаты, в которых колхозники отдыхали во время полевой страды, столовую, детские ясли, физкультурную площадку, клуб, баню и т. д. Во время Великой отечественной войны налетами вражеской авиации полевой стан этого колхоза был частично разрушен, в настоящее время он почти восстановлен. Макет полевого стана был заказан музеем до войны и воспроизводит его в первоначальном виде. К сожалению, музей не составил к макету монографического описания колхозного полевого стана, сейчас этот материал был бы особенно ценным. Не проводит музей монографического изучения быта и культуры других передовых колхозов республики.

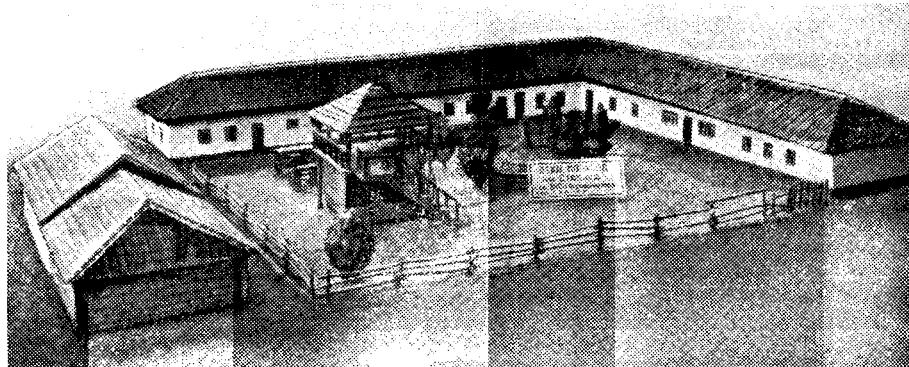

Рис. 2. Макет полевого стана колхоза им. Сталина, с. Фарн, Орджоникидзевского района, Северо-Осетинской АССР. Музей краеведения, Дзауджикуа

Даже эти довольно беглые замечания по экспозиции краеведческих музеев Дагестанской и Северо-Осетинской АССР говорят о том, что должна быть проведена коренная и глубокая реэкспозиция. Все силы работников этих музеев должны быть направлены для выполнения такой работы. Необходимо поднятие идеально-теоретического уровня экспозиции, углубленная разработка и экспонирование важнейших разделов, без которых не может существовать экспозиция. Этнографический материал не может быть экспонирован случайно, оторванно от всей остальной экспозиции исто-

рического отдела; этот материал должен входить в экспозицию как ее органическая часть. Исторические, этнографические и экономические материалы должны комплексно представлять каждую тему. Должны быть приняты меры по пополнению фондов необходимыми коллекциями. Особое внимание должно быть уделено изучению и собиранию современного этнографического материала, в частности материалов по культуре и быту колхозников.

Н. Такоева

ЭТНОГРАФИЧЕСКАЯ РАБОТА САМАРКАНДСКОГО МУЗЕЯ

Начало этнографической работы Самаркандского музея, открытого в 1896 г., было положено при самом его основании, с поступлением первых этнографических предметов, попавших туда в качестве раритетов, диковинок (деревянные калоши на трех высоких каблуках, бронзовые кувшины и другие, столь же случайные вещи). Но систематического сбирания этнографических коллекций музеем до Октябрьской революции не производилось. Научные интересы его первых сотрудников лежали в области археологии и изучения природных богатств края. Изучение населявших Самарканд и Самаркандскую область народов не было связано с музеем. В его ранних коллекциях не получили отражения, например, работы Гребенкина, изучавшего важный вопрос о ремеслах в Самаркандской области (входившей тогда в Зеравшанский округ). Этнографические коллекции музея в течение этого периода пополнялись главным образом за счет пожертвований со стороны местных богачей и чиновников. Такой любительский характер носила этнографическая работа музея до самой революции. Подбор экспонатов был совершенно случайным, а их количество не превышало двух сотен. После революции положение изменилось далеко не сразу. Несмотря на некоторое оживление музейной работы, выразившееся в значительном увеличении посещаемости музея, его научная и собирательская работа вообще, а тем более в области этнографии еще долго не развертывалась; средств на нее отпускалось крайне мало. Постепенный рост этнографических коллекций все же продолжался. Одним из самых интересных поступлений этого периода была переданная в музей коллекция оружия, отобранного у басмачей. В ней имелись фитильные ружья и пистолеты, оружие типа дубинок и кистеней, а также самодельный пулепет, изготовленный, несомненно, европейцем, может быть, бывшим царским офицером, примкнувшим к басмачам.

Этнографическая работа музея стала развиваться с образованием Узбекской республики, когда в штате музея появляются этнографы — Зарифов, Куртмуллаева, Великощевская, с громадным энтузиазмом работавшие над изучением жизни и быта народов Узбекистана, подбирая коллекции, характеризующие этот быт. Собрание этнографических предметов настолько увеличилось, что возникла необходимость создания специального этнографического фонда. Борьба за культурную революцию в Узбекистане, за раскрепощение женщины привела к организации отдела «Труд и быт женщины Узбекистана». В построенной тогда экспозиции яркими обстановочными сценами, созданными при участии художницы Ковалевской, были показаны отрицательные стороны старого быта, закрепощавшие узбечку и державшие ее в темноте и невежестве. Этим сценам противостояли красочные, сделанные с учетом своеобразия местного быта сцены, изображавшие участие женщины в труде, в колхозной жизни, в школах ликбеза. На особых стенах было показано движение за снятие паранджи и противодействие делу раскрепощения женщины со стороны местных реакционных кругов. Эти годы ознаменовались довольно значительным ростом этнографических коллекций, которые пополнялись не только приобретениями в самом Самарканде, но и привозами специальных экспедиций, охвативших довольно значительную территорию, включавшую Хорезм, Бухару, некоторые города Ферганской долины и ряд районов Самаркандской области. Помимо предметов, отражающих старый быт, внимание этнографов музея привлекала и продукция многочисленных артелей; изучалась не только ассортимент изделий, выполненных в старых традициях, но и образцы недавно освоенных, выполненных новой техникой изделий более высокого качества. Тогда же было начато первое научное описание коллекций и составление коллекционных описей, правда, несколько примитивных, но уже соответствующих требованиям музееведной науки.

Наиболее интенсивно велась этнографическая работа музея в 1935—1938 гг. В 1935 г. были созданы большие этнографические разделы в общей исторической экспозиции музея. Большие сдвиги произошли за этот период в научно-исследовательской и научно-собирательской работе. Накопившиеся в фондах музея многочисленные собрания однородных предметов, чаще всего не паспортизованных, настоятельно требовали их научной обработки и определения, научной классификации. Сделать это при крайне недостаточной изученности материальной культуры народов Средней Азии можно было, только встав на путь научного ее исследования. Самаркандский музей, один из немногих музеев Средней Азии, вступил на этот нелегкий, но неизбежный путь. Результатом многолетней работы в этой области было определение и классификация многочисленных, до того не паспортизованных этнографических поступлений, а также большой полевой материал, использованный впоследствии для написания исследований по истории декоративной вышивки, костюма, ткачества и пр. Коллекции пополнялись теперь параллельно с научно-исследовательской работой. В ре-

зультате Самаркандский музей ныне является обладателем многих собраний, имеющих, можно сказать, всесоюзное значение. Фонды музея возросли во много раз. В них насчитывается пять с половиной тысяч этнографических экспонатов, объединенных в 116 коллекций.

Превращение в 1938 г. Самаркандского музея в областной сузило этнографическую работу, но не прервало ее. Приходится все же отметить, что в этот период значительное сократилось количество приобретений, почти прекратились экспедиции. Особенно вредно отразилось замедление собирательской работы музея на тех разделах, пополнять которые, вследствие перестройки всей жизни народа на новых основах, становится очень трудно, а иногда и невозможно.

Помимо изучения различных отраслей материальной культуры, что составляет основную задачу музеев, Самаркандский музей организовал на договорных началах ряд научно-исследовательских работ, выходящих за сравнительно узкие рамки музейной тематики. Так были написаны исследования в области истории народной архитектуры и пережиточных примитивных форм народной идеологии (анимизм, шаманство). Выводы, сделанные на основе этих исследований, весьма ощутительно сказались на более правильном и глубоком понимании вопросов материальной культуры и нашли свое отражение и в разработке экспозиций, и при научной обработке коллекций.

Наибольший научный и художественный интерес представляет собрание декоративных вышивок — сюзане, которое является одним из самых полных и научно обработанных собраний этого рода в Союзе. Оно состоит из 400 крупных предметов, происходящих из 15 районов. В семи из них работники музея побывали лично. Особенной полнотой отличается собрание вышивок Самарканда, состоящее из 140 экземпляров, на которых прослеживается вся эволюция этого искусства за последние сто лет. Многие из имеющихся в музее вышивок имеют подробный паспорт и точно датируются. Некоторые из них являются именными вещами, выполненными определенными художницами-рисовальщицами и вышивальщицами, — подобных экспонатов не имеет и большинство крупнейших центральных музеев. Образцы вышивок дополняются обширными альбомами узоров, выполненных самими рисовальщицами. Сопровождающие их записи сведений о времени бытования узоров и их употреблении делают эти материалы неоценимым источником для изучения как самих вышивок и их истории, так и общих вопросов народного искусства. В ходе работы по собиранию всех этих материалов была разработана методика работы с рисовальщицами и вышивальщицами. Привлекая их к определению вышивок, их просили выделить из всей коллекции лишь тот тип вышивок, подобные которым имелись в их собственном приданом. При заказывании рисовальщицам узоров им поручали не рисование узоров вообще, а воспроизведение по памяти узоров вышивок из приданого их самих или их дочерей. Таким образом, в созданных ими альбомах были представлены полные комплекты вышивок 1875, 1880, 1895, 1906, 1916 гг. Этот материала заложил прочную основу для периодизации истории декоративной вышивки прошлого и текущего столетий и решения ряда теоретических вопросов. Далеко еще не весь собранный материал исследован и использован.

Изучение костюма, также стоявшее в центре внимания этнографов музея, показало, что почти невозможно приобретение полных комплектов одежды, относящейся к двум первым десятилетиям настоящего века, не говоря уже о веке прошлом. Довольно большое собрание музея, включающее 350 номеров одежды и около 200 номеров головных уборов, состоит преимущественно из отдельных предметов, не объединенных в комплекты при их приобретении. Исключение составляет очень интересная коллекция, включающая полный костюм жениха и невесты 90-х годов прошлого века из Нур-ата. Эта коллекция была подобрана А. К. Писарчик с помощью многочисленных консультанток одновременно с изучением истории журатинского костюма.

Невозможность основываться при изучении истории костюма на комплексах подлинных вещей заставила разработать (как и при изучении истории вышивок) специальную методику, опиравшуюся на составляемые опросным путем подробные реестры приданых у женщин различного возраста. Содержащиеся в этих реестрах описания всего комплекса костюма и украшений, носившихся в точно определенный момент, поставили изучение народного костюма на конкретную почву, давшую возможность проследить всю эволюцию народного костюма.

Изучение текстильных ремесел проводилось в двух направлениях: изучалась техника ткачества (представленная в музее хорошей коллекцией станков, различных орудий труда, образцами материалов и фотографиями, изображающими трудовые процессы) и художественное оформление тканей. Орнаментованные ткани представлены в музее как в одежде, так и в образцах, собиравшихся нередко в местах их производства, в виде маленьких кусочков, выпарывавшихся из лоскутных одеял или скатерей. Не представляя собой особой ценности по отдельности, эти кусочки, собранные в альбомы, которые включают до пятидесяти образцов, становятся ценнейшими источниками для изучения вопроса. В составленных этнографами музея альбомах представлены ткани Хорезма, Бухары, Самарканда, Ургута, Нур-ата. Эти образцы позволили выявить характерные черты продукции каждого района, что послужило основой для определения и датировки среднеазиатских тканей. В области текстиля Самаркандский музей располагает экспонатами, позволяющими показывать почти все виды тканей, производившихся в конце XIX — начале XX в. Набойка представлена образцами набивных тканей, неплохим набором штампов — жолыбов и полным оборудованием мастерской

набоечника. На музейных экспонатах можно показать способ орнаментации тонких прозрачных шелковых платков «калгай», орнаментирующихся по способу батикования, как и производство грубой паласной ткани.

Небольшая коллекция ковров (всего 80) представляет значительную научную ценность; все ковры определила и описала В. Г. Мошкова. Ценным является наличие в этой коллекции нескольких ковров из Бешира, обычно плохо представленных в музейных собраниях. Среди них имеется уникальный ковер, относимый В. Г. Мошковой к концу XVIII в. Невелико и собрание керамики, включающее 250 предметов. Однако в нем представлены образцы художественной керамики почти всех районов Узбекистана и северного Таджикистана. Эта коллекция также прошла научную обработку, для чего привлекались инженер-керамист Рахимов и мастера-гончары. В результате этой работы А. К. Писарчик составила сводку всех собранных материалов.

Тяжелые годы войны почти приостановили этнографическую работу музея. Однако и в эти годы, несмотря на недостаток средств, иногда удавалось приобрести новые интересные экспонаты. Пополнилась несколькими новыми образцами коллекция вышивок, были приобретены оборудование мастерской ювелира, инструментарий резчика по дереву и т. п.

Превращение Самаркандского музея в Музей культуры узбекского народа открыло перед этнографической работой широкие перспективы. Музей, обладающий уже такими цennыми в научном отношении собраниями, должен принять все меры для дальнейшего пополнения в первую очередь тех коллекций, которые имеют наибольшее, всесоюзное значение, проести выезды и экспедиции в необследованные еще районы, выявить имеющихся там мастеров и мастериц, собрать образцы их произведений и изучить их творчество. Необходимо пополнить альбомы рисунков рисовальщиц, образцов тканей, коллекций вышивок, одежды, орудий труда.

Наряду с собиранием и изучением памятников прошлого, внимание этнографов музея должны привлекать и своеобразные современные изделия в национальном стиле. Такой характер носит нередко продукция промысловых артелей, вырабатывающих традиционный, соответствующий вкусам местного населения ассортимент. Этнографы Музея культуры узбекского народа не могут пройти мимо высокохудожественных многоцветных атласов, орнаментированных старинным способом резервации основы, которые получили такое широкое распространение и такое развитие именно в наши дни. Атлас и другие ткани такого рода прочно вошли не только в производство артелей, но и в ассортимент текстильных фабрик Узбекистана. К их производству привлекаются местные мастера, владеющие искусством их изготовления, сохраняющие старинные национальные традиции орнаментации тканей этим сложным, трудоемким, но дающим своеобразный эффект способом. Широкий спрос на такие ткани, длительная мода на них служат стимулом к созданию новых узоров и расцветок. Выполненные этой техникой современные ткани в лучших своих образцах представляют шаг вперед по сравнению с дореволюционными тканями этого же рода. Между тем образцы таких тканей современного производства обычно не представлены в музейных собраниях; нет их и в Самаркандском музее. Создать такие коллекции необходимо.

Не менее интересно современное производство вышитых тюбетеек, являющееся в наши дни одной из наиболее развитых отраслей народного искусства. Эта отрасль никогда не видела такого расцвета, какой она переживает сейчас. Современные тюбетейки много лучше, богаче и разнообразнее старинных. Насколько сам народ ценит хорошую тюбетейку, показывает их высокая стоимость: за особо изысканную тонкой работы тюбетейку платят до тысячи рублей; такой тюбетейкой гордятся, как ценным произведением искусства.

Почетнейшая и важнейшая задача, стоящая перед этнографами Самарканда, заключается в превращении его в сокровищницу памятников национальной культуры, откуда могли бы черпать необходимые материалы и создатели музейных экспозиций, и режиссеры театров, и исследователи, изучающие историю и историю культуры Узбекистана. Лучшая услуга, которую этнографы музея могут оказать своей родине, состоит в любовном собирании, изучении и показе возможно большего количества памятников высокой культуры народов Узбекистана.

О. А. Сухарева

НОВЫЕ ПЕЩЕРНЫЕ СТОЯНКИ ЭПОХИ ПАЛЕОЛИТА В УЗБЕКИСТАНЕ

До недавнего времени древний палеолит на территории СССР был представлен материалом Абхазии, нижним слоем пещеры Кийик-Коба. В последнее время в 1946 г. у села Лука Брублевецкая, Каменец-Подольского района, Подольской области, П. И. Борисковским и С. Н. Бибиковым были обнаружены кремни ашельского облика¹. В этом же году на левом берегу Днестра у села Выхваницы, Рыбинского района, Молдавской ССР, в гроте, раскопанном Г. П. Сергеевым, были обнаружены камен-

¹ П. И. Борисковский. К вопросу о периодизации палеолитических памятников Поднестровья. «Вестник Ленинградского университета», 1948, № 2, стр. 88—89.

ные орудия домусьеरского времени, сопровождаемые фауной: слоном трогонтерием, северным оленем. Наконец, в настоящее время домусьеरские культурные остатки были открыты в селе Круглик, на правом берегу Днепра, недалеко от Запорожья (исследования В. Н. Даниленко)² и в Армении (исследования С. Н. Замятнина и М. З. Паничкиной).

В Узбекистане до недавнего времени палеолит был совершенно неизвестен. В 1938 г. А. П. Окладниковым была впервые открыта замечательная пещерная мустерская стоянка в Байсунском районе, близ Термеза³. До сих пор эта стоянка оставалась единственной в Узбекистане.

Весной 1947 г. экспедиции Узбекского государственного университета, работавшей под руководством автора этих строк, удалось открыть новую палеолитическую пещерную стоянку с останками древнего человека. Открытая стоянка расположена в 45 км к югу от Самарканда, в склонах гор живописного Аман-Кутана, в 2 км от небольшого кишлака того же названия. Эта пещера расположена на значительной высоте — около 1450 м над уровнем моря. Пещеру окружают горные массивы Кырк-тау с востока и горный хребет Кара-тепе с запада. В 2 км от пещеры находится горный перевал Тахта-Карача. Пещера находится в зоне разрушения горных пород горного массива Кырк-тау — в долине прорыва этого горного хребта. Ширина у входа пещеры — около 1,50 м; высота — 0,90 м⁴. Этот узкий вход продолжается на расстоянии 7,20 м, а затем открывается помещение-камера длиной в 2,62 м, шириной в 2,52 м, высотой в средний рост человека. В конце этой камеры прослеживается в потолке пещеры карстовое отверстие, ведущее кверху. Западная стена камеры сплошь покрыта очень плотным слоем сталагмитов. Здесь же, в западной стене, имеется карстовая щель, ведущая в небольшую галлерею. Пол у западной стены также покрыт сталагмитами.

При первом же осмотре пещеры нами были обнаружены мелкие обломки костей животных, намеренно расколотых человеком, угольки. Заложенный небольшой разведочный шурф у восточной стены пещеры, доведенный до глубины 0,75 м, показал, что культурный слой насыщен расколотыми костями диких животных, угольками; здесь же были обнаружены каменные орудия из кварца.

Вернувшись в пещеру после некоторого перерыва, мы увидели, что сталагмиты у западной стены камеры разбиты. В этих глыбах оказались кости животных и человека. В особенности интересен фрагмент бедренной кости, состоящий из головки, шейки и верхнего конца тела кости, включенный в очень твердую породу. Эта кость была впервые определена как человеческая профессором Самаркандинского медицинского института Б. С. Туркевичем. Однако, по мнению антрополога-морфолога М. А. Шнейдера, специально занимающегося бедренными костями человека, во фрагменте бедренной кости из Аман-Кутанской пещеры усматриваются функции локомоции больше статического порядка, чем динамического, что говорит о его более близком родстве с питекантропом, чем с неандертальцем.

Естественно, что нами приведены самые предварительные данные. Кости человека из Аман-Кутана будут тщательно изучаться после их очистки специалистом-антропологом.

В сталагмитах и под ними были также обнаружены каменные орудия: два отщепа из диорита с хорошо выраженным ударными бугорками и широкими площадками и ряд других изделий из кварца и из известняка. Вещи эти очень архаического облика, массивные и грубые, без ретуши. Кроме того здесь же обнаружены следы первобытного костра в виде угольков и камней, покрытых копотью. Таким образом, в пещере найдено: 12 каменных изделий, кости человека, 900 костей животных, угли, камни, покрытые древней копотью.

Очень интересен состав фауны из Аман-Кутанской пещеры. Он весьма, близок фауне, найденной в пещере Тешик-Таш. По предварительному определению В. И. Громовой мы можем дать следующий список видов млекопитающих из Аман-Кутанской пещеры: 1) лошадь (*Equus S.*); 2) олень (*Cervus elaphus*); 3) дикий козел (*Capra sibirica*); 4) гиена (вероятно, пещерная); 5) медведь (вероятно, обыкновенный); 6) дикообраз (*Hystrix Sp.*); 7) сурук (*Martes Sp.*); 8) пищуха (*ochotonota Sp.*); возможно, еще лисица и другие хищники.

Сравним с тем, что найдено А. П. Окладниковым в пещере Тешик-Таш. Всего им обнаружено 667 костей, из них костей сибирского козла — 649, лошади — два зуба, кабана — две кости, леопарда — одна кость, сурка — семь костей, пищухи — одна кость, птицы — пять костей. Как видно из приведенного перечня, мы имеем здесь почти такой же состав фауны, как и в Аман-Кутане.

Исследование Аман-Кутанской пещеры далеко еще не завершено, не все найденные здесь материалы изучены, не исследована площадка у входа, не расчищены сталагмитовые глыбы с остатками в них костей. Однако и на основании изученного материала мы можем сделать некоторые выводы о древности Аман-Кутанской пе-

² Устное сообщение В. Н. Даниленко.

³ А. П. Окладников, Неандертальский человек и следы его культуры в Средней Азии, «Советская археология», 1940, № 6.

⁴ В настоящее время вход расчищается от заваливших его камней.—Д. Л.

шерной стоянки. Об этом достаточно говорит каменный инвентарь орудий и фауна, близкая к Тешик-Таш.

В районе пещеры кремня нет, поэтому первобытный человек пользовался другими минералами для изготовления своих орудий. Орудия из Аман-Кутанской пещеры очень примитивны; они массивны, неправильных очертаний. Найденные здесь дисковидные ядрища грубы, угловаты и похожи даже не на настоящие дисковидные нуклеусы, а скорее всего на дисковидные куски камня. Каменные орудия изготавливались здесь еще не настоящей мустырской техникой — скальванием отщепов от дисковидных ядрищ, а более примитивной техникой — «дроблением» желваков. Найденные нами отщепы из кварца и яшмы получены именно в результате дробления желвака. П. П. Ефименко, ссылаясь на работу Капитана, пишет по этому поводу следующее: «Капитан, давший обстоятельное описание кремневых изделий, происходящих из нижнего слоя микок, указывает для них ряд весьма характерных признаков. Прежде всего заслуживает внимания самый способ изготовления отщепов в эту эпоху: не скальванием, как это обычно практикуется в палеолитической технике, а дроблением желваков кремня, которые разбивались резкими, сильными, случайно направленными ударами... Приходится думать,— продолжает П. П. Ефименко,— что подобная техника «дробления», примененная не к кремню, а к другой породе камня, напр., к кварцу или даже к кварциту, должна бы дать изготовленным таким способом грубым отщепам полное сходство с эзилитоподобными орудиями, встреченными при остатках синантропа»⁵. Из этого явствует, что орудия синантропа очень близки орудиям из Аман-Кутана. Подобного рода памятники относятся к домустьерскому периоду или по геологической схеме к концу Миндель-Рисского межледникового. Следовательно, найденные в Аман-Кутанской пещере останки древнее неандертальского или мустырского человека.

Аман-Кутанский человек охотился, главным образом, на кника (горного козла), раздробленные кости которого были обнаружены в большом количестве в нашей пещере, затем, на оленя, зубы и расколотые кости которого также найдены нами. Кроме того, в Аман-Кутане найдены два зуба дикой лошади. Из других хищников в Аман-Кутанской пещере были найдены кости медведя и гиены. Трудно ответить на вопрос, каким образом охотились древние аман-кутанские люди на медведя. Например, некоторые авторы полагают, что первобытные охотники скатывали сверху большие каменные глыбы на медведя в то время, когда он выходил из пещеры. Такое же явление могло иметь место и в Аман-Кутане. В пещере обитала некоторое время и гиена, об этом свидетельствуют следы острых и крепких зубов, оставленные этим хищником на костях животных в виде зарубок.

Первобытные люди из Аман-Кутана знали и огонь, о чем свидетельствуют остатки от очага — камни со следами копоти на них, угольки, жженная кость.

Аман-Кутанская пещера, судя по всем данным, является наиболее древней в Узбекистане. Орудия, найденные в Тешик-Ташской пещере, более совершенны: там представлены и настоящие дисковидные нуклеусы, остроконечники, скребла. Что же касается найденного здесь рубила, то известно, что во многих позднемустырских стоянках подобные орудия продолжают бытовать наряду с орудиями последующего времени. Это отмечает и А. П. Окладников. «Перед нами,— пишет он,— следовательно, «пережиточные типы древнего двустороннеостесанного ручного рубила»⁶. Итак, если Тешик-Ташская пещера относится к мустырскому времени, то Аман-Кутанская датируется домустьерским временем.

В 1948 г. автором этих строк были обнаружены, кроме того, еще две пещеры за перевалом Тахта-Карача в кишлаке Саук-Булак. Пещера № 1 расположена в горах Кырк-Кыз, примерно в 800 м от упомянутого выше кишлака. Она находится высоко в горах, в труднодоступном месте. Пещера карстовая, в мраморизованных известняках и напоминает собой Аман-Кутанскую. Пол пещеры состоит из лессовидного суглинка, на поверхности пола встречаются мелкие раздробленные кости диких животных. В заложенном небольшом шурфикае, примерно на глубине 20 см, был обнаружен культурный слой, состоящий из раздробленных костей диких животных, зубов дикой лошади, горного козла, оленя, сопровождаемых угольками и двумя каменными орудиями из известняка. Одно из этих орудий — в виде диска, найденного в Аман-Кутане, другое похоже на отщеп, но без бугорка и площадки. Повидимому, и здесь применялась домустьерская техника — дробление камня.

Пещера № 2 расположена к западу от пещеры № 1, у подножья обрыва, в расширенной тектонической трещине; разработана карстовым процессом; имеются следы известкового туфа; создается впечатление обвала потолка, вследствие чего задняя часть пещеры приподнята над входом. Стены носят следы копоти, но следов костра не обнаружено. В заложенном небольшом шурфикае, в красноватом суглинке были обнаружены раздробленные кости животных, трубчатые кости и зубы лошади.

В 1948 г. археологическая экспедиция Узбекского гос. университета имени Алишера Навои продолжила исследование этих пещер.

Д. Лев

⁵ П. П. Ефименко, Первобытное общество, 1938, стр. 203.

⁶ А. П. Окладников, Указ. раб., стр. 30.

PERSONALIA

Л. А. ДИНЦЕС

(Некролог)

Тяжелая утрата постигла славистов — этнографов и искусствоведов в истекшем году: 31 августа 1948 г. после продолжительной и тяжелой болезни в расцвете своих творческих сил скончался Лев Адольфович Динцес, крупнейший специалист по русскому народному искусству и искусству восточных славян в целом.

Л. А. Динцес родился в 1895 г. в семье врача. Историческое образование он получил на экономическом факультете Киевского коммерческого института, где специализировался по экономической истории России. Окончив его, Лев Адольфович сразу же поступил в Киевский археологический институт, при котором по окончании курса в 1920 г. был оставлен для научной работы. Уже в 1923—1924 гг. он вел курс по трипольской культуре и практические занятия по раннеметаллической поре на Украине. К этому времени относится первое большое исследование Льва Адольфовича «Трипольская культура и ее орнамент», над которым он работал около семи лет, начав его еще в студенческие годы; здесь Лев Адольфович по-новому поставил вопрос о хронологии и классификации памятников Триполья на территории Украины.

Уже на студенческой скамье Л. А. Динцес интересовался искусством; он хорошо знал памятники искусства различных эпох и территорий, имел острый глаз искусствоведа и до тонкости знал особенности каждого стиля и направления. Поэтому, переехав в конце 1924 г. в Ленинград, он был приглашен в качестве сотрудника Государственного музеяного фонда, где работал с начала 1925 по 1928 г.

Работая в пригородных дворцах-музеях (так, им сделана экспозиция фермерского дворца в Александрии), Л. А. Динцес занялся широким исследованием позднего строительства Петергофа и изучил материалы по русской псевдоготике, проследив элементы этого стиля до последних десятилетий XIX в. В работе «Старая Александрия» Лев Адольфович устанавливает между прочим ряд имен русских мастеров и уже тогда проявляет интерес к русской народной резьбе.

В эти же годы Лев Адольфович состоял научным сотрудником Эгейской комиссии Гос. Академии истории материальной культуры, а с 1928 по 1930 г. прошел и окончил в ГАИМК аспирантуру по истории материальной культуры родового общества. Это был первый набор аспирантов; в аспирантуру пришли люди хотя и молодые, но со сложившимися уже интересами и с большими требованиями к науке и ученым. Старые специалисты косо смотрели на одаренную, бунтарки настроенную молодежь. «Улица пришла в академию», вспоминается ходячее выражение тех боевых дней. Это была пора становления археологии на новые, советские рельсы — в горячих спорах, в бесконечных дискуссиях рождалась советская наука, советская археология. И немалую роль в этом процессе рождения нового сыграл в числе прочих и Л. А. Динцес.

Ряд старых ученых противился публикации работ молодых археологов и не пропускал их в официальные органы Академии. Чтобы издать свои исследования, аспиранты около года отчисляли ежемесячно средства из своей стипендии и, при содействии председателя ГАИМК Н. Я. Марра и ученого секретаря И. И. Мещанинова, напечатали 1-й сборник аспирантов ГАИМК. Так увидела свет первая печатная работа Л. А. Динцеса, посвященная развитию спирального орнамента на трипольской керамике.

Принимая активное участие в работах Комиссии по социологии искусства и искусствоведению ГАИМК, Л. А. Динцес постоянно выступал на систематических открытых «средах», привлекавших многих интересующихся историей материальной культуры и, в частности, изобразительным искусством. Вспоминается один яркий доклад Л. А. Динцеса о статуэтке работы гжельского мастера Храпунова, изображающей монаха с вязанкой соломы, в которой спрятана женщина; этот сюжет был преследжен докладчиком в глубь веков, и им были сделаны интересные выводы социологического порядка.

По окончании аспирантуры Л. А. Динцес был направлен в Гос. Русский музей, где развернул кипучую деятельность, работая в музее до июня 1942 г. В 1937 г. он

организовал здесь Отдел народных художественных ремесел (ныне — Отдел народного искусства), заведующим которого и состоял вплоть до эвакуации из Ленинграда в 1942 г.

В первые годы деятельности Л. А. Динцеса в Гос. Русском музее научные интересы его касались разных областей русского искусства. Он работал в Отделе прикладного искусства, в секции рисунка и Отделе живописи. В каждом из названных отделов Лев Адольфович оставил след своей научной и экспозиционной работы; в Отделе прикладного искусства его деятельность была связана с энергичным собиранием коллекций.

В выставке 1932 г. «Искусство и война»¹ впервые выявилась вся блестящая изобретательность Льва Адольфовича в экспозиционной работе: совмещение различных материалов, построения макетного характера и плоскостные решения раскрыли его способности в этой области. Выставки произведений Перова, Серова, Репина показали метод, применяемый Львом Адольфовичем в экспозиционной работе. Каждая экспозиция рассматривалась им как этап изучения данного вопроса. Основная идея выставки всегда решалась прежде всего; в основу брался принцип ясности и доходчивости, при талантливом разрешении отдельных экспозиционных проблем.

Памятью о нем в связи с этой огромной экспозиционной работой является ряд печатных трудов, имеющих большое популяризаторское значение; в них ярко и убедительно давался итог всей проделанной в результате экспозиции исследовательской работы. Назовем каталоги выставок Репина и Серова, а также брошюры обзорного характера: «Герои Гоголя в изобразительном искусстве» и «Перов». Первая из этих работ сделана в результате большой выставки, носившей то же название, и выполнена совместно с П. Е. Корниловым; Л. А. Динцесом освещен первый период иллюстрирования произведений Гоголя; вторая — «Перов» — лаконично и ясно дает разбор творческого пути художника.

Интересна статья Л. А. Динцеса «Портрет М. Горького работы Серова», анализирующая творческий метод Серова; в то же время самый образ, данный художником, психологически раскрывается через анализ раннего периода творчества Горького; здесь впервые дан новый и оригинальный разбор данного портрета. К этому же времени относятся статья Льва Адольфовича «Серов и 1905 год» и «Рисунки В. Серова на басни И. А. Крылова».

Увлекательна монография Л. А. Динцеса о картине Репина «Запорожцы»; в ней собрано много материалов: первоисточники, интересовавшие Репина, касающиеся не только бытовых аксессуаров, но и всех изображенных в ней лиц, послуживших моделью художнику; установлены связи Репина с кругами украинской интеллигенции, что особенно ценно, так как о них художник ничего не говорит в своих воспоминаниях; сделан анализ и определено место этой темы в творчестве художника.

Много труда вложил Лев Адольфович в издание «Неопубликованные карикатуры «Гудка» и «Искры» 1861—1862 гг.» — альбом карикатур, запрещенных цензурой, впервые публикуемых и анализируемых. Он проделал здесь большую работу по раскрытию смыслового содержания этих рисунков, представлявшему значительную трудность в связи с его зашифровкой по цензурным условиям того времени.

С 1934 г. научные интересы Л. А. Динцеса соордоточиваются преимущественно на изучении народного искусства; соединение двух специальностей — археолога и историка искусства — и знание этнографии и фольклора дают ему возможность поставить ряд чрезвычайно интересных вопросов, связанных с истоками и развитием народного искусства. Вышедшая в свет в 1936 г. книга «Русская глиняная игрушка» является классической монографией, широко ставящей проблему народного искусства восточных славян. Путем аналогий, основанных на археологических материалах, автор делает ряд интереснейших выводов, касающихся обоснования происхождения древнейших типов народной скульптуры, привлекая для доказательства своих положений источники древней письменности, большой этнографический и фольклорный материал. Эта работа вместе с последующими создала стройную систему изучения развития русского народного искусства в его исторической закономерности и взаимодействиях.

С особенной горячностью относился Л. А. Динцес к своей работе в Отделе народного искусства. Он организовал здесь планомерную экспедиционную работу, результатом которой явились две отчетные выставки «Народные художественные ремесла Ленинградской области», устроенные в Гос. Русском музее в 1937 и 1938 гг., и статья с тем же названием, написанная совместно с К. А. Большевой. В этой статье дается картина исторического развития народного искусства на обширной территории, входившей в состав земель древнего Новгорода.

Наиболее крупным исследованием, основанным на изучении экспедиционного материала, явился труд «Крестецко-валдайская строчка в ее прошлом и настоящем». Здесь, с привлечением летописных источников и фольклорных материалов, Л. А. Динцес раскрывает ход развития строчевого промысла, связывая развитие его с основными этапами развития народного искусства.

¹ Облегченный вариант выставки «Искусство и война» был устроен Л. А. Динцесом совместно с С. Г. Лисенковым в 1935 г. в Парке культуры и отдыха на материалах Гос. Русского музея и Гос. Эрмитажа; выставку эту посетило огромное число людей.

Одновременно с занятиями в Гос. Русском музее Лев Адольфович выполнял отдельные научные работы в Институте истории материальной культуры и Институте этнографии Академии Наук СССР. Так, в 1939—1940 гг. им написаны две главы по русскому народному искусству для издания ИИМК «История культуры древней Руси». Эта работа, охватывающая огромный круг разнообразных источников, благодаря глубокой эрудиции и широкому кругозору автора, является первой историей русского народного искусства, осмысленной с позиций научного материализма. Раскрытие впервые Л. А. Динцесом исторической последовательности стилистических изменений народного искусства является громадной заслугой его перед советской наукой.

В статье «Историческая общность русского и украинского народного искусства», написанной для «Советской этнографии» в 1941 г., Л. А. Динцес на широком материале доказывает общность содержания и формы русского и украинского народного искусства, имеющего общий источник; он опровергает здесь польского исследователя Гравесского, который, приводя типичные украинские и белорусские предметы в качестве «шляхетских» образцов, видит начало этого якобы «польского» декоративного искусства в скрещивании культур Запада и Востока, причем под последним разумеет Турцию, Иран и даже Китай.

В начале июня 1941 г. Л. А. Динцес блестяще защищает диссертацию во Все-российской академии художеств на тему «Народный промысел крестько-валдайской художественной строчки» и получаетченную степень кандидата искусствоведческих наук.

Весной 1942 г. Л. А. перешел на работу в ИИМК и совершенно больным в июле того же года был эвакуирован в Елабугу. Здесь он написал ценное историко-краеведческое исследование «Старая Елабуга», основанное на совершенно свежем и оригинальном материале. Часть этого исследования-монографии посвящена И. И. Шишкину, крупнейшему русскому пейзажисту, уроженцу Елабуги; отдельная глава отведена истории исследований Чортова городища и характеристике его памятников. Кроме того, Л. А. Динцес написана и дважды доложена на заседаниях ИИМК (в Елабуге и Ленинграде) любопытная работа: «Медная бляха из Чортова Елабужского городища»; в ней, исходя из изображенного на бляхе кентавра-китовраса, автор показывает верование и представления той эпохи, рассматривая бляху в связи с обществом, среди которого она бытowała.

Наряду с этим Лев Адольфович продолжает и в Елабуге работать над своей любимой тематикой, результатом чего является исследование «Иранские мотивы в русском народном искусстве», из которого впоследствии напечатана часть применительно к Новгородскому краю. Здесь Л. А. Динцес убедительно показывает самостоятельное творческое толкование восточных мотивов в памятниках русского народного искусства.

Осенью 1944 г. Лев Адольфович возвращается в Ленинград, и тут начинается короткий (2½ года), но яркий период его педагогической работы на только что организованном Отделении истории искусства Исторического факультета ЛГУ. За это время (учебные годы 1944/45, 1945/46 и 1 семестр 1946/47 г.) он читает основные курсы — по русскому народному искусству, по украинскому искусству, по прикладному искусству в России XVIII—XIX вв., спецкурс по Репину, ведет спецсеминар по русскому фарфору и мебели, затем курс музееведения, проводит в стенах Эрмитажа и Русского музея годичную музейную практику со студентами — историками и искусствоведами, выступает с рядом докладов. В порядке 5-летнего плана он начинает работу над докторской диссертацией «История русского народного искусства», которую он намечал закончить в объеме 15 печ. листов в декабре 1948 г. с тем, чтобы защищать ее в 1950 г.

Ухудшение здоровья заставило Льва Адольфовича в середине 1946/47 учебного года оставить работу в университете, где отсутствие этого талантливого историка-искусствоведа ощущается до сих пор.

В послевоенные годы Л. А. Динцес занимается исключительно проблемами народного искусства. Являясь сотрудником сектора Древней Руси ИИМК, он включается в коллективную работу сектора над плановым изданием «Истории культуры древней Руси», принимая ближайшее участие во всех разделах, касающихся искусства. Он перерабатывает свои главы, написанные для этого издания перед войной, читает доклады по разрабатываемым им темам; товарищи вспоминают всегда содержательные выступления Льва Адольфовича в прениях по общим историко-культурным вопросам древней Руси, зовущие на новые творческие пути. Особо должна быть отмечена появившаяся в это время статья Л. А. Динцеса, представляющая его научное credo: «Изучение русского народного искусства и наследие Н. Я. Марра». Прослеживая изобразительное образо-творчество в историческом аспекте, автор доказывает, что метод анализа народного искусства должен быть близок марровскому методу — палеонтологии, стадийности и семантики. Новое учение о языке и мышлении дает Льву Адольфовичу возможность широко обосновать самобытность сложения национальной культуры и вместе с тем, как производное единого процесса творчества, сближать ее с культурами других народов на базе соответствия стадий развития этих культур и их социально-экономических основ. Таким образом, при использовании научного наследия Н. Я. Марра наука о происхождении и развитии искусства приобретает у Л. А. Динцеса четкость и историческую перспективу.

Уже в первой своей работе по народному искусству («Русская глиняная игрушка»)

Л. А. Динцес уделил внимание этническим связям и вопросам увязки восточнославянского археологического материала с этнографическим. В дальнейших работах он также рассматривает искусство не изолированно, а в связи с окружающей его средой, с «верованиями эпохи», прослеживает его глубокие корни и пережитки. На материале искусства всех веков он ищет связи между искусством и обществом, показывая искусство на фоне общественного развития.

Эта тесная увязка с этнографией полевых и кабинетных изысканий Льва Адольфовича, выходящих далеко за пределы чисто искусствоведческих работ, и явилась причиной перехода его, по предложению Института этнографии, на работу в этот институт в июне 1946 г.

В Институте этнографии Л. А. Динцес сразу же принял участие в работах Закарпатской комплексной экспедиции (в составе ее этнографического отряда) в течение июля — августа 1946 г. С исключительной энергией и энтузиазмом занимался он не только сбором исследовательского материала, но и приобретением коллекций по народному изобразительному искусству для Музея антропологии и этнографии Академии Наук СССР. Собранный Львом Адольфовичем материал позволил ему осветить некоторые вопросы древних связей населения Закарпатья. Результатом поездки явился ряд докладов, прочитанных в течение 1946—1947 гг. на научных заседаниях и сессиях Института этнографии и Всесоюзного географического общества о народном искусстве Закарпатской области, и несколько статей на эту же тему.

Наряду с обработкой экспедиционных материалов в течение 1947 г. Л. А. Динцес заканчивал работы, начатые им еще в ИИМК и Русском музее. Так, им совершенно переработано и дополнено новыми киевскими и закарпатскими материалами исследование «Дохристианские храмы Руси в свете памятников народного искусства». Здесь автор уточняет понятия капища, требища и храма и устанавливает преемственность деревянного христианского зодчества от древних языческих культовых сооружений. Цепь доказательств, обоснованных изображениями этих сооружений на памятниках народного искусства, свидетельствами средневековых писателей и сохранившимися деревянными церковными постройками, чрезвычайно убедительна, а метод — новый и своеобразный. Переработана также статья «Образ змееборца в русском народном искусстве» — тема, впервые опубликованная им в начальном варианте еще в 1941 г. Обе эти работы были доложены автором на научных собраниях Ин-та этнографии, Ин-та истории материальной культуры и Гос. Русского музея.

Последней законченной работой Л. А. Динцеса явился интересный этюд «Новгородский резчик по дереву Ив. Ив. Палицын», где показана творческая деятельность зверски замученного фашистами 70-летнего резчика-колхозника, со своеобразным талантом которого Лев Адольфович впервые познакомился в экспедиции 1937 г. По плану 1947—1948 гг. дирекцией Института этнографии было поручено Л. А. Динцесу написать раздел «Народное искусство восточных славян» для выполняемой Институтом двухтомной монографии «Восточные славяне». В течение 1947 г. Лев Адольфович работал над первыми главами этого раздела. Но с конца 1947 г. началось резкое ухудшение его здоровья, а в течение 1948 г. он фактически уже работать почти не мог и 31 августа его не стало.

Все, что сделано Л. А. Динцесом в области народного искусства, сохранит о нем долгую память. Его метод изучения народного искусства поучителен для всех работающих в данной области, а написанные им исследования должны составить неотъемлемую часть марксистской истории русского народного искусства. В советском искусствоведении Л. А. Динцес оставил серьезный и глубокий след. Ценнейший товарищ в больших коллективных начинаниях, Лев Адольфович побуждал каждого члена коллектива раскрывать свои возможности до конца. Всегда готовый помочь товарищу по работе своими знаниями и советом, готовый в любой обстановке и в любое время вести разговор на научную тему, он никогда не подавлял своей эрудицией и исключительно умел направлять творческую мысль младших товарищей. Многогранность его натуры, талантливость и сила его научного темперамента, постоянная жизнерадостность, связанные с большим обаянием, навсегда останутся в памяти всех, лично знавших так рано ушедшего от нас Льва Адольфовича Динцеса.

Е. Бломквист
М. Каменская
В. Фалеева

Список работ Л. А. Динцеса

I. Печатные работы

1. Прочерченный трипольский орнамент культуры А. Гос. Акад. ист. матер. культуры. Бюро по делам аспирантов, Сб. I, Л., 1929, стр. 15—26, 39 фиг.
2. Неолитическая стоянка в Токсово, Изд. Лен. об-ва краеведения, Л., 1929, стр. 8.
3. В. Г. Перов. Жизнь и творчество. Изд. Гос. Русского музея. Л., 1935, стр. 75, 14 или.
4. В. А. Серов — вступительная статья и руководство составлением каталога, Л., 1935 (два издания), стр. 88, 23 табл.

5. Портрет М. Горького работы Серова. Сб. «М. Горький». Ин-т русской литературы Акад. Наук СССР, т. II, Л.—М., 1936, стр. 461—467, 4 табл.
6. Герои Гоголя в изобразительном искусстве, ч. I. Дореволюционная иллюстрация. 1-е изд., Л., 1936; 2-е испр. изд., Л., 1937, стр. 36, 44 рис.
7. Комментарии к иллюстрациям Гоголя. Сб. «Н. В. Гоголь». Ин-т русской литературы Акад. Наук СССР, т. II, Л.—М., 1936, стр. 592—596.
8. Русская глиняная игрушка. Труды Ин-та этнографии Академии Наук СССР, т. XII, вып. 2, Л., 1936, стр. 110 + 30 табл.
9. Выставка произведений И. Е. Репина (краткий указатель). Изд. Гос. Русского музея, Л., 1937, стр. 9.
10. Неопубликованные карикатуры «Гудка» и «Искры» 1861—1862 гг. «Искусство», М., 1939, стр. 94, 40 илл.
11. Народные художественные ремесла Ленинградской области (совместно с К. Большевой). «Советская этнография», II, 1939, стр. 104—148, 33 илл.
12. Из собрания Отдела народных художественных ремесел. Сообщения Гос. Русского музея, I, Л., 1941.
13. Историческая общность русского и украинского народного искусства, «Советская этнография», V, 1941, стр. 21—58, 29 рис.
14. Изучение русского народного искусства и наследие Н. Я. Марра, «Краткие сообщения ИИМК», XII, 1946, стр. 141—152.
15. Восточные мотивы в народном искусстве Новгородского края, «Советская этнография», 1946, № 3, стр. 93—112, 19 рис.
16. Мотив московского герба в народном искусстве. Сообщения Гос. Русского музея, II, Л., 1947, стр. 30—33, 2 рис.
17. Дохристианские храмы Руси в свете памятников народного искусства, «Советская этнография», 1947, № 2, стр. 67—94, 30 рис.
18. Изображение змееборца в русском народном шитье, «Советская этнография», 1948, № 4, стр. 36—53, 17 рис.

II. Рукописи

1. Трипольская культура и ее орнамент. 7 авт. л., 1919—1926. Напечатана одна глава (см. выше № 1 печатных работ). Архив автора.
2. Старая Александрия (в Петергофе). История, архитектура, внутреннее убранство. 7 авт. л., 46 илл., 1929. Приобретена Петергофским дворцом-музеем. Один экземпляр имеется в архиве автора.
3. Серов и 1905 г. 1/2 авт. л., 1935. Архив автора.
4. Рисунки В. Серова на басни И. А. Крылова. 1/2 авт. л., 1936. Архив автора.
5. Новое изображение первой постановки «Ревизора» (1836—1936). 3/4 авт. л., 1936. Архив автора.
6. «Запорожцы» И. Е. Репина. 2 авт. л., 1939, 55 илл. Принята к печати Всероссийской академией художеств. Главным управлением учебных заведений Комитета по делам искусств при СНК СССР рекомендована в качестве учебного пособия для учащихся художественных школ. Напечатана перед самой войной в Серии альбомов «Работа художника над картиной» (изд-во «Искусство») в виде макета в 3-х экземплярах; один из них хранится в Гос. Русском музее. Набор рассыпан (после 3-й корректуры) в начале июля 1941 г.
7. Один из тринадцати. К 75-летию со дня смерти М. И. Пескова (1864—1939). 1 авт. л., 8 илл., 1938. Архив автора; там же сохранились гранки этого очерка.
8. Крестецко-валдайская строчка в ее прошлом и настоящем. 7 авт. л., 1939. Приобретена Московским научно-исследовательским институтом художественной промышленности.
9. Народный промысел крестецко-валдайской художественной строчки в Ленинградской области. 5½ авт. л., 54 фот., 1939 (кандидатская диссертация, хранится в Научно-библиографическом архиве Академии художеств СССР). Один экземпляр, без иллюстраций имеется в архиве автора.
10. Русское народное искусство до середины XIII в. Глава для II тома «Истории культуры древней Руси». 1½ авт. л. Первоначальная редакция — 1939 г. Окончательная редакция — 1946. Принята к печати в Институте истории материальной культуры им. Н. Я. Марра.
11. Русское народное искусство середины XIII — середины XV вв. Глава для IV тома «Истории культуры древней Руси». 1 авт. л. Первоначальная редакция — 1940 г. Окончательная редакция — 1946. Принята к печати там же.
12. Народное искусство русской Прибалтики. Около 3 авт. л., 1942—1943. Незаконченная работа — доведена до XVIII столетия. Архив автора.
13. Старая Елабуга — история города (Елабуга в конце XVIII и в XIX в.). 6 авт. л., 1942—1944. Архив автора.
14. Елабуга — родина И. И. Шишкина. 2 авт. л., 8 илл., 1944. Частично является извлечением из монографии «Старая Елабуга». Принята для напечатания в «Сборнике памяти И. И. Иоффе» (Ученые записки ЛГУ по отделению истории искусств).
15. Медная бляха из Чортова Елабужского городища. 2 авт. л., 1944. Архив автора.
16. Задачи изучения народного искусства Закарпатской области, 1947, в трех вари-

антах; 1) полный текст — 2 авт. л.; 2) автореферат — 3/4 авт. л.; 3) резюме — 1/2 авт. л. (Сдано для напечатания в «Кратких сообщениях» Ин-та этнографии).

17. Основные черты народного искусства Закарпатской области. 3 авт. л., 1947. Принята для напечатания в Сборнике Музея антропологии и этнографии при Институте этнографии АН СССР им. Н. Н. Миклухо-Маклая.

18. Новгородский резчик по дереву Ив. Ив. Палицын, 1/2 авт. л., 14 илл., 1947. Написано к 30-летию Октября для юбилейной сессии Института этнографии. Архив автора. Мелкие заметки и публикации в периодике в список не вошли.

ПАМЯТИ М. В. ВОЕВОДСКОГО

23 октября 1948 г. на сорок шестом году жизни скончался Михаил Вацлавович Воеводский.

Михаил Вацлавович родился в августе 1903 г. в гор. Смоленске в семье врача. Детство и юность он провел в разных городах Средней Азии. Рано начав самостоятельную трудовую жизнь, Михаил Вацлавович в 1923 г. приехал в Москву и сразу же приступил к работе в музее при Ин-те антропологии Московского университета. Работая научно-техническим сотрудником Музея, Михаил Вацлавович одновременно слушает лекции по антропологии, археологии и этнографии и становится одним из наиболее активных участников того небольшого археологического кружка, который группировался в те годы на Кафедре и в Музее антропологии и основные интересы которого были сосредоточены вокруг вопросов археологии первобытной культуры. В 1924 г. Михаил Вацлавович принимает участие в раскопках Льяловской неолитической стоянки под Москвой, и этим открывается длинный ряд археологических экспедиционных исследований М. В. Воеводского в средней полосе России, на Украине, в Средней Азии. В 1936 г. он приступает к своим археологическим исследованиям на Десне, которые он ведет вплоть до последнего времени. Эти исследования охватили и очень обширную территорию, и памятники самых различных культур, от нижнего палеолита до раннего средневековья.

Прекрасный организатор, М. В. Воеводский свои экспедиционные

исследования ставил в широком

масштабе, привлекая к участию в своих экспедициях многих местных работников, способствуя развертыванию археологической работы в многочисленных краеведческих музеях. Музей антропологии Московского университета, в котором М. В. Воеводский продолжал свою работу до последних дней жизни, многим обязан ему, в особенности своими богатейшими археологическими коллекциями по палеолиту и неолиту, среди которых значительная часть происходит из раскопок самого Михаила Вацлавовича.

Не оставляя работы в Музее антропологии, М. В. Воеводский с 1933 г. состоял сотрудником Московского отделения Гос. Академии (позднее Института) истории материальной культуры, где в течение многих лет заведывал лабораторией камеральной обработки материалов, самая организация которой в большой степени — дело рук Михаила Вацлавовича.

Михаил Вацлавович не оставался в стороне и от педагогической работы. На кафедре археологии Московского гос. университета он в течение ряда лет читал курсы по каменному веку, методике археологических исследований и др.

В последнее время Михаил Вацлавович напряженно работал над подготовкой монографии по палеолиту и эпипалеолиту Десны, которая должна была стать его докторской диссертацией и которую ему не пришлось довести до конца. Вернувшись

в сентябре 1948 г. из своей последней экспедиции, ознаменовавшейся замечательными находками костяной скульптуры на Авдеевской палеолитической стоянке, Михаил Вацлавович был еще вдохновлен планами новых работ, не подозревая о тяжелой болезни, вскоре сломившей его. Смерть прервала кипучую деятельность Михаила Вацлавовича в самом ее разгаре.

* * *

В первые годы научной деятельности Михаила Вацлавовича его интересы были сосредоточены преимущественно в области изучения доисторической керамики. Он был одним из создателей схемы объективного описания и классификации керамики, разработанной в Институте антропологии МГУ и успешно использованной в дальнейшем в десятках работ. В этих работах морфологический метод изучения керамики занял важное, но все же подчиненное место в рамках марксистского анализа производительных сил и производственных отношений. Одним из важнейших открытий Михаила Вацлавовича в области изучения керамики было установление нескольких типов первобытной гончарной техники. Проследив эти типы на протяжении ряда эпох на археологическом и этнографическом материале, М. В. Воеводский использовал факт наличия стабильных региональных различий для активной борьбы против культурно-исторической школы и ее идеалистической концепции и миграционизма. Дальнейшее развитие этого открытия, широкие исторические перспективы которого совершенно очевидны, является одной из задач советской археологии.

Вторая область научных работ Михаила Вацлавовича — археологические исследования в Средней Азии — почти совершенно не нашла отражения в литературе, хотя предметом его внимания на этой территории были все исторические эпохи, от раннего палеолита до позднего мусульманского средневековья. Раскопки усуньских могил в Киргизской ССР, произведенные М. В. Воеводским совместно с М. П. Грязновым, впервые дали возможность установить прямое соответствие между данными китайских летописей об усунях и результатами археологических исследований. Хотя сам Михаил Вацлавович и не опубликовал результатов многих других своих работ, они постоянно используются исследователями археологии Средней Азии. В этом проявилась одна из характерных черт личности Михаила Вацлавовича как подлинно советского ученого, для которого важны только интересы дела. Как истинный слуга народа он считал, что его долгом является возможно более скорое и эффективное включение результатов работы в общую сумму усилий всех его товарищей. Авторство и приоритет, поскольку речь шла о коллективе советских ученых, всегда имели для него подчиненное и скорее техническое значение.

Основной областью работ М. В. Воеводского было изучение палеолита русской равнини. Однако он никогда не оставлял без внимания памятники других эпох, считая, что широкая историческая перспектива в пространстве и во времени способствует правильному пониманию отдельных звеньев истории развития культуры. В бассейне Десны, являвшемся, начиная с 1936 г., основным местом его работ, им собраны огромные материалы по всем эпохам, из которых многое еще не обработано и не опубликовано.

Переход от палеолита к неолиту всегда являлся одним из наиболее трудных участков археологии каменного периода. Резкое разнообразие типов каменной индустрии, пестрое распределение их во времени и пространстве открывали простор для формалистических построений культурно-исторической школы и родственных ей направлений буржуазной археологии. М. В. Воеводский посвятил этой сложной проблеме ряд работ (№№ 4, 7, 11 и 16 прилагаемого списка). Взгляды его не были неизменны. Последняя сводка еще не опубликована. Но во всех работах, посвященных этой проблеме, Михаил Вацлавович резко выступает против метафизической концепции «культур», как проявлений некоего духа мифических этносов. В его работах культуры «мезолита» исследуются, во-первых, материалистически, в свете резких перемен в производственных отношениях и географической среде, во-вторых, диалектически, как процесс, протекающий путем скачкообразных изменений, являющихся результатом внутренних противоречий в развитии техники, в борьбе старого и нового, отмирающего и нарождающегося. Идя таким путем в оценке «эпипалеолитических» и «протонеолитических» элементов, Михаил Вацлавович значительно приблизился к объективному отражению действительности в понимании этого этапа развития культуры, что было непосильной задачей для метафизического мышления буржуазных археологов.

Культуре позднего палеолита посвящена первая печатная работа М. В. Воеводского о Тимоновской стоянке. В ней он подчеркивает ложность формалистических построений польского археолога Савицкого, относившего почти все стоянки русской равнини к ориньякской эпохе на основе чисто внешних сравнений, и при соединяется к классификации Ефименко, основанной на глубоком изучении материала, отправляющейся от этого материала, а не от априорной схемы. Последующие работы Михаила Вацлавовича на Десне и не законченное еще исследование Авдеевской стоянки под Курском дали блестящее подтверждение советской схемы периодизации верхнего палеолита.

По объему работ и по количеству добытого материала памятники верхнего палеолита стоят, пожалуй, на первом месте среди исследованных М. В. Воеводским

археологических объектов. Именно на этих памятниках наиболее ярко проявились применявшиеся Михаилом Вацлавовичем технические приемы раскопок. Разработанный советскими археологами метод вскрытия больших площадей с обнажением так называемой «дневной поверхности» стоянки дал ему возможность понять многие особенности быта палеолитического человека, ускользавшие при поквадратном методе раскопок, до сих пор применяемом в зарубежной археологии и основанном на формальном «вещеведческом» подходе к материалу. Стремление понять быт палеолитического человека, при котором предмет является не самоцелью, а средством археологического исследования, привел Михаила Вацлавовича к мысли о необходимости комплексного исследования памятников с обязательным привлечением специалистов по другим отраслям знания: геологов, почвоведов, биологов различных специальностей. В этом объединении усилий разных специалистов ярко проявились блестящие организаторские способности Михаила Вацлавовича.

Наконец в области изучения раннего палеолита работы М. В. Воеводского привели к выводам, значение которых далеко выходит за пределы той территории, на которой производились его исследования. Господствующая в работах западноевропейских археологов концепция позднечетвертичного возраста палеолитических культур, датируемых временем после максимального (рисского) оледенения, все больше вступала в противоречие с фактами. В тесном единении с советскими геологами, в первую очередь с В. И. Громовым, М. В. Воеводский показал ложность «классической» схемы палеолита. Тщательный морфологический анализ отщепов, найденных в 1936 г. на р. Оке, у с. Мельтиново Тульской обл., в области распространения рисского ледника, дал основание Михаилу Вацлавовичу отнести их к мустерьскому времени. В 1938—1940 гг. на р. Десне мустерьская каменная индустрия была обнаружена под мореной в стратиграфических условиях, не оставлявших сомнения в их возрасте. Геологическая датировка местонахождения, произведенная В. И. Громовым, и археологическое изучение индустрии, блестящее проведенное М. В. Воеводским, взаимно дополняли друг друга. В результате гипотеза синхроничности древнейших стадий палеолита с дорисским временем, конца мустье и ориньяка с максимумом рисского оледенения, а последующих стадий верхнего палеолита с рисс-вюрмом и вюрмом стала фактом. Таким образом область, занятая человеком в пределах восточноевропейской равнины, то расширялась, то вновь сужалась. Значение этого открытия состоит в том, что оно помогает правильно понять роль географической среды в процессе эволюции человека. Оно открывает также широкие перспективы в использовании археологических памятников для понимания стратиграфии четвертичных отложений, имеющих важное значение для нужд народного хозяйства.

Михаил Вацлавович умер в расцвете своих творческих сил. Советская наука понесла тяжелую утрату. Перед его товарищами и учениками стоит трудная, но почетная задача — не ослаблять темпов работы во всех областях его деятельности, направленной на развитие и укрепление марксистско-ленинского понимания истории первобытного общества, на пропаганду передовой советской науки.

В 1949 г. Музей антропологии МГУ, с которым М. В. Воеводский был тесно связан на протяжении двадцати пяти лет своей научной деятельности, откроет отдел палеолита СССР, где найдут отражение основные результаты работы Михаила Вацлавовича. В том же году Музей будет издан подготовленный Михаилом Вацлавовичем сборник «Палеолит и мезолит СССР».

Г. Дебец

Список печатных работ М. В. Воеводского

1. Тимоновская палеолитическая стоянка, «Русский антропол. журнал», т. 18, № 1—2, М., 1929, стр. 59—70.
2. *Les moyens méthodiques pour l'étude de la céramique*, «Eurasia septentrionalis antiqua», IV, Hels., стр. 82—89.
3. К истории гончарной техники народов СССР, «Этнография», кн. XII, М., 1930, стр. 55—70.
4. К вопросу о ранней (свидерской) стадии эпипалеолита на территории восточной Европы, Труды II международной конференции ассоциации по изучению четвертичного периода Европы, вып. V, Л., 1934, стр. 230—245.
5. (Совместно с О. Н. Бадером). Стоянки Балахнинской низины, Сб. «Из истории родового общества на территории СССР», Изв. ГАИМК, вып. 106, Л., 1935, стр. 298—346.
6. (Совместно с А. В. Збруевой и О. Н. Бадером). Участок по р. Шексне. Глава из коллективной статьи «Работы на строительстве Ярославской гидроэлектростанции» в сб. «Археологические работы Академии на новостройках», Изв. ГАИМК, вып. 109, Л., 1935, стр. 120—135.
7. (Совместно с О. Н. Бадером). Участок Скнигино-Молога. Стоянки родового общества (глава из той же коллективной статьи), стр. 145—156.
8. Наглядные пособия по антропологии, «Антропол. журнал», 1935, № 1, стр. 144.
9. Из польской археологической периодики. Обзор статей, помещенных в журн. *Wiadomości Archeologiczne*, тт. X, XI, XII, «Проблемы истории докапиталистических обществ», 1935, № 5—6, стр. 170—174.

10. Глиняная посуда г. Москвы XVI — XVIII вв. по материалам, собранным при работах Метростроя, Сб. «По трассе первой очереди московского метрополитена», Изв. ГАИМК, вып. 132, Л., 1936, стр. 168—171.
11. Рецензия на книгу: L. Sawicki, *Przemysł swiderski i stanowiska wydmowego Świdry Wielkie*, «Антропол. журнал», 1936, № 4, стр. 467—470.
12. К изучению гончарной техники первобытно-коммунистического общества на территории лесной зоны европейской части РСФСР, «Сов. археология», 1, Л., 1936, стр. 51—78.
13. (Совместно с П. И. Борисковским). Стоянка Елчи Бор. «Сов. археология», 3, Л., 1937, стр. 77—100.
14. Результаты работ Окской экспедиции 1936 г., «Антропол. журнал», 1937, № 2, стр. 111—114.
15. (Совместно с рядом авторов). О методах вредительства в археологии и этнографии, «Историк-марксист», 1937, кн. 2, стр. 78—91.
16. Остатки торфяного поселения Лужицкой культуры в Польше, «Вестник древней истории», 1938, № 2, стр. 224—236.
17. (Совместно с М. П. Грязновым). У-суньские могильники на территории Киргизской ССР, «Вестник древней истории», 1938, № 3, стр. 162—179.
18. A summary report of Khvarism expedition, «Bull. of the Amer. Inst. for Iranian Art and Archaeology», V, 1938, стр. 235—245.
19. Важнейшие открытия советской археологии в 1938 г., «Вестник древней истории», 1939, № 1, стр. 248—252.
20. К вопросу о развитии эпипалеолита в восточной Европе, «Сов. археология», 5, Л., 1940, стр. 144—150.
21. Результаты работ деснинской экспедиции по изучению палеолита, «Бюл. комиссии по изучению четвертичного периода», № 6—7, М., 1940, стр. 54—57.
22. Работы деснинской экспедиции в 1939 г. «Краткие сообщения ИИМК», IV Л., 1940, стр. 34—36.
23. Обзор полевых археологических исследований в 1939 г., «Вестник древней истории», 1940, № 2, стр. 178—191.
24. (Совместно с О. Н. Бадером). Краткий очерк археологических исследований Института, Кафедры и Музея антропологии Московского университета, «Ученые записки МГУ», вып. 53, М., 1940, стр. 243—247.
25. Стоянка Гремячее, «Материалы и исследования по археология СССР», 2, Л., 1941, стр. 142—148.
26. Найдки раннего палеолита на р. Десне, «Краткие сообщения о научных работах Института антропологии МГУ», М., 1941, стр. 64—65.
27. (Совместно с П. Н. Третьяковым и М. М. Герасимовым). Археологические работы в долине р. Оки в 1935—1936 гг., Сб. «Археологические исследования в РСФСР 1934—1936 гг.», М., 1941.
28. Деснинская археологическая экспедиция 1940 г., «Краткие сообщения ИИМК», XIII, М., 1946, стр. 89—94.
29. Результаты робіт деснинської експедиції 1936—1938 рр., сб. Палеоліт і неоліт України, Київ, 1947, стр. 41—60.
30. Крем'яні і кістяні вироби палеолітичної стоянки Чулаті I, Сб. Палеоліт і неоліт України, Київ, 1947, стр. 107—120.
31. Кремневые изделия из сборов Орловского отряда Деснинской экспедиции, «Бюлл. комиссии по изучению четвертичного периода», № 9, М., 1947, стр. 81—82.
32. Важнейшие итоги деснинской экспедиции 1946 г., «Краткие сообщения ИИМК», XX, М., 1948, стр. 36—44.
33. Результаты работ деснинской экспедиции, «Краткие сообщения ИИМК», XXI, М., 1948, стр. 45—46.
34. Ранний палеолит русской равнины, Труды музея антропологии, «Ученые записки МГУ», вып. 115, М., 1948, стр. 127—168.

Работы, сданные в печать

1. Каменные орудия Островской стоянки (Бюлл. комиссии по изучению четвертичного периода).
2. Найдки раннего палеолита на верхней Десне (там же).
3. Раннепалеолитические находки в бассейне Десны (Сов. археология).
4. Палеолит средней Десны (Материалы и исследования по археология СССР).
5. Городища Десны (Институт археологии АН УССР).
6. Палеолитические жилища (Ученые записки МГУ).

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

КРИТИЧЕСКИЕ СТАТЬИ И ОБЗОРЫ

СОВРЕМЕННАЯ АМЕРИКАНСКАЯ «ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ» ЭТНОГРАФИЯ

В современной американской «теоретической» этнографии, характеризуемой в целом глубокой реакционностью, видное место занимает так называемое психологическое, — точнее — расистско-психологическое направление. В «теорию» психологического расизма входят три составные части: психоанализ, психотехника и философия шпенглерианства. Психоанализ, получивший довольно широкое распространение среди некоторой части американских социологов, идет от Фрейда. Последний был почти неизвестен до 20-х годов нашего века, хотя его теория зародилась много раньше. Но в кризисное время после первой мировой войны, когда были нарушены все экономические связи и выявился общий упадок культуры в Западной Европе (в особенностях в странах бывшей германской коалиции), учение Фрейда получило признание, главным образом среди буржуазной интеллигенции Австрии и Германии. Объясняется это тем, что значительная часть немецкой интеллигенции, разочаровавшаяся в политике, решила отказаться от социологии, заменив ее психологией, да и то лишенной физиологической основы. Это было настоящим бегством от науки об обществе. До тех пор даже самые архибуржуазные теории общественного развития считали общество определенным единством, причем «единство» подчеркивалось, чтобы показать отсутствие в обществе классовых делений и классовой борьбы. В своем наиболее законченном виде эта теория единства общества была выражена спенсеристами и неомальтизианцами и вплоть до 20-х годов XX в. считалась в буржуазных политических и «научных» кругах самой авторитетной. На смену этой теории, утверждавшей, будто каждый член общества, каждая группа людей составляет неотъемлемую частицу общественного организма, пришла теория Фрейда с ее отрицанием общества как экономической и политической совокупности людей. Фрейд признавал не общество, а сожительство людей, объединенных не социально, а психически. Теория Фрейда не получила особого развития в странах-победительницах в первой мировой войне (Франции, Англии, США), но зато она совершила победное шествие в странах побежденных — Германии, Австрии. Фрейдизм заменил социологию психоанализом — учением о темных подсознательных психических процессах (по преимуществу сексуального характера), управляющих всем поведением человека. На такой подсознательной сексуальной основе виждется, по Фрейду, вся человеческая культура. Развитие эротики, явно гипертрофированный интерес к сексуальным вопросам обычно характеризуют общественное мышление тех социальных слоев, которые не имеют будущего. Проникновение сексуализма в науку (чем по существу является фрейдизм) знаменовало загнивание буржуазной культуры, упадок науки. В последние годы фрейдизм получил распространение среди самых реакционных и отсталых групп фашистской и профашистской интеллигенции, а при разработке гитлеровских «наук» он был включен в обоснование психолого-расистских теорий.

Не менее показателен и путь психотехники. Она появилась в те же годы, что и фрейдизм (в его развитой форме). Но зона ее распространения была значительно шире, чем область распространения фрейдизма, — она охватила постепенно всю Европу (проникала одно время даже в Советский Союз), затем перекочевала в США, где и обосновалась. Психотехника, по замыслу ее творцов, должна была полностью заменить психофизиологию. Научное исследование, основанное на изучении физиологических процессов центральной нервной системы (как это имеет место в физиологической школе Павлова), психотехники подменяли нехитрой механикой «тестов», г. е. условных определителей. Наряду с механическими записями реакций того или другого организма на раздражение, психотехники все более отвлекались в сторону разработки всяческих анкет, вопросов-головоломок, бальных систем и всяческих оценочных коэффициентов, при помощи которых определялась психическая «полночеловечность» того или другого индивидуума. Все это постепенно превращалось в шарла-

тантво, дававшее возможность придать научообразный характер заранее подготовленным выводам. Неудивительно, что гитлеровские «ученые» стали самыми горячими сторонниками развития психотехники и что в расистских «лабораториях» она получила широчайшее применение.

Что касается философской системы шпенглерианства, то автор «Заката Европы» стал известен также в 20-х годах нашего века; его книга стала (на первых порах) манифестом той части немецкой интеллигенции, которая, разочаровавшись в буржуазной демократии, шла от нищешаинства к гитлеризму. Шпенглер — идеологический предшественник Розенберга; в высокой и туманной фразеологии Шпенглера содержатся уже положения о «полноценных» и «неполноценных» людях, полноценных и неполноценных идеях, полноценной и неполноценной культуре.

Из сочетания сексуального психоанализа Фрейда, спекулятивной системы психотехники и завуалированного расизма Шпенглера и родился новый «метод» американских социологов. К этому нужно прибавить криминально-психиатрическую школу Кардинера, воспринявшего многое от того же Фрейда, многое от Ломброзо и еще больше от Розенберга. Появление этой, совершенно правильно названной Н. А. Бутиновым «психолога-расистской», школы в американской этнографии знаменует разительный упадок буржуазной культуры, ее загнивание и обречность. Оно свидетельствует о духовной нищете довольно многочисленных кругов североамериканского общества, готовых «принять на вооружение» самые реакционные псевдонаучные теории. Несомненно, наряду с этой «модной» школой, существуют и другие, поддерживавшие традиционные теории буржуазной социологии и достаточно влиятельные. Но, судя по огромному количеству выпускаемой ею литературы, «психологическая» школа занимает наиболее видное место среди реакционнейших направлений в американской этнографии.

Публикуя настоящую обзорную статью Н. А. Бутинова, редакция предполагает в дальнейшем дать более углубленный разбор отдельных направлений этой «школы».

Редакция

В недавнем прошлом американские этнографы, как известно, любили высказывать свое пренебрежение к теории. «Среди американских этнографов, — писал, например, Роберт Лоуи в 1927 г., — почти нет таких, которые теоретизировали бы за письменным столом»¹. Ныне мы наблюдаем нечто совершенно противоположное. В журнале «American Anthropologist» с 1940 по 1944 г., из общего числа 160 статей, вопросам описательной этнографии, по подсчетам Крэбера, было посвящено лишь 10, а вопросам теории и методологии — 68 статей².

Этот резкий поворот американских этнографов к теоретизированию не следует представлять себе как результат накопления новых этнографических фактов, как результат эволюционного, самостоятельного развития американской этнографии. В данном случае не было ни новых этнографических фактов, ни самого развития. Американским этнографам со стороны определенных кругов предложено было приобщить свои труды к тем социологическим «трудам», авторы которых изошлются в обосновании справедливого характера империализма и стараются доказать «вечность» и «незыблемость» капиталистических отношений. Говоря словами самих американских этнографов, им предложено было «внести свою долю в дело разрешения великой проблемы «цивилизации». В 1942 г. Элси Парсонс призналась: «Несколько лет тому назад из Чикаго раздалися призывы, что настало время для нас, этнографов, показать наш товар лицом» «sell our goods»³. Американские этнографы имели ясное представление о том, что эта «великая проблема цивилизации» сводится к сохранению капиталистического общества⁴. Конечно, это высказывается более или менее завуалированно.

В связи с этой новой «задачей» были переосмыслены роль и значение этнографической науки в США. Этнография призвана, якобы, дать рецепт для спасения «цивилизации». «Примитивный народ, не имеющий письменности, — пишет Маргарет Мид, — представляет гораздо менее сложную проблему (чем народ цивилизованный. — Н. Б.), и опытный ученый может овладеть основной культурой примитивного общества в несколько месяцев»⁵. Нужно изучить сначала «примитивные» народы, испробовать на них те или иные рецепты спасения «цивилизации», а затем уже применять их к «западным» народам. В этом заключается, пишет Рут Бенедикт, «одно из философских оправданий существования особой науки о примитивных народах»⁶.

¹ R. Lowie, Theoretische Ethnologie in Amerika, «Jahrbuch für Soziologie», B., 1927.

² A. L. Kroeber, The range of American Anthropology, «American Anthropologist», 1946, № 2, стр. 298.

³ E. C. Parsons, Anthropology and prediction, «American Anthropologist», 1942, № 3, стр. 339.

⁴ S. Makel, A discussion of culture change, «American Anthropologist», 1932, № 2, 284.

⁵ M. Mead, Coming of age in Samoa, a psychological study of primitive youth for western civilization, 1936, стр. 8.

⁶ R. Benedict, Patterns of culture, 1935, стр. 55.

Для современной американской «теоретической» этнографии характерно возведение всех социальных институтов и обычаяев к тем или иным, якобы неизменным, якобы всегда имевшим место, свойствам человеческой психики. Все общества или (как предполагают говорить буржуазные ученые) «культуры» объясняются ими как индивидуально-психологические комплексы. «Культуры с этой точки зрения,— пишет Рут Бенедикт,— это психологии индивидуумов, отраженные на большом экране, получившие гигантские размеры в пространстве и занявшим огромные периоды во времени»⁷. Нетрудно видеть, что человеческое общество подменено здесь суммой индивидуумов, между которыми, якобы, нет никаких противоречий. «В каждой культуре,— пишет Бенедикт,— возникают специфические цели... В соответствии с этими целями каждый народ все более и более консолидирует свой опыт, и пропорционально силе этих стремлений гетерогенные черты поведения людей принимают все более и более согласованную форму»⁸. Все члены общества становятся, по мнению Бенедикт, похожими один на другого, и поэтому психология одного из них, отраженная «на большом экране» времени и пространства, и является самим обществом или культурой.

Бенедикт рассмотрела в этом «плане» культуры трех племен: зуни (пуэбло), квакиутл (северо-западный берег Северной Америки) и папуасов о-ва Добу (Меланезия). Приведем вкратце основные «результаты» ее работы.

Индайцы пуэбло, по ее мнению, более всего ценят спокойствие общественной жизни. Сила и насилие у них презираются. Индивидуум растворяет свою деятельность в деятельности группы и не стремится к авторитету. Идея единства человека и вселенной доминирует в их мировоззрении, в отличие от «западного взгляда» на вселенную, как на арену борьбы между силами добра и зла. В противоположность этому образу жизни, который Бенедикт называет «аполлоновским» (заимствуя термин у Шпенглера), индейцы квакиутл еще в предыдущем поколении вели «дионаисиевский» образ жизни: стремились к сильным переживаниям, к экстазу. Их «система ценностей» была сосредоточена на самопрояснении. Их идеалом был человек, который превосходил всех других в храбрости, тщеславии, высокомерии и который скорее покончит с собой, чем подвергнется насмешкам за неудачу. Третий образ жизни представлен папуасами о-ва Добу. Они считают злонамеренность и предательство добродетелью, а ревность — нормальным состоянием и культивируют чувство свирепой исключительности во всех вопросах собственности. Каждый из них полагает, что все другие люди и природа относятся к нему враждебно. Вся жизнь представляется им борьбой с безжалостными врагами за блага жизни. Таковы три «типа жизни», три «типа культуры». «Они идут различными путями, преследуют различные цели...», которые в основном, несоизмеримы»⁹.

По мнению Бенедикт, ее «теория» типов культуры должна быть распространена на все народы, в том числе на народы, живущие в классовом обществе. Нетрудно видеть, что «теория» типов культуры, предложенная Бенедикт, отрицает классовые различия, подменяет их национальной «культурной» рознью. Эта «теория», имеющая в виду прежде всего капиталистическое общество, служит американским империалистам, стремящимся направить обостряющуюся в США классовую борьбу в русло распри между трудающимися различных национальностей.

«Теория» типов культуры имеет целью затушевывать факт наличия двух культур в капиталистическом обществе, о чем говорил Ленин. «Есть две национальные культуры в каждой национальной культуре,— писал Ленин в 1913 г.— Есть великорусская культура Пуришкевичей, Гучковых и Струве,— но есть также великорусская культура, характеризуемая именами Чернышевского и Плеханова. Есть такие же две культуры в украинстве, как и в Германии, Франции, Англии, у евреев и т. д.»¹⁰

Именно это обстоятельство и явилось причиной того, что Бенедикт долгое время не решалась изобразить какое-либо классовое общество в свете своей «теории». Она ввела понятие «неполной интеграции» культуры, заявив, что эта «неполная интеграция» является характерным признаком «определенного рода культур». Несколько эта оговорка несущественна, видно хотя бы из того, что впоследствии Бенедикт отказалась от всяких оговорок и описала «культуру» японцев, как нечто якобы целое. Правда, при этом она шла по тропинке, ранее проторенной другим мракобесом, откровенным расистом Абрамом Кардинером, почва для измышлений которого, в свою очередь, была подготовлена Ральфом Линтоном. Тем не менее, та легкость, с которой Бенедикт перешла от одной «теории» к другой, может быть объяснена лишь единой направленностью этих «теорий», их близким родством.

Линтон и Кардинер довели до конца «психологические» измышления Бенедикт, т. е. распространяли их на классовое, капиталистическое общество. Линтон истолковал наличие двух культур, буржуазной и пролетарской, в капиталистическом обществе таким образом, что назвал первую «идеалом», а вторую — результатом неудачных попыток достигнуть этого «идеала». Роль Кардинера посл. этого свелась к тому, что

⁷ Ruth Benedict, Configurations of Culture in North America, «American Anthropologist», 1932, № 1, стр. 24.

⁸ R. Benedict, Patterns of culture, стр. 46.

⁹ Там же, стр. 223.

¹⁰ В. И. Ленин, Соч., т. XVII, стр. 143.

он перевел «теорию» Линтона на язык психопатологии (основной специальности Кардинера) и всех «индивидуумов», борющихся с господствующими в капиталистическом обществе порядками, объявил, с присущей ему наглостью, «психически ненормальными», место которым не в обществе, а в психиатрической больнице. Примерно так же были «охарактеризованы» им все народы, не следующие «американскому образу жизни» и не желающие подчиняться произволу колонизаторов.

Начнем с «теории» Линтона. Он утверждает, что имеется некая «культура», состоящая из «идеальных образцов» (*ideal patterns*); она связана с сознанием, душой и «редко, если вообще когда-либо, находит выражение в поведении». Это — «скрытая культура» (*covert culture*), существующая лишь для немногих. И в этом «скрытом» характере «идеальных образцов» Линтон видит причину всех социальных бед и несчастий, преследующих большинство членов капиталистического общества. «Если бы идеальные образцы», — пишет он, — находили полное и повторяющееся (у всех людей. — Н. Б.) выражение, то личности индивидуумов, стремящихся к достижению этих образцов, были бы во всех отношениях совершенно одинаковы»¹¹. Иначе говоря, в обществе не было бы никаких различий между людьми в том числе и классовых, если бы дело зависело только от культуры. Культура сама по себе или, говоря словами Линтона, «в абстракции» — хороша. Однако люди по причине несовершенства своей природы, а также в силу различных случайностей («атипичных индивидуальных опыта») не все могут пользоваться ее достижениями, утверждает Линтон.

Он пытается делать вид, что для него неясен вопрос о характере этих «идеальных образцов», об источнике их возникновения. «Определение того вида реальности, — пишет он, — которой они («идеальные образцы»). — Н. Б.) обладают, следуют предоставить философам». В данном случае, однако, Линтон пишет одно, а думает другое. Мы припоминаем слова Клюкхуона, сказанные им об американских этнографах: «Важно не только прочесть то, что этнографы пишут, но и попытаться понять то, что они думают, а это является (к несчастью, но, повидимому, неизбежно) особой задачей»...¹² Придется и нам в данном случае вспомнить об этой «особой задаче». Решение ее не представляет особых трудностей. Мы уже сказали, что «скрытую культуру» Линтон потому и называет «скрытой», что связывает ее с сознанием, с «душой» человека. Подробно прослеживая происхождение человека, Линтон предупреждает, что речь идет лишь о происхождении его физического строения и физиологических свойств. Что же касается человеческой души, то «бог мог дать человеку душу на любой стадии его физического развития»¹³. Таков тот «вид реальности», который Линтон приписывает «душе», а значит и «скрытой культуре», являющейся достоянием немногих «избранных».

На вопрос о роли в обществе «средних индивидуумов» Линтон отвечает очень определенно. О «скрытой культуре» они, по его мнению, ничего не знают, хотя и «формируются» ею. «Средний индивидуум во всех обществах, — пишет Линтон, — является пассивным носителем культуры, получающим ее от своих предшественников и передающим ее своим потомкам без каких-либо особых изменений»¹⁴. Линтон не устает подчеркивать инстинктивный, бессознательный характер «открытого поведения» «средних индивидуумов». Он считает, например, возможным сделать следующий выпад против членов коммунистической партии США: «Агитаторы, которые сокрушаются по поводу отсутствия классовой сознательности в пролетариате, упускают из виду тот факт, что это отсутствие характерно для всех групп... Небольшая группа индивидуумов, контролирующая промышленность и банки, возможно, в большей степени создает свои общие интересы, чем члены какого-либо другого из так называемых классов, и все же было очень мало случаев, когда они в состоянии были создать единый фронт»¹⁵.

Советскому читателю, знающему, как американские империалисты единным фронтом наступают на рабочий класс в США, пытаются, вместе с английскими империалистами, подчинить себе народы Западной Европы, подавляют с помощью французских и голландских империалистов восстания колониальных народов, и т. д., — нет необходимости объяснять, что Линтон здесь бессовестно лжет. Его же собственная «теория», обслуживающая империалистов, опровергает эти лживые слова. «Средним индивидуумам» Линтон оставляет только бессознательные действия, «обычаи», «открытое поведение», причем объявляет это «открытое поведение» «средних индивидуумов» различным у разных народов. Что же касается «избранных», т. е. империалистов, то их Линтон считает хранителями «идеальных образцов», «скрытой культуры», одинаковых во всем мире, и недоступных, как мы уже указывали, для «средних индивидуумов». Такова «теория» «скрытой культуры» и «открытого поведения», предложенная Линтоном.

«Посмотрите на капиталистов, — писал Ленин. — Против рабочих объединены

¹¹ R. Linton, *The study of man*, 1936, стр. 101.

¹² C. Kluckhohn, *The place of theory in anthropological studies*, «Philosophy of Sciences», 1939, № 3.

¹³ R. Linton, Указ. раб., стр. 7.

¹⁴ Там же, стр. 54.

¹⁵ Там же, стр. 110, 111.

капиталисты всех наций и религий, а рабочих стараются разделить и ослабить национальной враждой»¹⁶.

О чем бы ни говорили современные американские этнографы, обычай сколь «примитивных» народов они ни брались бы объяснять, на деле они постоянно имеют в виду капиталистическое общество, его институты, и пытаются обосновать их якобы «вечный», непрекращающий характер. Этим и объясняется разница между тем, что американские этнографы пишут, и тем, что они «думают».

«Этот повышенный интерес к проблемам первобытности,— заметил проф. С. П. Толстов в 1931 г., когда американские этнографы только начинали теоретизировать,— не случаен... буржуазная наука, не находя оправдания для разрываемого внутренними противоречиями буржуазного строя, поворачивается назад и начинает искать в далеком прошлом исторических аргументов незыблемости буржуазного порядка»¹⁷.

Таким образом, все громкие фразы о «спасении цивилизации» на деле свелись к тому, что американские этнографы стали изобретать «теоретические» обоснования для тех насилий, которые империалисты творят сейчас в США и за их пределами. Некоторые американские этнографы склонились к тому, что стали оправдывать и «теоретически» обосновывать то, против чего всегда боролись и борются прогрессивные ученые мира — практику расизма. Эта практика имеет в США немалую давность. В эпоху покорения индейцев там был создан режим (под видом охраны «американской цивилизации» от «варваров»), приведший к вымиранию индейских племен. Позднее там были придуманы различные «методы» расовой дискриминации негров вплоть до зверских судов Линча. Но никогда еще практика расизма не была так распространена в США, как ныне. Империалисты ухитряются сейчас насаждать антисемитизм среди американских негров и презрение к неграм среди американских евреев, разжигают ненависть к проживающим в США мексиканцам, культивируют антиславянские, антиитальянские, антифранцузские настроения. Пропаганда расистских настроений ведется через радио, кино и периодическую печать. Это особенно характерно для современных США,— в этой пропаганде расизма приняли участие американские ученые самых различных специальностей, пытаясь подвести теоретическую «сюнну» под расистские настроения, теоретически «обосновать» расизм. Среди этих ученых оказались и некоторые американские этнографы, из числа тех, которые, когда раздался «призыв из Чикаго», обнаружили непреодолимую потребность к теоретизированию. Возглавляет эту группу ученых некто Абрам Кардинер, в прошлом психопатолог, ныне этнограф.

Кардинер изображает дело так, будто он от изучения свойств психически ненормальных лиц в клинической обстановке перешел к изучению культур различных народов единственно с целью «проверить психоаналитическое объяснение». Вслед за Рут Бенедикт и Ральфом Линтоном, Кардинер подменяет сложное человеческое общество суммой индивидуумов, которые должны, по его мнению, походить один на другого, ибо все они находятся, якобы, в одних и тех же «экспериментальных» (культурных) условиях. Отсюда вытекает «метод» Кардинера: на основании кабинетного изучения культуры («условий эксперимента») он делает предположение, какими должны быть живущие в условиях данной культуры «человеческие существа». После этого он направляет этнографа к народу, обладающему данной культурой, чтобы «проверить» при помощи различных тестов, действительно ли «человеческие существа» являются такими, какими они были «предположены» на основании изучения культуры. Для этого, разъясняет Кардинер, достаточно изучить двух-трех представителей данного народа, ибо все они (за исключением «ненормальных») должны быть схожи.

В 1935 г. начал работать под руководством Кардинера объединенный (психолого-этнографический) семинар Нью-Йоркского психоаналитического общества. Этнографы делали на этом семинаре доклады о культурах различных народов, после чего Кардинер давал психоаналитическую «оценку» сообщенных материалов и пытался сделать вывод, каков должен быть психологический облик индивидуума, живущего в той или иной культуре.

В 1936 г. Линтон писал (имея в виду, очевидно, семинар Кардинера), что «изучение индивидуумов в обществах, имеющих резко различные «модели» ухода за детьми (patterns of infant care), только еще началось»¹⁸. В 1939 г. вышла книга Кардинера¹⁹, в основу которой были положены эти «изучения» (каковых, в действительностии, еще не проводилось, ибо занятия семинара были сугубо кабинетными). За подбором необходимого ему фактического материала, который подтверждал бы его выводы, Кардинер послал Кору Дю Буа в Индонезию, на остров Алор²⁰. Одновремен-

¹⁶ В. И. Ленин, Соч., т. XVI, стр. 554.

¹⁷ С. П. Толстов, Проблемы дородового общества, «Советская этнография», 1931, № 3—4, стр. 70.

¹⁸ R. Linton, Указ. раб., стр. 473.

¹⁹ A. Kardiner, *The individual and his society*, N. Y., 1939.

²⁰ Вначале он предполагал откомандировать ее в Сибирь, но этому, по свидетельству Коры Дю Буа, помешали причины якобы «политического характера». Сибирские народы были ограждены от оскорбительных характеристик американских мракобесов.

но с нею в небольшом американском городке под руководством Линтона собирали материалы для Кардинера некто, скрывшийся под псевдонимом Джемс Уэст. Материалы Коры Дю Буа и Джемса Уэста включали описание культуры изучаемых «объектов» (т. е. туземцев острова Азор и жителей американского городка), их автобиографии и различные тестовые данные (по тестам Роршаха, Портьюса, ассоциации слов и т. д.). Анализу этих материалов были посвящены занятия семинара 1940 г. и последующих лет, причем на этот раз в анализе принимали участие такие видные ученые, как этнографы Г. Батесон и М. Мид, психологи Портьюс (автор текста) и Оберхольцер и др.

Таким образом, мы имеем дело не с отдельным ученым, но с главой «школы», которую мы предлагаем назвать психолого-расистской, ибо представители этой школы характеризуют каждый «изучаемый» или народ как «психически ненормальный» в том или ином отношении. Так, «основную личность» туземцев острова Азор (Индонезия) Кардинер характеризует следующими психологическими «комплексами»: 1) ненависть к матери, 2) переоценка значения половых стимулов и стимулов голода, 3) страх, 4) подозрение, 5) недоверчивость, 6) отсутствие уверенности в себе, 7) непостоянство, 8) отсутствие инициативы²¹. Наконец, чтобы не оставалось уже никаких сомнений в том, что эта «теория» служит именно империалистам, Кардинер добавляет еще один «комплекс», свойственный, якобы, «основной личности» индонезийцев: «желание быть объектом агрессии и принимать диктуемые условия мира»²². Следует помнить, что это написано в самый разгар борьбы индонезийцев с голландскими империалистами за свою национальную независимость.

Кардинер начинает как будто с критики расизма в его германской редакции. На деле же он пользуется этой критикой как дымовой завесой, чтобы отречься от основных положений науки о расах и на пустом месте соорудить уродливое здание расизма в новой американской редакции. Это положение вещей Кардинер пытается запутать тем, что вместо понятия расы как суммы биологических признаков, он предлагает понятие «основная личность» как сумму психологических «комплексов». Но эта игра в словечки может запутать разве только того, кто сам хочет быть запутанным.

Кардинер защищает «незыблемость» капиталистических порядков. Пытаясь изменить, пишет он, «социальный порядок и его институты» — это все равно, что пытаться поднять себя за ушки сапог²³. Он утверждает, далее, что все люди, живущие в капиталистическом («западном») обществе, проводят раннее детство в одних и тех же условиях, под влиянием одних и тех же «первичных институтов». Следовательно, заявляет он, в «западном» обществе нет классовых различий между людьми, все люди по своим психологическим качествам приближаются к «основной личности» «западного» общества. Отклонения от «основной личности» Кардинер объясняет «атипичными» (для «западного» общества) условиями раннего детства; таких членов общества Кардинер называет «психически ненормальными». Наконец, он утверждает, что каждый народ имеет свою особую «основную личность», при этом одни народы призваны повелевать, а другие подчиняться.

Относительно того, какие именно народы призваны повелевать, в США нет единой точки зрения. Согласно одной версии, призваны повелевать англо-саксы. Согласно другой — только североамericанцы, причем США изображаются как «стигель» для переплывки всех других наций. В зависимости от конкретной обстановки применяется либо та, либо другая версия, и «теория» Кардинера построена так, что может служить «обоснованием» обеих. Понятие «основная личность», таким образом, служит тем же реакционным, империалистическим целям, которым служило и понятие «расы» в руках немецких расистов.

В этой связи становится понятным тот факт, что в США издается огромное количество книг, посвященных воспитанию детей, а также технике психоанализа. При многих американских университетах организованы школы для взрослых, в которых преподают психоанализ. Некто Нокс решил выяснить, что более всего интересует посещающих эти школы. Путем собирания анонимно заполненных анкет он пришел к следующему выводу: «Большинство из них желало знать, что может дать психолог для его дела, для его отношений с людьми, для достижения счастья²⁴». Тот же Нокс пишет, что американцы в настоящее время тратят тысячи долларов на предсказание судьбы, спиритизм, телепатию, френологию и т. п.²⁵ С. Фельдман сообщает, что в США «смотрят на психоанализ как на лекарство от всех страданий человечества... При помощи психоанализа пациенты надеются стать сверхлюдьми (supermen), надеются не только на то, что психоанализ излечит их от чего-либо, но и на то, что психоанализ создаст в них самые высшие способности, какие только человеческое

²¹ Сога Du Bois, *The people of Alor*, N. Y., 1944, стр. 181.

²² A. Kardiner, *The psychological frontiers of society*, N. Y., 1946, стр. 170. Наш подробный разбор его книги см. «Советская этнография», 1948, № 3.

²³ A Kardiner, Указ раб., стр. 44.

²⁴ G. W. Knox. *A survey of adult interests in, an attitudes towards, psychology*, «Journal of General Psychology», 1940, January, стр. 209.

²⁵ Там же, стр. 210.

существо может иметь. Многие видят в психоанализе новую религию»²⁶. В Англии также начинают учащаться явления подобного рода.

Причины ваших несчастий и огорчений, поучают Кардинер и его английские последователи, коренятся не в обществе, не в социальной системе, подавляющей миллионы индивидуумов ради нескольких тысяч, а в структуре вашей личности. В раннем детстве у вас были «атипичные» опыты, в результате чего в структуре вашей личности есть «отклонения от нормы». Вы — ненормальны, но в этом оказывается, нет ничего особенного. «Ненормальное поведение и опыт,— поучают в упомянутой школе для взрослых,— это нормальные признаки человеческой природы»²⁷. Вы потеряли работу — вам нужно идти к специалисту по психоанализу, проверить «структуре вашей личности». Вы потеряли свои сбережения, потому что лопнул банк, в который вы их вложили,— пошли в специальное бюро по психоанализу ваши воспоминания о раннем детстве, о том, как вы ненавидели свою мать и т. п. (приложив, разумеется, известную сумму), и вскоре вы получите ответ, где будет сказано, какой «комплекс» вашей личности виноват в том, что вы лишились своих денег.

В связи с этим становится понятным и тот факт, что в США издается немалое количество книг и журналов, посвященных изучению психических расстройств. Как на своего рода знамение времени можно указать на объемистую (700 стр.) книгу Алонзо Грэвса «Затмение разума»²⁸. Автор этой книги — умалишенный, и написана она в сумасшедшем доме. Она содержит воспоминания автора о его семье, о его детстве, о его работе газетным репортером, а параллельно — данные врача о поведении автора в то время, когда он писал свои воспоминания. Некто Дэй, рецензируя эту книгу, превозносит ее ценность, ибо в ней, мол, содержится только бессознательные «комплексы» ее автора, сознание его не принимало в написании этой книги никакого участия²⁹.

Маргарет Мид идет еще дальше. Она призывает психосоматическую медицину расширить границы своей деятельности с тем, чтобы «само общество стало ее пациентом»³⁰. Эти слова М. Мид имеют в виду прежде всего «другие» общества, «другие» народы. Норвежский ученый Абрагамсен³¹ взялся, например, «лечить» немецкий народ. Он прежде всего поставил «диагноз» и выяснил, что «немцы страдают коллективным умопомешательством». По его мнению, «бэлезнь» возникла в доисторический период, когда немцы жили в лесах. Лесная жизнь заставляла их всегда предполагать опасность и держаться вместе. Опасность сделала немцев болезненно агрессивными, и эта агрессивность проявляется даже в грубоści их языка³². Далее автор переходит к обсуждению методов, при помощи которых следует «лечить» немецкий народ. По его мнению, немецкий народ можно было бы «вылечить» в три года, если бы можно было в течение этих трех лет ежедневно и для каждого немца отдельно устраивать сеанс психоанализа.

«Теория» «основной личности» идет на потребу американским империалистам. Когда им нужно оправдать экономическое закабаление ряда государств Западной Европы, они среди других софизмов приводят и доводы Кардинера: народ, имеющий «плохую» «основную личность», не может сам ее изменить, но должен прибегнуть к «помощи» другого народа, имеющего хорошую «основную личность». В «работах», выходящих из-под пера Кардинера и его последователей в виде «конфиденциальных» памфлетов, имеются указания, что «поскольку структура характера наших врагов является нежелательной, а наш собственный характер действует благотворно в этом отношении (плос к тому же атомная бомба.—Н. Б.), постольку мы имеем моральное право прийти к ним и реформировать силой, если необходимо, семью, воспитание и религию народов, отличных от нас»³³.

Эта «теория» начинает применяться и в литературоведении, искусствоведении и т. д. Она нашла свое применение и к так называемой «негрской проблеме» в США. Здесь понятие «основная личность» не применяется, потому что расовая дискриминация тогда была бы слишком уже очевидна. Поэтому «негрская проблема» разрешается при помощи нового понятия — «каста». Кокс утверждает, например, что

²⁶ S. Feldman, True and false conceptions of psycho-analysis, «Psychiatrist Quarterly», 1945, № 4, стр. 567.

²⁷ См. «Journal of General Psychology», 1940, January, стр. 210.

²⁸ Alonso Graves. The eclipse of a mind. N. Y., 1942.

²⁹ См. «American Journal of Sociology», 1943, № 5, стр. 622.

³⁰ M. Mead, The concept of Culture and the psychosomatic approach, «Psychiatry», 1947, № 10, стр. 75.

³¹ D. Abrahamsen, Men, mind and power, N. Y., 1945.

³² Автор уделяет место и выяснению «болезней» отдельных лиц: Гитлера, Гебельса, Геринга, Гиммлера, Квислинга и Лаваля. Гитлер, по его мнению, в раннем детстве сильно ненавидел своего отца, австрийца, и поэтому, когда вырос, всегда стремился к захвату Австрии. Лаваль, наоборот, имел в детстве предосудительные отношения со своей матерью, и тот факт, что он предал Францию, был «психологическим эквивалентом изнасилования им своей матери».

³³ J. Embree, Applied anthropology and its relationship to anthropology, «American Anthropologist», 1945, № 4, стр. 636.

негры представляют особую касту и что отношения между белыми и неграми являются отношениями эксплуатации³⁴. За этим, на первый взгляд довольно радикальным, тезисом кроется в действительности весьма реакционная точка зрения. По мнению Кокса и многих других, в США нет классов, ибо культура там одна и та же. «первичные» институты одни и те же, и, следовательно, «структура личности» всех американцев (исключая, разумеется, «ненормальных») в основном одна и та же. В США имеются якобы лишь «пережитки» классовых отношений, и одним из них является различие между белыми и неграми. Но виновато в этом отнюдь не капиталистическое общество США, а сами негры: много тысяч лет они жили в Африке под формирующим влиянием другой культуры и в результате приобрели ряд не только психологических, но даже физических признаков (например, черный цвет кожи), отличающих их как особую «касту». Термин «раса», однако, применять к ним не следует. Поэтому и Гэмфри, вслед за Коксом, предлагает понятие «каста». «Каста, как социо-культурное явление,— пишет он,— может быть объектом социо-культурной трансформации»³⁵. Гэмфри утверждает, что влияние американской культуры на негров приведет со временем к «социо-культурной трансформации», но пока она не произойдет (а это дело весьма длительное.—Н. Б.), «пережитки» классовых отношений будут сохранены. С неграми американские этнографы не церемонятся, и на примере «негрской проблемы» ложь их новой «концепции» вскрывается легче всего.

Эта «теория» нашла свое применение и в университетском преподавании. В одном из американских университетов в 1945—1946 учебном году курс «Личность и культура» читали одновременно трое: этнограф (Джон Гиллин) и два психиатра (супруги Лаймен). Практику по этому курсу студенты проходили в доме для умалишенных, изучая различные типы психических расстройств и сводя их к тем или иным «первичным институтам»³⁶.

В 1947 г. Американская антропологическая ассоциация обратилась в Организацию Объединенных Наций с посланием, в котором предлагалось учесть «некоторые из выводов ряда наук, занимающихся изучением культуры» при разработке «Декларации прав человека». Под «некоторыми из выводов» имелась в виду психолого-расистская «концепция». Это послание было напечатано в центральном этнографическом журнале³⁷. Психолого-расистская «концепция» начинает проникать во все науки, во все области жизни в США и стремится стать государственной логикой.

Приведенные нами факты свидетельствуют о том, что «теоретической» этнографии в США придается большое идеологическое и политическое значение. Крупными тиражами выходят работы этнографов, вводится преподавание этнографии в большинстве североамериканских университетов. Но этот дешевый успех американской этнографии лишь подчеркивает ее реакционный, антинаучный характер. Горькие и справедливые слова вырвались по этому поводу у Элси Парсонс. Американские этнографы, писала она, «могут с тоской оглядываться на добрые старые времена, когда они были бедны, но горды, независимы, потому что незаметны, свободны, потому что никто не заботился о том, что они делали»³⁸.

Современные американские «теоретизирующие» этнографы основательно забыли о том, что такая свобода и независимость науки. Они находятся в полном распоряжении империалистических хозяев США и послушно «обосновывают» их реакционную внутреннюю и внешнюю политику.

Н. Бутиков

ОБЩАЯ ЭТНОГРАФИЯ

Проф. В. И. Равдоникас, *История первобытного общества*. Изд. Ленинградского государственного университета. Часть I, Л., 1939. Часть II, Л., 1947.

Написать учебник по истории первобытного общества — задача чрезвычайно трудная. Трудность заключается прежде всего в изобилии фактического материала — археологического и особенно этнографического, разросшегося за последнее время до колоссальных размеров. Этот материал представляет собой на первый взгляд хаотическую груду фактов, не поддающуюся систематизации. Да если бы еще все эти

³⁴ O. C. Cox, Race and caste: a distinction, «American Journal of Sociology», 1945, 50, стр. 361.

³⁵ M. H. Imphrey, American race relations and the caste system, «Psychiatry», 1945, 8, стр. 380.

³⁶ «Pedagogical experiment at Duke university», «American Anthropologist», 1946, № 3, стр. 489.

³⁷ См. «American Anthropologist», 1947, № 4.

³⁸ E. C. Parsons, Anthropology and prediction, «American Anthropologist», 1942, № 3, стр. 341.

«факты» были действительно объективными фактами! Нет, в числе их очень много ненадежных, даже явно недоброкачественных сообщений, есть и просто фальсифицированный материал, в особенности в работах новейших буржуазных этнографов. Разобраться в этом скопище разношерстного материала, отдельить ценное от негодного, установить порядок и систему, из массы разрозненных фактов построить историю первобытного общества — дело весьма и весьма нелегкое. Чтобы его выполнить, необходимы два условия: владение методом марксизма-ленинизма, который только один и может помочь исследователю правильно понять факты, и хорошее знание самых этих фактов, т. е. достаточная эрудированность и в археологической и в этнографической науке. При нарушении хотя бы одного из этих условий исследователю грозят две опасности: или потонуть в море сырого материала, не сумев в нем разобраться, или отбросить этот материал в угоду сухой и абстрактной, заранее составленной схеме.

Труднее всего правильно сочетать материал археологии и этнографии, двух основных наук, данные которых равно необходимы для построения истории первобытного общества, но каждая из которых в отдельности еще не дает возможности построить такую историю. Очень мало людей, в должной мере эрудированных и в этнографии и в археологии, да притом владеющих марксистско-ленинским методом. Вот почему мы до сих пор еще не имеем доброкачественного учебника первобытной истории.

Автор рецензируемого учебника — опытный археолог. Он пытается — всегда ли удачно, это уже другой вопрос — проводить марксистско-ленинскую точку зрения при решении и самих общих и отдельных, более частных, проблем первобытности. Само построение книги базировано им на принципах периодизации истории первобытного общества, которую автор стремится увязать с периодизацией Моргана — Энгельса. Изложение ведется в основном на конкретном материале, — прежде всего на археологическом, но в немалой степени и на этнографическом. Первое и немудрено, ибо автор — сам археолог; но нельзя не одобрить и широкого привлечения автором этнографического материала, довольно разнообразного. При этом этнографический материал не только приводится автором в качестве конкретных иллюстраций определенных стадий развития человечества, но именно он положен в основу трактовки автором целого ряда общих проблем общественного строя первобытной эпохи, — что нельзя опять-таки не признать вполне правильным.

Ничего нельзя возразить автору и по поводу того, что он отказывается от чисто догматического изложения материала и выводов, предпочитая, по крайней мере по ряду спорных, еще не до конца решенных вопросов, проблемный стиль изложения, знакомя своих читателей с историей вопроса, с различными взглядами. При этом он, конечно, не прячется за чужими взглядами, не заставляет читателя самогоДелать выбор между противоречивыми мнениями, а каждый раз дает свое, худо ли хорошо ли, но мотивированное решение проблемы. «Полагая, — правильно пишет сам В. И. Равдоникас, — что курс для высшей школы должен давать отнюдь не догматическое знание, автор стремился везде, где мог, включать в свою систему изложения доказательства, аргументацию, т. е. элементы исследования, а также критику неприменимых для него мнений. Это совершенно необходимо при творческом построении курса в такой еще далеко, конечно, геустоявшейся области исторического знания, как первобытная история» (ч. 1, стр. 4). Автор резко критикует враждебные нам реакционно-буржуазные концепции по вопросам первобытной истории (хотя нельзя не оговориться, что новейшие реакционные концепции остаются неразоблаченными).

Но как — в этом главный вопрос — удалось автору разрешить основную задачу — задачу правильного сочетания археологического и этнографического материала для построения единой истории первобытного общества? Мы оставим здесь в стороне трактовку В. И. Равдоникасом материала археологии, в котором он является достаточно компетентным специалистом, — предоставим это сделать археологам. Заметим только один существенный минус: автор следует дурной традиции старых археологов, ограничивая свое рассмотрение одним лишь европейским материалом, с небольшими дополнениями по азиатским территориям СССР и по Северной Африке. Археология всех остальных частей света в книге почти целиком отсутствует. Едва ли можно считать убедительной ту отговорку, которую автор по этому поводу мимоходом бросает, — о прародевременности якобы написания «всемирной истории эпохи камня» (ч. 2, стр. 153). Разве следует отдавать эту задачу в руки буржуазных фальсификаторов науки вроде Освальда Менгина?

Отметим и еще одну, уже гораздо более существенную ошибку автора в трактовке археологического материала, ошибку, заметить которую можно, и не будучи археологом, и которая имеет ближайшее отношение к увязке археологического материала с этнографическим: мы имеем в виду отнесение проф. Равдоникасом палеолита «почти целиком», т. е. включая и мустерьскую эпоху, значит и неандертальца и средней ступени дикости (ч. I, стр. 92, 116—118 и сл.). Автор, правда, не первый из археологов делает эту ошибку, но она не становится от этого более извинительной. Проф. Равдоникас не считает нужным на этот раз, вопреки своим собственным принципам, приводить мотивы, по которым он решается провести столь резкую грань между нижним и средним палеолитом (точнее даже между нижним

и верхним ашёлем, ибо верхний ашель он тоже склонен относить к средней ступени дикости) и не проводить никакой грани между средним и верхним палеолитом, между стадией неандертальца и появлением современного человека. Ни «окончательное овладение огнем», почему-то относимое автором к среднему палеолиту (стр. 168), ни рост значения охоты, ни новая техника «скалывания» при обработке кремня — сами по себе еще не дают права ставить неандертальца на один уровень с современным «разумным» человеком эпохи верхнего палеолита, носителем грубой верхнеашельской и мустерьской техники — с мадленскими охотниками за оленем и художниками альтамирской пещеры. Еще хуже другое: при такой разбивке материала по ступеням моргановской периодизации, какую дает проф. Равдоникас, на одну ступень с неандертальцами попадают и современные австралийцы (ибо автор не оспаривает общепринятого отнесения австралийцев к средней ступени дикости). А это уже не только противоречит всем нашим данным об общественном строе и культуре этого угнетаемого колонизаторами, но жизнеспособного и свободолюбивого народа; это является и грубейшей политической ошибкой, которую нет надобности особо разъяснять.

Современное состояние советской науки дает право с полной уверенностью утверждать, что, как правильно говорит С. П. Толстов¹, что «реальной гранью между низшей и средней ступенями дикости является завершение становления самого вида современного человека». Это соответствует началу верхнего палеолита, характеризуемому «возникновением искусственно изготовленных орудий для производства орудий». Завершение процесса антропогенеза, появление рас современного человека, новый, более высокий уровень развития производительных сил, достигнутый в верхнепалеолитическую эпоху (быть может, и открытие умения добывать огонь относится к этой же эпохе), — все это заставляет считать началом средней ступени дикости никак не средний палеолит, а именно верхний палеолит.

Перейдем, однако, к вопросу об использовании собственно этнографического материала в книге В. И. Равдоникаса. Удовлетворительно ли используется здесь этот материал с точки зрения современного состояния советской и мировой этнографической науки? К сожалению, нет.

Прежде всего бросается в глаза структурная неслаженность учебника проф. Равдоникаса. Автор справедливо признает основными источниками знаний о первобытном обществе две науки — этнографию и археологию (ч. 1, стр. 23, ч. 2, стр. 3). Однако в первом томе (период дикости) этнографическому материалу отводится совершенно недостаточное место, о нем автор упоминает лишь вскользь, там и сям, и без определенного порядка. Чаще других упоминаются австралийцы, но непоследовательно: об их хозяйстве и общественном быте автор говорит непосредственно после характеристики техники мустерьской эпохи (стр. 181—182), повторяя здесь ошибку буржуазного археолога Солласа; о религиозных же верованиях он говорит в связи с изложением материала по верхнему палеолиту (стр. 220—222 и др.), нарушая этим свою собственную схему. Второй том, посвященный периоду варварства, построен вообще по-другому: низшая ступень варварства характеризуется автором сначала на этнографическом материале (и здесь его довольно много), потом на археологическом; но после этого автор вообще отказывается от следования периодизации Моргана — Энгельса и говорит не о средней и высшей ступенях варварства, а об «эпохе меди и бронзы». Этнографический материал здесь собран в главу, названную «Этнографические примеры обществ с патриархально-родовым строем или его пережитками» (стр. 311—322).

Хотя в этом втором томе этнографический материал представлен достаточно обильно, использование его не может не вызвать самых серьезных возражений. На одну и ту же «низшую ступень варварства» автором поставлены народы, стоящие в действительности на весьма различных уровнях развития: не только ирокезы и другие племена восточных штатов Северной Америки (классические представители низшей ступени варварства), но и эскимосы и племена северо-западного побережья Америки (стр. 30, 32) индейцы-пуэбло (стр. 30, 46), ительмены, юкагиры и айны Северной Азии (стр. 31), папуасы (стр. 32), ряд племен Африки и Юго-Восточной Азии (стр. 51). Едва ли хоть один этнограф согласится с подобной группировкой. Индейцев-пуэбло Морган и Энгельс относили, вполне правильно, к средней ступени варварства, основываясь прежде всего на наличии у них высоко интенсивного земледелия с искусственным орошением. Проф. Равдоникас с этим не согласен: по его мнению, индейцам-пуэбло нельзя вменять в особую заслугу введение оросительного земледелия, ибо последнее «объясняется сухостью песчаной почвы, на которой земледелие без ирригации невозможно» (стр. 46). Очевидно, проф. Равдоникас только в том случае согласен считать оросительное земледелие признаком средней ступени варварства, если оно применяется данным народом без всякой к тому необходимости. Сложнее вопрос с эскимосами. В. И. Равдоникас не только ставит их на низшую ступень варварства, но в пределах этой ступени отводит им место «близко к началу периода варварства» (стр. 30); он ставит их ниже папуасов (стр. 32) и почти

¹ С. П. Толстов, К вопросу о периодизации первобытного общества, «Советская этнография», 1946, № 1, стр. 28.

на один уровень с австралийцами и огнеземельцами, считая, что они «сохранили ряд основных особенностей высшей ступени дикости» (стр. 6). А так как австралийцы, как мы выше видели, ставятся автором на одну ступень с неандертальцами, то место эскимосов (одного из народов Советского Союза, между прочим!) в истории развития человечества становится весьма незавидным. Почти тот же уровень развития автор находит, по крайней мере в XVIII в., и у ительменов, юкагиров, айнов (стр. 31). На основании чего же проф. Равдоникас делает такую странную группировку народов? — На основании формального признака: господства охотничьего хозяйства у данных народов. Но ведь это же чисто зональное явление, распространенное у ряда арктических и субарктических народов, независимо от уровня их культурного развития, от чука до русских поморов. Наличие у эскимосов «коллективных форм производства и распределения» и «признаков материнского родового строя» (стр. 31) также отнюдь не может служить основанием для отнесения эскимосов (равно как ительменов, юкагиров и других народов) к низшей ступени варварства: этнографам хорошо известны факты сохранения пережитков того и другого на сравнительно очень поздних стадиях общественного развития, вплоть до раннеклассовых обществ.

Набросав, таким образом, в одну кучу под названием «низшей ступени варварства» ряд самых различных народов, проф. Равдоникас несколько иначе, но еще более неудачно поступает с другими народами, в общем более культурными, которых он, видимо (судя по общей конструкции книги), рассматривает как иллюстрации средней ступени варварства (ибо высшая ступень варварства обещана автором в еще не вышедшей 3-й части книги). Он, однако, избегает этого наименования и предпочитает называть данную группу народов «этнографическими примерами обществ с патриархально-родовым строем или его пережитками» (стр. 311). Какие же народы сюда попадают? — «Скотоводческие племена Южной Африки», монгольские и тюркские народы Азии (более подробно автор описывает некоторые группы казахов), «народы Северного Кавказа», наконец, «южные славяне». Группа более чем странная! И хотя В. И. Равдоникас говорит по отношению к некоторым из этих народов лишь о «пережитках патриархально-родового строя» и — надо надеяться — не хочет ставить народы Болгарии и Югославии на один исторический уровень с кафрами и готтентотами, однако уже само расположение всех этих народов рядом, в одной главе, посвященной «возникновению металлургии меди и бронзы» (буквально!) — способно вызвать глубокое недоумение не только у этнографа, но и у всякого человека, хоть немного слышавшего об этих народах. А так как автор не считает нужным хотя бы сделать оговорку об условности даваемой им группировки, то недостаточно подготовленный читатель, прочтя эту главу, сделает для себя естественный вывод, что описанные в ней народы, негры и готтентоты Африки, монголы Чингис-хана, современные казахи и калмыки, черкесы и народы Дагестана, сербы и болгары — суть представители одной и той же исторической стадии развития. В тексте книги проф. Равдоникаса нет ни одного слова, которое бы помешало читателю сделать этот нелепый, но логически вытекающий из изложения автора вывод. Подобное обращение с этнографическим материалом заставляет думать, что автору остался совершенно чужд тот исторический подход к этому материалу, который характеризует современную советскую этнографию. Автор находится в этом отношении, видимо, еще под обаянием старого буржуазного эволюционизма.

Отсутствие исторического подхода к данным этнографии сказывается у автора между прочим и в том, что он совершенно игнорирует вопросы этногенеза народов, о которых он говорит. Правда, в первом томе книги В. И. Равдоникас посвящает несколько страниц «этногенетическому процессу» (стр. 97—100), а в другом месте говорит, вполне правильно, о необходимости проверки «статических материалов этнографии» историческими данными (стр. 22—23); но при изложении конкретного материала он совершенно забывает о своих собственных обещаниях. Проблемы происхождения и истории тех народов, которые по разным поводам упоминаются в книге, автор нигде не касается. Как и когда были заселены Австралия, Америка, и вся вообще эйкумена, где, когда и как формировался этнический и культурный облик современных австралийцев, индейских племен, народов Южной Африки и др. — все это вопросы, совершенно не интересующие автора. Едва ли не в одном единственном месте затрагивает автор вопрос о происхождении упоминаемого им народа, — и как раз довольно неудачно: речь идет о тех же эскимосах. Автор считает их «остатком очень древних племен, перешедших Берингов пролив из Азии в Америку к началу мезолита и сохранивших при своем дальнейшем развитии многие древние особенности в общественной жизни» (ч. 2, стр. 30—31). Это — не что иное, как старая, ныне почти всеми оставленная теория Бойд-Даукинса, считавшего эскимосов потомками европейских кроманьонцев, теория, которую сам В. И. Равдоникас в ее археологической части справедливо критикует (ч. 1, стр. 30). Автор не обнаруживает знакомства с обширной современной литературой по «эскимосской проблеме», игнорирует не только этнографические, но и археологические исследования последних лет в районе Берингова моря, исследования, в результате которых выясняется с достаточной определенностью позднее появление эскимосской культуры на арктическом побережье Америки. Мало того: цитированные выше слова проф. Равдоникаса наводят на мысль, что он склонен связывать сохранение у эскимосов «многих древних

особенностей в общественной жизни» именно с их якобы древним переселением в Америку (а иначе зачем он именно в этой связи, и только в одном этом месте во всей книге, касается вопроса о происхождении народа?); но тем самым автор невольно становится на точку зрения новейших буржуазных диффузионистов (в частности, датской школы), которые, как известно, считают, что архаические черты тем сильнее представлены в культуре данного народа, чем раньше этот народ высыпался из своей предполагаемой прародины. Все это весьма далеко от постановки этногенетической проблемы в советской науке.

Перейдем к отдельным проблемам первобытной истории, которые трактуются автором на основании или с помощью этнографического материала. Насколько удовлетворительна их трактовка?

В некоторых случаях ее можно признать удачной. Хотя многие вопросы здесь спорны, но нам представляется, например, правильным, что проф. Равдоникас признает первичной формой материнско-родового строя «дуальную организацию» (ч. 1, стр. 209, ч. 2, стр. 56) и именно из этой древнейшей формы экзогамии выводит обычай кросс-кузенского брака и тому подобные явления. В этом он более прав, чем некоторые этнографы, в том числе даже Л. Я. Штернберг, ставящие на голову последовательность явлений и сводящие дуально-экзогамную организацию к кросс-кузенному браку.

В вопросах развития форм хозяйства автор опирается в основном на этнографический материал и в общем довольно удачно. При всей спорности проблем возникновения земледелия и скотоводства взгляды автора заслуживают внимания. Его точка зрения на происхождение скотоводства, связанная с критикой буржуазно-идеалистических концепций, представляется достаточно убедительной (стр. 6—16). То же надо сказать и о его понимании возникновения земледелия, где проф. Равдоникас, между прочим, высказывает взгляд на происхождение культурных растений, близкий к современному мичуринскому пониманию этого процесса (стр. 21—22 и др.).

Есть и другие интересные и верные замечания автора по поводу отдельных проблем, связанных с этнографической наукой.

Однако, к сожалению, примеров верной трактовки этнографических проблем в книге проф. Равдоникаса немного. Чаще встречается обратное. Автор обнаруживает то и дело недостаточное знакомство как с конкретным этнографическим материалом, так и с состоянием проблематики современной — особенно советской — этнографической науки.

Так, например, проф. Равдоникас продолжает некритически придерживаться теории «кровнородственной семьи», в том виде, как ее в свое время излагал Морган (ч. 1, стр. 96, 182—183), даже не упоминая (а может быть и не зная), что в современной советской этнографической науке эта теория вызвала серьезные возражения как несоответствующая фактам. От этой «кровнородственной семьи» автор ведет линию к «образованию рода», усматривая зародыш последнего в гавайской «семье пуналуа» (стр. 207) и, очевидно, продолжая считать гавайцев, как это делалось во времена Моргана, представителями самой низкой стадии развития². Что гавайцы и другие полинезийцы не имеют ничего общего с дикостью, что это весьма культурный и развитый народ, стоявший уже до прихода европейцев на грани классового строя, создавший в XIX в. ряд туземных государств, что полинезийцы имеют за собой богатое историческое прошлое и давно пережили стадию родового строя, что гавайская семья «пуналуа» ни с какой стороны не может рассматриваться как образчик примитивной формы семьи, будучи запоздальным обломком группового брака, возникшим в условиях разложения рода, — обо всем этом проф. Равдоникас или сам не имеет представления или почему-то не считает нужным осведомить своих читателей. Опять тот же совершенно неисторический взгляд на современные народы.

Между прочим, признавая теорию кровнородственной семьи (как эндогамной формы), В. И. Равдоникас употребляет в другом месте термин «кровнородственный» в совершенно ином смысле — для обозначения экзогамных родовых союзов (ч. 2, стр. 55—56).

Странным представляется также, что проф. Равдоникас продолжает считать «непоколебленной» старую буржуазную схему развития хозяйства — теорию «трех ступеней» (охота — скотоводство — земледелие), созданную, видимо, еще Adamom Смитом, но в современной этнографии давно оставленную (ч. 2, стр. 34). Автор пытается спасти эту примитивно-упрощенную схему указанием на то, что «настоящее полевое земледелие» возможно только с использованием «тягловой силы скота» и, следовательно, предполагает в прошлом стадию скотоводства; но он едва ли здесь прав, ибо, во-первых, и «мотыжное» земледелие является не менее «настоящим», чем плужное, а в некоторых странах, как в Китае, Японии, оно по интенсивности и про-

² Напомним, что уже Энгельс в 4-м издании своей книги «Происхождение семьи...» (1891 г.) на основании накопившихся у него новых фактов счел необходимым поставить под сомнение взгляды Моргана на историческое место пуналуальной семьи; «мы... знаем теперь, — писал он, — что Морган в этом пунктешел слишком далеко» (см. Ф. Энгельс, «Происхождение семьи, частной собственности и государства», М., 1937, стр. 56—57).

дуктивности не уступает, а превосходит плужное земледелие; во-вторых же, и народы, занимающиеся плужным земледелием, отнюдь не обязательно должны были пройти через стадию скотоводства, так как одомашнить и использовать в хозяйстве отдельные породы скота — еще не значит заниматься скотоводством как основной формой хозяйства. Вопрос об исторических взаимоотношениях земледельческого и скотоводческого хозяйственных укладов обстоит в современной науке гораздо сложнее, чем это представляли себе старые буржуазные экономисты.

С этим же связана и другая ошибка В. И. Равдоникаса: он считает «полуседлое кочевое скотоводство» (странные, кстати, сочетание терминов) «более поздним типом» хозяйства сравнительно с «чистым скотоводством при непрерывном кочевании», которое он рассматривает, как «наиболее древний тип» (ч. 2, стр. 313—314). В советской этнографической литературе преобладает как раз обратный взгляд: «чистое» кочевничество, связанное с крупнотабунным скотоводством, есть поздняя, высоко специализированная форма хозяйства, сложившаяся лишь в ходе долгого исторического развития.

По вопросу о происхождении плуга проф. Равдоникас повторяет старую упрощенную теорию: «плуг происходит из мотыги» (ч. 2, стр. 302). Для археологов эволюция плуга — вообще слабое место, ибо в раскопках находятся обычно лишь сошники, — а каков был весь плуг, археолог знать не может. Но в этнографической-то литературе давно и детально исследованы все типы и разновидности плуга, из которых одни восходят действительно к мотыге, другие — к застулу. Приводимая автором «схема развития от мотыги к плугу» (там же, рис. 115) — фантастична, ибо в ней перемешаны совершенно различные, генетически не связанные формы плуга, и из них некоторые явно связаны с застулом, а не с мотыгой.

По вопросам общественного строя мы встречаем в книге проф. Равдоникаса еще целый ряд или сомнительных или явно неверных утверждений. Весьма сомнительно, что «сама логика патрилокального брака... может привести к возникновению отцовского счета родства» (ч. 2, стр. 71—72), — чисто априорный и голословный взгляд, противоречащий фактам. Непонятно проводимое автором, но не принятое в этнографической науке противопоставление «мужских союзов» «тайным обществам» (стр. 93), причем и о распространении мужских союзов и о их функциях говорится очень неясно. Трудно сказать, откуда автор взял «территориальную экзогамию» в первобытном обществе, о которой он говорит весьма уверенно (стр. 59—60).

Но самое неудачное у автора в этом отношении — это трактовка межплеменных отношений первобытного общества, в частности на низшей ступени варварства. Автор сильно преувеличивает «родо-племенную замкнутость», разобщенность племен, преувеличивает значение войны как формы межплеменных отношений. Он слишком стучает краски при описании жестоких обычаев, связанных с войной: каннибализм, охота за черепами, сдирание скальпов с убитых врагов, истязания и умерщвление пленных и пр. (стр. 94—96) — все эти ужасы как будто нарочно собраны автором, чтобы произвести посильнее впечатление на читателя. Но они заимствованы скорее из старых приключенческих романов и из обывательских представлений, чем из точных научных данных. Кое-что здесь и верно, но все вместе страшно преувеличено и, будучи собрано в один букет ужасов, создает просто неверное впечатление. Прежде всего война на данной стадии развития отнюдь не является обычной формой межплеменных отношений, — гораздо более нормальны мирные и дружественные сношения, обмен, взаимные посещения, совместные празднества и т. п. Во-вторых, если и ведется война, она чаще бывает подчинена определенным правилам (различным у разных народов) и ограничениям. Если говорить о каннибализме, он отнюдь не так «необычайно широко распространен», как полагает проф. Равдоникас (стр. 95): напротив — это явление, встречающееся лишь в определенных ограниченных районах; в ряде случаев, где наблюдатели с ужасом описывали страшные сцены каннибальных пиршеств — например, на Фиджи в Океании, — распространение людоедства на поверку оказывается результатом колониальной политики европейцев, ввозивших огнестрельное оружие, спекулировавших на межплеменной вражде и разжигавших ее. Так безоговорочно обобщать описание каннибальных обычаев, как это делает В. И. Равдоникас, распространяя их на целую стадию развития человечества и на современные отсталые народы, глубоко ошибочно с научной точки зрения и далеко не безупречно с политической. «Охота за черепами» — обычай, еще более узко локализуемый. Говоря об обычаях скальпирования в Сев. Америке (стр. 94), автор должен был бы знать, что добывание скальпов получило широкую распространенность лишь в XVII — XVIII вв. под прямым влиянием колониальной политики Англии и Франции: первоначально этот обычай был известен лишь немногим племенам юго-восточной части материка, да и у них редко применялся; но так как англичане и французы, втягивая индейские племена в свою взаимную борьбу, умышленно разжигая межплеменные войны и стремясь всеми мерами оттеснить и истребить туземцев, поощряли их жестокие обычаи и платили за каждый принесенный скальп, — то в результате в короткое время погоня за скальпами распространилась по всему континенту. Эту историю хорошо выяснил Георг Фридерици в специальном исследовании («Skalpieren und ähnliche Kriegsgebräuche in Amerika», 1906).

Не меньше погрешил проф. Равдоникас против истины, говоря об «огромном распространении детоубийства», об умерщвлении стариков, оставлении без помощи

больных и т. п. (стр. 100—101), — а ведь это даже и не сфера межплеменных отношений, где он может ссылаться по крайней мере на законы войны и цитировать по этому поводу некоторые места из Энгельса. Не совсем даже понятно, зачем понадобилось проф. Равдоникасу так стущать краски в описании жестокости и варварства отсталых народов. Во всяком случае здесь особенно отрицательно сказалось влияние применяемого им порочного метода старых этнографов-эволюционистов: привести наудачу два-три факта, взятых откуда придется, и сделать из них сразу широкую обобщающую вывод.

Автор не замечает, как мало гармонируют с этими ужасами, расписываемыми им на нескольких страницах, те слова Энгельса, которые он сразу же после этого приводит, — слова о «чудесной организации» родового строя, где «все идет своим установленным порядком», «всякие споры и недоразумения разрешаются коллективом тех, кого они касаются», где кровная месть является «крайним, редко применяемым средством», «где бедных и нуждающихся не может быть» и т. д. (стр. 101—102).

И все-таки самое слабое место книги проф. Равдоникаса не здесь, а в другом: в тех главах, где речь идет о религии, а также о языке и искусстве первобытной эпохи. Он называет эти явления «общественными представлениями» (ч. 1, стр. 213, ч. 2, стр. 103), хотя почему-то глава о «происхождении религии» (ч. 1, стр. 230) стоит отдельно от главы об «общественных представлениях». Но не в этом дело. Беда в том, что автор как-то пытается согласовать марксистско-ленинскую точку зрения на сущность религии, которую он в общем неплохо излагает, — с совершенно устаревшими, примитивно-эволюционистскими взглядами классиков буржуазной этнографии — Тэйлора и Спенсера. По мнению В. И. Равдоникаса, «работы Тэйлора по первобытным верованиям» — «не утратили своего значения и до настоящего времени» (ч. 1, стр. 28); несмотря на некоторые оговорки, он полагает, что «самый процесс возникновения и развития анимизма намечен был Тэйлором... правильно» (ч. 2, стр. 114). По его мнению, уже палеолитические погребения свидетельствуют о наличии веры в душу (ч. 1, стр. 230). Далее, «заботы о мертвых естественно переходят в куль предков» (ч. 2, стр. 116). Совершенно так же думал и Герберт Спенсер.

Но В. И. Равдоникас столь же некритически принимает и взгляды некоторых более новых буржуазных авторов. Он считает «правильными и важными положениями» теории Фрэзера о тотемизме, Леви-Брюля о первобытном мышлении (ч. 1, стр. 231). Жаль, что автор не указывает, какую именно из трех, друг друга исключающих, но одинаково нелепых теорий Фрэзера о тотемизме он считает «правильным и важным положением». Однако если бы проф. Равдоникас был знаком хотя бы с описательным материалом по тотемизму, собранным в четырехтомнике Фрэзера, он едва ли стал бы утверждать, что «тотемные животные и растения являются предметом культового поклонения» (стр. 220), ибо он узнал бы, что суть тотемизма в том и состоит, что тотем считается чем-то близким, родственным, но никак не «предметом поклонения».

Тому же Фрэзеру автор некритически следует и в вопросе о понимании магии. Он берет у Фрэзера его весьма неудачную, поверхностную и неполную классификацию видов магии, причем даже и не ссылается здесь на Фрэзера, видимо, считая эту классификацию общепринятой в науке (стр. 221—222). Однако во II томе проф. Равдоникас отходит в вопросе о магии от Фрэзера и вновь возвращается к анимистической теории, заявляя, что магии «присуща анимистическая подоснова» (ч. 2, стр. 108, 110).

Конечно, автор может нам сказать, что в современной науке, и в буржуазной и в советской, многие продолжают придерживаться анимистической теории. Это верно; но сейчас едва ли кто-нибудь удовлетворяется тэйлоровско-спенсеровским объяснением происхождения анимистических верований. Проф. Равдоникас, например, совершенно неправ, полагая, что крупнейший русский этнограф Л. Я. Штернберг «примыкает к Тэйлору» в понимании первобытных верований (ч. 1, стр. 32). Если бы он дал себе труд прочесть более внимательно работы Штернберга по вопросам первобытной религии, он убедился бы, что этот ученый смотрел гораздо более глубоко и правильно на вопрос о происхождении религии и что его «анимистическая» теория лишь по названию напоминает тэйлоровскую.

К Леви-Брюлю В. И. Равдоникас относится более критически, и критика его во многом правильна (ч. 2, стр. 127—129). Но она не идет до конца, потому что автор не разобрался в значении центрального понятия дюргеймовско-левибрюлевской социологии — понятия «коллективных представлений». Всякая критика Леви-Брюля, если она прежде всего не раскроет смысла этого своеобразного понятия («коллективные представления»), не покажет его методологических корней, — будет быть мимо цели.

И действительно, критикуя Леви-Брюля, проф. Равдоникас все же во многом поддается обаянию этого буржуазного философа и притом, к сожалению, как раз в тех вопросах, где концепция последнего весьма слаба: например, в вопросах, касающихся языка.

Страницы, посвященные развитию языка (ч. 2, стр. 124—126), способны вызвать у читателя, хоть немного знакомого с языкознанием, полное недоумение. Если по вопросам чисто этнографическим проф. Равдоникас обнаруживает, по крайней мере

в некоторых случаях, осведомленность, то в этой смежной с этнографией области он совсем беспомощен. Чего стоит уже один принцип классификации языков! До сих пор мы привыкли пользоваться двумя способами классификации языков: генеалогическим и морфологическим. Автор не хочет и знать об этих принципах классификации, а исходит из своего собственного: распределяет языки по тем же ступеням моргановской периодизации. У него получается в данном случае «язык низшей ступени варварства» (стр. 124), специфические особенности которого автор и описывает в данной главе. Где, когда, у каких народов существует или существовал этот язык,— автор не считает нужным указывать, хотя мимоходом ссылается и на языки австралийцев, тасманийцев, племен Америки. Описывает же он особенности «языка низшей ступени варварства» частью по Леви-Брюлю, частью просто по обывательским представлениям, со ссылкой, в частности, на Фенимора Купера и Майн-Рида. После этого читатель уже не удивится, увидев в тексте данной главы заимствованный у Леви-Брюля и повторенный в десятках «научных» работ пример с нелепым разбором фразы «человек убил кролика». Эта фраза на каком-то «индийском» языке (на каком именно, автор, конечно, не говорит) звучит якобы так: «человек, он, один, живой; стоя, нарочно убил, пустив стрелу, кролика, его, живого, сидящего» (стр. 125). Пример этот должен иллюстрировать «конкретность первобытного восприятия». Автору не приходит в голову, что почти такой же результат получится, если подвергнуть подобному разбору эту самую или любую другую фразу на русском языке или на всяком другом языке, сохранившем грамматические категории.

Автор слышал, далее, о существовании «пассивного строя речи», где подлежащее становится в косвенном падеже (например, вместо «я убил оленя» говорится «мною убил оленя»), и истолковывает это явление с чисто леви-брюлевской точки зрения. «Олень убит не мною, а лишь «при посредстве меня». Но ком же? Очевидно, какой-то мистической, магической силой, действительной причиной убийства оленя.. Здесь магизм (!) определяет своеобразные особенности логики мышления, выражаемые синтаксисом» (стр. 125—126). Да, при таком своеобразном анализе нетрудно найти «магизм» в любом языке. Автор мог бы прекрасно обойтись и без примеров из языков пассивного строя: пусть он возьмет простые русские выражения: «мне хочется», «мне кажется», «мне думается», и поставит тот же вопрос: кто здесь действующее лицо, «действительный субъект предложения»? Очевидно,— «какая-то мистическая, магическая сила!»

Переходя к вопросу о фольклоре, проф. Равдоникас делает здесь ту же ошибку, которую делают и многие фольклористы (например, В. Я. Пропп), повторяя некритически взгляды давно устаревшей мифологической школы: он считает, что древнейшая форма фольклора есть миф, а все прочие его виды возникают лишь гораздо позже, когда с появлением «новых религиозных представлений» старые мифы теряют свое священное значение и «становятся простыми повествованиями», не священными, а «мирскими». Только тогда «миф превращается в сказку» (стр. 133). Этот старый взгляд, сводящий всю умственную деятельность первобытного человека целиком к религии и мифологии, отрицающий у него и потребность и способность к чисто художественному творчеству, раскритикован и отброшен советской фольклористикой и этнографией.

Таковы довольно многочисленные ошибки проф. Равдоникаса по принципиальным вопросам первобытной истории, имеющим отношение к этнографии. Как видим, почти все эти ошибки имеют одну причину: недостаточное знакомство автора с состоянием проблематики и достижениями современной советской этнографии.

Но, читая книгу проф. Равдоникаса, мы видим и другое: автор недостаточно знаком и со старым этнографическим материалом. Он берет его по большей части из вторых рук, зачастую из недоброкачественных источников, нередко — вообще неизвестно сткуда. Об этом свидетельствуют очень многочисленные «ляпсусы» автора по вопросам конкретной этнографии. Приведем несколько примеров.

На стр. 10 первого тома автор говорит, что «еще несколько десятков лет назад ирокезы сохраняли свой древний родовой уклад жизни». Очевидно, автор относит этот родовой уклад ирокезов ко времени жизни Моргана, который, по его словам, «имел возможность детально изучить племенной союз ирокезов» (стр. 30). В действительности ирокезы задолго до этого времени были частью истреблены, частью оттеснены со своей территории и поселиены в резервации, совершенно утративши «древний родовой уклад», и Моргану пришлось пользоваться лишь рассказами стариков для воссоздания картины этого древнего уклада.

Отдельные народы описываются В. И. Равдоникасом на основании неизвестно каких источников. При описании эскимосов он ссылается только на Штернберга (ч. 2, стр. 31), хотя известно, что Штернберг никогда никаких эскимосов не изучал. «Исследователем» ирокезско-гуронских и алgonкинских племен автор считает Крикеберга (стр. 42), хотя последний был лишь компилятором. В большинстве же случаев проф. Равдоникас вообще воздерживается от всяких ссылок. В особенности упорно избегает он упоминать имена русских и советских исследователей.

Проф. Равдоникас приписывает австралийцам «посадку корней ямса» (ч. 2, стр. 18—19). Подобные сообщения действительно имеются (Грегори), но они относятся лишь к отдельным местностям и вообще совершенно не характерны для

австралийцев. На стр. 28 автор говорит о свиньях и собаках как о единственных домашних животных Океании, упуская из виду курицу, имевшую местами не меньшее значение. На стр. 44 он описывает охотничьи племена прерий Северной Америки, ни слова не говоря о том, что к охотничьему хозяйству эти племена перешли совсем недавно, будучи вытеснены колонизаторами из более восточных областей, где они занимались земледелием. Напротив, на стр. 48 автор почему-то приписывает земледельческое хозяйство навахам и апачам, которые никогда его не знали. На стр. 60 В. И. Равдоникас поселяет папуасов войя-венда в «центральную часть Новой Гвинеи», когда они в действительности живут в северо-западной части острова. Племена массим (юго-восточная Новая Гвинея) он называет папуасскими (стр. 69), хотя они принадлежат на самом деле к меланезийцам. Ирокезам автор приписывает «турано-ганованскую» систему родства (стр. 40), хотя «туранскими» системами Морган, как известно, называл распространенные у народов Азии системы родства, основанные на мужском (а не на женском, как ганованские) счете происхождения.

Очень странное впечатление производит заявление В. И. Равдоникаса о распространении «узлового письма» у индейцев Северной Америки; у народов же Мексики и Перу, по его мнению, применялось «письмо, напоминающее наши ребусы», т. е. иерогlyphическое (стр. 132). Но ведь не надо быть этнографом, чтобы знать, что на самом деле, как раз наоборот, в Перу употреблялось «узелковое» письмо (кипу), иерогlyphическое же там не было известно, а существовало у майя и ацтеков. В другом месте автор приписывает тем же мексиканцам одомашнение ламы и альпако (стр. 14—15).

На стр. 319 автор говорит о кумыках и лезгинах, как о народах, «родственных карачаевцам». В каком смысле надо понимать это «родство» яфетического народа с тюркоязычным, неизвестно. Далее, почти рядом, мы встречаем такой перечень южнославянских народов: «черногорцы, хорваты, сербы, болгары, далматинцы» (стр. 320). Странная классификация! Ведь известно, что черногорцы — это те же сербы, а далматинцы — частью сербы, частью хорваты.

В книге встречается столь частое искажение этнических названий и местных слов, что невольно напрашивается мысль, что автор не видел соответствующих источников. Так, на стр. 207 первого тома приводятся названия восьми «брачных классов» племени арунта, но из них пять названий искажены до полной неузнаваемости. Известное название тотемических обрядов у тех же арунта «интичиума» автор пишет несколько раз «интихум» (стр. 220—222), причем относит и слово и самый обряд к австралийцам вообще. Бразильское племя труман автор переделал в «тумай» (стр. 220, три раза). Хорошо известное религиозно-магическое представление народов Океания о «мане» проф. Равдоникас упорно и многократно (стр. 108—110) называет «ману», — кто знает, не смешивая ли с «законами Ману» древних индусов?

Нельзя не обратить внимание и на неряшливость в географических названиях. По словам проф. Равдоникаса (ч. 1, стр. 26) Миклухо-Маклай «изучал население Малакки и Манилы» (?). Хорватию В. И. Равдоникас называет «Кроацией» (стр. 134), Крапинскую стоянку относит в одном месте к этой стране (правильно), но в другом — к Австрии (стр. 174).

Вывод из всего сказанного представляется достаточно ясным. Автор рецензируемой работы, большой эрудит в области археологии, справедливо решил, что без этнографии нельзя построить курса истории первобытного общества. Но к этнографии он относится недостаточно серьезно. Это, к сожалению, и не ново. До сих пор существует взгляд на этнографию как на некое собирще курьезов, которым можно пользоваться, не будучи специалистом. До сих пор имеется отношение к этнографическому материалу, как к бесхозяйному имуществу, откуда каждый может брать что хочет. До сих пор не все понимают, кроме того, разницу между этнографическим материалом и этнографической наукой — разницу, которую хорошо отметил еще Н. И. Надеждин, один из пионеров русской этнографии, 100 лет назад. Но тогда, при Надеждине, этнография как науки — как он и сам указывал — еще не было. Теперь она есть. Советская этнография представляет собой вполне сложившуюся науку, со своими принципами, со своим методом, со своими проблемами, с прочно устоявшимися фактами. Игнорировать советскую этнографическую науку, пользоваться по дилетантски кое-какими, случайно там и сям набранными фактами, подбирать дазно заброшенные буржуазные этнографические теории и на основе всего этого строить «историю первобытного общества» — от такого способа действия ждать нельзя.

С. Токарев

С. И. Руденко, *Древняя культура Берингова моря и эскимосская проблема*. Под общей редакцией академика Л. С. Берга и члена-корреспондента Академии Наук СССР проф. В. И. Равдоникаса, Изд-во Главсевморпути, М.—Л., 1947, стр. 116 + 38 таблиц.

Основанная на материалах предварительных археологических обследований, проведенных автором на Чукотском полуострове в 1945 г., на коллекциях наших музеев и исчерпывающим использованием литературы, работа проф. С. И. Руденко с большим вниманием встречена не только археологами, но и всеми, кто интересуется сложными

проблемами древнего заселения севера, происхождения американского человека, этногенеза народов Северной Азии и Северной Америки, ибо рассмотрение всех указанных вопросов неотделимо от темы рецензируемого труда. Чтобы оценить его значение, надо хотя бы кратко коснуться состояния вопроса до проведенных проф. Руденко работ.

На протяжении последних двух десятилетий были проведены раскопки на арктическом побережье Америки и на островах Берингова пролива и открыта ряд древних культур, прослеживаемых, начиная с последних столетий до нашей эры. Эти исследования позволили наметить ряд стадий в развитии культуры арктического побережья, из которых древнейшая была названа берингоморской — по району своего распространения на островах Берингова пролива и на американском побережье Берингова моря. Берингоморская культура в конце I тысячелетия н. э. сменяется в указанном районе так называемой пунукской стадией, продолжающейся вплоть до XVII в. Восточной границей распространения берингоморской культуры является мыс Барсус, где обнаружена культура иного облика, так наз. бирнирской стадии. На основе бирнирской культуры развивалась, повидимому, культура тулэ, распространенная по арктическому берегу Канады и в Гренландии. Раскопки в Гренландии показали, что эскимосы проникли сюда на стадии культуры тулэ в IX—X вв. н. эры.

Все указанные культуры характеризуют их носителей как арктических охотников на морского зверя и различаются по типу жилищ, форме гарпунов, характеру других орудий, и, особенно, по стилю орнаментации на костяных изделиях. Различия эти очень характерны. Помимо указанных культур надо отметить еще так наз. культуру ипнугут у мыса Хоп, замечательную по характеру своих погребений, недостаточно ясную по своему возрасту и генезису дорсетскую культуру к югу от Баффиновой земли и, наконец, так наз. оквикскую, обнаруженную на одном из Пунукских островов и датируемую открывшим эту культуру исследователем еще более ранним временем, чем древнейшая берингоморская культура.

Последние указанные выше культуры на американском побережье и наметившиеся районы их распространения, зарубежные исследователи были поставлены перед вопросом об их генезисе, об их связях с культурами арктического побережья Азии. Был высказан ряд гипотез, но построения эти не выходили из сферы догадок, и, как правило, оказывались несостоительными. Вот почему археологические работы на арктическом побережье Сибири не могли не стать важной задачей советских исследователей. Выполнение ее было начато Северо-восточной экспедицией Института этнографии и Института истории материальной культуры АН СССР (автором рецензируемой книги и И. П. Лавровым). Итоги произведенных С. И. Руденко работ изложены в рассматриваемой книге, в которой автор привлекает также и материалы И. П. Лаврова.

Обследование охватило ряд пунктов на Чукотском полуострове от Уэлена до селения Энмылен. Систематические раскопки не производились, но собранный материал очень значителен и позволил С. И. Руденко выделить здесь ряд стадий, наметить их сопоставления и выступить с гипотезой происхождения культуры эскимосов. Книга состоит из нескольких глав. Первая посвящена подробному историографическому обзору эскимосской проблемы; особое место удалено рассмотрению взглядов советских исследователей по вопросу о происхождении эскимосов. Вторая глава даёт описание обследованных древних поселений, подробную характеристику инвентаря и его типологию; она иллюстрируется помещенными в конце книги таблицами прекрасно выполненных рисунков (более 1000 рисунков, выполненных большей частью в $\frac{1}{2}$ нат. вел.). Значение этого иллюстративного материала трудно переоценить. К сожалению, не указано происхождение отдельных предметов, часть которых, по сообщению автора, приобреталась у местных жителей. Третья глава посвящена сравнительному анализу типов жилищ, орудий промысла, техники каменных орудий, обработки кости и дерева, средств передвижения и др. Автор подробно останавливается на анализе искусства и рассматривает вопрос о социальном строе эскимосов, на котором мы несколько остановимся.

Автор правильно разрешает вопрос о наличии в прошлом у эскимосов материально-родового строя. Но следовало бы расширить привлекаемый им этнографический материал, ибо вопрос о социальной организации эскимосов имеет большое теоретическое значение в связи с проблемой материинского рода как универсальной стадии в истории человеческого общества.

У эскимосов Аляски еще в начале прошлого столетия русскими путешественниками описан материинский род, мужские дома «какмы» и следы дуальной организации — деление на две матрилинейные секции: секцию Ворона и секцию Волка. Сложнее вопрос о социальной организации так наз. центральных эскимосов (к востоку от Аляски), у которых отсутствует родовая экзогамия и которые живут небольшими локальными группами из нескольких семей, обычно связанных брачными и родственными отношениями. Однако изучение системы родства центральных эскимосов, в которой проводится чёткое разделение отцовской и материинской линии родства, с несомненностью доказывает наличие у них в прошлом родового строя и, как показывают материалы по эскимосам Аляски, именно материинского рода. Исчезновение родовой экзогамии у центральных эскимосов и формирование локальных групп в большей степени связано, повидимому, со своеобразными условиями жизни охотников на льду, ведущими к разобщению небольших групп на огромных территориях.

Мы привели эти небольшие замечания лишь для того, чтобы дополнить материала автора.

Последняя глава книги излагает общие выводы и взгляды автора по основным затронутым им вопросам. Несмотря на реконструкционный, как пишет автор, характер произведенных изысканий, на побережье Чукотского полуострова удалось обнаружить все основные стадии арктической культуры, известные на американском континенте и островах. Древнейшая, по мнению автора, стадия культуры представлена инвентарем из древнего поселения в Уэллене. Она соответствует оквикской стадии и названа автором уэлено-оквикской. Для нее характерно наличие наземных жилищ, крупная роль в хозяйстве, наряду с морской, также и сухопутной охоты и рыболовства и соответственно с этим использование для всевозможных поделок оленьего рога и моржового клыка; далее — особый тип наконечников гарпунов с каменными вкладышами, редкость шлифованных каменных орудий (обнаружены почти исключительно обтесанные орудия). Уэлено-оквикское искусство очень оригинально и отличается глубоко врезанным линейным орнаментом.

Помимо Уэллены эта стадия, датируемая концом II — началом I тысячелетия до н. э., представлена в инвентаре из селения Нуныграна. В последних столетиях до н. э. на севере Берингова моря наступает древнеберингоморская стадия культуры. На этой стадии почти исключительное значение имеет охота на морских животных; поделки из рога оленя почти исчезают; появляются в значительном количестве шлифованные каменные орудия; тип жилища — небольшие прямоугольные полуземлянки; собаководство, как и на предыдущей стадии, отсутствует. Для берингоморской стадии характерен своеобразный криволинейный орнамент. На западе берингоморская культура прослеживается до мыса Баранова, на побережье Аляски — на полуострове Стиорда и в заливе Коцебу. На Арктическом побережье до мыса Барроу на востоке и устья р. Колымы на западе берингоморской стадии соответствуют илнукская и бирнирская культуры — поздние фазы уэлено-оквикской стадии.

Следующая, пунукская стадия (начиная с III — IV в. н. э.) знаменует собою новый этап в развитии культуры Берингова моря. В это время прекращаются связи с югом и устанавливаются тесные взаимоотношения с северо-востоком Азии. Автор прослеживает это в инвентаре пунукской стадии, в котором выступает много новых типов орудий сибирского происхождения. Наряду с охотой на моржей и тюленей большую роль приобретает китовый промысел, но практикуется и сухопутная охота; это находит свое отражение и в использовании рога в качестве поделочного материала. Изменяются типы гарпунов; каменные орудия пунукской стадии почти всегда шлифованные. Пунукский стиль орнаментации резко отличается от берингоморского: криволинейный берингоморский орнамент сменяется более прямыми линиями и характерными, механически выполненными кружками с точками в центре. Распространялась пунукская культура на азиатском и американском берегах примерно в границах берингоморской культуры. Далее к западу от мыса Дежнева до устья Колымы была распространена, повидимому, культура тула. С начала XVII в. развитие древнеэскимосской культуры вступает в новую фазу, характеризующуюся наличием железа, упряженного собаководства и других новых элементов.

Такова кратко изложенная С. И. Руденко последовательность развития древних культур Берингова моря. Многое здесь спорно. Это в значительной степени результат того, что автор послушно следует за схемами американских археологов (Коллинза, Дженнеса и др.) и не подвергает критике их положения, настоятельно нуждающиеся в пересмотре. Очень важное заключение об уэлено-оквикской стадии, как наиболее древней из обнаруженных на Берингоморском побережье, у С. И. Руденко недостаточно аргументировано. При отсутствии как данных стратиграфии, так и предметов, дающих абсолютную хронологию, заключение о соотношении уэлено-оквикской и берингоморской стадии остается предположительным. На основании анализа орнамента И. П. Лазрова (устное сообщение) приходит к обратным, по сравнению с С. И. Руденко, выводам и считает уэлено-оквикскую стадию более поздней, более близкой к пунукской. Помещенное на таблице 4 скульптурное изображение медведя, которое С. И. Руденко относит к уэлено-оквикской стадии, по мнению И. П. Лазрова, является по стилю и технике исполнения орнамента поздне-берингоморским. Да и С. И. Руденко, указывает (стр. 9), что в Оквикской стоянке на Пунукских островах было найдено много предметов, типичных для пунукской культуры, в том числе и наконечников китовых гарпунов.

По вопросу о происхождении древнеэскимосской культуры автор формулирует следующие основные положения.

Эскимосская культура генетически не связана с мезолитическими и неолитическими культурами северной Европы и Азии. Наличие как у эскимосов, так и в мезолитических и неолитических культурах костяных орудий с каменными вкладышами, на которое указывают защитники гипотезы о родстве этих культур, не может служить, по мнению С. И. Руденко, убедительным аргументом, так как техника изготовления мезолитических и ранненеолитических вкладышей (тонкие кремневые пластинки, отколотые от призматических нуклеусов) резко отлична от техники древнеэскимосской (вкладыши в форме наконечников стрел, обработанные отжимной ретушью). Наличие этих типов в мезолите, неолите и у эскимосов должно рассмат-

риваться как явление конвергентное. Далее автор рассматривает географическое распространение так наз. поворотных наконечников гарпунов, которые характерны для древнеэскимосской культуры и явились, несомненно, важнейшим техническим изобретением в жизни арктических морских охотников. Этот тип гарпуна, по данным автора, к западу от Колымы ни на азиатском, ни на европейском северном побережье не встречается. Гарпунный комплекс эскимосов имеет, по мнению автора, южное происхождение.

Каяк и умиак (кожаные лодки эскимосов) известны уже на ранних стадиях культуры Берингова моря, и автор склонен считать, что предки берингоморцев принесли с собою с юга и искусство мореплавания и высокую технику морского промысла. К выводам о южных связях древнеэскимосской культуры приходит автор и на основании анализа орнаментального стиля и скульптуры. Лишь с пунукской стадии устанавливаются более тесные взаимоотношения между приморскими охотниками на морского зверя и внутриконтинентального населения Сибири — процесс, который связан, быть может, с первоначальным освоением внутренних областей Чукотского полуострова предшествами к оленеводству палеоазиатскими группами. Древнеэскимосская же культура ведёт нас, по мнению автора, на юг. «Морские зверобои — эскимосы,— пишет С. И. Руденко,— появились в области Берингова моря сравнительно поздно и оказались действительно клином, разделившим чуждые им, но родственные между собою народы северо-востока Азии и Северной Америки; пришли они в области Берингова моря, видимо, не с севера, а с юга, не из арктической Азии, а из островной юго-восточной её части» (стр. 113). Гипотеза автора, равно как и приводимые им соображения об отсутствии генетической связи эскимосской культуры с мезолитическими и неолитическими культурами Северной Европы и Азии, очень интересны; однако теория происхождения эскимосов из островной юго-восточной Азии требует дополнительных аргументов и встречается с рядом трудностей.

С. И. Руденко показывает наличие в древнеэскимосской культуре, особенно на берингоморской её стадии, южных влияний. Однако установлением этих южных элементов в древнеэскимосской культуре не разрешается проблема происхождения эскимосов.

Культура приморских охотников на арктическом побережье не ограничивается областью распространения древнеэскимосской культуры; на археологических материалах и по историческим данным она обнаруживается и на северо-западе Сибири, где оседлая приморская культура (подземное жилище, кожаная лодка, развитая охота на морского зверя) предшествует проникновению сюда самодийских оленеводческих групп. Если прав С. И. Руденко, что древняя приморская культура Западной Сибири не связана непосредственно с древней культурой Берингова моря, что теория эскимосско-самодийских связей не находит себе подтверждения, то мы должны признать развитие приморской арктической культуры на Западе вне связи с южными мореплавателями. Почему не допустить такой возможности и для развития древней культуры Берингова моря?

Отправляясь от взглядов А. П. Окладникова, что древняя эскимосская культура «представляет лишь крайнее звено Тихоокеанских береговых культур, принадлежащих оседлым племенам, главным занятием которых служило рыболовство в сочтении с морским зверобойным промыслом», — автор развивает, как мы видели, положение, согласно которому эскимосы являются недавними переселенцами из островной части Юго-Восточной Азии, — клином, разделившим народы северо-востока Азии и Северной Америки. Такое заключение, с концепцией А. П. Окладникова не связанное, требует привлечения, помимо материалов археологии, также данных этнографии, лингвистики, антропологии. Их, к сожалению, автор не приводит.

Южные элементы в берингоморской культуре не могут служить достаточным основанием, чтобы связывать её с переселением новых этнических групп в район Берингова моря. Проникновение на северо-восток Азии и в Америку отдельных южных элементов не ограничивается древнеэскимосской культурой; и в культуре северо-восточных палеоазиатов и, особенно, индейцев Северо-Западной Америки обнаруживаются южные связи различного исторического возраста.

Дальнейшие исследования должны обнаружить на Тихоокеанском побережье Северо-Восточной Азии более древние культуры, предшествовавшие древнеэскимосским, ибо здесь лежали пути древнейших переселений из Азии в Америку в эпоху её первоначального заселения. Широкие антропологические исследования, проведенные в последние годы на Чукотке и Камчатке Институтом этнографии АН СССР (Г. Ф. Дебец), поставили перед археологическими работами в этих районах ряд кардинальных проблем. На очереди — развертывание планомерных раскопок с применением тех методов детального обследования древних поселений, типов жилищ и т. д., которые дали столь блестящие результаты в работах А. П. Окладникова в Северной Якутии и на Колыме.

Работа С. И. Руденко — лишь веха на пути предстоящих исследований; рецензируемая книга — полезное собрание материалов к истории народов Северо-Восточной Азии.

НАРОДЫ СССР

В. А. Анучин, А. И. Спиридонос. *Закарпатская область* (Научно-популярное географическое описание). Географгиз, М., 1947, 174 стр.

Рецензируемая книга содержит краткое введение и четыре главы («Природа», «Население», «Хозяйство» и «Основные внутриобластные различия»). В конце книги приложен список литературы. Появление такого очерка вызывает у советских читателей большой интерес, ибо Закарпатье по своему географическому положению находится как бы на стыке трех славянских народных ветвей: восточной, западной и южной. Здесь в силу исторических условий сохранилось много элементов материальной и духовной культуры, весьма характерных для восточных славян более раннего периода их истории, особенно XIII—XIV вв. Историку, археологу, этнографу, лингвисту, да и каждому интересующемуся Закарпатьем историко-географическое описание этого уголка славянской территории, сделанное компетентными лицами, помогло бы выяснить те причины, в силу которых здесь сохранилось так много интересного и важного для решения ряда исторических проблем.

К сожалению, разбираемая книга не удовлетворяет самим скромным требованиям. При первом же ознакомлении с ней удивляет пестрота топонимики, приведенной на страницах очерка. Так, например, на стр. 18 и 146 читаем «Бочков», на стр. 45, 127, 129 и 159 «Вельки Бочков», а на картах, помещенных на стр. 128 и 147,— «Вел. Бычков»; на стр. 50 читаем «Вельке Березне», на картах на стр. 101, 111 и 122— «Вел. Березна», на стр. 100— «В. Березновский», а на стр. 119 и 120— «Верх. Березнянский»; на стр. 19, 143 и 145 значится «Терешва», на стр. 125 «Тересва» (кстати, местное население знает «Тересву», но не знает «Терешвы»); встречается «Устchor-ne» и «Усть-Черна»; «Нижне Верезский» (стр. 100) и «Ниж. Верецки» (стр. 138) и т. д. На карте, помещенной на стр. 147, одна и та же река Латорица имеет по воле авторов два названия «Латорица» в верховьях, до слияния с притоками у г. Свалявы, а ниже города— «Уж». Интересно знать, какое же название авторами дано реке Уж, протекающей через Ужгород, ибо на той же карте эта река совсем не показана. Искажены до неузнаваемости названия и многих других пунктов: «Кусница», «Лютя», «Пришлоп», «Бильки» и т. д. Собственно географический очерк весьма краток; книга посвящена, кроме географии Закарпатья, еще этногенезу, истории, этнографии, экономике и многим другим вопросам. Вместо детального географического очерка у авторов получились невероятная путаница, искажение фактов и событий, а иногда и политически вредные измышления.

Освещая историю заселения Закарпатья, авторы утверждают: «Все народы, жившие в этом крае, исчезли, не оставив своего непосредственного явного следа в хозяйственном укладе, в обычаях и нравах жителей Закарпатья. Первым народом, положившим начало сельскохозяйственной культуре и промыслам,... были славяне» (стр. 63). Советской наукой доказано, что народы бесследно не исчезают. Появление одних и исчезновение других народов происходит в результате длительного процесса скрещения различных племенных групп. Археологические материалы свидетельствуют о сложном процессе скрещения различных культур на территории Закарпатья, начиная с древнейших времен и до становления славян, в частности восточных, занимающих эту территорию до настоящего времени. М. А. Тиханова убедительно показала картину этого, весьма сложного процесса новых этнических образований¹.

Географическое положение северного и южного Прикарпатья было одной из важных причин сложности его исторического развития. «Именно здесь этот процесс скрещения отдельных мелких племен, процесс воздействия различных культур, в первую очередь провинциально-римской, на старую, веками слагавшуюся культуру местного земледельческого населения протекал особенно выразительно и сложно»². Археологический материал (могильники, отдельные погребения, селища и т. п.) показывает сходство культуры в первые века н. э. на огромной территории, начиная от Галиции до Черного моря, включая территорию Закарпатья, Семиградья, Румынии и Молдавии³. Памятники IV—VI вв. выявляют «чрезвычайное сходство керамики на широком пространстве Поднестровья и Среднего Днепра, затем в Посанье и Верхнем Повислянье, а местами к югу от Карпат в Семиградье»⁴. Эта керамика весьма близка к позднейшей славянской керамике и поэтому является одним из характерных показателей того, что славяне формировались на обширной территории путем сложного скрещения многих различных племенных групп, создавших культурный массив, предшествовавший славянской культуре.

¹ М. А. Тиханова, Культура западных областей Украины в первые века н. э. (К вопросу об этногенезе восточных славян), «Материалы и исследования по археологии СССР», № 6, 1941, стр. 247.

² Там же.

³ Там же, стр. 258.

⁴ Там же, стр. 265.

Ссылаясь на Плиния Старшего и Тацита, авторы указывают, что первое упоминание о предках славян I и II вв. относится к Карпатам. На самом деле Плиний Старший в 37-й книге «Естественной истории» указывает на побережье Балтийского моря, а не на Карпаты. «Некоторые рассказывают, — пишет Плиний, — что здесь (у Каданского залива) живут до р. Вистулы сарматы, венеды, скифы, гиры. Называется Килиненским заливом, а в устье его остров Латрис. Вскоре другой залив, Лагнус, смежный с кимврами. Киммерийский мыс, выдаваясь в море, образует полуостров, который называется Картрис»⁵. Здесь речь идет о Данцигском и Штеттинском заливах Балтийского моря, а не о Карпатах. На Карпатах Плинию известны бастарны, которые, по сообщению Полибия (205—123 гг. до н. э.), были давно известны на побережье Черного моря. Ссылка авторов на Тацита также неверна, ибо Тацит говорит о венедах (венетах), проживающих на р. Висле восточнее Свевии (т. е. Германии), а не на территории Закарпатья. О «венедских» горах упоминает Птолемей Клавдий (умер около 178 г.), который также указывает, что славянские племена — венеты занимали огромнейшую территорию от Балтийского моря до верховьев Вислы. На территории же Закарпатья Птолемей Клавдий упоминает певкинов и бастарнов (над Дакией, к северу).

На юге Карпат, т. е. в Закарпатье, бастарны появились около 200 г. до н. э., откуда распространились до Черного моря (Понта), как указывает Димитрий Калиатис. По Пейтингеровой таблице IV — V вв. бастарны также занимают Карпатские горы. Анализируя огромнейший материал, М. А. Тиханова делает вполне правильное обобщение, что «bastarni (а не венеты, как пишут наши авторы. — И. С.) не только в первые века до нашей эры, но и позднее территориально связаны с Карпатами, Галичиной, Западным Подольем и, наконец, Нижним Дунаем»⁶. Кто такие бастарны? Это был союз многих племен (см. сообщения Тита Ливия и др.), в который входили костобоки, бесты, карпы и др. По многим источникам, костобоки и бесты являлись старинными жителями Карпат (северо-восточного и южного Прикарпатья). Позже, т. е. в IV в. н. э., они входили в антский союз племен, боровшийся с готами. А. Д. Удальцов указывает, что «в рамках этого союза идет скрещение сложившихся уже славян-спалов со славянализирующими фракийцами и сармато-аланами, которое дает образование восточных славян-антов»⁷. Венедов же историки считают предшественниками западных славян⁸.

Приведенные выше факты опровергают совершенно неверные утверждения В. А. Анутина и А. И. Спиридонова о том, что именно в Закарпатье «возникли первые центры сородоточения славянских племен» (стр. 63). Никак нельзя согласиться с авторами в том, что «существование государственных объединений карпатских славян в IV — VII вв. н. э. (например, так называемого антского союза) подтверждается достаточно достоверными документами» (стр. 64). В действительности исторические документы говорят о другом центре антского союза, находящемся далеко на восток от Карпат. Академик Б. Д. Греков неоднократно указывал в своих работах, что «канты были расположены в VI в. на территории от северо-восточного склона Карпат до Дона и далее к северу, т. е. они занимали основную территорию будущего Киевского государства»⁹. На этой же территории располагают антов Н. С. Державин, А. Д. Удальцов, Б. А. Рыбаков и многие другие.

Необоснован и второй тезис В. А. Анутина и А. И. Спиридонова, что «первые независимые государственные объединения существовали на Карпатах с V до IX в.» (стр. 66). Что представляли собой эти объединения, какие племена и народы входили в них, кто их возглавлял, — авторы не указывают и, очевидно, понимают под ними тот же антский союз, на который указали выше (и то в скобках). Приведенный тезис понадобился авторам, очевидно, для того, чтобы оправдать другой, явно надуманный тезис. По В. А. Анутину и А. И. Спиридонову, Киев и Киевское государство образовались только потому, что сюда пришли опытные люди из Закарпатья и здесь поселились. Авторы так и заявляют: «Киевская Русь была наследницей более ранних государственных образований, существовавших на Карпатах» (стр. 64); «значительная часть карпатского населения переселилась к Днепру, где вырос новый более мощный центр — Киев» (стр. 65).

Мы уже указывали выше, что антский союз, на который ссылаются В. А. Анутина и А. И. Спиридовы, образовался на территории между Днестром, Днепром и Доном, но его центр ни в коем случае не мог быть в Закарпатье. Именно этот

⁵ Цитирую по книге: Н. С. Державин, Происхождение русского народа, 1944, стр. 21.

⁶ М. А. Тиханова. Указ. раб., стр. 272.

⁷ А. Д. Удальцов, Основные вопросы этногенеза славян, «Советская этнография», VI — VII, 1947, стр. 13.

⁸ М. Н. Тихомиров, Исторические связи русского народа с южными славянами, «Славянский сборник», 1947, стр. 126; А. Д. Удальцов, Основные вопросы этногенеза славян, стр. 9—12 и др.

⁹ Б. Д. Греков, Киевская Русь, 1944, стр. 240.

антский союз наши советские историки считают предшественником Киевского государства, а не какой-либо иной союз или «государственное объединение».

Последующие страницы книги содержат самые противоречивые, неверные утверждения. Так, на стр. 68 авторы считают, что хозяйство Закарпатья находилось на весьма низком уровне и что прогрессивные изменения в хозяйстве Закарпатья стали происходить только тогда, когда пришли мадьяры, организовали свое государство и «доросли до феодализма». Несколько строками ниже мы узнаем, что этот прогресс заключался в закабалении славянского населения. На стр. 69 так и сказано: «Создав сильное государство, мадьярские феодалы превратили их (славян. — И. С.) в крепостных и начинают обращаться с ними как с отсталым, темным народом, не способным ни на что другое, кроме тяжелого труда на помещичьих землях». Как видим, одно заявление противоречит другому, а все вместе свидетельствует об отсутствии хотя бы элементарных познаний в области истории. Венгры, пришедшие в Закарпатье, да и вообще на Дунай, по культуре стояли гораздо ниже местного славянского населения. Общеизвестно, что именно поэтому венгры восприняли от славян всю технику земледелия, а вместе с ней и терминологию, так как своей не имели, ибо не знали земледелия. От местного славянского населения венгры восприняли и много других элементов культуры. Известно также, что закабаление славянского населения Закарпатья венгерскими феодалами началось не сразу после прихода венгров; им потребовалось немало времени, чтобы устранить или ассимилировать сначала славянскую феодальную верхушку, державшую в своем подчинении закарпатских славян.

Среди провенгерских авторов, занимавшихся историей, не мало таких, которые совершенно отрицают исконную принадлежность территории Закарпатья восточным славянам. Например, А. Годинка, оправдывая венгерскую политику в Закарпатье, писал, что русские (т. е. нынешние украинцы) в древней Мадьярии не являлись коренным населением, они якобы переселились туда не ранее XIII — XIV вв. по приглашению венгерских князей и помещиков и поселились там в качестве крепостных¹⁰. Той же точки зрения придерживался и Иоанн Карабоний в своей работе «Историческое право мадьярской нации на территории нашей родины, от Карпат до Адриатического моря»¹¹. В. Гаджега солидаризуется с Годинкой и Карабонием, подкрепляя их вымыслы своим собственным, что якобы первое упоминание о русских в Закарпатье относится к 1254 г. Далее он утверждает, что заселение Закарпатья произошло после 1351 г., когда по разрешению венгров в Закарпатье пришло около 60 000 поселенцев во главе с Кариатовичем, которые расселились в Ужгородской и соседних жупах¹².

Ту же «концепцию» мы находим и на страницах рецензируемого очерка. В. А. Анучин и А. И. Спиридовон (на стр. 70 и др.) почти дословно повторяют то же, что говорил Гаджега. Они пишут, что Кариатович пришел со своей почти сотрясающей дружиной в Закарпатье, где получил от венгров вотчину в 300 сел, что знаменовало «значительную колонизацию Закарпатской области», так как сюда устремились «наиболее смелые» из Киевской Руси и из Галицкого княжества.

Все это совершенно неверно. К первым векам н. э. на территории Закарпатья, как и на восток от него, уже сложились восточные славяне и с тех пор никогда не покидали своей территории. Следовательно, при Кариатовиче Закарпатье было заселено восточными славянами. Пришедшая же с Кариатовичем немногочисленная дружина растворилась в местном славянском населении. Эта дружина вряд ли насчитывала 40 тыс. чел.; надо полагать, что это был небольшой отряд. Поэтому никак нельзя считать период Кариатовича «значительной колонизацией».

Однако отрицание массовой колонизации Закарпатья славянами в XIV — XV вв. не означает утверждение, что туда совсем не проникали восточнославянские элементы. На протяжении всей истории славян шло передвижение населения из Подолии и Галиции в Закарпатье и обратно, но оно не носило массового характера. Приходившее с севера или востока и оседавшее в Закарпатье население привносило в материальную и духовную культуру местных жителей хотя и близкие, родственные, но несколько отличные элементы. Зато само оно воспринимало местную культуру, растворяясь в местном населении. Этот процесс способствовал тому, что в Закарпатье, несмотря на подчиненность венграм, местное восточнославянское население с самого начала своего формирования не было оторвано от восточных соседей, а было связано с ними и сохраняло единство культуры и языка.

¹⁰ А. Годинка, *A munkáscsi görög — katolikus püspökség története* (История Мукачевского греко-кафолического епископства), Будапешт, 1909, стр. 58—59.

¹¹ Издана в 1916 г. на мадьярском языке: *A magyar nemzet történeti jogáhozának területe her á Karpatoktól le az Adriáig*. Nagyvad, 1916.

¹² В. Гаджега, Додатки до історії русинов и руських церквей, в був. жупы Земплинской.— См. Науковий зборник товариства «Просвіта» в Ужгороде за 1932 г., стр. 45.

Антиисторичным является отрицание В. А. Ануциным и А. И. Спиридоновым наличия классов среди украинского населения Закарпатья. На стр. 71 читаем: «Мадьяры и немцы представляли господствующие слои феодального общества, украинцы составляли остальной эксплоатируемый народ». Несколько неуверенно то же повторяется на стр. 81: «Социальное неравенство продолжало здесь в значительной мере совпадать с национальным делением». Зато на стр. 85 тот же тезис гласит категорически: «Социальное неравенство продолжало совпадать с национальной принадлежностью». Первые два высказывания относятся к периоду господства венгров, а третье — к тому времени, когда Закарпатье управляла Чехословакия. В связи с этим авторы дали неправильное освещение и социальной структуры землепользования за 1914, 1919 и 1944 гг. Если верить таблице, данной на стр. 85, то в Закарпатье вообще не было безземельных, они появились только к 1944 г. В действительности же безземельные составляли значительный процент всего населения. Они пополнили ряды эмигрантов, уходивших на заработки в Америку, Францию, Швейцарию и другие места: численность их за последние годы перед второй мировой войной превышала 300 тыс. Таких же взглядов придерживаются буржуазно-националистические круги различных оттенков, начиная от фашистского агента А. Волошина и его последователей и кончая Недзельским, Контратовичем, Бирчаком и др. Волошинцы и их приверженцы, оправдывая свои сепаратистские стремления, утверждали, что украинцы Закарпатья представляют один класс, следовательно, речи о классовой борьбе в Закарпатье быть не может. Вместо классовой борьбы они призывали украинское население направить свои силы на отделение от восточных славян, на образование «самостоятельной республики» под эгидой немцев.

Никто не спорит того, что в течение многих веков закарпатские украинцы претерпевали национальный гнет и экономическое порабощение. Однако было бы неверно отрицать наличие классов и классовой борьбы среди украинцев, как и среди венгров. Даже Контратович, в принципе отрицавший классовую борьбу, в своей истории Ужгорода все же отмечает еще в XIII и последующих веках наличие социального неравенства¹³. Документы XVIII в. свидетельствуют о процессе обнищания части крестьянского населения. Капиталистическое развитие не минуло Закарпатья, и здесь, начиная со второй половины XIX в., а особенно в XX в., вплоть до начала второй мировой войны шел интенсивный процесс паuperизации, с одной стороны, и выделения из общей массы сравнительно небольшой кучки кулаков — с другой. Наряду с этим появился и пролетариат, хотя и немногочисленный. Особенностью классовой борьбы в Закарпатье было то, что она тесно переплеталась с борьбой национальной и подчас последняя затушевывала первую. Этого совсем не поняли наши авторы. Весьма красноречиво рассказывает само население о происходившем на их глазах процессе расслоения. Так, жители села Вульховцы, Тячевского округа в 1947 г. заявляли мне: «Первыми на месте, где образовалось село, поселились Чонки, которые тогда назывались «бойками». Тогда «бойками» называли бедный, простой народ, часто безземельный и, как правило, «безхудобный» (т. е. без скота и сельскохозяйственного инвентаря). Такие люди никаких прав не имели. С течением времени некоторым Чонкам удалось разбогатеть и их стали называть «нямышами». «Нямыш» — это что-то вроде дворянина, во всяком случае это привилегированное лицо, пользующееся большими правами и почетом у венгерских властей. К таким «нямышам» до воссоединения с УССР относились указанные выше Чонки, затем Бокочи, Дьордяни, Бибны, Оприши, а к бедным, т. е. к «бойкам» относятся Майоры, Йовдни, Биланычи, Шафоры, Цирики и др. (в общем количестве 59 дворов), а Бедевельские, насчитывающие 20 дворов, являются потомственными пастухами».

В связи с изложенным укажем на неправильное толкование роли Духновича (стр. 77, 81, 88). В. А. Анучин и А. И. Спиридонов называют Духновича «вождем славяно-русского движения». Что Духнович в XIX в. играл довольно видную роль в движении за сближение с русскими, никто этого отрицать не будет. Но Духнович являлся сторонником монархии, был против классовой борьбы, против революций. Духнович, вместо того чтобы в 1848 г. повести украинский народ вместе с революционной частью венгров на борьбу с венгерским феодальным монархизмом, поддерживал войска царской России, подавлявшие венгерскую революцию. Тогда он был ярым сторонником австрийской монархии, надеясь в рамках последней получить «автономию» для Закарпатья. Но из автономии ничего не вышло, поэтому Духнович стал пропагандировать ориентацию на царскую Россию. Нельзя отрицать того, что именно в это время Духнович много сделал для распространения русского языка и русской литературы в Закарпатье. В начале XX в. возникло и культурно-просветительное общество имени Духновича. Но оно возглавлялось такой частью интеллигенции, которая считала возможным вести только просветительскую работу и борьбу за национальную независимость; эта интеллигенция была очень далека от классовой точки зрения. Среди членов этого общества находились и такие, которые утверждали, что у украинцев Закарпатья якобы нет классов. Отмечая роль Духновича, надо оценивать ее с нашей, марксистской, точки зрения, а не возводить Духновича в вожди, как делают авторы.

¹³ М. Контратович, К истории стародавнего Ужгорода и Подкарпатской Руси до XIV в., Ужгород, 1928, стр. 17.

Желая дать этническую характеристику населения Закарпатья, В. А. Анучин и А. И. Спиридоны делают самые противоречивые утверждения. Так, на стр. 91 мы узнаем, что в Закарпатье «собирались гуцульские дружины, защищавшие край от пришлых врагов». Но откуда появились дружины и от кого защищали,— авторы не говорят ни слова. Там же читаем, что восточная часть Закарпатья заселена «потомками вольных гуцульских дружин, сохранивших название «гуцул» в качестве своей национальной принадлежности». Откуда же взято слово «гуцул», почему оно стало национальным признаком и, самое главное, к какой национальности принадлежат «гуцульские дружины» и их потомки, нынешние гуцулы? Ответа на эти вопросы не находим, но зато на стр. 95 читаем нечто, прямо противоположное: «Присмотревшись ближе, легко убедиться, что они (гуцулы.— И. С.) не только по языку, но и по основным чертам своего быта не обнаруживают коренных отличий от остальных украинцев». Затем авторы указывают, что «гуцулы потомки вольных воинов славянских дружин». Но уже на стр. 150 эти дружины исчезают и на сцену появляются киевляне, ставшие предками гуцулов: «Предки гуцулов пришли в горы из мест, расположенных вблизи от большого торгового города, может быть, Киева». Все эти вымыслы противоречат историческим фактам. Население Закарпатья, как и северного Прикарпатья (Галиция), является исконным, аборигенным. Отдельные группы этого населения имеют некоторые различия в материальной культуре, но эти различия, во-первых, в некоторых случаях, сохраняясь до наших дней, унаследованы от более древних групп этнического массива, из которого образовались восточные славяне, а, во-вторых, появились в более позднее время, под влиянием географо-экономических условий. Легенды о поселении военных дружин, о заселении края и т. д. имеют несколько иную основу. Она состоит в том, что «невыносимый экономический и социальный гнет со стороны панов»¹⁴ вызвал борьбу крестьян, известную под названием движения «опришков». Последние начали действовать на рубеже XVI—XVII вв.¹⁵, но их выступления имели место и в XVI и XVIII вв. Это были небольшие группы партизанских отрядов, состоявшие из местных крестьян. Получая поддержку от украинского крестьянства, опришки действовали против помещиков, громя их имения. Иногда отдельные группы опришков вырождались в бандитов. Движением опришков были охвачены Снятинское, Коломийское, Галицкое, Стрыйское, Дрогобычское и Самбурское старства, т. е. все старства, расположенные на северных склонах Карпат¹⁶. На этой территории были расположены главным образом скотоводческие села, жившие по так называемому «валашскому праву». Это были в основном свободные от крепостной зависимости крестьяне. «Существование на территории Прикарпатья двух типов сел: земледельческих, где действовало русское право, и скотоводческих, валашских,— делает понятной создавшуюся в опришковском движении ситуацию, при которой территории формирования опришковских отрядов, где они находили побратимов, участников, укрывателей, были горные валашские села; основные же массы белого крестьянства, наполнявшие эти отряды, притекали из нижнего пояса подгорья»¹⁷. Опришки северного Прикарпатья держали тесную связь с крестьянским населением Закарпатья, о чем имеется огромное количество документов в галицких и в закарпатских архивах. Немало сохранено народом различных легенд об опришках. Такие районы Закарпатья, как Ясинская котловина, ныне густо населенная, но мало доступная в прошлом, и район Черна гора, примыкали к Коломыйскому району, который был одним из центров опришковского движения. Вероятно, многие из опришков после разгрома движения поселились в Ясинском районе Закарпатья, среди родственного украинского пастушеского населения (валашского права); именно здесь больше всего сохранилось легенд об опришках и их руководителе Олексе Довбуше. Здесь же возникли и легенды о «вольных воинах славянских дружин», о «потомках вольных гуцульских дружин», о «пришельцах из большого торгового города» и т. п. Нет никакого основания считать, что все население Закарпатской «гуцульщины» является потомками каких-то военных дружин, неизвестно откуда пришедших. Все население, за исключением отдельных элементов, аборигенное, восточнославянское, ныне украинское. Да и название «гуцул» появилось после опришковского движения в начале XIX в., ибо еще в конце XVIII в. оно не было известно. Что способствовало распространению этого названия,— пока не установлено, но несомненно, что название «гуцул» в какой-то мере связано с памятью об опришках. Слово «гуцул» в начале своего возникновения не являлось определением национальной принадлежности или названием этнической группы.

В. А. Анучин и А. И. Спиридоны правильно указывают на то, что у гуцулов сильно развито прикладное искусство: резьба по дереву, вышивка, керамика и т. п. Однако авторы дают в корне неправильное объяснение этого явления. Они считают, что подобное прикладное искусство сохранилось здесь потому,

¹⁴ П. Г. Богатырев, Фольклорные сказания об опришках Зап. Украины, «Советская этнография», V, 1941, стр. 59.

¹⁵ Е. Дракохруст, Галицкое Прикарпатье XVI века и движение опришков, «Вопросы истории», 1948, № 1, стр. 35.

¹⁶ Там же, стр. 37.

¹⁷ Е. Дракохруст, Указ. раб., стр. 58.

что «предки гуцулов пришли в горы из мест, расположенных вблизи от большого торгового города, может быть Киева, где они занимались ремеслами» (стр. 150). Искусство ремесленников, работавших на заказ или на рынок, не могло (да и не имело условий) для своего развития. Высокое прикладное искусство горного скотоводческого населения Закарпатья развивалось совершенно на другой базе. Находясь почти круглый год на пастбищах со скотом, мужчины, имея много свободного времени, занимались выделкой и украшением различных вещей домашнего обихода не для рынка, а для себя. Именно на этой почве выросло искусство резьбы по дереву. Художественные вышивки и украшения костюма создавались женской частью населения также не на рынок, не на продажу, а только для себя. Проникновение торгово-капиталистических отношений в среду этого горного населения послужило, особенно за последние 30 лет, причиной полного упадка подобного прикладного искусства. Только теперь, с воссоединением Закарпатья с Украинской ССР, в условиях социализма, для горного населения Закарпатья открылись широкие возможности возрождения своего искусства.

Обращает внимание довольно путаная языковая характеристика населения Закарпатья, изложенная В. А. Ануциным и А. И. Спиридоновым на стр. 93. Здесь имеется только одна правильная мысль: закарпатский язык «в большей мере, чем какой-либо другой из восточнославянских языков, сохранил в себе черты того общего славянского языка, на котором говорили предки русских, украинцев и белоруссов во времена Киевской Руси» (стр. 93). Все же остальное так перепутано, что трудно что-либо понять. Например: «наречие лемков и бойков очень напоминает церковно-славянский язык»; «понять наречие бойков и лемков легче, чем понять украинскую речь»; «сохранилось много слов, имеющихся в русском, но которые не попали в украинский», и т. д. Здесь же и прямо противоположное: «Находясь в многовековой зависимости от мадьяр... все же сумели сохранить родной язык, сумели отстоять против мадьяризации, сохранившись как часть украинского народа» (подчеркнуто мной.— И. С.). В следующей фразе тех же бойков и лемков авторы делят на «долинян» и «верховинцев», причем утверждают, что только «долиняне» по языку «ближе в всех к русскому языку» (стр. 93). Нет надобности доказывать, что языки закарпатских украинцев в своей основе—украинский. Наличие же местных диалектов, сохранивших древние пережитки, общие для всех восточных славян, и воспринявшими в более позднее время словарный материал соседних народов, не дает права делить этот язык на «церковно-славянский» и затем «ближе стоящий к русскому» и т. д. Авторам следовало бы обратиться за консультацией к лингвистам или заглянуть хотя бы в 55-й том Большой Советской Энциклопедии, где на стр. 956—964 дана подробная характеристика украинского языка в целом и закарпатского в частности.

Закарпатские украинцы гордятся своими художниками, писателями, профессорами, работающими в Ужгородском университете. В Ужгороде и Мукачево работает большой коллектив историков, археологов, биологов, зоологов и других специалистов. По всей области в начальных и средних школах трудится не одна сотня учителей из местных жителей. На транспорте и в промышленности имеются десятки инженеров-специалистов; нельзя забывать и о врачах. Сейчас в условиях строительства социализма этой интеллигенции явно недостаточно, предстоит огромнейшая работа по подготовке новых по качеству кадров советской интеллигенции. Поэтому было бы клеветой утверждать вместе с В. А. Ануциным и А. И. Спиридоновым, что «украинская интеллигенция, как правило, ограничена священниками и отцами учителями» (стр. 100).

В книге В. А. Ануцина и А. И. Спиридонова имеется еще много других неточностей и несообразностей. Отметим только два весьма досадных искажения. На стр. 117 и 118, описывая приспособление для складывания сена, авторы называют его «оборот», повторяя этот термин несколько раз, тогда как местное его название «оборог» (или оборуг, в зависимости от местного диалекта). На стр. 118 помещено фото с подписью: «заготовка сена на полонинах гуцульщины». В действительности, одежда мужчины и женщины, снятых у копны сена, указывает, что снимок сделан совсем не на «гуцульщине», а в Довжанской долине, т. е. не в восточной части Закарпатской области, а в центральном ее районе. На стр. 161 говорится о преобладании квадратных окон в украинских мазанках Закарпатья. Работая в экспедиции Института этнографии Академии Наук ССР, я посетил в различных частях области 68 сел, где произвел обмер 400 украинских хыж (мазанок и не мазанок), а также зафотографировал около 500 жилищ, но нигде не видел квадратных окон, тем более выходящих на балкон, как это утверждают авторы.

И. Симоненко

Б. Н. Путилов. *Исторические песни на Тереке*. Подготовка текстов, статья и комментарий Б. Н. Путилова. Грозный, 1948, 143 стр. («Фольклор Терского казачества», сборник 2).

В отличие от первого выпуска «Фольклора Терского казачества» («Песни гребенских казаков». Грозный, 1946), состоявшего из новых записей песен, сделанных экс-

педициями 1945 г., второй выпуск дает тексты гребенских исторических песен, опубликованные в различных (главным образом дореволюционных) изданиях. Выбор для первого сборника старого терского фольклора именно исторических песен сделан вполне обосновано. Исторические песни — ценнейшее наследство русского фольклора — лучше всего сохранились у казачества, в песенном репертуаре которого они занимают весьма значительное место. Сборников же, дающих полное представление о казачьей исторической песне нет, их тексты разбросаны по различным, часто малодоступным изданиям. Изучение их, как и вообще всей русской исторической песни, до сих пор остается одним из самых слабых участков советской фольклористики; почти все имеющиеся об исторических песнях работы написаны на основе порочной позитивистской методологии так называемой «исторической школы» и нуждаются в строгом критическом пересмотре с марксистско-ленинских позиций. Отсюда понятна важность и своевременность настоящего издания, ставящего своей задачей «дать научно-популярную антологию терской исторической песни, систематизировать и проанализировать известные материалы, сделать их достоянием широкого читателя и обратить на них внимание специалистов» («Предисловие», стр. 5). Подбор и комментарии текстов сделаны Б. Н. Путиловым, много поработавшим по собиранию терского фольклора.

В целом сборник дает достаточно полное представление о содержании и характере терской исторической песни до второй половины XIX в., но отдельные тексты выбраны неудачно. Рассчитанный на широкого читателя, данный сборник не является сводом всех опубликованных вариантов (перечень их дан в комментариях), тексты даны выборочно, что, конечно, требовало особо тщательного их отбора. Составитель же не всегда подходит к публикуемым вариантам достаточно критически. Не делается никакой разницы между дореволюционными и современными записями, большинство текстов сборника взято из дореволюционных изданий, но некоторые песни даны в записях 1945 г., что, конечно, не может дать правильного представления о песне определенного исторического периода. Правильнее было бы ограничиться в данном издании только старыми записями (указав, какие из этих песен продолжают бытовать и сейчас) или дать параллельно старые и новые записи, что дало бы возможность судить об историческом развитии этих песен и, несомненно, увеличило бы ценность сборника. Не всегда достаточно критически относится составитель к дореволюционным записям, а ведь именно казачьи песни чаще всего поддавались и фальсифицировались. Это в первую очередь относится к сборнику Панкратова «Гребенцы в песнях», из которого перепечатано довольно много песен (21 из 100). В комментариях к песням о Степане Разине, как и в статье о терских былинках («Ученые записи Грозненского педагогического института», вып. 3, 1947), сам автор справедливо отмечает, что сборник Панкратова в части исторических песен вызывает большие сомнения и указывает некоторые, явно фальсифицированные тексты. Однако в рецензируемом сборнике из книги «Гребенцы в песнях» перепечатаны без всяких замечаний, как не подлежащие никакому сомнению, уникальные песни, кроме Панкратова, никем и нигде не записанные, что, естественно, вызывает сомнение в их подлинности. Определенно сомнительными представляются песни: «Грозный думает об измене Курбского», «Грозный встречается с сыном Курбского» и некоторые другие. Имя Курбского нигде, кроме этих двух песен, в русском фольклоре не встречается (и не могло быть популярным), и уж совсем непонятно, откуда взялся сын Курбского (не из «Бориса ли Годунова» Пушкина он попал к Панкратову?). Давая во вступительной статье определение исторических песен, тов. Путилов справедливо относит к историческим песням только те, которые связаны с конкретными историческими событиями и лицами, и отличает их от лирических песен и баллад, связанных с историей лишь внешним образом. Между тем в сборнике есть лирические песни, в сущности не связанные с определенными историческими событиями. Например, широко распространенная лирическая песня «Не шуми ты, мать зелена лубравушка» включена в данный сборник на том только основании, что в ее варианте (напечатанном опять-таки у Панкратова) имеется имя «Грозного царя Ивана Васильевича». Такая вставка в песню имени чрезвычайно популярного в терском фольклоре Ивана Грозного возможна, но она еще не делает песню исторической, и достаточно было бы указания на это во вступительной статье. Более тщательно следовало бы отнести к подбору песен XIX в.

Самым же важным недостатком разбираемого сборника является ограничение материала половиной XIX в. Это связано с убеждением тов. Путилова, что историческая песня у казачества жила и интенсивно развивалась только до половины XIX столетия, а в крестьянской среде широкое развитие этого жанра прекратилось с середины XVIII в., после чего начинает быстро развиваться песня солдатская (см. вступительную статью, стр. 9). Такое деление песен на исторические и солдатские идет от неизжитых еще установок дворянских и буржуазных фольклористов, ставивших отвлечь внимание от современного положения народа и третировавших песни о современных исторических событиях. высказывавшие нередко неугодные господствующему классу суждения, как грубые малооцененные образцы солдатского (а не народного) творчества, не заслуживающие даже названия исторических (на том же основании не признавались историческими и песни о Степане Разине, презрительно именовавшиеся разбойничими). Между тем историческая народная песня продолжала

живеть и развиваться. Сам тов. Путилов записал у гребенских казаков в 1945 г. и напечатал в своем первом сборнике песни о русско-японской войне, однако в данном сборнике он их не только не перепечатал, но даже и не упомянул о них.

Во вступительной статье, несмотря на ее небольшой объем и популярный характер, тов. Путилов ставит очень важные проблемы, связанные с изучением исторических песен и старается разрешить их по-новому. Он говорит об исторических песнях как новом жанре, возникающем в связи с развитием русского национального государства. Их отличие от былин (с которыми раньше историческая песня неправильно связывалась генетически) он видит в том, что они соответствуют различным этапам истории русского народа и его сознания и по-разному отображают историческую действительность. Это определяет и их художественные особенности — былина в своей основе фантастична, историческая песня — реалистична (непонятно только, что хочет сказать автор оговоркой: «хотя реализм ее особый, фольклорный», стр. 8. Что это за особый реализм и каковы его качества, в статье не расшифровывается).

В отличие от прежних формалистических работ тов. Путилов основное внимание уделяет идейному содержанию исторических песен и показывает их тесную связь с бытом и идеологией терского казачества. Такой подход к историческим песням является единственно правильным. Однако полностью освободиться от старых представлений тов. Путилов не смог. Уже в самом начале статьи, гдеается определение исторических песен, мы встречаемся с идущим от Веселовского понятием некоего «лиро-эпического жанра», который, как видно из комментариев, тов. Путилов считает первоначальным образцом исторической песни. Указав совершенно правильно на принципиальные отличия исторической песни от былины, тов. Путилов (как и представители «исторической школы») все-таки сопоставляет историческую песню именно с былиной и почти ничего не говорит о теснейшей связи терской исторической песни с лирической (а в более ранней вступительной статье к «Песням гребенских казаков» 1946, близость исторической песни к лирической была показана им достаточно убедительно). Особенно же чуждая нам методология дает себя чувствовать в комментариях, где говорится о мотивах, их комбинациях, былинных зачинах, былинной экспозиции и т. п., а в комментариях к песне «Терские казаки и Грозный» (пожалование Тереком) совершенно в духе «учения» Веселовского о происхождении эпоса утверждается, что эта песня «в стилевом отношении представляет наиболее ранний образец исторической лиро-эпической песни». Кстати, едва ли эта песня возникла в XVI в., как то думает тов. Путилов, ведущий от нее начало терского фольклора. Вероятно, эта песня, широко распространенная как у терских, так и у донских казаков, возникла в начале XVIII в., когда казачество, выступая против мероприятий правительства, ссылается на свои исконные права и привилегии и подкрепляет эти ссылки авторитетом Грозного.

Все это свидетельствует о том, что борьба с враждебными марксизму-ленинизму течениями в фольклористике еще не закончена и не может быть ослаблена, отдельные положения разоблаченной школы Веселовского еще не изжиты и дают себя чувствовать даже в работах молодых советских фольклористов, стоящих в основном на верных позициях.

В. Соколова

Народное творчество Южного Урала. Вып. 1. Записал И. С. Зайцев. Под ред. и с предисловием В. М. Сидельникова. Челябинск, 1948, 159 стр.

Вышедшая недавно в Челябинском областном издательстве книжка «Народное творчество Южного Урала» знакомит с дореволюционным фольклором старейшего русского горнопромышленного района (записи советского фольклора обещано дать следующим выпуском) и, несомненно, привлечет внимание как массового читателя, так и специалиста. Для этнографа и фольклориста промышленный Южный Урал представляет огромный интерес, материал же здесь собирался не систематически, случайно и разбросан по местным периодическим изданиям. Представители дореволюционной буржуазной науки бежали подальше от промышленных центров, от «тлетворного, разлагавшего», по их терминологии, влияния фабрик и заводов; после Великой Октябрьской социалистической революции материалов по Южному Уралу (Челябинская область) также было издано немного. Книжка И. С. Зайцева в некоторой степени восполняет этот пробел. Она, поскольку это позволяет небольшой объем, дает представление о разнообразных видах поэтического творчества уральских рабочих и крестьян до революции. Изданный материал в течение долгого времени с любовью собирался местным краеведом-фольклористом И. С. Зайцевым, много ценного материала записано им от бабушки Е. В. Зайцевой, превосходного знатока старых крестьянских обычаяев и фольклора и создательницы новых песен и сказов. Не все, конечно, здесь одинаково ценно. Лучше всего представлена обрядовая поэзия (полная записи уральской свадьбы, календарные праздники), интересный материал приведен о гуляниях молодежи. Несомненную ценность представляют записи ряда песен (исторических и лирических) и народной драмы. Гораздо слабее и односторонне представлены в книжке сказки, рабочие сказы, песни и частушки.

Однако советский читатель вправе требовать, чтобы ему не только давали сырой (пусть и интересный) материал, но и правильно оценивали, анализировали его, помо-

гали в нем разобраться. К сожалению, и расположение материала, и вступительная статья, и комментарии редактора сборника В. М. Сидельникова страдают очень большими недостатками и не дают правильной ориентировки в предлагаемом материале.

Не выдерживает критики и способна дезориентировать читателя классификация материала. В книге следующие рубрики: I — исторические песни; II — солдатские песни и сказки; III — крестьянские обряды, песни, сказки, причитания; IV — разбочие сказы и частушки; V — песни тюрем и каторги. Что положено в основу этой классификации? Вероятно, идейная направленность произведения, его классовая принадлежность. Но ведь солдаты не класс. Как понимают составители «песни тюрем и каторги»? Это было необходимо оговорить. И, наконец, почему в особую группу выделены исторические песни? Ясно, что единого принципа в этой классификации нет.

Распределив таким образом весь собранный материал, составители дали неверное представление о характере дореволюционного крестьянского и рабочего поэтического творчества. Оказывается, что для дореволюционного крестьянского фольклора на Урале характерны в первую очередь обряды, а также традиционная сказка и лирическая песня, среди рабочих же бытовали только песни о жизни и труде на заводе, сказы и частушки. Картина получается искаженная. Разве не звучала в дореволюционной уральской деревне частушка? Не рассказывали крестьяне предания о пугачевском восстании, крепостном праве, строительстве фабрик и заводов и многом другом? В свою очередь — разве у рабочих не было лирической любовной песни? Не было сказок? Не было на старой фабрике своих обычаем и праздников? Взаимоотношение рабочего и крестьянского фольклора было гораздо сложнее, чем то представляют составители сборника, и при отнесении произведения к рабочему или крестьянскому фольклору нельзя пользоваться жанровым (и в какой-то мере тематическим) критерием.

Неправильным представляется нам и отказ от помещения в сборнике массовых революционных песен, записанных от уральских рабочих на том основании, что варианты их общеизвестны. Это обеднило рабочий фольклор. Нельзя составить себе правильного представления о настроении передовой части рабочих и влиянии большевистской партии на их поэтическое творчество, если мы не будем учитывать эти песни. Никак не обосновано выделение в особую рубрику исторических песен. Видимо, составитель и редактор хотели подчеркнуть этим их особую значимость. Но ведь дальше идет крестьянский и рабочий фольклор, и у читателя возникает вполне законный вопрос: если исторические песни не крестьянские, не рабочие и не солдатские, то кто же их создавал и чью идеологию и взгляды на исторические события они выражают? Остается предположить, что они возникли в среде господствующих классов. Как известно, представители буржуазной науки действительно объявляли исторические песни XVI—XVII вв. творчеством высших образованных классов. Мы уверены, что тов. Сидельников не разделяет этой антинародной, разоблаченной в советской печати концепции, но непродуманным распределением материала он отрывает исторические песни от поэтического творчества русских крестьян и рабочих и невольно наталкивает читателя на эту мысль. Выделив в особую группу исторические песни, составитель и редактор не оказались, однако, последовательными до конца — к историческим относятся песни, говорящие о событиях и лицах до середины XIX в., песни же о позднейших исторических событиях отнесены к солдатским. Спрашивается: почему песни об отечественной войне 1812 г. исторические, а песни о первой мировой войне — не исторические? У массового читателя это вызовет законное недоумение, для специалиста же ясно, что это идет опять-таки от не изжитых до конца порочных установок школы В. Ф. Миллера, не признавшей исторического значения позднейших песен¹.

Неизвестно, чем руководствовались составитель и редактор, когда они распределяли материал по разделам. В предисловии это никак не оговорено, из просмотра же книги создается впечатление, что делалось это чаще всего по формальным признакам. Герой сказки — солдат, значит, сказка солдатская; говорится в песне о заводе — следовательно, песня рабочая, обряд обязательно крестьянский и т. д. Только этим и можно объяснить то, что материал, записанный в 1935 г. от Е. В. Зайцевой, попадает в разделы и крестьянского, и рабочего, и солдатского фольклора, и в исторические песни. Выходит, что Е. В. Зайцева, аттестуемая как талантливый мастер-творец (и, несомненно, таковым являющаяся), лишь механически передает фольклор различных социальных групп, не отбирая, не перерабатывая его творчески в соответствии со своим мировоззрением. И что типично солдатского, например, в рассказаний юноши из известной сказке «Курлахан-Курлаханович»? Образ ловкого солдата? Но ведь

¹ Впрочем, редактора и здесь нельзя обвинить в последовательности: к солдатским песням отнесена и песня XVII в. «Не кулик куликает», говорящая о возвращении ки. Вас. Голицына из неудачного похода в Крым. В данном варианте имени Голицына нет, поэтому, очевидно, песня и не попала в исторические, в комментариях же в ней сказано лишь: «данная песня, хотя и не имеет прямого отношения к солдатскому циклу, но пелась солдатами, и в ней упоминается один любопытный исторический факт — участие солдат (очевидно, Московского гарнизона) в строительстве Москвы» (стр. 140).

это один из любимых образов крестьянской сказки. И таких примеров можно привести много.

Не помогает разобраться в материале и предисловие В. М. Сидельникова. Начинается оно весьма витиевато: «Уральские горные складки хранят в себе не только всевозможные руды, драгоценные камни, но также золотые россыпи народного языка, поражающего оригинальностью, своеобразием и прелестью» (стр. 3). Оставив на совести автора красоты стиля (язык и поэтическое творчество хранит, оказывается, не народ, а горные складки), нельзя никак согласиться с отношением к живому, все время меняющемуся народному поэтическому творчеству и языку как к геологическим ископаемым (а что уподобление тов. Сидельниковым традиционного фольклора геологическим залежам не случайно, видно из замечаний об уральских рабочих сказах на стр. 4, где опять говорится о фольклорных уральских залежах).

Никак не раскрывает тов. Сидельников очень важное положение А. М. Горького о характере народной фантастики. В самом начале предисловия он пишет: «Народная фантазия нашла на Урале благодарную почву. Народное воображение наполнило реальный мир сказочными и фантастическими образами, различными домыслами и предположениями и породило замечательные художественные произведения, являющиеся для нас своеобразной летописью, вобравшей в себя многообразную человеческую жизнь» (стр. 3). Из этого можно сделать вывод — без наполнения реального мира домыслами и фантастикой создание замечательных художественных произведений невозможно, а о каких домыслах и фантастике идет речь — неизвестно. Совсем не вскрыты слабые, исторически ограниченные черты мировоззрения дореволюционного крестьянства, его суеверия и предрассудки, нашедшие отражение и в поэзии (и особенно в обрядах), а отсюда и восторженное, совершенно некритическое отношение к ним. Тов. Сидельников раскрывает идеяное содержание дореволюционных рабочих сказов и песен, говорящих о тяжелом гнете и произволе, о жгучей ненависти рабочих к эксплоататорам и вере в победу над ними. Показан им и социальный смысл народной драмы (озаглавленной «Скомороши и грища»), представляющей яркий образец острой народной сатиры, направленной против господствующих классов. Относительно же обрядовой поэзии он ограничивается лишь общими восторженными замечаниями. Смысл обрядов, условия, породившие и способствовавшие их бытованию, не раскрыты, нет политической оценки тех вредных пережитков в сознании, которые обряды нередко в себе несут.

Неудовлетворителен и анализ помещенных в сборнике сказок. Ценность их тов. Сидельников видит в том, что «они несут на себе следы уральской местности, уральской жизни и по-новому разрабатывают известные бродячие сюжеты» (стр. 10, подчеркнуто нами. — В. С.). От пользования компаративистским термином «бродячие сюжеты» давно надо отказаться. Следует показать то новое, что отличает именно уральскую сказку, а это тов. Сидельниковым не сделано.

Автор ограничивается восторженными замечаниями о красочном и образном языке, об идеяном же содержании сказок сказано только: «Все сказки сатирические, в них ясно выражена идеология русского человека, его качества и стремления. Сказки звучат остро» (стр. 10). Что это за идеология, какого русского человека — какой среды, эпохи? А если бы это были не сатирические сказки, они не раскрывали бы идеологию русского человека? Исторического подхода к дореволюционному крестьянскому фольклору у тов. Сидельникова нет, его развития он не показывает, а отсюда и такие общие, ничего не говорящие фразы. Нельзя, конечно, превратить вступительную статью в детальное исследование о дореволюционном уральском фольклоре, но ясность и четкость формулировок для нее обязательна.

Комментарии к сборнику также не дают анализа произведений, а ограничиваются преимущественно выборочным указанием их вариантов в других сборниках, вызывающим большие недоумения. Понятно, что в сборнике, рассчитанном на массового читателя, невозможно (да и не нужно) указывать решительно все варианты, можно и совсем такого указателя не давать, но, уж если комментатор эти указания делает, мы вправе от него требовать, чтобы он указал прежде всего варианты, записанные в тех же и близких районах, и варианты в наиболее крупных собраниях. Но тов. Сидельников отдает явное предпочтение сборникам, составленным или редактированным им самим: «Волжский фольклор» и «Ярославский фольклор» указываются еюю, где это возможно, ссылки же на другие издания случайны. Это производит невыгодное для комментатора впечатление, особенно если принять во внимание, что и «Волжский фольклор», составленный В. М. Сидельниковым и В. Ю. Крупянской, и «Ярославский фольклор», составленный Б. Н. Быстровым и Н. Е. Новиковым и редактированный В. Ю. Крупянской и В. М. Сидельниковым, фигурируют повсюду как: В. М. Сидельников, Волжский фольклор, Куйбышев, 1938; В. М. Сидельников, Ярославский фольклор, Ярославль, 1938.

В заключение нельзя не отметить песню, открывающую сборник: «Про реку Камушку да про Пугачева атаманушку»; ее содержание и стиль убеждают, что это не массовая народная историческая песня, а стихотворение (возможно, Е. В. Зайцевой), и включение его в сборник традиционного фольклора не оправдано. Никакой ценности, вопреки уверениям редактора, оно не представляет, а является откровенной стилизацией под народные песни в духе середины XIX в. Стилизацию выдает нарочито архаичный язык, изобилие употребленных кстати и некстати уменьшительных

суффиксов, постоянные инверсии и стихотворный размер (10 слов с сильными уда-
рениями на 3-м и 7-м слогах, с цезурой посередине), заставляющий вспомнить Коль-
цова, Никитина и их подражателей, но не народные песни. Смысл пугачевского вос-
стания в этой песне не раскрыт, аналогия между Ермаком и Пугачевым («по крови
братья», «верны сыновья Руси матушки») исторически неверна и в народных песнях
и преданиях не встречается (заключительные слова Пугачева — «буду собирать рать,
чтоб не царствовал род дворянский, а вольготно жил люд крестьянский» — не исправ-
ляют дела). Подлинные народные песни и предания о Пугачеве несравненно глубже
и вернее показывают классовую сущность восстания и отношение народа к Пугачеву.
Между тем это слабое произведение не только без всяких оговорок помещается в
сборнике, но и рекомендуется читателю как ценный и интересный вариант неизвестной
доселе песни о Пугачеве (см. предисловие, стр. 11). Это говорит о некритическом
отношении составителя и редактора к публикуемому материалу и заставляет насто-
роженно отнестись и к другим записям (в некоторых литературная правка иногда
чувствуется, некоторые — просто слабые произведения). Хочется пожелать, чтобы
обещанный второй выпуск записей И. С. Зайцевым — советский фольклор Южного
Урала был сделан более тщательно и дал бы правильное представление о современ-
ном поэтическом творчестве южноуральских рабочих и крестьян.

В. Соколова

И. Г. Парилов, *Русский фольклор Нарыма*, Новосибгиз, 1948.

Сборник И. Г. Парилова является первой крупной послевоенной публикацией
сибирского фольклора и заслуживает внимания прежде всего свежестью публикуемого
материала. Русский фольклор Нарыма до настоящего сборника был почти неизвестен
не только широким читательским кругам, но и фольклористам-специалистам. Книга
И. Г. Парилова является первой попыткой характеристики русского фольклора Нарыма
в его современном состоянии и, частично, в его прошлом.

Публикация И. Г. Парилова дает возможность продолжить изучение очень слож-
ного в фольклорном отношении устного творчества Сибири. В течение многих лет
богатый русский сибирский фольклор широко пополнялся песнями политкаторжан,
песнями категорий и ссылки, новыми песнями и сказками, приносимыми в традиционный
сибирский фольклор переселенцами. Вполне понятен поэтому тот интерес, с которым
и читатель, и исследователь обращаются к работе И. Г. Парилова.

При всем своем значении первой публикации русского фольклора Нарыма, книга
имеет недостатки, которые, кстати сказать, свойственны и другим фольклорным сборни-
кам последних лет. Основная отрицательная черта — недостаточность советского
фольклора — бросается в глаза при первом же знакомстве с книгой. Материал в ана-
лизируемом сборнике распределен по жанрам. В нем представлены сказки, местные
предания и рассказы о прошлом Нарыма, песни (свадебные, хороводные, игровые,
плясовые, шуточные и сатирические, любовные и семейные, исторические, солдатские
и казачьи, песни о ссылке и тюрьме, песни о Великой Отечественной войне), ча-
стушки, пословицы и поговорки, детский фольклор. Былины автору в живом бытова-
нии не встретились; о причитаниях и загадках он не упоминает совсем, ничем
этого не мотивируя. При таком распределении материала современный советский
фольклор оказался в тени. Автор не вскрывает принципиальной разницы, того каче-
ственного различия, которое существует между фольклором традиционным и совре-
менным. В частности, такая характерная черта современного фольклора, как его тес-
ная связь с литературой, с печатным словом вообще, воспринимается автором как
нечто чуждое и неполноценное. И. Г. Парилов разделяет, например, публикуемые
песни на подлинно народные, фольклорные «не только по бытovanию, но и по проис-
хождению», и на песни литературного происхождения, которые, видимо, к подлинно
народным отнести нельзя. Советская фольклористика давно уже отказалась от старых
идеалистических представлений о народном творчестве, как о чем-то замкнутом и
развивающемся в самом себе. Если собиратель считает правомерным (и правильно
считает!) включать в свой сборник ставшие народными варианты «Катюши» Иса-
ковского, то ему нет нужды оправдываться в публикации таких сказок, как «Бова» и
«Еруслан», или таких песен, как «Что ты, ветка бедная» или «Вянет, пропадает
красота моя» и др.

Для связи современного фольклора с литературой характерна не только фольк-
лоризация книжных произведений, но и создание новых, подобных песен Г. Р. Ко-
стыревой. Автор правильно сделал, поместив эти песни в свой сборник; следовало бы
только подчеркнуть типичность такого явления для современного фольклора. Косты-
рева для Нарыма — это то же, что Яркова в Пензенской области, Рогожникова на
Урале, Голубкова на Севере.

Недостаточность современного фольклора в сборнике тем более удивительна, что
экспедиции проводились в дни Великой Отечественной войны, когда устное народное
творчество достигло мощного подъема и характеризовалось расцветом советского
патриотизма, гордости за свое национальное прошлое. Собранный автором материал
лишь частично отражает это. Книга значительно выиграла бы, если бы советский

фольклор был представлен большим количеством образцов и жанров. По сборнику И. Г. Парилова нет возможности представить себе, из чего же складывается, например, фольклор современной деревни, фольклор колхоза, какое место в этом фольклоре занимают традиционные жанры, лирические песни, насколько распространена частушка и т. д. Стремление показать фольклор в его жанровом многообразии и жанровой эволюции привело автора к отрыву фольклора от современной жизни, от его бытования. Фольклор в сборнике рассматривается как нечто отвлеченное, абстрагированное, не связанное с колхозной действительностью, с жизнью советской деревни.

Таковы основные недочеты этого сборника. Остальные замечания носят более частный характер и относятся, главным образом, к анализу сказок во вступительной статье. Так, неудачен термин «эпическая традиция» в значении сказочной традиции, потому что под эпической традицией чаще разумеется былевая. В анализе сказок И. Г. Парилова исходит из уже добытых фольклористикой данных, не замечая того, что иногда его наблюдения находятся в противоречии с его же положениями. Например, подчеркивая восточное происхождение Еруслана и западное — Бэзы, автор уделяет много внимания выявлению национального характера этих образов, но не делает из этого нужных выводов.

Слишком категоричны некоторые заявления автора. Например, едва ли есть основание утверждать, что источник сказки о Гуаке (рыцарская повесть) установлен самим И. Г. Париловым. Существование устных сказок на сюжеты рыцарских романов было установлено еще в XIX в. Следовало бы также указать, что эпичность богатырских сказок — явление, характерное не только для нарымской сказки, а для богатырской сказки вообще, что это вовсе не индивидуальная манера сказочников Нарыма. Точно так же нельзя отнести за счет индивидуальной манеры сказочницы А. В. Псповой подчеркивание ума Иванушки-дурака. Подобная трактовка типична для многих вариантов данного сюжета, что и дало возможность А. М. Горькому отнести этот образ к числу обобщающих фольклорных образов, типичных в своем жизненном утверждающем оптимизме.

Следует сказать несколько слов и о примечаниях к сказкам. В примечаниях приводятся источники сказок и указываются их варианты вплоть до привлечения рукописных материалов Гослитмузея. Это хорошо. Удивляет только, почему автор сравнивает свои записи только с сибирскими публикациями, да еще исключая публикации сибирских сказок, изданные вне Сибири. Например, не учтен сборник М. К. Азадовского «Сказки Магая», а между тем сказка 10-я этого сборника («Еруслан Лазаревич») могла бы дать автору благодарный материал для сравнения. Сопоставление же сказки Сопыряева с Еруслане с одноименной сказкой белозерского сказочника Ганина показало бы автору, что вариант Сопыряева гораздо ближе к эпической сказке Ганина, чем к лубочному тексту, опубликованному А. Н. Афанасьевым. Не воскрешает ли автор своим предпочтением сибирских публикаций ту самую вредную теорию и практику областничества, которую он сам же осудил во вступительной статье?

Характеристики сказочников довольно полны и содержательны, однако, отсутствие репертуарных списков известных сказочникам сюжетов мешает более и правильнее представить общую картину бытования сказки в Нарыме и, в частности, профиль того или иного сказочника.

Очень обособленно и недостаточно глубоко разобраны в сборнике Парилова местные предания и сказы. Автор отказался от сопоставления их с однородными произведениями других местностей, хотя сказы и предания о Разине и Пугачеве, собранные Лозановой, представляли благодарный для сравнения материал. Отсутствие такого сопоставления помешало автору показать, в чем же специфика данных сказов, преданий и рассказов, в чем выявляется их колорит местного сибирского предания.

Наконец, автор совсем ничего не говорит о том, оказал ли какое влияние на русский фольклор Нарыма (мы имеем в виду, главным образом, сказки — Л. П., Л. С.) местный фольклор других народов края? Интересно было бы проследить, переносит ли сказочник в русскую сказку мотивы и образы сказки остыцкой или эвенкийской.

Наряду с отмеченными недостатками, в анализе сказок И. Г. Парилова есть и очень меткие наблюдения. Совершенно справедливо автор указывает на связь сказки с современностью, с Великой Отечественной войной. Сказка Нарыма в значительно большей степени, чем песня, включает в себя новые военные мотивы. Показательно прежде всего широкое бытование богатырских сказок в дни Отечественной войны. Очень интересны наблюдения автора над стремлением сказочника связать рассказываемое произведение с современностью. Убедительно также показана связь сатирической сказки с дореволюционной действительностью, а также влияние современной советской зажиточной жизни на постепенное угасание печальной традиционной песни. Однако связь фольклора с действительностью, с реальной жизнью не везде последовательно показана и не объяснена.

В основу подбора материала автор положил критерий художественной и эстетической ценности материала, выбрав лучшее из имеющихся в его распоряжении записей. Надо признать, что с этой точки зрения автор добился успехов. Публикуемые им тексты в своем большинстве имеют художественные достоинства и ценные в научном отношении. Прекрасные варианты традиционных волшебных сказок (из них особенно выделяются «Бова» и «Полет на журавлях») свидетельствуют о выдающемся

мастерстве нарымских сказочников. Песни и частушки подобраны со вкусом и достаточно полно характеризуют богатую песенную традицию Нарыма. Сборник И. Г. Парилова удачным подбором публикуемого материала выгодно выделяется среди других областных сборников (ср., например, «Советский фольклор Чкаловской области», Чкалов, 1947 или «Шумел сурово брянский лес», Брянск, 1946, в которых зачастую публиковались низкопробные в идеином и эстетическом отношениях тексты). Сборник свидетельствует о том, что устное творчество советского народа, выросшее на богатой традиции прошлого, развивается и крепнет, обогащается качественно новыми произведениями, отражающими новую счастливую жизнь советского народа.

Л. Пушкирев и Л. Старцева.

Rylyny Přeložil Petr Křička, Sfinx. Bohumil Janda. Praha, 1946.

Громадный интерес к советской литературе за рубежом был засвидетельствован выставкой переводов последней, устроенной в Москве Союзом советских писателей. В славянских странах этот интерес особенно глубок, и направляется он не только на советскую литературу, но и на все великое русское искусство. Этим можно объяснить появление рецензируемой книги, в подготовке которой принимали участие Jiří Horák и Petr Křička (подбором текстов), Vl. Regerišovskij (составлением объяснительной статьи к изданию былин) и Bohumil Janda (изданием книги в издательстве Sfinx). Книга дает 35 былин и исторических песен с короткой статьей о них. К сожалению, в книге отсутствуют примечания с указанием, откуда взяты тексты и что они собою представляют. Надо заметить, что в популярном издании, каким является рецензируемая книга, такие примечания необходимы.

Если помещенные в книге былины дают более или менее полное представление об этом жанре русского фольклора, имеющем громадное художественное значение, то об исторических и «низших эпических» песнях читатели не смогут вынести правильного представления — ввиду их помещения в книге в чрезвычайно малом количестве.

В книге опубликовано пять былин об Илье Муромце, три былины о Добрыне, а остальные повествуют о других богатырях: Алеше Поповиче, Вольге, Микуле, Святогоре, Михаиле Даниловиче, Василии-пьянице, Михаиле Казаринове, Сухмане, Ставре, Хотене Блудовиче, Садке, Василии Буслаевиче, Соловье Будимировиче, Чуриле — или представляют собою песни: «Непра и Дон» и «Гибель богатырей». Таким образом оказываются недостаточно освещенными богатыри Добрыня и Алеша Попович, и совершенно отсутствуют песни о богатырях: Дюке, Дунае, Михаиле Потоке, Даниле Ловчанине и др. Да и самый выбор отдельных былин не всегда обоснован: непонятно, например, исключение из сборника былины о молодости Василия Буслаевича; былина о поездке его в Иерусалим не дает полной характеристики этого замечательного былинного героя; также было бы лучше напечатать былину «Святогор и тяга земная», чем менее значительную, рассказывающую о его смерти, и т. д. Протест вызывает помещение былины «Алеша и Тугарин» только в ее первой половине (182 стиха), тогда как именно конец былины ярче всего раскрывает идейный смысл образа Алеши Поповича, несмотря на наличие в этом варианте некоторых противоречий в ходе рассказа.

Совершенно не выдерживает критики выбор текстов исторических песен. В сборнике даны песни: «Ермак и его поход в Сибирь», «Стенька Разин» и «Смерть Грозного». Отбор этих песен очень спорен. «Смерть Грозного», например, не является произведением первостепенной значимости, и непонятно, почему выбрана эта песнь, а не «Взятие Казани», «Грозный и сын», песни из Смутного времени и XVIII в. Так же обращает внимание, что из цикла песен о Степане Разине взята одна из наименее характерных. Равным образом подбор «низших» эпических песен носит односторонний характер (включены песни только о безымянных персонажах).

Размещение текстов в книге воскрешает порядок печатания их в изданиях XIX в.: сначала напечатаны былины о Вольге, Святогоре, потом об Илье Муромце, Добрыне, Алеше, затем об остальных богатырях. Такое размещение былин основывается на концепциях романтико-идеалистической теории мифологической школы, разделяющей богатырей на старших и младших. Советские издания былин обычно размещают их или по степени популярности богатырей (сначала песни об Илье, Добрыне, Алеше), или по времени хронологического приурочения былин (сначала о Добрыне, Алеше — издание Сабашникова), или по циклам — киевскому, новгородскому, или, наконец, по характеру былин (войинские, новеллистические).

В выборе текстов редакторы издания шли научным путем, заимствуя их, как удалось установить, из лучших изданий XIX в.: Кирши Данилова, Киреевского, Рыбникова и Гильфердинга (кроме песни о Вавиле и скоморохах, взятой из Архангельских былин Григорьева). Из собрания Кирши взято девять текстов былин, из Киреевского — три, остальные из Рыбникова и Гильфердинга. Однако ненаучным с точки зрения техники издания былин, установившейся еще со времени печатания Онежских былин Гильфердинга, нужно считать печатание их без указания, от каких сказителей (певцов) они записаны. В сборнике былины, взятые из собраний Рыбникова и Гильфердинга, как удалось установить, принадлежат в некоторых случаях

крупнейшим мастерам былого эпоса (Т. Г. Рябинину, Ник. Прохорову и др.), в других же — сказителям, давшим малохудожественные тексты (Лазареву и др.). Эстетический принцип отбора не применен последовательно и таким образом не обес-печивает показа русского героического эпоса в его лучших образцах.

Перевод с русского на чешский сделан «стих за стихом» (каждый стих перевода соответствует стиху русского оригинала). Учитывая, что в русской народной поэзии каждый стих должен давать самостоятельную мысль, следует признать этот принцип правильным. Самые переводы сделаны достаточно точно — за исключением, отдельных частностей. Так, песня о наезде литовцев начинается так:

Tam v té zemi Paný, v kraji Huláný
dva bratři byli tam, dva Litovci.

Между тем в оригинале мы имеем иной смысл: «На Паневе было, на Уланеве || Жило было два брата, два Ливки». Таким образом семейное прозвище (Ливки) здесь, как и во всем последующем тексте чешского перевода, заменено названием народности (Litovci). Между тем это прозвище (Ливки) с соответствующими видоизменениями (Витвики, Витники) удерживается и в других вариантах этой былины. В переводе былины «Илья а modla-obluda» (Илья и Идолище) пропадают особенности былинного текста, касающиеся описания внешнего вида Идолища («А головище что ведь люто лохалище, || А глазища что пивны чашища, || А нос-то на роже — он с локоть был»):¹

Ják skopek důkladný ja Ježo palice,
a Ježo očiska jak pivni sulenice,
nos pak je dlouhý jistě na loket.

Между тем можно было взять иной вариант этой былины, который — при отсутствии диалектизмов — был бы более легок для перевода без потери своей выразительности.

При сравнении нового чешского издания былин с изданиями их, выполненными в странах Западной Европы в 20—30-х годах, делается очевидным, что рецензируемая книга не может быть признана решительным шагом вперед.

Известны, например, следующие переводы былин: 1) на французский язык — «Les bylines russes». Introduction, traduction et commentaires par L. Jousserand. Paris, 1927 (173 стр.) и 2) на английский язык — «Russian Heroic Poetry», by K. Chadyk. Cambridge, 1932 (294 стр.). Согласно предисловию к французскому переводу былин Жуссеранду, собрание русских былин публикуется во Франции в первый раз; в книге приведено 17 текстов, в том числе 16 былинных (цикл песен об Илье Муромце дан более полно — добавлены сверх включенных в чешский перевод еще два былинных сюжета) и одна историческая песня о Грозном. Переводчик не дает указаний, какие варианты былин и из каких собраний им использованы, но он приводит русскую (скучную) и французскую библиографию изучения былин. По-иному построено английское издание былинных переводов у Chadyk'a, которому принадлежит и позднейшее громадное трехтомное исследование устной поэзии народов всего мира, где большое внимание уделено русскому фольклору. Здесь приводятся 16 былинных текстов (в переводе) на стр. 33—152: четыре — о Вольге, Микule и Святогоре, три — об Илье Муромце и по одному — об Алеше, Добрьне, Чуриле, Дюке, Соловье Будимировиче, Ставре, Василии Буслаевиче и Садке, причем былина об Алеше и здесь дана по варианту Кирши в первой ее части (150 из 340 стихов), и большое число переводов исторических песен (из цикла песен об Иване Грозном, цикла песен о Петре Великом, цикла песен XVIII в. и новейшего периода и др.). Каждый былинный текст здесь сопровожден кратким указанием, от какого сказителя записан текст и в каком собрании он помещен (четыре текста Рябинина, один Кузьмы Романова, три из сборника Кирши Данилова, два Чукова, по одному — Сивцева, Федотова-Дутикова, Антонова, Меньшиковой и т. д.).

Таким образом и с точки зрения издательской техники, не говоря уже о полноте и репрезентативности материала, чешское издание 1946 г. оказывается даже шагом назад по сравнению с другими иностранными изданиями переводов былин. Что же касается выявления идейного содержания былин, то все указанные издания не выдерживают критики. Эти издания искажают характер и направленность русского героического эпоса: у Чадвика выпущен (думаем сознательно) весь цикл песен о Степане Разине, хорошо изученный в советское время и привлекавший к себе внимание и ранее (к Разину проявил большой интерес еще А. С. Пушкин, собираяший песни о нем); в чешском издании дана одна малохарактерная песня этого цикла. В составе былин не приведена песня о Даниле Ловчанине, в которой князь Владимир решается извести своего богатыря и верного слугу, чтобы жениться на его красавице-жене. В чешском издании показ буйного Василия Буслаевича, как мы сказали выше, дается былиной, повествующей, как он ездил молиться, а не другой, лучше рисующей

¹ Песни. собр. Рыбниковым, т. II, М., 1909, 362; Гильфердинг, Онежские былины, изд. Акад. Наук, СПб., 1894, т. I, 328.

его — об его бое с новгородцами. Следует подчеркнуть, что в изданном сборнике былин революционное, преступающее начало русского народа,вшее свое яркое отражение и в традиционном героическом эпосе, оказывается приглушенным.

Если обратиться к объяснительной статье о былинах Перемиловского (стр. 247—262), то она свидетельствует, что автор знает труды новейших советских ученых по изучению былин, например, «Курс русского фольклора» Б. М. Соколова 1929—30 г., знакомился с новейшими изданиями былин, например, с II томом «Былин» Крюковой, но оттуда он черпает только то, что он сам считает ценным, игнорируя остальное. Так, во всей статье былины рассматриваются как остатки старины XI—XII вв.—и только. Статья не касается исторических песен, «низших эпических» песен, былин, сложенных на Севере (например, былины о Рахте Рагнозерском, текст которой, однако, приведен) и, наконец, новейших былин (новин), сложенных в советское время. Раскрытия жизни исторического эпоса на разных этапах его существования в статье нет.

Резкое возражение вызывает утверждение автора статьи, что интерес к фольклору, а также собирание и начало изучения былин обусловлены влиянием немецкой романтической школы в 30-х годах XIX в. В фольклористической науке за последнее десятилетие это обветшалое положение было разбито во многих работах (М. К. Азадовского и других советских фольклористов). Установлено, что интерес к народному творчеству был обусловлен всем ходом исторического развития России в XVIII в. и особенно усилился в связи со сделанными в начале XIX в. научными открытиями и изданиями (Слово о полку Игореве — 1800 г., сборник былин Кирши Данилова — 1804 г.), причем интерес этот питался и рос в условиях патриотического подъема в связи с войнами с Наполеоном, особенно с Отечественной войной 1812 г. Показателем этого интереса в литературе является сочинение эпических поэм Львовым (Добрыня), А. Н. Радищевым (Бова), Радищевым-сыном (Алёша-Попович и Чурило Плелкович), театральных представлений из жизни богатырей — Державичем (Добрыня), Крыловым (Илья богатырь, 1807 г.) и т. д. А Перемиловский ничего не находит сказать о войне 1812 г., как только то, что «Отечественная война 1812 г. со своими всесторонними, большими последствиями заглушила в памяти народа старые песни о пирах Владимира Красное Солнышко, о поездках Ильи Муромца, о неудавшейся женитьбе Алеши Поповича». На чем основаны такие данные автора статьи,— остается совершенно непонятным.

В соответствии с этим В. Перемиловский готов объяснить зарождение русского эпоса воздействием норманнов; недаром при дворе Ярослава Мудрого жили два скальда — Зигварт и Гаральд, место которых позже заступили русские певцы(1) И старейшим героем, воплощенным в русском эпосе, оказывается конунг, завоеватель, пришедший на Русь «для грабежа», князь вещий Олег Норман, прототип Ильи Муромца (Олег — Вольга — Eligas — Илья).

Видя в былинах только остатки старины, В. Перемиловский не интересуется современным их состоянием, совершенно игнорирует вопрос о сказителях, как передатчиках и исполнителях былин, тогда как глубокое и всестороннее изучение этого вопроса — заслуга советской фольклористики.

Повествуя подробно о собирании былин, автор объяснительной статьи говорит о работе ученых в этой области, кочкая Гильфердингом, все же последующее у него сливается в одно целое: он не видит принципиальной разницы между дореволюционной и советской наукой и не желает выделить работы в области фольклористики, произведенные в советское время.

Вполне естественно, что такой подход оставляет В. Перемиловского на позициях фольклористики приблизительно 1915 г., и этим объясняется его отношение к работам советских ученых: он берет у них только новый материал, а новые методы, новое освещение остаются для него книгой за семью печатями. Приходится пожалеть, что изданная книга не дает надлежащего освещения величественного русского эпоса и поэтому не может удовлетворить усиливающийся за рубежом, в частности в Чехословакии, интерес к русскому народному творчеству.

А. Позднеев

НАРОДЫ АФРИКИ

Давид Ливингстон, Путешествия по Южной Африке с 1840 по 1855 г. Редакция проф. Д. С. Баркова, Гос. изд. географ. литературы, М., 1948.

Давид Ливингстон, прославленный исследователь Африки, родился в 1813 г. в городе Блентайре (Шотландия). Отец Ливингстона не был обеспеченным человеком, и десятилетний Давид поступил на ткацкую фабрику. Окончив вечернюю школу, он, не прекращая работы, продолжал свое образование в колледже г. Глазго, упорно занимаясь медицинской и классическими языками. Одновременно изучал богословие. Двадцати семи лет Ливингстон получил диплом врача. Знакомство с Робертом Мофатом (миссионером, много лет проработавшим в Южной Африке) решило судьбу молодого человека. В 1841 г. Ливингстон, член Лондонского миссионерского общества, высадившись на берег Южной Африки, поселился в стране бечуанов в местечке Куру-

ман. Восемь лет он провел среди бечуанских племен баквена и бакхатла, изучая их быт, язык, духовную культуру.

С 1848 г. миссионерская деятельность Ливингстона отходит на второй план. В августе этого года он первым из европейцев достиг озера Нгами, а в 1853 г. предпринял длительное путешествие на север. Экспедиция, поднявшись по верхнему течению Замбези, достигла озера Дилоло и, повернув на запад, вышла к Атлантическому океану, к португальскому городу Сан-Паоло до Лоанда. В 1855 г. неутомимый путешественник решил исследовать бассейн Замбези и найти выход на восток к Индийскому океану. До реки Лоангве экспедиция шла по северному берегу Замбези, в дальнейшем, вплоть до португальского городка Тету, — по правому. Здесь Ливингстон расстался со своими спутниками макололо и, спустившись вниз по реке, отправился в Лондон. Столица Англии восторженно встретила путешественника, открывшего озеро Нгами и тщательно исследовавшего бассейн Замбези от самых ее истоков до устья.

В 1857 г., через год после возвращения Ливингстона на родину, была впервые издана настоящая книга, подводящая итоги первому периоду его деятельности в Африке. В этой книге, кроме географических описаний, Ливингстон отводит значительное место и этнографии. Его наблюдения, отличающиеся точностью и разнообразием, сохранили некоторый научный интерес и в наши дни, воспроизведя далекую картину жизни южных банту до прихода европейцев. Автор описывает сельскохозяйственные работы, охоту, жилище, одежду, способы приготовления пищи и т. д. Целый комплекс сведений по этнографии южноафриканских племен банту дан в доступной форме увлекательного повествования. Особого внимания заслуживают факты, относящиеся к истории этих племен, как, например, облавная охота, в которой принимало участие все племя. С достаточной полнотой охарактеризован социальный строй макололо, общество которых находилось на переходном этапе развития от первобытно-общинных отношений к военной демократии. Во главе племени стоял вождь — военачальник, власть которого ограничивалась постоянно действовавшим советом старейшин и народным собранием. Даже такие вопросы, как распределение доходов от продажи слоновой кости, вождь не решал самостоятельно. «Продавать слоновую кость вождь может только с ведома и одобрения своих советников, и доход с нее должен распределяться на открытом собрании» (стр. 112). Фундамент общества составляли отдельные группы патриархальных семей, владеющие собственными стадами. Макололо, сильные своей военной организацией, покорили ряд земледельческих племен севера. Характерно, что эти племена не только выплачивали дань «орехами, мотыгами, копьями, медом, челнами, веслами, табаком» (стр. 103), но и вынуждены были «оказывать определенные услуги и помогать в обработке земли» (стр. 98). Товарно-денежные отношения находились в заточенном состоянии, и существовавшее имущество еще не привело к эксплоатации. Однако изобилие некоторых продуктов создавало предпосылки для возникновения обмена. Макололо успели познакомиться с европейскими товарами, и желание завязать регулярную торговлю заставило их вождя Секелету искать путь к берегам океана. В этом предприятии Ливингстон «был заинтересован столько же, сколько сам вождь и большинство его людей» (стр. 125). Так родился план путешествия, предложенный Ливингстоном и одобренный вождем макололо. Нашумевшие путешествия Ливингстона были организованы не Англией, а самими макололо. Для этой цели Секелету выделил воинов, снабдил их продовольствием и необходимым снаряжением. Без этой помощи Ливингстон ердя ли добился бы успеха.

Сто лет отделяют нас от событий того времени. Европейские колонии были вкраплены на узкой береговой полосе; европейские державы искали новых рынков для сбыта товаров, прикрывая свои истинные цели надежным забралом борьбы с работоголовлей. Ливингстон, как многие из людей того времени, искренне верил, что развитие «правильной торговли» уничтожит постыдную торговлю людьми, способствуя процветанию Африки. Он не понимал, что в условиях капитализма «правильная торговля» предвещала постепенный захват некогда свободных территорий и установление колониального режима, ведущего к вымиранию и деградации африканских племен.

В своих работах Ливингстон отстаивает идею равенства народов вне зависимости от цвета их кожи. К африканцам он относился, как равный к равному. Для него они были не безликой массой дикарей, а настоящими людьми, смелыми и доверчивыми, верными друзьями в беде, отважными воинами и любящими родителями. Он подчеркивал «остроту и смыслинность», свойственную «всем африканским народам», находил «полное сходство некоторых туземцев с известными европейскими знаменитостями», утверждал, что они «по красивому телосложению и форме черепа могли бы равняться с лучшими из европейцев».

Вызывают недоумение ошибки, допущенные редакцией. В восточной Африке арабы впервые появились в IX в. Местное немусульманское население они презрительно называли «кяфирун» (неверный). Буржуазные этнографы удержали этот термин, относя его к племенам банту Юго-Восточной Африки. Постепенно значение этого термина сузилось, закрепившись за группой племен коса, пондо, тембу финго, которые вместе с другой родственной группой племен — зулу составляют крупное подразделение юго-восточных банту — игуни. Еще Ливингстон заметил, что слово «каф» считается оскорбительным. Зарубежная этнография таку? отказалась от этого

термина. Тем более неуместно употребление его в советском издании. Таким образом, надпись к иллюстрации на стр. 30 — «хижина кафров (племени зулу)» — приводит читателя к полной дезориентации. А это, к сожалению, не единственная ошибка.

Ливингстон всюду и везде выгораживает англичан как поборников идеи равенства рас, как искренних противников рабства и противопоставляет им буров как рабовладельцев. Нам понятно, когда Ливингстон делал такое, ничем не оправданное, противопоставление, но совершенно непонятно, как редактор советского издания повторяет эту грубую ошибку и вслед за Ливингстоном выгораживает англичан. Некритически следуя за Ливингстоном, проф. А. С. Барков пишет, что отрицательные отзывы Ливингстона о бурах «имели основанием то, что они жестоко обращались с неграми и брали их в рабство».

Судьба Ливингстона крайне характерна для положения исследователя в условиях буржуазного общества. Он был, несомненно, гуманистом и искренне верил, что его труды пойдут на службу не только Англии, но и африканским народам. Но объективно он служил только британскому империализму, был использован английским правительством в качестве колониального агента, подготавливающего почву для новых империалистических захватов. Эта сторона деятельности Ливингстона не нашла должного освещения во вступительной статье проф. Баркова.

С. Смирнов

НАРОДЫ АМЕРИКИ

J. Alden Mason, *Costa Rican Stonework*, The Minor C. Keith Collection. (Anthropological Papers of the American Museum of Natural History, v. 39. part 3), New York, 1945, 130 стр., 44 рис., 49 таблиц.

Книга Мэсона является публикацией части коллекции древностей Коста-Рики, собранной в восемидесятых годах прошлого века С. Кэйтром. В настоящее время это собрание, насчитывающее более 16 тысяч предметов, находится в двух музеях: Бруклинском и Музее естественной истории. Это, в сущности, единственная в мире коллекция древностей Коста-Рики, так как другие собрания исчисляются самое большое только в сотнях предметов. В книге опубликованы только предметы из камня (составляющую приблизительно одну восьмую часть всей коллекции); керамике и металлическим изделиям автор предполагает посвятить специальные публикации.

Археологические памятники Коста-Рики особенно интересны тем, что они показывают нам самые разнообразные влияния, начиная от воздействия культуры племен Южной Мексики до воздействия культур племен Панамы и Колумбии. Территория Коста-Рики издавна являлась областью, где два крупнейших центра культур Американского континента (центрально-американская и колумбийско-перуанская) влияли друг на друга. Анализ памятников Коста-Рики показывает, что вывод С. К. Лотропа о том, что эта археологическая территория представляла собой «истинное место встречи между двумя континентами», основанный только на материалах керамики, спрavedлив по отношению ко всему археологическому материалу Коста-Рики в целом. Автор делит территорию Коста-Рики на две археологические зоны: первая, находящаяся к северо-западу от центра, представляет культуру «Чоротега», близкую к культурам племен Никарагуа и Южной Мексики; вторая, развивавшаяся на Центральном плоскогорье, в свою очередь, делится на две ветви: северную — культура «Гуэтар» (поселения: Мерседес, Картиго, Куридабат) и южную — культуры «Кэпо» и «Кото» (поселения: Пасо-Реаль, Лагарто, Буэнос Айрес, Пальмар), близкие к культуре «Чирики» Западной Панамы. Население всех этих местностей говорит на языках, близких языкам Чибча (Колумбия). В книге, в основном, рассматривается материал только второй зоны. Наиболее широко представлены культура «Гуэтар» (около двух третей всех вещей). Остальная часть приходится на культуры «Чоротега», «Кэпо», «Кото» и «Чирики». Предметы, описываемые автором, чрезвычайно разнообразны по своему содержанию.

Следует отметить неудачное составление таблиц. Вещи были сняты по отдельности, а затем на одну таблицу было смонтировано по нескольку фотографий. В результате создается неверное представление о соотношении размеров вещей. При чтении книги чувствуется нежелание автора хотя бы затронуть более широкие вопросы, связанные с издаваемыми вещами, чем их простое описание. Если читатели, захотят узнать из книги Мэсона о культуре Коста-Рики в целом, то его надежды останутся тщетными. Единственное, что он сможет почерпнуть из этой книги, это — классификацию каменных изделий и определение, к каким местным археологическим культурам они принадлежат. Поэтому книга в целом может быть использована только как узкое справочное пособие при изучении археологических памятников Коста-Рики.

Р. Кинжалов

ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ

В связи с просмотром работ советских антропологов на основе итогов дискуссии о положении в биологической науке и с критикой, которую вызвали мои работы прошу редакцию журнала «Советская этнография» опубликовать нижеследующее заявление.

Я полностью признаю, что некоторые мнения, высказанные мной по вопросам теоретической антропологии, требуют пересмотра: в теоретических работах по наследственности у человека я широко применял методы формальной генетики; в статье 1922—1925 гг. развивал теорию отбора в антропологии, что неизбежно привело к выказываниям расистского, по существу, порядка; будучи противником практической программы евгеники (стерилизация и т. п.), я использовал для изучения наследственности у человека «Евгеническое общество» и тем самым поставил себя в ряде евгенического движения, отправляющегося от ошибочных реакционных теорий. С 1927 г., отвергая гипотезу отбора как существенного фактора в изменении типа на поздних стадиях развития человечества и оспаривая некоторые существенные положения морганизма, я все же не выходил из рамок обычных менделевских методов.

Ознакомившись с итогами последней сессии Академии сельскохозяйственных наук им. В. И. Ленина, я должен признать безусловную правильность принципов советского дарвинизма, формулированных академиком Т. Д. Лысенко, научную несостоятельность и идеологическую вредность генной теории наследственности Менделея — Моргана, а вместе с тем и ошибочность исходных положений некоторых моих теоретических работ.

В настоящее время я не могу не высказать сожаления, что разработка теоретических вопросов антропологии, отчасти в связи с перегруженностью конкретными исследованиями в основной области моей научной деятельности — этнической антропологии, морфологии, практической антропометрии — велась мной недостаточно интенсивно. В 1936 г. мне следовало более определенно формулировать высказанное мной мнение об относительном значении анализа распределения признаков в потомстве (менделевского метода) и условности корпускулярной теории наследственности, которая всегда воспринималась мной с большими оговорками (1925 г.). В 1922—1925 гг. нужно было учесть, что в свете грандиозных социальных сдвигов нашей эпохи, тогда уже намечавшихся, разработка евгенических вопросов по существу оказывалась политически вредной, поскольку евгенические теории использовались реакционной буржуазией в попытках создать видимость научного обоснования для своей политической доктрины, а впоследствии стали даже знаменем человеконенавистнического фашизма.

Не могу также не пожалеть, что мой доклад на сессии Биологического факультета Московского государственного университета в июле 1942 г., содержащий развернутую критику расизма, остался неопубликованным.

Надеюсь, что эти разъяснения снимают с меня тяжелое обвинение в солидарности с реакционной идеологией, которой я никогда не разделял, хотя и не сумел противопоставить ей передовые идеи советской науки с той определенностью, с какой я пытался это сделать в исследовании конкретных расовых типов, в учении о физическом развитии и других работах.

Старш. научн. сотр. Ин-та этнографии доктор биолог. наук В. Бунак

СОДЕРЖАНИЕ

С. П. Толстов, В. И. Ленин и актуальные проблемы этнографии (К 25-летию со дня смерти)	3
Вопросы общей этнографии и антропологии	
М. Левин, Я. Рогинский, Н. Чебоксаров. Англо-американский расизм	18
Вопросы этногенеза	
А. Н. Кононов. Опыт анализа термина <i>түрк</i>	40
А. Е. Алихова. К вопросу о буртасах	48
Материалы и исследования по этнографии и антропологии СССР	
В. Кравчинская и П. Ширяева. Частушки Великой Отечественной войны	58
Б. А. Рыбаков. Русские системы мер длины XI—XV веков (Из истории народных знаний)	67
В. В. Бардавелидзе. Земельные владения древнегрузинских святыни	92
Л. П. Потапов. Героический эпос алтайцев	110
Из истории этнографии и антропологии	
Б. И. Богомолов. Борьба В. Г. Белинского за научное собирание и издание народной поэзии	132
Заметки. Сообщения. Рефераты	
С. И. Руденко. Татуировка азиатских эскимосов	149
Г. М. Васиlevich. К вопросу о киданях и тунгусах	155
Хроника	
М. Левин. В. В. Богданов (К 80-летию со дня рождения)	161
Т. А. Жданко. Обсуждение научно-исследовательской работы Института этнографии АН СССР	163
Н. Н. Чебоксаров. Итоги сессии ВАСХНИЛ и советская антропология . .	176
И. Золотаревская. Обсуждение работ М. О. Косвена	183
О. Корбе. Защита диссертаций в Институте этнографии	188
Н. Такоева. Этнографические материалы в краеведческих музеях Дагестанской и Северо-Осетинской АССР	194
О. А. Сухарева. Этнографическая работа Самаркандского музея	198
Д. Лев. Новые пещерные стоянки эпохи палеолита в Узбекистане	200
Personalia	
Е. Бломквист, М. Каменская, В. Фалеева. Л. А. Динцес (Некролог)	203
Г. Дебец. Памяти М. В. Воеводского	208
Критика и библиография	
Критические статьи и обзоры	
Н. А. Бутинов. Современная американская „теоретическая“ этнография . .	212
Общая этнография	
С. А. Токарев. В. И. Равдоникас. История первобытного общества . . .	219
М. Г. Левин. С. И. Руденко. Древняя культура Берингова моря и эскимосская проблема	227
Народы СССР	
И. Симоненко. В. А. Анучин и А. И. Спиридовонов. Закарпатская область	231
В. Соколова. Б. Н. Путилов. Исторические песни на Тереке	233
—. Народное творчество Южного Урала	238
Л. Пушкин, Л. Старцева. И. Г. Парилов. Русский фольклор Нарыма	241
А. Позднеев. Byliny. Prelozil Petr Klicka	243
Народы Африки	
С. Смирнов. Давид Ливингстон. Путешествия по Южной Африке . . .	245
Народы Америки	
Р. Кинжалов. J. Alden Mason. Costa Rican Stonework	247
Письмо в редакцию	248